

63.5 (253)
—
Н-30

НАРОДЫ СИБИРИ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
М. Г. ЛЕВИНА,
Л. П. ПОТАПОВА

01

Библиотека Таймырского
Гос. Национального Университета
3541

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1956 · ЛЕНИНГРАД

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время подавляющее большинство населения Сибири составляют русские. По переписи 1897 г. русских в Сибири было около 4,7 млн чел. (более 80% всего ее населения). В 1926 г. эта цифра возросла до 9 млн чел., а за время, истекшее после переписи 1926 г., количество русского населения в Сибири возросло еще больше.

Современное русское население Сибири сложилось из нескольких групп, различных по своему социальному происхождению и по времени своего переселения в Сибирь.

Русские стали заселять Сибирь с конца XVI в., и уже к концу XVII в. численность русских в Сибири превышала численность ее разноплеменного местного населения.

Первоначально русское население Сибири составляли служилые люди (казаки, стрельцы и др.) и немногочисленные посадские и торговые люди в городах; те же казаки, промышленные люди — охотники и пашенные крестьяне в сельских местностях — в деревнях, землянках и слободах. Пашенные крестьяне и в меньшей степени казаки составили основу русского населения Сибири XVII, XVIII и первой половины XIX в. Главная масса этого старожильческого населения Сибири сосредоточена в районах Тобольска, Верхотурья, Тюмени, в меньшей степени Томска, Енисейска (с Приангарьем) и Красноярска, по Ильму, в верховьях Лены в районах Нерчинска и Иркутска. Более поздний этап проникновения русских в степные области южной Сибири относится к XVIII в. В это время русское население распространяется в степных и лесостепных районах южной Сибири: на Северном Алтае, в Минусинских степях, а также в степях Прибайкалья и Забайкалья.

После реформы 1861 г. миллионы русских крестьян за сравнительно короткий срок переселились в Сибирь. В это время были заселены русскими некоторые районы Алтая, Северного Казахстана, а также вновь присоединенных Приамурья и Приморья.

Постройка железной дороги и рост городов в Сибири в конце XIX и начале XX в. привели к быстрому увеличению русского городского населения.

На всех этапах заселения Сибири русскими они несли с собой культуру более высокую по сравнению с культурой коренного населения. Не только народы Крайнего Севера, но и народы южной Сибири обязаны трудовым массам русских переселенцев распространением более высокой техники в различных отраслях материального производства. Русские

распростирали в Сибири развитые формы земледелия и скотоводства, более совершенные типы жилищ, более культурные бытовые наименования и т. д.

В советскую эпоху индустриализация Сибири, основание новых районов, возникновение промышленных очагов на севере, бурное дорожное строительство, вызвали новый, очень большой приток русского населения в Сибирь и распространение его даже по самым отдаленным районам тайги и тундры.

Помимо русских, в Сибири живут украинцы, белорусы, евреи, (Еврейская автономная область) и представители других национальностей Советского Союза, переселившихся в Сибирь в разное время.

Численно небольшую часть всего населения Сибири составляет ее нерусское местное население, насчитывающее около 800 тыс. человек. Нерусское население Сибири представлено большим количеством разных народностей. Здесь образованы две автономные советские социалистические республики — Бурят-Монгольская и Якутская, три автономные области — Горно-Алтайская, Хакасская, Тувинская и ряд национальных округов и районов. Численность отдельных сибирских народностей различна. Наиболее крупные из них, по данным 1926 г., — якуты (237 222 чел.), буряты (238 058 чел.), алтайцы (50 848 чел.), хакасы (45 870 чел.), тувинцы (62 000 чел.). Большинство же народов Сибири — это так называемые малые народности Севера. Некоторые из них по своей численности не превышают 1000 чел., другие насчитывают по нескольку тысяч. Эта раздробленность и малочисленность коренных народностей северной Сибири отражает те исторические и естественно-географические условия, в которых они формировались и существовали до советской власти. Низкий уровень развития производительных сил, суровые климатические условия, огромные труднопроходимые пространства тайги и тундры, а в последние три столетия и колониальная политика царизма препятствовали здесь образованию крупных этнических групп, консервировали на Крайнем Севере до самой Октябрьской революции наиболее архаичные формы хозяйства, социального строя, культуры и быта. Относительно отсталыми являлись и более крупные народы Сибири, хотя не в такой степени, как малые народности Севера.

Нерусское коренное население Сибири принадлежит по своему языку к различным лингвистическим группам.

Большинство его говорит на тюркских языках. Сюда относятся сибирские татары, алтайцы, шорцы, хакасы, тувинцы, тофалары, якуты и долганы. На языке монгольской группы говорят буряты. Всего на тюркских языках говорит приблизительно 58%, а на монгольском — 27% нерусского населения Сибири.

Следующая по численности языковая группа представлена тунгусо-маньчжурскими языками. Их принято делить на собственно тунгусские, или северные, и маньчжурские, или южные, языки. К собственно тунгусской группе в Сибири относятся языки эвенков, эвенов, ногайцев; к маньчжурской — языки напайцов, ульчей, ороков, орочей, удэгейцев. Всего на тунгусо-маньчжурских языках говорит только около 6% нерусского населения Сибири, но территориально эти языки распространены довольно широко, так как население, говорящее на них, живет разбросано от Енисея до побережья Охотского моря и Берингова пролива.

Тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские языки обычно объединяют в так называемую алтайскую семью языков. У этих языков существует не только сходство в их морфологическом строе (все они агглютивистического типа), но и большие лексические соответствия и общие фонетические закономерности. Тюркские языки близки к монгольским, а монгольские в свою очередь — к тунгусо-маньчжурским.

Народы северо-западной Сибири говорят на самодийских и угорских языках. Угорскими языками являются языки хантов и манси (около 3.1% всего нерусского населения Сибири), а самодийскими языками — языки венцов, иганасанов, энцев и селькупов (всего около 2.6% нерусского населения Сибири). Угорские языки, к числу которых, кроме языков хантов и манси, относится также язык ингиров в Центральной Европе, входят в уgro-финскую группу языков. Уgro-финские и самодийские языки, обнаруживающие известную близость между собой, объединяются лингвистами в уральскую группу языков. В старых классификациях алтайские и уральские языки соединяли обычно в одну урало-алтайскую общность. Хотя морфологически уральские и алтайские языки сходны между собой (агглютинативный строй), такое объединение спорно и не разделяется большинством современных лингвистов.

Языки ряда народов северо-восточной Сибири и Дальнего Востока не могут быть включены в указанные выше большие языковые общности, так как имеют резко отличную структуру, своеобразные черты в фонетике и многие другие особенности. Таковы языки чукчей, коряков, ительменов, юкагиров, нивхов. Если первые три обнаруживают между собой значительную близость, то языки юкагирский и, особенно, нивхский, ничего общего с ними и между собой не имеют.

Все эти языки инкорпорирующие, но инкорпорация (слияние ряда слов-корней в предложение) в этих языках выражена в разной степени. Она в наибольшей степени характерна для чукотского, корякского и ительменского языков, в меньшей степени — для нивхского и юкагирского. В последнем инкорпорация сохраняется лишь в слабой степени и язык в основном характеризуется агглютинативным строем. Фонетике перечисленных языков свойственны звуки, отсутствующие в русском языке. Эти языки (чукотский, корякский, ительменский, нивхский и юкагирский) известны под названием «шалеоазиатских». В данном термине, который был введен в литературу впервые академиком Л. Шренком, правильно подчеркивается древность этих языков, их пережиточный на территории Сибири характер. Можно предполагать более широкое в прошлом распространение этих древних языков на данной территории. В настоящее время на палеоазиатских языках говорит около 3% нерусского населения Сибири.

Самостоятельное место среди языков Сибири занимают языки эскимосский и алеутский. Они близки друг другу, характеризуются преобладанием агглютинации и отличаются от языка территориально близких им северо-восточных палеоазиатов.

И, наконец, язык кетов, небольшого народа, живущего по среднему течению Енисея в Туруханском и Яриевском районах Красноярского края, стоит совершенно изолировано среди языков северной Азии, и вопрос о его месте в лингвистической классификации остается до настоящего времени нерешенным. Его отличает присутствие, наряду с агглютинацией, и флексии, различие категорий одушевленных и неодушевленных предметов, различие женского и мужского рода для одушевленных предметов, чего нет во всех других языках Сибири.

На этих обособленных языках (кетском и эскимосском с алеутским) говорят 0.3% нерусского населения Сибири.

В задачу настоящей работы не входит рассмотрение сложных и недостаточно выясненных подробностей конкретной истории отдельных языковых групп, выяснение времени формирования и путей их распространения. Но следует упомянуть, например, на более широкое в прошлом распространение в южной Сибири языков, близких к современному кетскому (языки арипов, ботлов, всанов), и также на широкое распространение

вение еще в XVII в. языков, близких к юкагирскому, в бассейнах Лены, Яны, Индигирки, Колымы и Анадыря. В Саянском нагорье еще в XVIII—XIX вв. ряд этнических групп говорил на самодийских языках. Имеются основания предполагать, что из этого горного района шло распространение самодийских языков на север, где этим языкам предшествовали палеоазиатские языки древних аборигенов северо-западной Сибири. Можно проследить постепенное заселение Восточной Сибири тунгусо-маньчжурскими племенами и поглощение ими мелких палеоазиатских групп. Следует отметить также постепенное распространение тюркских языков среди самодийских и кетоизычных групп в южной Сибири и якутского языка в северной Сибири.

Со времени включения Сибири в состав Русского государства все более широкое распространение получал русский язык. Новые понятия, связанные с проникновением к народам Сибири русской культуры, были усвоены ими на русском языке, и русские слова прочно вошли в лексику всех народов Сибири. В настоящее время влияние русского языка, являющегося языком общения всех народов Советского Союза, оказывается все с большей силой.

В историко-культурном отношении огромную территорию Сибири можно было в недавнем прошлом разделить на две большие области: южную — область древнего скотоводства и земледелия и северную — область промыслового охотничьего-рыболовецкого хозяйства и оленеводства. Границы этих областей не совпадали с географическими границами ландшафтных зон.

Данные археологии рисуют нам различные исторические судьбы этих двух областей уже с глубокой древности. Территория южной Сибири была заселена человеком уже в эпоху верхнего палеолита. В дальнейшем эта территория являлась областью древней, сравнительно высокой культуры, входила в состав различных государственно-политических временных объединений тюрков и монголов.

Развитие же народов северных районов протекало по-иному. Суровые климатические условия, трудно проходимые пространства тайги в тундра, малопригодные для развития здесь скотоводства и земледелия, отдаленность от культурных областей южных районов — все это задерживало развитие производительных сил, способствовало разобщенности отдельных народностей Севера и консервации у них архаических форм культуры и быта. В то время как в южную область Сибири входят сравнительно крупные народы (буряты, хакасы, алтайцы, западносибирские татары), по языку и культуре тесно связанные с монгольскими и тюркскими народами других областей, северная область заселена рядом малых по численности народов, язык и культура которых занимают в значительной степени обособленное положение.

Однако было бы неправильно рассматривать население Севера в полном отрыве от южных культурных центров. Археологические материалы, начиная от самых древних, свидетельствуют о постоянных хозяйственных связях населения северных территорий с населением южных и Запада. Драгоценные меха Севера уже очень рано начинают поступать на рынки не только Китая, но и Индии и Средней Азии. Последние в свою очередь оказывают влияние на развитие Сибири. Народы Севера не остаются в стороне и от влияния мировых религий. Следует особо упомянуть устанавливавшиеся между населением западной Сибири и восточной Европы.

Исторические события в южных районах Сибири — движение гуннов, образование тюркского каганата, походы Чингис-хана и др. не могли

не отразиться на этнографической карте Крайнего Севера, и многие, пока еще недостаточно изученные, этнические перемещения народов Севера в различные эпохи представляют собой часто отраженные волны тех исторических бурь, которые разыгрывались далеко на юге.

Все эти сложные отношения необходимо постоянно иметь в виду при рассмотрении этнических проблем северной Азии.

У коренного населения южной Сибири ко времени прихода сюда русских господствовало кочевое скотоводческое хозяйство. У многих этнических групп существовало там и земледелие очень древнего происхождения, но палось оно в тот период в очень небольших масштабах и имело значение лишь вспомогательной отрасли хозяйства. Только в дальнейшем, главным образом в течение XIX в., кочевое скотоводческое хозяйство у народов южной Сибири под влиянием более высокой русской культуры стало сменяться оседлым земледельческо-скотоводческим хозяйством. Однако в ряде районов (у бурят Агинского ведомства, теленгитов Горного Алтая и др.) кочевое скотоводческое хозяйство сохранялось вплоть до периода социалистической реконструкции.

Скотоводами были ко времени прихода русских в Сибирь и якуты в северной Сибири. Хозяйство якутов, несмотря на их относительное северное расселение, представляло собой перенесенный на север, в реликтовую лесостепь Амгинско-Ленского района, хозяйственный тип степного юга Сибири.

Население северной Сибири, Амура и Сахалина, а также и некоторых отсталых районов южной Сибири (тофалары, тувинцы-тоджиинцы, шорцы, некоторые группы алтайцев) вплоть до Октябрьской социалистической революции находились на более низком уровне развития. Культура населения северной Сибири развивалась на основе охотничье-рыболовецкого и оленеводческого хозяйства.

Охота, рыболовство и оленеводство — эта «северная триада» — определяли до недавнего времени весь хозяйственный облик так называемых малых народов Севера на огромных пространствах тайги и тундры, дополняясь на морских побережьях зверобойным промыслом.

Северное промысловое хозяйство, являясь в основе своей комплексным, сочетающим, как правило, охоту, рыболовство и оленеводство, позволяет все же выделить в нем, по преобладанию той или иной отрасли, несколько типов.

Различные способы добывания средств к жизни, различия в степени развития производительных сил отдельных сибирских народов были обусловлены всей их предшествующей историей. Сказывались также и различные естественно-географические условия, в которых складывались или в которых оказались в результате переселений те или иные племена. Здесь необходимо, в частности, учитывать, что некоторые этнические элементы, вошедшие в состав современных сибирских народов, попали в суровые естественно-географические условия северной Сибири очень рано, находясь еще на низком уровне развития производительных сил, и имели мало возможностей для своего дальнейшего прогресса. Другие народы и племена пришли в северную Сибирь позже, находясь уже на более высоком уровне развития производительных сил, и смогли поэтому, даже в условиях северных лесов и тундр, создать и развивать более совершенные способы добывания средств к жизни и вместе с этим развить более высокие формы социальной организации, материальной и духовной культуры.

Среди народов Сибири по преобладающему их занятию в прошлом можно различать следующие группы: 1) пешие (т. е. не имевшие ни транспортных олешей, ни упряженных собак) охотники-рыболовы тайги и лесостепи.

тундры; 2) оседлые рыболовы в бассейнах больших рек и озер; 3) оседлые охотники за морским зверем на побережьях арктических морей; 4) кочевые таежные оленеводы-охотники и рыболовы; 5) кочевые оленеводы тундры и лесотундры; 6) скотоводы степей и лесостепей.

Первый из указанных типов хозяйства, характерный для неших охотников-рыболовов, даже по самым старым этнографическим материалам прослеживается в различных частях обширной лесной и лесотундровой зоны лишь в виде реликтов и всегда с заметным влиянием более развитых типов. Наиболее полно черты рассматриваемого типа хозяйства были представлены у так называемых пеших эвенков различных районов Сибири, у орочей, удэгейцев, отдельных групп юкагиров и кетов и селькупов, частично у хантов и манси, а также у шорцев. В хозяйстве этих таежных охотников и рыболовов очень большое значение имела охота на мясного зверя (лося, оленя), сочетавшаяся с рыболовством в таежных реках и озерах, которое в летние и осенние месяцы выдвигалось на первый план, а зимой существовало в виде подледного лова. Этот тип выступает перед нами как менее специализированный в определенной отрасли хозяйства по сравнению с другими хозяйственными типами Севера. Характерным элементом культуры этих безосенних охотников-рыболовов была ручная нарта — легкие парты тащили сами люди, или на лыжах, и подрягая иногда в помощь себе охотничью собаку.

Оседлые рыболовы жили в бассейнах рр. Амура и Оби. Рыболовство являлось основным источником существования в течение всего года, охота имела здесь лишь вспомогательное значение. Ездили на собаках, которых кормили рыбой. С развитием рыболовства был связан издавна оседлый образ жизни. Этот хозяйственный тип был характерен для нивхов, напайцев, ульчей, ительменов, хантов, части селькупов, приобских манси.

У арктических охотников (оседлых чукчей, эскимосов, отчасти оседлых коряков) хозяйство было основано на добыче морского зверя (моржа, тюлена и т. д.). У них также было распространено упряжное собачеводство. Охота на морского зверя обусловила оседлый образ жизни, но, в отличие от рыболовов, арктические охотники селились не па берегах рек, а на побережьях северных морей.

Наиболее широко распространенный тип хозяйства в таежной полосе Сибири представлен у таежных оленеводов-охотников и рыболовов. В отличие от оседлых рыболовов и арктических охотников они вели кочевой образ жизни, что накладывало отпечаток на весь их бытовой уклад. Олени использовались главным образом для транспорта (под седло и под выюк). Стада оленей были невелики. Этот хозяйственный тип был распространен среди эвенков, эвенеев, долган, тофаларов, главным образом в лесах и лесотундрах Восточной Сибири, от Енисея до Охотского моря, во частью и к западу от Енисея (лесные ненцы, северные селькупы, оленные кеты).

Кочевые оленеводы в зоне тундры и лесотундры выработали особый тип хозяйства, в котором оленеводство служило основным источником существования. Охота и рыболовство, а также морской зверобойный промысел имели у них лишь вспомогательное значение, в иногда и совсем отсутствовали. Олени служили транспортным животным, а мясо их являлось основным продуктом питания. Оленеводы тундры вели кочевой образ жизни, передвигаясь на олених, запрягаемых в парты. Типичными тундроными оленеводами являлись ненцы, оленные чукчи и коряки.

Основой хозяйства скотоводов степей и лесостепей явилось разведение крупного рогатого скота и лошадей (у якутов), либо крупного рогатого

скота, лошадей и овец (у алтайцев, хакасов, тувинцев, бурят, сибирских татар). Земледелие издавна существовало у всех этих народов, за исключением якутов, в качестве подсобной отрасли. У якутов земледелие появилось только под русским влиянием. Все эти народы занимались частично охотой и рыболовством. Образ жизни в более отдаленном прошлом был у них кочевой и полукочевой, но уже до революции, под влиянием русских, часть их (сибирские татары, западные буряты и др.) перешла к оседлости.

Наряду с указанными основными типами хозяйства у ряда народов Сибири были переходные. Так, шорцы и северные алтайцы представляли охотников с зачатками оседлого скотоводства; юкагиры, иганасаны, энцы в прошлом совмещали (кочуя в тундре) оленеводство с охотой как главным занятием. Смешанный характер носило хозяйство значительной части манси и хантов.

Отмеченные выше хозяйствственные типы, при всех различиях между ними, отражали в целом низкий уровень развития производительных сил, господствовавший до социалистической реконструкции хозяйства у народов Сибири. Этому соответствовали и существовавшие здесь до недавнего времени архаические формы социальной организации. Находясь на протяжении почти трех столетий в составе Русского государства, племена и народности Сибири не оставались, конечно, вне влияния феодальных и капиталистических отношений. Но в целом эти отношения были развиты здесь слабо, и именно здесь в наибольшей полноте, по сравнению с другими народами царской России, сохранились пережитки докапиталистических укладов; в частности у ряда народов Севера весьма отчетливо выступали пережитки первобытно-общинного родового строя. У большинства народов Севера, а также у некоторых племен северного Алтая (кумандицы, челкачи) и у шорцев господствовали различные по степени зрелости формы патриархально-родового строя и наблюдались своеобразные формы территориальной общины. На ступени раннеклассовых патриархально-феодальных отношений находились скотоводческие народы: якуты, буряты, тувинцы, енисейские киргизы, южные алтайцы, включая телеутов, а также забайкальские эвенки-коневоды. Феодальные отношения более развитого типа были у сибирских татар.

Элементы социальной дифференциации существовали уже повсюду, но в различной степени. Патриархальное рабство, например, было распространено довольно широко. Особенно ясно была выражена сопротивляющая дифференциация у оленеводов, где олени стада создавали базу для накопления богатства в отдельных хозяйствах и тем самым обусловливали все более увеличивающееся неравенство. В меньшей степени такая дифференциация имела место у охотников и рыболовов. В развитом рыболовецком хозяйстве и в хозяйстве морских зверобоев имущественное неравенство возникало на почве владения орудиями лова — лодками, снастями — и тоже сопровождалось различными формами патриархального рабства.

Разложение родовой общины как экономической единицы подрывало общинные начала в производстве и потреблении. На смену родовым коллективам появлялись соседские общины, территориальные объединения хозяйств, связанных совместным промыслом на сухопутного и морского зверя, совместной ловлей рыбы, совместным выпасом оленей, совместным кочеванием. Эти территориальные общины сохранили многие черты колLECTИВИЗМА и в распределении. Иirkim образом этих пережитков являлся обычай *шимат* у эвенков, по которому мясо убитого зверя распределялось между всеми хозяйствами стойбища. Несмотря на далеко зашедший процесс разложения первобытно-общинного строя, у охот-

ников, рыболовов и скотоводов Сибири сохранились пережитки восьмирачных материнско-родовых отношений.

Вопрос о наличии в прошлом у народов Севера рода, основанныго на материнском праве, имеет большое методологическое значение. Как известно, так называемая культурно-историческая школа в этнографии вопреки очевидности выступила с теорией, согласно которой матриархат и патриархат представляют собой не последовательные этапы в истории общества, а локальные варианты, связанные с определенными «культурными кругами» и свойственные только определенным областям. Эта концепция полностью опровергается конкретными фактами из истории народов Сибири.

Мы находим здесь в той или иной степени следы материнского рода, отражающие определенную стадию в общественном развитии этих народов. Эти пережитки обнаруживаются в следах матрилокального брака (переселение мужа в семью жены), в авункулате (особая роль дяди с материнской стороны), во многих различных обычаях и обрядах, свидетельствующих о наличии матриархата в прошлом.

Проблема материнского рода связана с вопросом о дуальной организации как одной из древнейших форм родоплеменного строя. Этот вопрос в отношении северных народов был впервые поставлен и в основном разрешен советской этнографией. Советскими этнографами собран значительный материал, свидетельствующий о пережитках дуальной организации у различных народов северной Сибири. Таковы, например, данные о фратриях у хантов и манси, у кетов и селькупов, у юнцев, эвенков, ульчей и др.

К началу XX в. у наиболее развитых народностей южной Сибири (южных алтайцев, хакасов, бурят, сибирских татар) и у якутов зародились капиталистические отношения, тогда как у других, особенно у малых народов Севера, сохранились патриархальные отношения и свойственные им примитивные формы эксплуатации. У алтайцев, бурят, якутов уже существовали феодальные отношения, причудливо переплетавшиеся с патриархально-родовыми, с одной стороны, и зародышами капиталистических, с другой.

Изучение этих различий не только представляет теоретический интерес для историка и этнографа — оно имеет большое практическое значение в связи с задачами социалистической реконструкции хозяйства, культуры и быта народов Сибири. Выполнение этих задач требовало конкретного учета всех особенностей национального быта и общественного уклада отдельных народов.

Создание в 1931—1932 гг. кочевых и сельских советов, районных и национальных округов, построенных по территориальному принципу, окончательно подорвало значение в социальной жизни народов Севера их прежней родоплеменной организации и тех социальных элементов, которые ее возглавляли.

В настоящее время основной местной единицей советских органов власти у народов Севера стал сельский совет, а основной хозяйственной единицей — посеместно колхоз. Иногда в кочевые и сельские советы входит несколько колхозов, иногда все население сельского или кочевого совета объединено в один колхоз.

Колхозы организованы в большинстве случаев на основе устава сельскохозяйственной артели, но в некоторых районах и на основе устава рыболовецких артелей.

Как правило, в национальном отношении колхозы обычно включают людей одной народности, однако в районах со смешанным населением встречаются и даже преобладают колхозы смешанного национального

состава: коми-пермяцкие, ингерманландские, зенецко-пермяцкие, юкагиро-зенецкие, икутско-советами, все население которых принадлежит к одной народности, имеются советы, включающие две и три народности. Это ведет к полному разрыву с прошлыми родоплеменными традициями.

Необходимо также отметить, что везде в Сибири, даже в северных национальных округах, много русского населения; русские входят в те же районы, сельские советы и колхозы, в которые объединено и коренное население. Это сближение и совместная жизнь с русскими являются важными факторами культурного и хозяйственного подъема народов Сибири.

Социалистическое строительство у народов Сибири первоначально было затруднено общей культурной отсталостью. Понадобилась огромная массовая политico-просветительская работа для того, чтобы преодолеть, например, отсталую религиозную идеологию.

Почти все народы Сибири, за исключением восточных бурят, у которых был распространен ламаизм, чукчей, части коряков, иганасанов и восточных ненцев, остававшихся вне сферы влияния православной церкви, формально числились православными. Но все они до недавнего времени сохраняли свои древние религиозные представления и культы.

Дохристианские религии народов Сибири обычно в целом определяются понятием шаманизма. В Сибири шаманизм имел очень широкое распространение, выступал в особенно ярких формах и был связан с определенными внешними атрибутами (шаманские бубны и костюмы). Шаманизм в Сибири далеко не представлял собой однородного комплекса верований и культов. Можно выделить несколько типов его, отражающих различные стадии развития: от более древних семейно-родовых форм до развитого профессионального шаманства.

Внешние атрибуты шаманизма также были неодинаковы. По форме бубна, покрою костюма и головному убору шамана различаются несколько типов, в известной степени характерных для определенных областей. Эта сторона шаманизма представляет большой научный интерес не только для понимания социальной роли и происхождения самого шаманства, но и для изучения историко-культурных взаимоотношений между отдельными народами. Изучение этих взаимоотношений, как показали работы советских ученых, проливает свет на некоторые вопросы происхождения и этнических связей народов северной Азии.

Шаманизм сыграл чрезвычайно отрицательную роль в истории народов Сибири.

Почти у всех народов Сибири шаманы превратились к началу XX в. в настоящих профессионалов, совершающих свои обряды, как правило, по заказу и за вознаграждение. По своему положению, характеру деятельности и интересам шаманы были целиком связаны с эксплуататорской верхушкой коренного населения. Они приносили экономический вред населению, требуя постоянных кровавых жертвоприношений, умерщвления необходимых охотнику собак, оленей и другого скота.

После установления советской власти шаманы, почувствовав, что новая жизнь наносит смертельный удар существованию паразитических групп и в том числе их собственному, начали ожесточенную борьбу против советских органов и их мероприятий: постройки школ, детских яслей, больниц, родильных домов, красных чумов, клубов и т. д. На первых порах были случаи, когда под влиянием шаманской агитации население не отдавало детей в школы, отказывалось от медицинской помощи в больницах, не желало вступать в колхозы. Бессспорно, остановить новую жизнь шаманы и прочие эксплуататоры не могли, и их авторитета хватило

невадолго, но все же их реакционная агитация сыграла свою вредную роль.

У народов Сибири были распространены различные анимистические представления, существовал культ, связанный с духами — «хозяевами» отдельных явлений природы, бытовали различные формы родового культа. Но у всех народов эти культы входили в сферу действий шамана.

Вопреки высказывавшемуся в литературе мнению об отсутствии в Сибири следов тотемизма, пережитки его обнаруживаются едва ли не у всех сибирских народов. Примеры этого читатель найдет в главах, посвященных отдельным народам. К тотемизму восходит и культ медведя, имевший в Сибири почти повсеместное распространение.

Культ медведя выступал в двух формах: во-первых, в виде обрядов, связанных с убитым на охоте медведем, во-вторых, в виде особого ритуала воспитываемых в неволе и потом в определенное время ритуально убиваемых медвежат. Вторая форма была ограничена определенной областью — Сахалином и Амуром (айны, нивхи, ульчи, орохи). Обычай содержания в неволе почитаемого животного с последующим его ритуальным убиением уводит нас далеко на юг, куда ведут и некоторые другие элементы в культуре айнов.

Общесибирская форма почитания медведя восходит, повидимому, к тотемизму древних таежных охотников и рыболовов Сибири, к тому хозяйственно-культурному комплексу, который выступает еще в неолите таежной полосы.

Духовная культура народов Сибири не ограничивалась, разумеется, только образами и понятиями религиозного сознания, хотя низкий уровень развития производительных сил обусловил отсталость духовной культуры. Различные виды народных практических занятий и народного творчества убедительно говорят об этом.

Почти каждая этническая группа обладает своеобразными фольклорными произведениями, разнообразие которых находит свое объяснение в различии исторических судеб, в различном происхождении этих народов.

Очень большое влияние на фольклор народов Севера оказало устное творчество русского народа. Русские сказки, иногда несколько видоизмененные в силу местных условий, а иногда почти без всяких изменений, составляют значительную часть фольклорного богатства большинства народов Севера, и часто наиболее популярную.

За годы советского строительства у народов Сибири появилась новая произведения народно-поэтического творчества на темы о колхозной жизни, о Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., о Ленине и Коммунистической партии.

Богато и разнообразно изобразительное искусство народов Сибири. Здесь необходимо отметить украшения шитьем и аппликацией на одежду, способов орнаментации), аппликации из кусочков кожи, шнуры и ткани, вышивка шелком и шитье бисером.

Народы Сибири добились больших успехов в создании орнаментальных мотивов, подборе цветов, инкрустации и резьбе по металлу.

Особой областью прикладного изобразительного искусства являются металлом на бытовых предметах — настольных деталях оловянной утвари, применение и в украшении орнаментом берестяной посуды, распорядительном главным образом в лесных районах (преимущественно в бассейне

Оби). Следует отметить также резьбу по дереву — украшение резьбой деревянной посуды и утвари, получившее наибольшее развитие в Примурье.

Изучение всех видов искусства народов Сибири имеет не только исторический интерес и значение. Изучение его в советских условиях должно помочь поднять это искусство на еще более высокую ступень, помочь сделать его составной частью социалистической культуры народов Сибири.

Большая Октябрьская социалистическая революция застала в Сибири довольно пеструю картину общественноэкономического развития переселенного населения, начиная от различных стадий разложения первобытнообщинного строя и кончая зародышами капиталистических отношений. Местное население было разнозыично, малочисленно, разбросано на огромных пространствах, чаще мелкими родовыми и племенными группами (особенно в северной части Сибири). Эти мелкие племена и народности (ханты, манси, энцы, игаиасаны, селькупы, эвенки, орохи, ороки и многие другие) занимались главным образом охотой и рыболовством, частично оленеводством. Как правило, они жили замкнутой примитивной жизнью, говорили на своих местных языках и диалектах и не имели своей письменности и литературы. В условиях национальной политики царизма процесс исторического развития их протекал крайне медленно, ибо царская политика тормозила его, консервировала родоплеменную раздробленность и разобщенность.

Наряду с мелкими родоплеменными группами в Сибири имелись и вполне сложившиеся народности с хорошо выраженным классовым составом населения, с более развитым хозяйством и культурой, например якуты, буряты, тувинцы, хакасы, южные алтайцы и др.

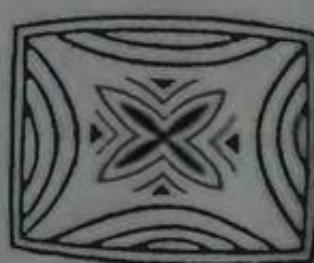
Необходимо отметить, что родоплеменные группы и народности Сибири в условиях царизма не оставались неизменными. Многие из них как бы находились в переходном состоянии, т. е. частично ассимилировались, частично развивались. Такие народности, как якуты, буряты, хакасы, развивались не только за счет собственного естественного прироста населения, но и за счет ассимиляции в их среде различных меньшинств, например тунгусоязычных, самодийскоязычных родоплеменных групп. Наблюдался процесс слияния некоторых мелких групп с русскими, например котов, камасинцев в бывшем Капском, кумандинцев и телсугов в Бийском уездах и т. д. Таким образом, с одной стороны, шел процесс консолидации родоплеменных групп в народности, с другой — дробление и ассимиляция их. Указанный процесс протекал до революции в весьма медленном темпе.

Советский государственный строй открыл новую эру в истории племен и народностей Сибири. Коммунистическая партия поставила задачу привлечь запоздалые в своем развитии племена и народности бывшей царской России в общее русло более высокой культуры советского народа. Партия широко привлекла силы русского рабочего класса к работе по ликвидации многовековой политической, экономической и культурной отсталости среди сибирских племен и народностей. В результате пристрастных мер среди отсталых племен и народностей Сибири началось социалистическое строительство.

В условиях советского государственного строя, национальной политики Коммунистической партии, подавляющее большинство переселенного населения Сибири получило специальную форму государственного устройства в виде административной (для автономных областей, национальных округов и районов) или политической (для автономных республик) автономии. Это способствовало развитию и укреплению его экономической

жизни, росту культуры, а также национальной интеграции. В Сибири до сего времени, параллельно с такими, относительно крупными, народностями, как якуты и буряты, исчисляющимися сотнями тысяч, живут мелкие народности, насчитывающие всего лишь по несколько тысяч и даже по несколько сотен человек.

Благодари особенному вниманию и заботе Советского правительства и Коммунистической партии, они постепенно ликвидируют свою этническую и культурную отсталость и приобщаются к социалистической культуре. Однако им еще много нужно сделать на пути экономического и культурного развития. Глубокая хозяйственная и культурная отсталость, малочисленность и раздробленность, доставшиеся в наследство от дореволюционного периода их истории, создают много различных трудностей для дальнейшего развития и в условиях социалистического строя. Хозяйственное и культурное строительство у таких народностей требует весьма внимательного учета их исторического прошлого, специфики культуры и быта, специфики географических условий, в которых они живут. Эти малые народности, обладая многовековым опытом жизни в суровых условиях севера, являются непревзойденными охотниками и оленеводами, знающими местные природные условия. Никто, кроме них, не сможет так хорошо и равномерно использовать природные богатства огромных таежных и тундровых пространств путем развития охоты и оленеводства. Вполне очевидно поэтому, что хозяйственное и культурное строительство у этих народов носит своеобразные черты. Внимательное изучение этого своеобразия поможет быстрее завершить процесс окончательного присоединения народов Сибири к сокровищам социалистической культуры советского народа и в свою очередь передать огромные богатства дальних сибирских окраин на дело социалистического строительства всего государства.

ДРЕВНЕЕ НАСЕЛЕНИЕ СИБИРИ И ЕГО КУЛЬТУРА

ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ЗАСЕЛЕНИЕ СИБИРИ ЧЕЛОВЕКОМ

Найболее ранними остатками человека и его культуры в ближайших к Сибири областях Европы и Азии являются находки в заполнении древних пещер на возвышенностях Чжоу-коу-дун в Северном Китае, вблизи Пекина. Синантропы, обитавшие там, имели резко выраженные обезьяноподобные черты. В то время из древних теплолюбивых животных жили саблезубый тигр-махайрод, носорог Мерка, впоследствии вымершие.

Синантроп пользовался огнем и выделывал каменные орудия, по уровню технического оформления близкие к ашельским изделиям эндиаплеолитического времени. К тому же отдаленному времени могут быть отнесены грубые каменные изделия из расколотых поперек речных галек, найденные на высотах Тянь-Шаня в Киргизии, на р. Он-Арча, по пути от оз. Иссык-Куль к Нарыну.

В более позднее, мустырское, время в Европе и Азии продолжали существовать виды животных предшествующего времени, но варяду с ними впервые появляются представители той фауны, распространение которой было связано с прогрессирующим похолоданием, с общим ухудшением климатических условий, чем и характеризуется, в сущности, все последующее время — до конца ледникового периода.

К мустырскому времени относятся изделия человеческих рук и остатки человека неандертальского типа, обнаруженные в гроте Теплик-Таш в юго-западном Узбекистане, в пещере Амир-Темир, а также находки в пещере Аман-Кутай около Самарканда, в ряде пунктов на Красноводском полуострове, в нижней части долины Узбон и в бассейне р. Сыр-Дарьи около Ленинабада и Науката.

Мустырским временем датируется, по-видимому, также каменный остроконечник двусторонней обработки, найденный М. В. Талицким на р. Чусовой.

Очень интересны также грубые массивные отщепы и остроконечники, обнаруженные в древних глыбинах около аула Канай на Иртыше в северо-западном Казахстане. Они имеют настолько архаический вид, что могут быть по типологическим признакам отнесены к време-

предшествующему верхнему палеолиту. Это все, чем мы располагаем сейчас для древнейших этапов человеческой истории в близлежащих к Сибири областях восточной Европы, Средней и Центральной Азии.

На территории Сибири также зарегистрированы остатки древней теплолюбивой фауны, которая сопутствует древнейшим людям — человеку нижнего и среднего палеолита. Таковы остатки древнего ската — трогонтерия, носорога Мерка, эласмотерия в песках у Навлодара и тарко-кобого оленя в галечниках второй надпойменной террасы из Иртыша в Тобольском округе, которые относятся к так называемому тиранскийскому комплексу ископаемой фауны. Последнему, позднемустьерскому временим принадлежат остатки животных, образующие «хазарский» фаунистический комплекс, распространенный на громадной территории восточной Европы, северной и Средней Азии и занимающий, в общих чертах, пространство между 45 и 60° с. ш., на востоке до пределов Забайкалья, а на западе до Британских островов и Франции исключительно.

И все же, несмотря на эти факты, свидетельствующие, что природные условия Сибири и советского Дальнего Востока были достаточно благоприятны для существования древнейших людей нижнего и среднего палеолита, бесспорных следов их деятельности здесь пока еще не обнаружено. Вопрос о существовании древнейшего человека в Сибири остается еще до сих пор нерешенным. Вполне вероятно, что обширные пространства, лежащие к востоку от Урала, в это далекое время, когда первобытное человечество проходило первые этапы своего развития, оставались еще безлюдными.

Вероятность этого предположения подтверждается также и тем, что на территории Сибири не найдено пока никаких признаков наличия древних человекообразных обезьян, а первые обезьяноподобные должны были первоначально держаться в определенной, более или менее ограниченной области своего расселения, где существовали наиболее благоприятные для них природные условия.

Распространение древнейшего человека на север и восток Азии встретило затем очень серьезное препятствие в виде наступившего в начале четвертичного периода резкого ухудшения климата и похолодания, с которым связан был ледниковый период.

Во время наибольшего распространения ледников, совпадающего с мустерьским временем (рисский этап ледниковой эпохи), как полагают геологи, существовал также и грандиозный водный барьер, отделивший Европу от северной Азии. Он образовался в результате того, что воды великих сибирских рек были подняты ледниками, доходившими на западе почти до 60° с. ш., и образовали пролив, соединявший Аравийское море с Каспийским бассейном. В результате этого огромная территория нынешней Западно-Сибирской шиаменисти оказалась под водой. Ледники сползали с горных систем Алтая и Саян. Для освоения Сибири человеком древнекаменного периода нужно было, чтобы эти природные препятствия исчезли. Потребовалась, кроме того, новая перестройка всей жизни и культуры древнейшего человечества, чтобы оно смогло, наконец, выйти за пределы своего первоначального расселения и достичь новые, более совершенные, чем в среднем палеолите, способы охоты и соответствующая охотничья техника, чтобы люди научились строить запасать пищу на зиму. Нужно было, наконец, чтобы люди покинули настоящую шкуру одежду, которая позволяла бы им находиться в любое время вне своих жилищ и свободно заниматься охотой на животных.

Все это стало возможным только в конце палеолитического времени, в верхнем палеолите археологической периодизации, т. е. не ранее 40—30 тыс. лет тому назад.

Не удивительно поэтому, что древнейшие бесспорные следы человека в северной Азии, известные в настоящее время, относятся к довольно позднему на фоне всемирной истории человечества этапу. Это был последний, вюрмский по принятой у геологов терминологии, период ледниковой эпохи. Это было время, когда еще полностью сохранялся своеобразный смешанный животный мир этой эпохи, когда вместе с представителями типично арктической фауны: иссцами, леммингами, мускусным быком и белой полярной куропаткой, не говоря уже о северном олене, в обширных пространствах восточной Европы и северной Азии жили мамонт и шерстистый носорог.

На востоке Европы тогда заканчивался орильско-солютрейский этап палеолита и начинался новый, мадленский. Этим временем и датируются наиболее ранние, известные сейчас палеолитические памятники Сибири. Верхнепалеолитические местонахождения достаточно многочисленны (около 150 стоянок). Располагаются они почти все в долинах крупных рек. Можно выделить три основные, сравнительно узкие, области распространения верхнепалеолитических стоянок в Сибири: верховья Оби (с центром у нынешнего г. Бийска), верхнее течение Енисея (от Минусинска до Красноярска) и область вокруг Байкала (Ангары с ее притоком Белой, Иркут, Селенга, Онон, верховья Лены). На Лене палеолитические стоянки, открытые в последние годы, доходят до 61° с. ш., что является крайним, известным до настоящего времени северным пределом распространения палеолитического человека не только в Сибири, но и вообще на земле.

Самым ранним по возрасту является найденное в 1871 г. первое палеолитическое поселение, исследованное русскими учеными, стоянка у Военного госпиталя в Иркутске.

Судя по найденным там резным изделиям из бивня мамонта (в том числе крупным кольцам) и орнаментированным поделкам, а также лавровистым наконечникам из камня, палеолитическое поселение у Военного госпиталя относится к концу солютреинского времени.

В 1928 и 1936 гг. на Ангаре были обнаружены еще два палеолитических памятника, пользующихся широкой известностью в науке,— Мальта и Буреть. Оба эти поселения принадлежат одному и тому же времени, несколько более позднему, чем стоянка у Военного госпиталя. По европейским масштабам это скорее всего должен быть ранний мадлен, о чем свидетельствуют характерные «жезлы начальников», проколки мезинского типа, нуклеусы правильной конической формы, мелкие дисковидные скребки, развитая обработка кости.

Оба эти поселения расположены к востоку от Енисея: Буреть — в самой долине Ангары, на правом ее берегу, у села того же названия, а Мальта — по р. Белой, в с. Мальтинском. Они характеризуются удивительно сходными чертами культуры и быта; чертами настолько близкими, что можно видеть в них последовательные поселения одной и той же древней общины или даже одновременные поселки двух родственных общин, тесно связанных друг с другом. Эта связь тем более вероятна, что оба поселения отделены друг от друга расстоянием не более 3—4 км по прямой линии.

Систематические, крупные по масштабу раскопки в Мальте и Бурети (в Мальте вскрыто около 800 м², в Бурети — 400 м²) позволили восстановить эту древнюю культуру и образ жизни ее населяющей не только в общих чертах, но и в ряде характерных деталей.

Существенно, прежде всего, то обстоятельство, что палеолитические стоянки Мальта и Бурети представляли собой настоящие поселения, состоявшие из ряда прочных, рассчитанных на длительное использование, жилищ. В Бурети найдены, например, остатки четырех жилищ.

Одно из них, лучше и полнее всех остальных сохранившееся, имело углубление в землю и несомненно специально для того выкопанное прямоугольное в плане основание. Из него вел наружу узкий коридор, выходивший к реке. По краям углубления первоначально были в строгом порядке, симметрично, расставлены бедренные кости мамонта, вкопанные в землю нижними концами и прочио закрепленные внизу для устойчивости плитами известняка. Это были своего рода «столбы» древнего жилища, та конструктивная основа, на которую опиралась его стена и крыша. Таких «столбов» в жилище имелось около двенадцати.

Вместе со «столбами» уцелели и остатки каркаса крыши палеолитического жилища. Внутри дома, на самом его полу, оказалось множество рогов северного оленя, несомненно специально собранных и отсортированных. В ряде случаев рога лежали перекрещиваясь друг с другом под прямым углом, с определенными промежутками между стержнями и их отростками, образуя как бы сетку. Отсюда следует, что крыша палеолитического жилища в Бурети должна была иметь основу в виде ажурной сетки из рогов оленя, перекрещенных и взаимно сплетенных друг с другом не только обмоткой, но и своими переплетающимися отростками.

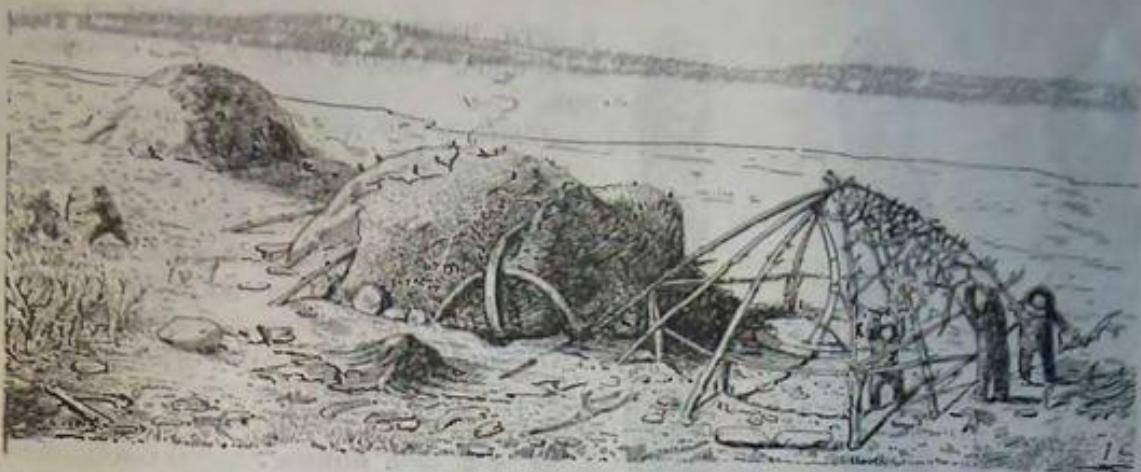
В середине жилищ помещались очаги; на полу их были обнаружены различные изделия из камня и кости. По своему типу, планировке и архитектурным признакам жилища Бурети и во всех существенных своих чертах аналогичные им жилища Мальты обнаруживают неожиданно близкое сходство с жилищами оседлых приморских племен нашего северо-востока сравнительно недавнего времени, XVIII—XIX вв. Их сближают: 1) наличие углубления, 2) прямоугольные в плане очертания, 3) вход в виде коридора, 4) употребление в качестве строительного материала костей крупных животных (в одном случае мамонта и носорога, в другом — кита), 5) употребление камней для большей устойчивости столбов, 6) устройство стен жилища из земли, шит и костей (позвонков кита у сидячих чукчей и эскимосов, черепов носорога в Бурети), 7) эластичный и легкий каркас крыши из ребер кита (на чукотских полуподземных жилищах, как и в Бурети, ему соответствовала сетка из переплетенных и связанных ремнями оленевых рогов). Как и крыша валькара, крыша палеолитического жилища должна была сверху иметь вид небольшого, слегка возвышающегося над уровнем почвы земляного холмика.

Размеры жилищ тоже очень близки: площадь чукотского валькара в XVIII в. достигала, как и площадь палеолитических домов Бурети, 25 м²; высота последних тоже была не менее 2—2.5 м.

Очень близок к чукотско-эскимосским прибрежным поселкам и весь характер такого палеолитического поселения в целом. Жилища Бурети, подобно старинным чукотским, располагались на возвышенном месте по несколько строений рядом, причем выходом все они были обращены к реке, тогда как чукотско-эскимосские точно так же ориентировались выходом к морю.

Столь же определенным является сходство культуры и бытowego уклада палеолитических жителей Сибири с бытом позднейших оседлых палеозиатов нашего северо-востока. Подобно им, палеолитические обитатели Сибири носили глухую одежду из шкур в виде комбинезона с поклоном на голове, а внутри своих жилищ сидели обнаженными.

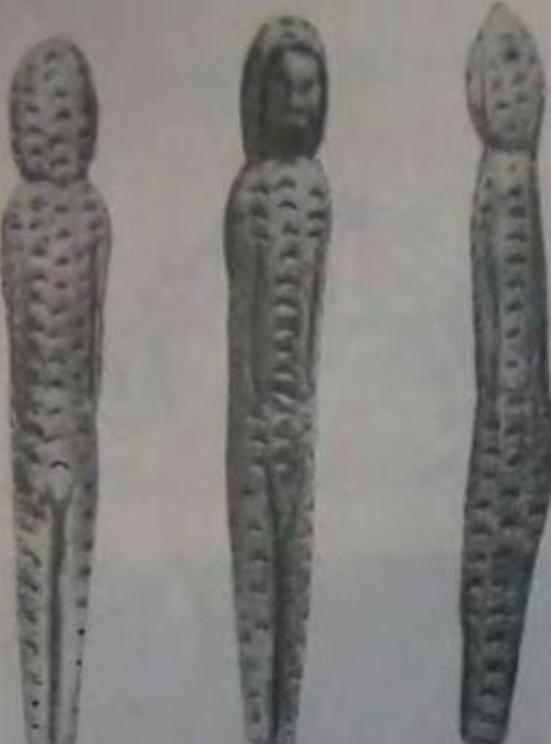
Об этом выразительно свидетельствуют палеолитические статуэтки, найденные в Мальте (20 экз.) и Бурети (5 экз.). В большинстве своем они

Палеолитическое жилище. Буреть

1 — реконструкция; 2 — общий вид раскопок

изображают обнаженных женщин с одной лишь великолепно убранный пышной шевелюрой на голове. Однако в 1936 г. в Бурети была найдена довольно крупная статуэтка, изображающая женщину в широкой одежде с отчетливо выраженным головным убором в виде капюшона, накинутого на голову. Такие же две статуэтки, только лишь миниатюрные и оттого более схематично трактованные, оказались в Мальте. Подобно палеоазиатским племенам и эскимосам, древнейшее, верхнепалеолитическое население жило охотой, имело метательные дротики и так называемые «кисели начальников», т. е., повидимому, орудия для разминания ремней, выделявшали реалистически трактованные изображения животных из кости

Статуэтка с изображением одежды.
Буреть

миса, чем промысел морского зверя в современной Арктике, обусловили прочную оседлость в наиболее удобных для этого местах. Суровые климатические условия ледниковой эпохи с такой же неизбежностью вызывали необходимость строить на Ангаре в палеолитическое время такие же прочные земляные жилища полуподземного типа, какие существовали в Арктике с ее пронзительными ветрами и низкими температурами в XVIII—XIX вв.

Из-за недостатка или полного отсутствия строительного леса людям палеолитической эпохи, как и арктическим племенам нашего времени, приходилось одинаково широко прибегать к заменяющим его иным материалам, особенно к кости, тем более что обилие костей и рогов само по себе наталкивало людей на мысль о применении этого материала в качестве строительного сырья. И, наконец, богатое палеолитическое искусство Сибири позволяет вспомнить о том, как долгая арктическая ночь и жестокие северные ветры, обрекавшие в недавнем этнографическом прошлом сильных и деятельных охотников на вынужденное бездействие, вместе с обилием такого благодарного материала, как клыки моржа, способствовали удивительному развитию орнаментального искусства и мелкой скульптуры у этих жителей глубокой Арктики. То же самое, несомненно, имело место и в Прибайкалье древнекаменного века.

Таким образом, в конце ледникового времени существовала замечательная культура палеолитических охотников восточной Европы и Сибири, которую можно назвать континентальной культурой северных арктических охотников верхнего палеолита.

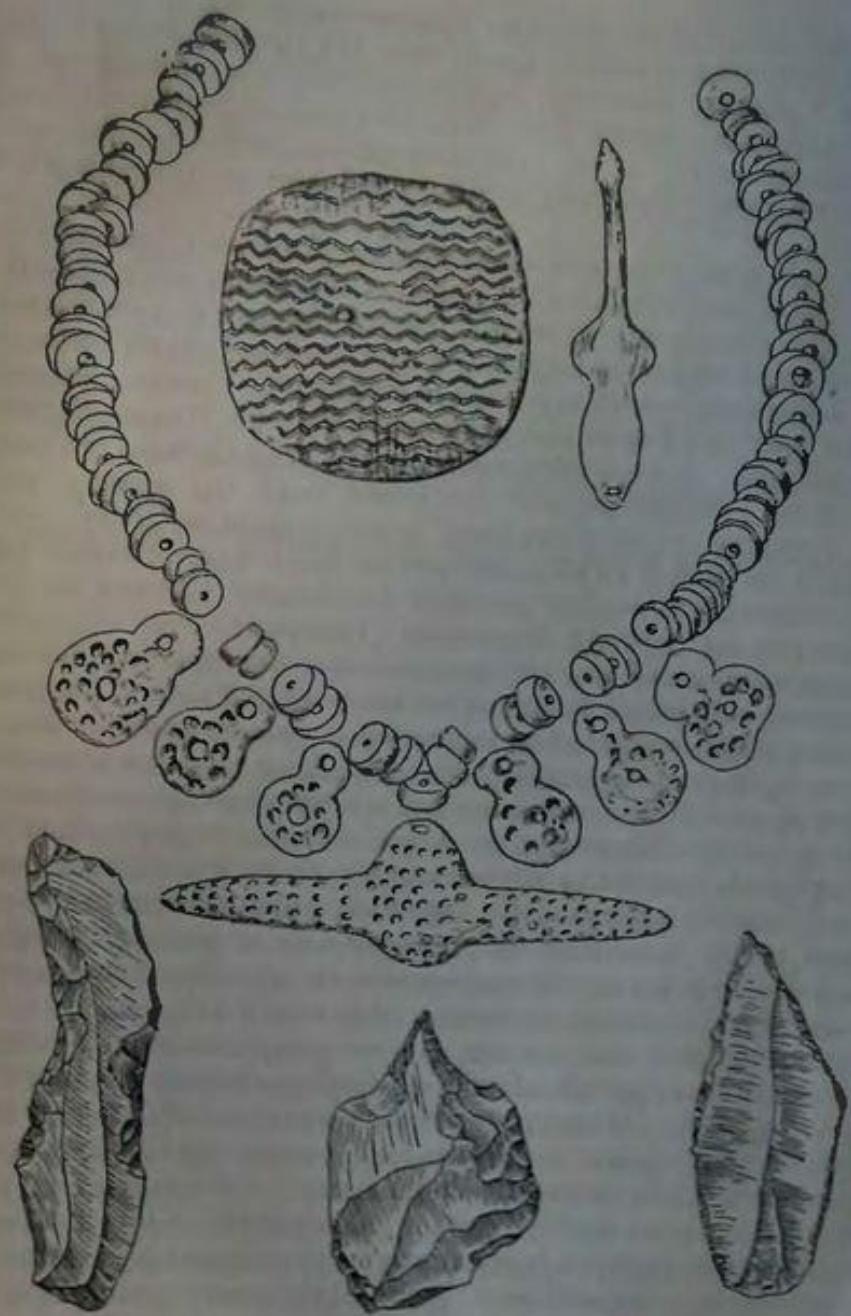
Бесспорное единство древней культуры охотников на северного оленя, мамонта и носорога в Европе и Азии, конечно, имеет в своей основе общие условия их существования. Однако столицы Восточного господства, Мальта и Буреть, самые ранние для северной Азии памятники чжанчоцкой культуры, обнаруживают чистоту бланочного сходства с культурой современных им людей ледниковой эпохи, живших в восточной Европе, что это сходство прид ли может быть объяснено

и рога, чтило женских богинь и духов вроде Сивы или Астии животных.

Однако мнение ряда видных археологов (Бонд-Даунинг, Г. де Мортилье, Э. Ларте, К. Расмуссена) о прямом происхождении эскимосов от древних палеолитических племен Европы — мадленцев не может быть принято в настоящее время.

Общее сходство культуры в данном случае объясняется одинаковым характером естественно-географических условий конца ледникового периода с ныне существующими на Крайнем Севере и соответственной близостью хозяйствственно-бытового уклада верхнего палеолита Сибири к укладу палеоазиатских племен и эскимосов XVIII—XIX вв.

Обильная охотничья добыча эпохи палеолита, когда охота на гигантских толстокожих и на табуны северных медведей доставляла все больше

Украшения и каменные орудия из погребения младенца. Мальта

одной только простой конвергенцией. Следует, впрочем, иметь в виду, что в нашей литературе высказывались и другие мнения, согласно которым культура верхнего палеолита, представляемая находками в Мальте и Бурети, возникла конвергентным путем, независимо от культуры их современников в Европе (М. Г. Левин и О. Н. Бадер).

В Мальте и Бурети встречены совершенно такие же, как в западноевропейских поселениях раннемадленского времени и в одновременных памятниках восточной Европы, мелкие кремневые орудия, изготовленные из тонких пластинчатых отщепов: резцы, режущие острия и, в особенности, разнообразные по форме проколки, в том числе боковые и двойные, столь хорошо известные, например, из раскопок на Украине, в Мезии.

Как уже говорилось, в глубине Сибири обнаружены также и замечательные памятники первобытного искусства: вырезанные из мамонтова бивня фигуры женщины и шип, гравированные рисунки, изображающие

мамонта, амур, большое количество орнаментированных вещей бытового назначения и тонко сделанных украшений. На Шишкинской скале в верховьях Лены уцедели, наконец, и замечательные изображения лошади в верхнем палеолите диких лошадей, напоминавших по своему типу лошадь Пржевальского, а по стилю позднемадленские образы палеолитической живописи. Там же найдено изображение вымершего быка бизона.

При всем своем бесспорном своеобразии богатое искусство верхнего палеолита Сибири является как бы прямым ответвлением высокой и своеобразной художественной культуры, расцветавшей в ледниковое время у палеолитических охотников Европы, и при этом не только по сюжетам, но и по мелким специфическим деталям его образцов. Таковы, прежде всего, характерная трактовка и поза женских изображений. Что же касается своеобразия памятников палеолитического искусства Сибири, то оно вполне естественно, если учесть резкое различие хотя бы между находками в Мезине на Украине, с одной стороны, и находками на Дону — с другой. Ясно, что вряд ли менее глубокими могли быть аналогичные различия, отделявшие искусство жителей далекой Восточной Сибири от искусства их современников на берегах Дона или Днепра.

Все это дает основание для предположения, что древнейшие обитатели Сибири проникли к берегам Байкала из восточной Европы в конце ледникового времени, в солютрейское и мадленское время, принеся сюда и свою оригинальную культуру арктических охотников верхнего палеолита.

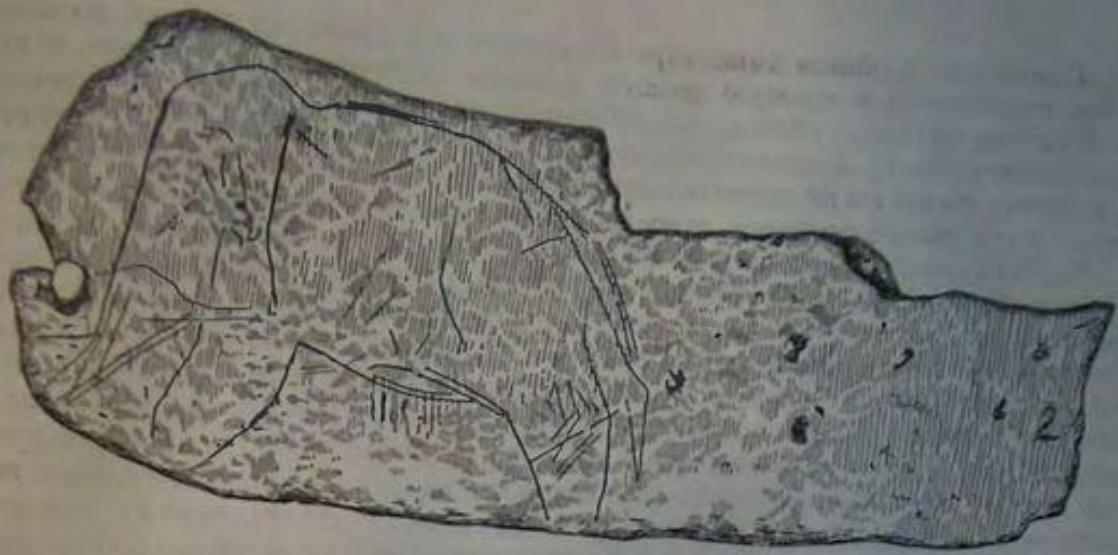
С течением времени, однако, в жизни и культуре древнейшего населения Сибири, а также, очевидно, и в его составе, происходят глубокие перемены. Перемены эти были настолько глубоки и серьезны, что можно было бы признать их результатом полного перерыва культурно-этнической традиции, если бы этому не противоречили факты, доказывающие также и наличие некоторой преемственности культуры позднего палеолита Сибири от более ранней, времени Малъты и Бурети.

В позднепалеолитическое время, к которому относятся такие памятники, как Афонтова гора на Енисее, Верхоленская гора у Иркутска на Ангаре, Ошурково, Нийги и Усть-Кяхта на Селенге, Макарово, Шишкино, Нюя, Мархачан и другие поселения на Лене, численность древнего населения Сибири сильно возрастает. Об этом свидетельствует общий рост числа поселений к концу палеолита. Они насчитываются теперь уже не единицами, а десятками. Столы же резко расширяются и область, освоенная человеком. Люди заселяют долины важнейших сибирских рек в их южной части — Амура, Селенги, Енисея, Ангара и Лены; расселяются на Алтае, где ранее лежали сплошные льды глетчеров. В долине Лены они спускаются до Олекминска и Мархачана — севернее всех остальных палеолитических стоянок Европы и Азии.

Такое широкое расселение палеолитического человека происходит на фоне значительных изменений в природной обстановке, окружающей древних жителей Сибири.

Одна из наиболее ранних стоянок позднего палеолита, Афонтова гора, отличается от более древних только отсутствием костей шерстистого бородавочника. В остальном фауна Афонтовой горы очень близка к фауне Малъты и Бурети. Здесь имеются кости мамонта, северного оленя, песца, дикой лошади и ныне живущих в этих местах зверей: кесули, лисицы, росомахи, медведя, зайца и др.

Подсчет числа особей, характерных для различных климатов и ландшафтов, показал, что 24% из найденных на Афонтовой горе животных относятся к числу глубоко северных форм (песец), 12% являются

Изображение мамонта на пластинке из бивня мамонта. Мальта

теперь обитателями умеренного климата (благородный олень, косуля, сайга, лошадь), остальные свойственны обеим климатическим зонам. Подсчет по ландшафтам показал преобладание тундровых и степных форм. Их оказалось 37% (песец, мамонт, лошадь, сайга), а лесных только 7% (росомаха, благородный олень, косуля, медведь); остальные водятся как в лесу, так и в открытой местности (северный олень, лисица, заяц и др.). Позднепалеолитические (позднемадленские) стоянки в долине Енисея (Переселенческий пункт около Красноярска, Кокорево-Забочка и Киперный лог, Бирюсинские местонахождения) и современные им памятники в долине Ангары (Олошки, Усть-Белая), а также в долинах Лены и Селенги приурочены к позднейшим, первым надпойменным террасам, высотой 6—12 м. Культурные остатки залегают здесь в толще аллювиальных отложений, причем ни изделий из бивня мамонта, ни костей этого животного в числе кухонных остатков больше уже не встречается. Отсюда следует, что не только носорог, но и значительно дольше его проживший мамонт уже вымерли. Одновременно здесь исчезает и другой характерный представитель древней фауны вюрмской ледниковой эпохи, т. е. конца ледникового времени, — полярная лисица, песец. На смену им приходят лесные животные. На стоянке Ошурково, например, вместе с костями быкабизона и северного оленя найдены кости благородного оленя и кабана, типично лесных животных. Климат стал, очевидно, несколько теплее и был уже не таким влажным, как в предшествующее время. Начинается новая, послеледниковая, эпоха.

Еще более значительные изменения наблюдаются в культуре и бытовом укладе жителей палеолитических поселений Сибири. Прежние поселки, состоящие из ряда прочных долговременных жилищ, исчезают. Поселения имели вид временных охотничьих лагерей, состоявших из немногих подземных жилищ, от которых никаких других следов, позволяющих восстановить их форму и устройство, кроме очагов, не сохранилось. Очаги имеют вид кольцевидных выкладок из плит, поставленных ребром. Диаметр их не превышает метра (около 60—70 см). Подобные сооружения найдены, например, на Енисее (стоянка Забочка) и в долине Лены, у дер. Макарово. Около очагов обычно рассеяны сравнительно немногочисленные каменные орудия, отщепы и кости животных. Самые жилища, всего вероятнее, имели форму, близкую к современным коническим шатрам, чумам или урагам, состоящим из тонких жердей, образующих каркас постройки, и легкой покрышки, сшитой из звериных шкур или бересты.

Изменения в общем характере поселений и устройство жизни должны быть поставлены в прямую связь с общими переменами в природе в хозяйственно-бытовом укладе первобытных охотников Сибири. Исчезновение гигантских травоядных животных ледниковой эпохи, гибель носорога и мамонта не могли не вызвать значительных перемен в жизни древних племен. Почти неисчерпаемые прежде запасы мясной пищи стали иссякать.

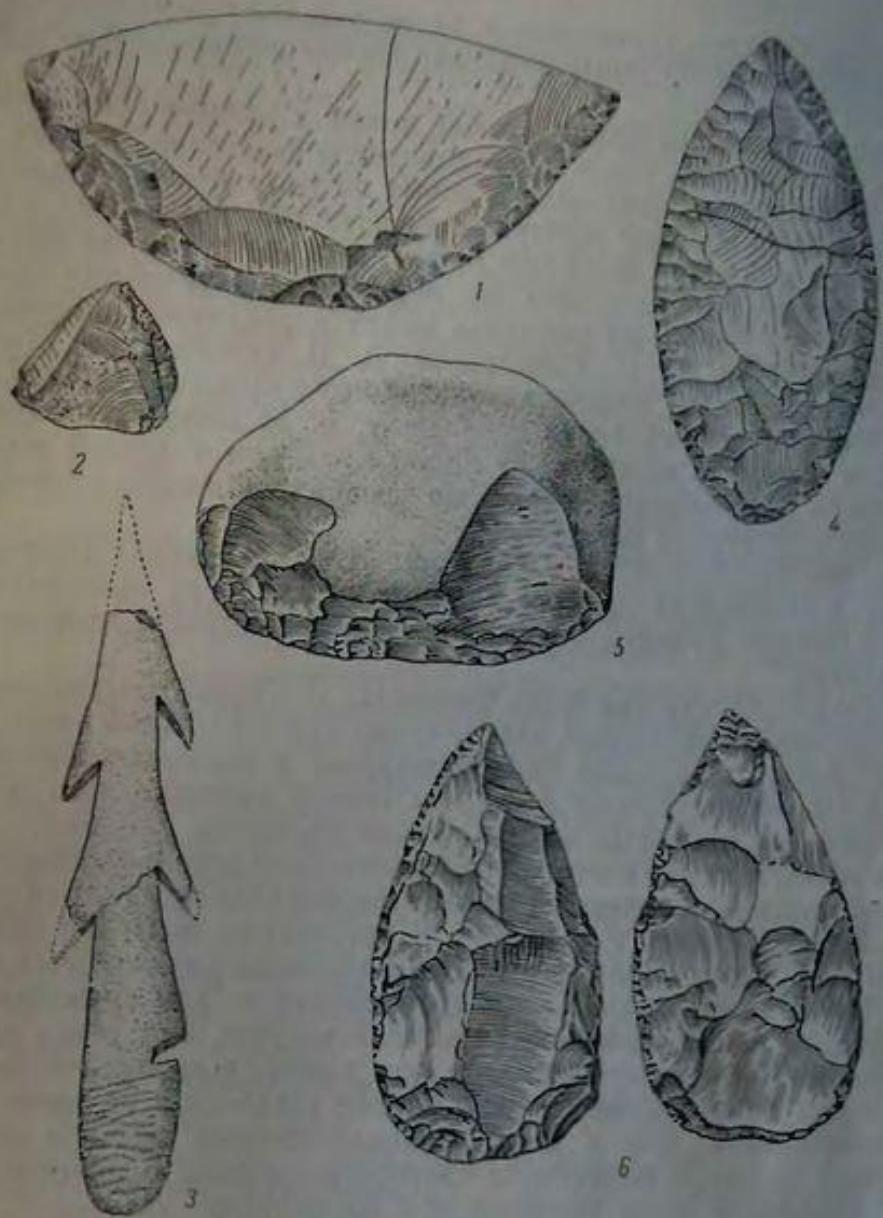
Чтобы существовать охотой на одних только более мелких, чем мамонты и носороги, животных, потребовалось перейти к более подвижному образу жизни и к новой, более маневренной, чем прежде, охотничьей тактике. Кочуя с места на место вслед за стадами северных оленей, табунами лошадей и диких быков, позднепалеолитические охотники не могли уже строить многолюдные общинные поселки и воздвигать крупные коллективные жилища. На месте их более или менее временных остановок оставалось в лучшем случае несколько очагов, выложенных из камня, подобно таким же каменным выкладкам на стоянках позднейших олесневодческих племен Сибири. Не исключено, что немаловажное влияние на изменение характера жилищ имел также и общий переход от сурового ледникового климата к более мягкому послеледниковому, когда исчезла необходимость в полу-подземных жилых помещениях, тщательно укрытых от пронизывающего ветра тундры. Такие жилища типа землянки, как мы увидим дальше, сохранились в Сибири только у рыболовов, постоянно обитавших на одном месте.

Столь же глубокой была перемена в материальной культуре, в производственном инвентаре из камня. Перемена эта нашла свое выражение как в типах орудий, в их формах и размерах, так и в основных чертах техники обработки камня, в способах и приемах изготовления каменных орудий. Если сначала, в ту отдаленную эпоху, когда на Авгаре и Лене существовали обширные поселения полуселевых охотников на мамонта и носорога, каменный инвентарь их обитателей имел много общего с обычным для восточной и западной Европы верхнепалеолитическим инвентарем, то теперь облик каменных орудий неожиданно и резко изменяется. Вместо изящных проколок с кривыми или прямыми тонкими остриями, миниатюрных скребочек, тонко ретушированных пластинчатых лезвий и мадленских резцов различных форм распространяются крупные массивные и тяжелые вещи, столь же грубые на первый взгляд, как и единообразные по типу, изготовленные преимущественно из речных галек.

Все это, в сущности, только частные варианты одного и того же, с удивительным постоянством повторяющегося изделия: полуулунного по форме или близкого по очертаниям к овалу массивного скребла, оформленного вдоль крутого рабочего края резкой ретушью с длинными и широкими фасетками. Иногда, впрочем, такие изделия имеют прямой рабочий край, в некоторых же, правда очень редких случаях, даже слегка вогнутый. Часть их обработана только с верхней стороны, а некоторые и с двух сторон, но эти отличия не столь характерны и не так часто встречаются.

В общем же, благодаря своей оригинальной форме и специфической напоминающей мустерскую контрударную технику, обработка рабочего края, такие изделия производят крайне своеобразное впечатление. Вычленение это усиливается тем, что среди бесчисленных серий скребловидных инструментов этого рода, напоминающих мустерские, обнаруживаются широкие массивные острия, обработанные такой же крутой ретушью по краям и по форме сходные с мустерскими остроконечниками.

Остроконечники из палеолитических стоянок Сибири обладают с мустерскими также и тем, что материалом для их изготовления служат широкие пластины, снятые с типичных широких нуклеусов дисковидной формы — совершенно мустерского облика.

Каменные и костяные изделия

1 — спираль; 2 — пуланс-скребок; 3 — гарпун; 4 — наконечник копья; 5 — спираль;
6 — остроконечник; 1—4 — Верхоленская гора; 5 — Ошурково; 6 — Ильги

Архаический облик инвентаря этих стоянок является настолько определенным и резким, что прежние исследователи выделяли в нем не только мустырские, но даже и нижнеалеолитические элементы. Двусторонне обработанные массивные орудия овальных очертаний описывались ими как «бифасы», т. е. как ближайшая аналогия рубилам ашельского или даже шельского времени. Исходя из наличия архаических форм каменных изделий и соответствующей архаической техники, они сначала отнесли позднеалеолитические изделия, найденные И. Т. Савенковым на Енисее, к чрезвычайно глубокой древности и датировали если не начальной, то, во всяком случае, очень ранней порой палеолита: ашлем и мустырским временем. Однако сам И. Т. Савенков определенно указывал, что вместе с вещами из камня, напоминающими по типу мустырские или даже ашельские, в его коллекции есть вещи весьма позднего для палеолита облика, например резцы, различные пластинчатые острия и мелкие скребочки.

Они обращают внимание археологов и на то, что здесь встречаются присоединенные костяные изделия: наконечники дротиков, уколов, иглы и шилья.

Так перед исследователями встало новая и чрезвычайно интересная загадка: как объяснить столь необыкновенное сочетание древних и новых предметов и новых по типу вещей, которые на земле разделены во времени десятками тысячелетий?

Ленея и Енисея залегают рядом, в одном и том же культурном слое, в инвентаре одного и того же верхнепалеолитического поселения. Решение этой проблемы пытались найти в различных направлениях.

Одни исследователи (Г. П. Сосновский, А. П. Окладников) стремились в 1930-х годах вывести позднепалеолитическую культуру Сибири из эволюционного путем из более древней, т. е. из мальтийско-буратинской культуры и видели в переходе от одной культуры к другой выражение непрерывного эволюционного подъема древних сибирских племен от низшей ступени культуры к высшей.

Другие исследователи (Л. Савицкий, Н. К. Ауэрбах) хотели видеть здесь только выражение прямого влияния на культуру палеолитического населения Сибири культур глубинной Азии, в частности палеолита Монголии и Китая.

Была высказана и третья точка зрения (В. И. Громов), согласно которой своеобразие каменных орудий, характерных для сибирского палеолита, зависит от грубого материала, находившегося в распоряжении местного населения. Из-за отсутствия в Сибири такого превосходного материала для изготовления каменных орудий, каким является, например, на Дальнем Востоке меловой камень, местные мастера вынуждены были довольствоваться такими грубыми материалами, как черный ландит в Забайкалье или гальки зеленоватых пород на Енисее и на Алтае. В результате, полагали сторонники такого взгляда, здесь не могло развиться производство изящных и тонких пластин, служивших основой для совершенного по тем временам мастерства обработки камня приемами отжимной ретуши. Эта точка зрения может быть принята по той причине, что позже, в неолитическое время, на территории Сибири существовала вполне развитая и не менее, если не более, совершенная, чем в Европе, неолитическая техника обработки камня; были не менее развиты, в частности, приемы отжимной ретуши, применявшиеся при этом часто на том же «грубом» материале, который использовались палеолитические мастера. Таким образом, не материал, а потребности человека определяли и технику изготовления орудий и их формы и даже выбор самого материала.

Но какие именно это были потребности?

Вытекали они из эволюционной инерции, из сложившихся тысячелетиями традиций? Или же, напротив, причина лежала в том, что из сменившего старому населению пришло новое, с новыми, чем прежде, традициями, с новыми, чем прежде, привычками и склонностями? Однако обе эти точки зрения, одинаково имевшие под собой весьма веские фактические основания, встретили при более тщательном учете фактов и существенные возражения.

Против первой гипотезы свидетельствует то обстоятельство, что в действительности невозможно приман эволюционным путем выделить из инвентаря и специфической отжимной техники обработки камня Монголии и Бурятии типы орудий и технику их изготовления, характерные для стоянок последующего времени. Совершенно иначе, например, видят эволюцию более совершенного призматического нуклеуса эволюционно зародившегося более древнего дисковидного типа или из концевого скребла — несравненно более грубое скребло мустерского типа. Что является же

рой точки зрения, то за нее свидетельствовало большое и реальное сходство в каменных орудиях и в технике их изготовления между палеолитом Сибири, с одной стороны, и палеолитом восточной Азии — с другой. Но при всем том в палеолите восточной Азии все же нигде не было констатировано таких специфических и характерных для сибирского палеолита вещей, как листовидные наконечники или овальные скребла, как костиные плоские гарпуны. Все это явно развилось в Сибири самостоятельно, на месте. И все это, вместе взятое, свидетельствовало, что положение в действительности было значительно сложнее, чем думали раньше. Ясно было, что неправы были как сторонники прямолинейного эволюционного развития, предполагавшие, что характерное для позднего сибирского палеолита «смешение» разновременных или разностадиальных элементов материальной культуры свидетельствует о наличии особенно древних архаических пережитков в культуре местных племен, о их глубокой консервативности, о том, что они гораздо сильнее и крепче, чем их современники на Западе, сохранили элементы техники отдаленного нижнепалеолитического прошлого, так и их противники, сводившие все только к столкновению различных культурно-этнических групп. Последние тоже, в сущности, развили одинаковую точку зрения о наибольшей отсталости племен сибирского палеолита по сравнению с европейскими племенами, только изложенную еще более определенно, в еще более заостренной и даже тенденциозной форме. Согласно этой точке зрения, наиболее полно и отчетливо формулированной А. Брейлем относительно палеолита Китая, глубинная Азия рассматривается как страна, где изначально консервировались древние формы, как страна застоя и инерции, в отличие от Европы, где культура всегда бурно шла вперед.

Петрудно увидеть, что в такой формулировке этот взгляд не только поверхностен, не только несправедлив, но и прямо оскорбителен по отношению к народам Азии, выражает империалистическую в основе концепцию, опровергнутую всей историей азиатских народов и, в первую очередь, великого китайского народа.

На самом деле, более глубокое и объективное изучение памятников сибирского палеолита, как и палеолита восточной Азии, показывает, что здесь наблюдается лишь резко своеобразный и при этом безусловно прогрессивный путь развития азиатских племен глубокой древности, к которому нужно подходить с иными классификационными мерками и рубриками, с иными оценками, чем к палеолиту западной или восточной Европы, с точки зрения своеобразия его исторического пути и оригинальности вклада древнейшего населения северной и восточной Азии в культуру каменного века.

Рассматривая типы каменных изделий из сибирских палеолитических памятников не в статике, а динамически, в их развитии, нетрудно увидеть, что из первичных недостаточно еще оформленных по типу крупных скребловидных изделий, характерных для таких поселений, как Малъта и Буреть, постепенно вырабатываются четкие по форме и законченные по их техническим особенностям орудия «архаических» форм, о которых говорилось выше. Кроме того, если эти крупные вещи сначала были представлены только относительно немногочисленными образцами, то с течением времени количество их неуклонно увеличивается, пока они не достигают, наконец, более или менее значительного преобладания над каменными орудиями иного рода. В инвентаре позднепалеолитического поселения Сибири налицо, следовательно, не технические традиции нижнего и среднего палеолита — реалисты глубочайшего прошлого, а признаки новообразования, налицо — свидетельства не застоя и отсталости, а какого-то бурного и неудержимого развития и при этом развития крайне

своеобразного, не укладывающегося в обычные рамки западноевропейских классификаций.

Причину такого своеобразного развития следует, повидимому, искать в области тех жизненно важных потребностей первобытных охотников, которые обслуживались данными видами орудий. Орудия эти вряд ли могли употребляться для каких-либо работ, связанных с обработкой мягких материалов, в том числе меха и кожи. Они стоят ближе всего к орудиям для обработки дерева, так как обладают массивным и прочным лезвием, пригодным для рубящих и строгающих операций. О том, что источник развития каменного инвентаря сибирского палеолита в характерном для него направлении находится именно здесь, в потребностях техники и хозяйства, свидетельствует наличие среди позднепалеолитических орудий из Сибири настоящих топоровидных или тесловидных изделий, зарегистрированных как на Алтае, Енисее, Ангаре, за Байкалом, так и на Лене. В недрах собственно палеолитической еще по характеру техники здесь шел, следовательно, прогрессивный процесс оформления крупных рубящих орудий нового типа, тех орудий, которые превратились затем в настоящие топоры и тесла зреющей культуры неолитической эпохи.

Одновременно в Сибири раньше, чем во многих других местах, складывается и достигает расцвета своеобразная вкладышевая техника изготовления орудий труда и предметов вооружения. На стоянках Верхоленская гора у г. Иркутска и Ошурково около г. Улан-Удэ обнаружены, например, превосходные костяные острия с глубокими пазами для острых кремневых пластин. Изделия такого рода сочетали, следовательно, гибкость и эластичность кости и рога с прочностью и твердостью кремня; они имели в результате неоспоримое преимущество как над простыми каменными наконечниками и ножами, так и над костяными изделиями без вкладных каменных лезвий.

Не позже, если не раньше, чем в других странах, появляется в Сибири и первое домашнее животное охотничьих племен — собака.

Относительно рано начинается в Сибири и достаточно широкое использование в пищу рыбы: на Ангаре в Верхоленской горе и на Селенге в Ошурково найдены превосходно изготовленные из рога благородного оленя гарпуны азильского типа. На стоянке Ошурково вместе с таким гарпуном оказались многочисленные кости рыб, свидетельствующие, что охота на рыбу занимала важное место в хозяйстве обитателей этой стоянки.

Однако в процессе такого прогрессивного развития на конкретных формах, в которых происходила эволюция культуры, отразилась и та конкретно историческая обстановка, в которой веками жили сибирские племена древнекаменного века, сказалась те конкретно исторические события, которые происходили в этой части Азии.

Тот факт, что культура древнейшего населения Сибири сначала развивалась в одинаковых формах и в том же направлении, как и культура их современников на Западе, в бассейнах Дуная, Днепра, Дона и Балтии, а затем как бы круто повернула в своем развитии в другую сторону, безусловно не случаен и имеет важное значение в истории Европы и Азии.

Его можно объяснить тем, что племена Сибири сначала жили одинаковой жизнью с племенами Запада, находились в связи с ними и имели единую в основе культуру. Затем, уже к самому концу ледниковой эпохи, немноголюдные, широко рассеянные на колоссальных пространствах Сибири в процессе ее освоения, они утратили непосредственную связь с населением западных стран и, обособленные от них, на протяжении длительного времени стали жить своей особой жизнью, создали новую, существенно отличную во многих отношениях культуру.

Ярким и наглядным проявлением такого своеобразия являются отмеченные особенности в технике изготовления и формах (типах) каменных изделий, обслуживавших хозяйственные потребности палеолитического человека. В то время как на Западе в конце палеолита шел процесс развития так называемой микролитической техники, когда необходимые орудия выделялись преимущественно на рассеченных определенным образом на части ножевидных пластинках, в Сибири основным приемом оформления заготовок каменных орудий было раскалывание крупных галек на две части или снятие больших пластин с поверхности нуклеусов архаического дисковидного типа, похожих на мустьевские.

Одновременно, в условиях обособленного существования на колоссальных по протяжению территориях Сибири и Дальнего Востока, здесь складывается, очевидно, и особый физический тип местного населения. В верхнем палеолите, как полагают антропологи, возникают основные расовые группы современного человечества: негроиды в Африке и соседних районах Средиземноморья, а также в юго-восточной и южной Азии, европеоиды в Европе и, наконец, монголоиды к востоку от Урала. В то время как местные остатки верхнепалеолитического человека, обнаруженные в Европе, преимущественно относятся к древнему европеоидному типу, кроманьонскому (в широком смысле этого слова), новые археологические и антропологические данные указывают на существование у древних наследников восточных районов Азии определенных монголоидных черт уже в очень раннее время. Одна статуэтка женщины, найденная в 1936 г. в Бурети, имеет тщательно моделированное лицо с отчетливым монголоидным отпечатком. Оно обладает узкими характерно склоненными глазами, низким, как бы расплющенным носом и выпуклыми скулами.

Из палеолитических слоев Афонтовой горы у Красноярска происходят обломки костей рук и фрагмент черепа, обломок лобной кости, найденный в 1937 г. Последняя находка была изучена Г. Ф. Дебецом. Морфологические особенности фрагмента (резкая уплощенность переноса) указывают на монголоидные особенности и позволили Дебецу высказать утверждение, что верхнепалеолитическое население Афонтовой горы относилось к монголоидному, в широком смысле слова, расовому типу.

Таким образом, те скучные данные, которыми располагает в настоящее время палеоантропология, как будто указывают на принадлежность палеолитического населения Прибайкалья и среднего Енисея к монголоидному расовому типу. Здесь могло оказаться соседство с теми областями восточной и Центральной Азии, где, по мнению советских антропологов, возникает монголоидный расовый тип. Нельзя не отметить в связи с этим, что на всей территории Монгольской Народной Республики может быть прослежено развитие культуры ее позднепалеолитического населения в том же основном направлении, что и в Сибири. Поэтому всю эту огромную территорию в позднем палеолите можно смело назвать сибирско-монгольской культурной областью.

Однако, учитывая единичность и фрагментарность находок, было бы рискованно относить все сказанное выше о физическом типе древних жителей Сибири ко всей ее территории, взятой в целом. Вполне возможно, что население других районов, и частности Алтая и Минусинской котловины, уже в палеолите относилось по своему антропологическому типу не к монголоидному, а к европеоидному кругу форм. В пользу такого предположения говорят, как увидим дальше, материалы по палеоантропологии более поздних эпох.

В целом же конец верхнепалеолитического времени является, повидимому, той важнейшей исторической ступенью в прошлом народов Сибири и нашего Дальнего Востока, когда их предки впервые выделяются

из всего остального человечества как обладатели особого физического типа и специфической по характеру культуры.

Это был второй крупнейший этап в древней истории Сибири.

Третий этап последней совпадает с временем распространения новых неолитических памятников.

НЕОЛИТ

Неолитическое время действительно является следующим и чрезвычайно важным этапом в истории культуры и в истории этнических отношений на территории Сибири и Дальнего Востока.

Переход к неолиту отмечен в Сибири, как и в других частях земного шара, значительным развитием производительных сил древнего населения, связанным с новыми техническими приемами и с появлением новых видов орудий труда, в первую очередь с изобретением лука и стрел. Лук и стрелы, как известно, повсеместно появляются раньше шлифованных орудий труда, в то время, когда еще отсутствует керамика.

Раннеолитическое время в Сибири и на Дальнем Востоке, однако, изучено еще очень слабо.

В Прибайкалье к числу наиболее ранних памятников местного неолита, так или иначе соответствующих позднемезолитическим поселениям Запада, следует отнести немногочисленные погребения хиньской стадии, где найдены очень архаические еще по форме и технике изготовления пластинчатые наконечники стрел из кремня, обработанные ретушью только с одной стороны, на нижнем и верхнем концах. Характерной чертой их является также и наличие боковой выемки в основании, оформляющей чеканок. Наконечники стрел данного рода повсюду встречаются в памятниках, завершающих палеолитическую эпоху (эпипалеолит), и в самых ранних памятниках неолита.

В то время, к которому относятся памятники развитого неолита с шлифованными каменными орудиями и гончарными изделиями, представленными глиняной посудой, на территории лучше всего в этом отношении изученного Прибайкалья последовательно сменяется несколько этапов неолитической культуры.

Первый, самый ранний из них — исаковский (ориентировочная дата IV тысячелетие до н. э.), известный по материалам нескольких могильников в долине Ангары. Самый обширный и богатый находками могильник, обнаруженный около дер. Пономарево, расположенный, как и большинство других неолитических могильников Прибайкалья, на высоком мысу в устье глубокого распадка. Раскопанные здесь могилы заполнены внутри сплошными кладками из плит известняка, слагающего цоколь здешних древних террас. В могилах найдены кости одних только диких лесных животных, преимущественно лоси, изюбра (марала), косули и бобра. Судя по остаткам фауны, люди, хоронившие умерших на Пономаревском мысу, жили в глухой тайге и по своему образу жизни были типичными охотниками. В могилах найдены замечательные по техническому совершенству и размерам костяные наконечники стрел, спаянные острыми кремневыми лезвиями из специально зазубренных ножевидных пластин. Вместе с ними лежали крупные каменные наконечники стрел, типично неолитические по технике выполнения: двусторонне ретушированные, со своеобразно оформленным насадом в виде выреза хвоста ласточки, с одним асимметрично удлиненным жалцем и другим — укороченным. Лук был деревянный, вероятнее всего, простой. В распоряжении людей этого времени имелись также превосходно отшлифованные тесловидные инструменты для обработки дерева, изготовленные из особой разновидности

кремнистого сланца, такие же сланцевые и нефритовые ножи для домашних женских работ, различные скребки, костяные игольники и иглы, шилья и другие изделия.

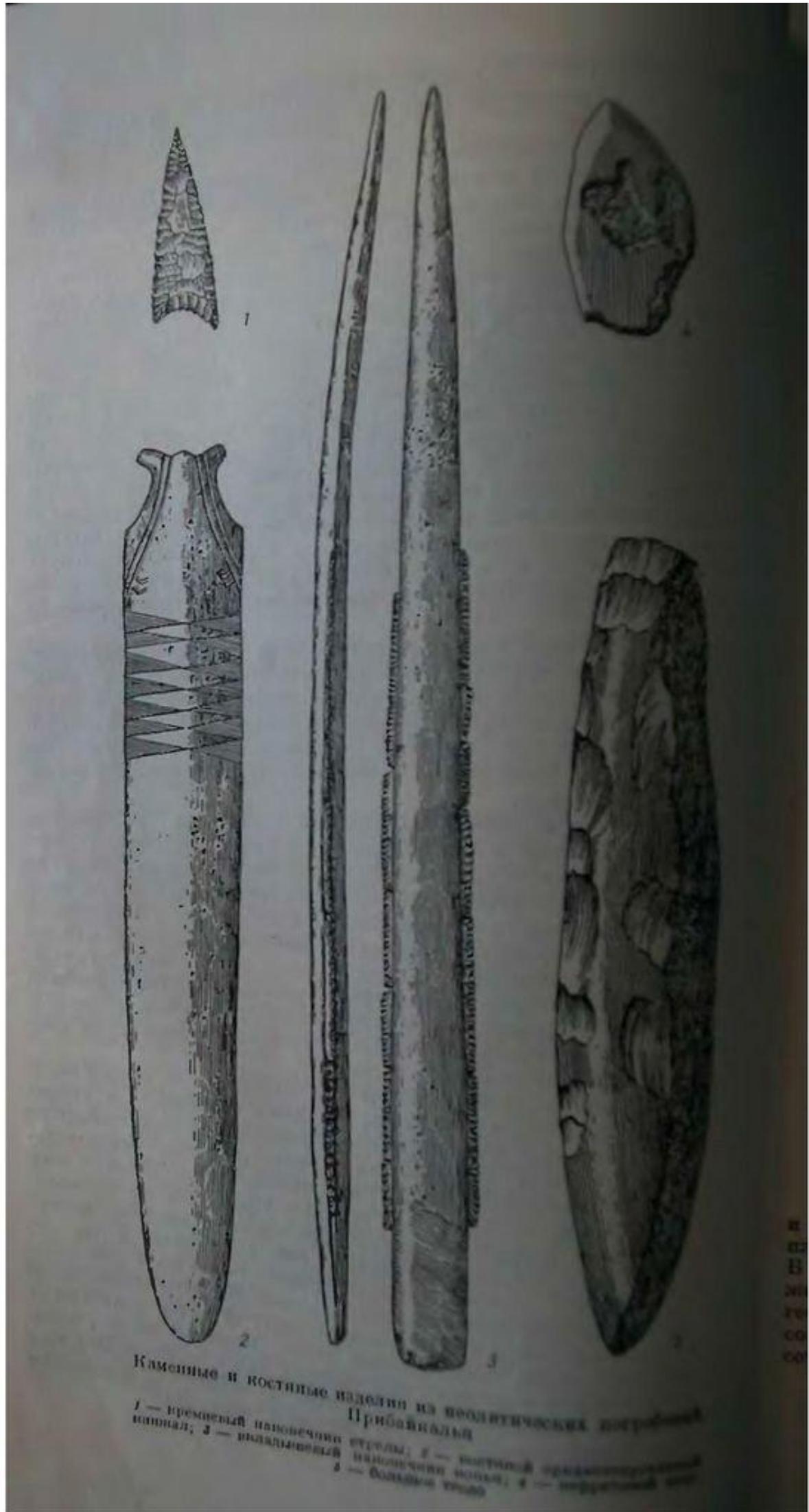
Керамика из могил исаковского времени показывает, что гончарное искусство возникло совсем недавно. Горшки имеют простейшую, параболоидную в вертикальном сечении форму. Стенки их снаружи сплошь покрыты текстильными отпечатками, отисками мелкоячеистой сетки, от которой сохранились четкие следы довольно тонких круто свитых нитей и узелков. Люди исаковского времени украшали себя целыми клыками кабана, расположенным на либу подобно диадеме, а также грушевидными подвесками из клыков олена. В целом исаковские погребения дают чрезвычайно архаический материал. Большие овальные скребла из их инвентаря сходны с позднепалеолитическими. Широкое употребление мамонтовой кости и типы костяных наконечников тоже позволяют вспомнить о древней охотничье культуре палеолита. В них несомненно отражены традиции глубокой древности, свидетельствующие о том, что на территории Прибайкалья и неолите попрежнему продолжали жить потомки палеолитического населения этих районов, прямые наследники его культуры.

Культура исаковского этапа переходит в следующую, серовскую, (IV—III тысячелетия до н. э.), когда паряду с некоторыми устойчиво сохраняющимися традиционными чертами появляются и новые, ранее не известные.

В каменном и костяном инвентаре погребений, особенно в керамике, обнаруживаются теперь признаки значительного прогрессивного сдвига. Древнейшие сосуды простой пересеченной формы смениются новыми, с отчетливо оформленными шейкой, венчиком и брюшком. Появляются оригинальные подвесные сосуды — фляги с ушками для подвешивания. Широко распространяется гребенчато-пунктирный, прямолинейно-геометрический по стилю орнамент.

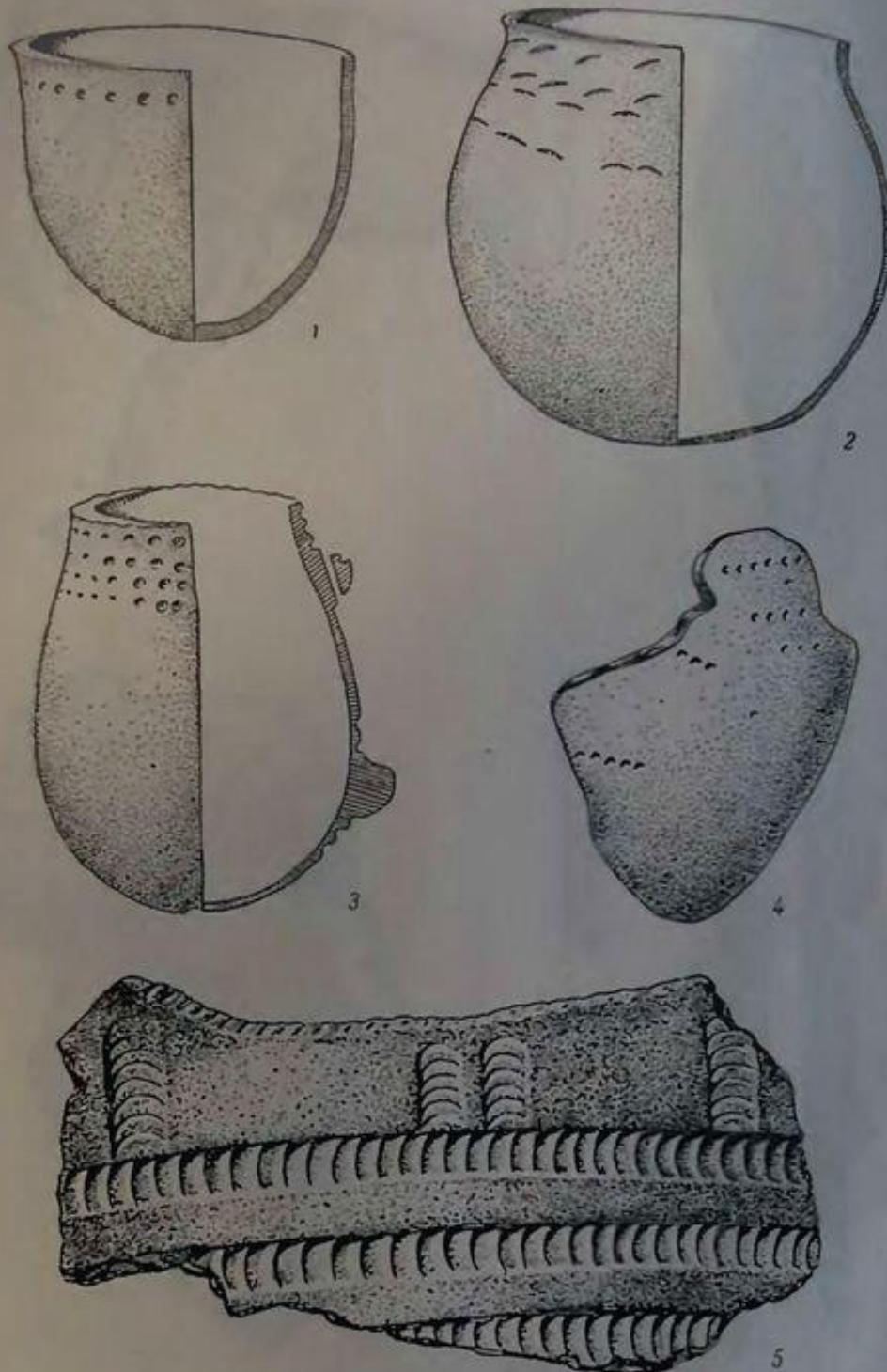
Охотничий инвентарь серовского времени значительно улучшается. В могильниках на Аягаре и Лене обнаружены глиняные костяные пластики, обкладки луков. Серовские луки явились самыми древними в мире образцами луков, сделанных из кости и дерева, и самыми ранними предшественниками сложного лука вообще. Вместе с ними в погребениях встречаются искусно сделанные из разных, иногда редких пород камня изображения рыб, главным образом налима, реже смуля, сига, стерляди. Совершенно такие же фигурки рыб употреблялись различными племенами Севера — эвенами и эвенками, эскимосами, ненцами, коряками при подледной добыче рыбы гарпуном в качестве приманки, привлекавшей хищных рыб к проруби, где их ожидал охотник.

Поселения серовского времени имеют вид стоянок, т. е. следов более или менее постоянных, всего вероятнее, сезонных стойбищ, где стояли шалаши-чумы, от которых уцелели очаги, сложенные в виде кольца из речных валунов. Иногда встречаются и остатки более основательных построек с углубленным в землю основанием. Следы такого жилья обнаружены, например, на известной стоянке Улан-Хада на Байкале. Замечательной чертой погребений серовского времени является выдерживание постоянства в составе инвентаря, оно выражается в том, что здесь еще нет «бедных» и «богатых» покойников. Различие в инвентаре бедных и богатых могил появляется много позднее. В большинстве могил встречаются, примерно, одни и те же вещи: глиняный сосуд, пластины от лука, наконечники стрел, шифрованные тесла, ножи, луки и стрелы одинаково сопровождали в могилах как мужчин, так и женщин. Это дает право вспомнить о женщинах-воительницах и активных участницах охотничьего промысла у ряда народов Сибири в прошлом.

Каменные и костяные изделия из палеолитических горизонтов
Прибайкалья

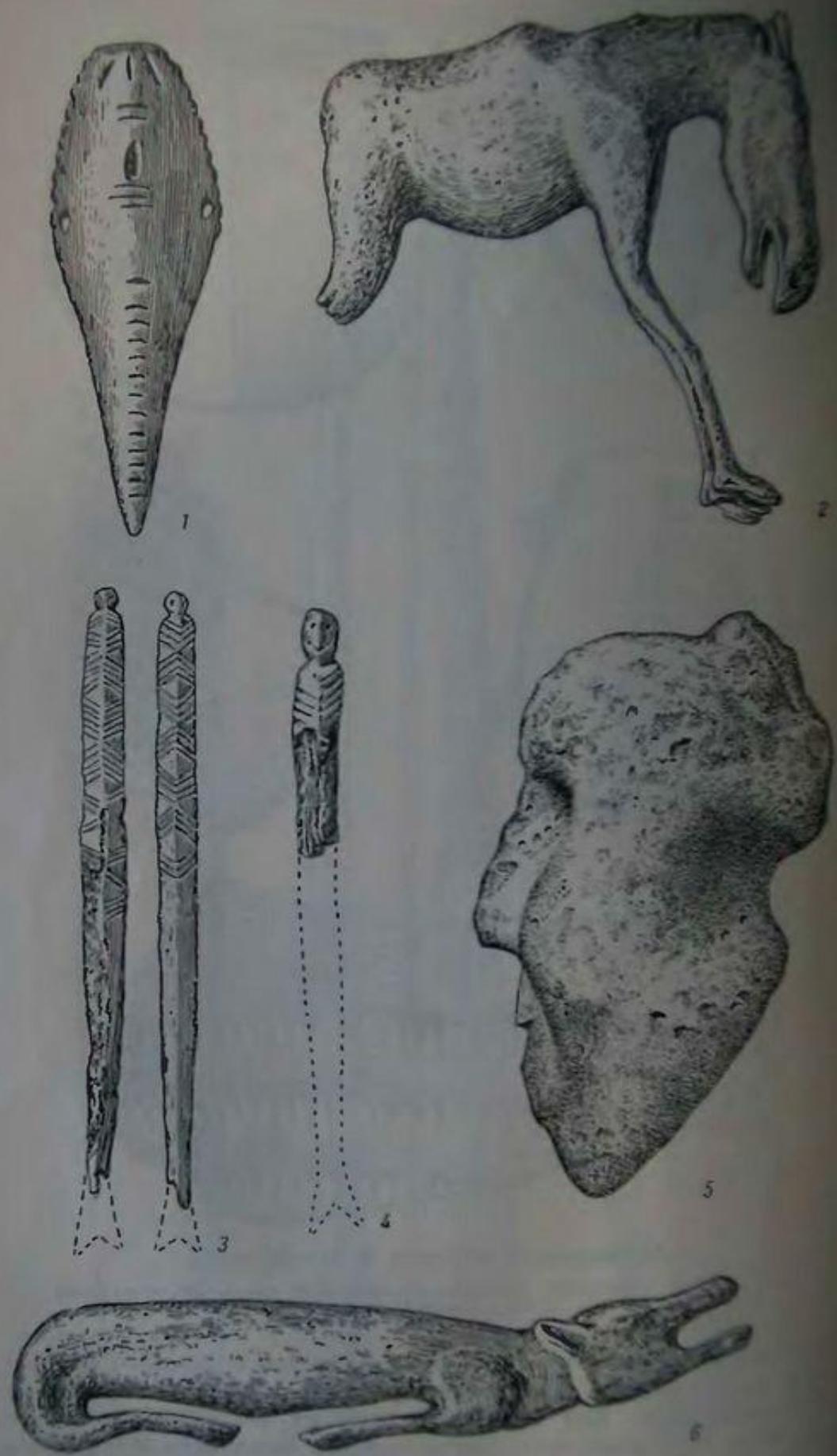
1 — кремневый наконечник стрелы; 2 — костяная игла-шипачка;
3 — костяная игла-шипачка; 4 — костяной скребок;
5 — каменный топор

Неолитическая керамика из Прибайкалья

1—4 — сосуды серовского времени; 5 — фрагмент сосуда из культурных слоев стоянки Улан-Хада

Серовские погребения и другие памятники той поры дают интересный и ценный материал для понимания духовной культуры неолитических племен Прибайкалья, для характеристики их верований и искусства. В искусстве — на первом месте реалистически выполненные изображения животных, преимущественно лосей. Складывается также и прямолинейно-геометрический орнамент определенного стиля, для которого характерно сочетание горизонтальных и вертикальных линий, а также ритмическое сочетание «пучков» коротких насечек. Погребальная обрядность серов-

Каменные и костяные изделия. Неолит Прибайкалья
1 — каменное изображение рыбьи; 2 и 6 — изображения лошадей, глиняные; 3, 4 — костяные фигурки, Глазково; 5 — скульптурное изображение щита из камня, деревня Распутово.

ского времени косвенно отражает идеи о тесной связи сородичей в «круговороте души». Большое значение в религии древних охотников имел охотничий культ лося.

В целом — материалы серовской стадии выразительно рисуют археологическую культуру лесных охотников Прибайкалья в эпоху ее расцвета.

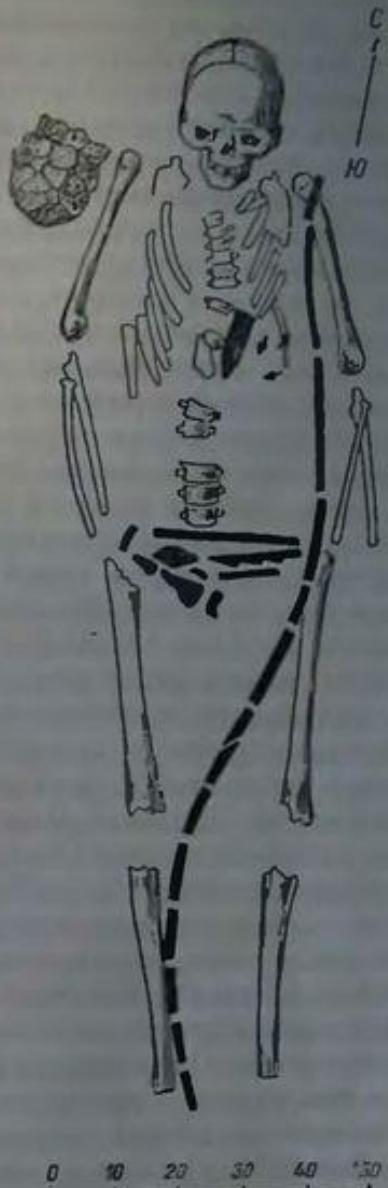
Сменяющие серовские могильники погребения китайской стадии выделяются одной специфической чертой погребального ритуала — обыкновением обсыпать мертвых красной охрой, а иногда заполнять и всю могильную яму такой охрой, смешанной с песком или землей. Среди разнообразных и нередко совершенных по технике изделий, обнаруженных как в классическом Китайском могильнике, так и в ряде других погребений (Циклодром в Иркутске, Раевтино на Ангаре, Жигалово на верхней Лене), выделяются составные крючки особого рода, имеющие на концах стержня-грузника полулунные расширения головки. Такие крючки, обязательные в каждом почти захоронении, несомненно, указывают на возросшее значение рыбной ловли.

Для Китайского могильника, находившегося вблизи источников ценнейшего сырья той эпохи — зеленого нефрита, коренные месторождения которого известны в соседних Саянских горах, характерно наличие большого количества нефритовых изделий, в том числе не законченных изготовлением болванок. Не исключено, что обмен нефритом имел важное значение в жизни племени или рода, населявшего долину р. Китоя и соседние районы, подобно тому как первобытная меновая торговля наложила в свое время резкий отпечаток на жизнь ряда племен Северной Америки и северной Азии, в значительной мере «специализировавшихся» на торговле определенными продуктами своих территорий или даже только на посреднических операциях.

Одновременно наблюдаются новые факты, свидетельствующие о каких-то важных сдвигах во внутренней социальной жизни населения Прибайкалья. Рядом со «средними» по количеству погребальных вещей захоронениями появляются единичные захоронения, особенно обильные находками, и, вместе с тем, бедные вещами могилы.

Китайский этап байкальского неолита (III и начало II тысячелетия до н. э.) еще целиком помещается в границах неолита. Никаких следов металла для этого времени не отмечается.

В то время как на берегах Байкала, на верхней Лене, Ангаре и Селенге в течение тысячелетий проходила свой путь эта оригинальная культура, в долине р. Амура и в советском Приморье развитие культуры и некотория местных племен шло особыми, своеобразными путями. Древнейшими следами деятельности человека на среднем Амуре (в районе Благовещенска)

Костяк человека с луком. Погребение серовского типа. Братский камень на р. Ангаре

являются каменные изделия, во многом сходные с позднепалеолитическими предметами, найданными в Восточной Сибири и восточной Монголии.

На нижнем Амуре, в окрестностях г. Хабаровска, около пос. Осиновка и железнодорожного моста через Амур, на высокой древней террасе левого берега, в слое суглинка, встречены остатки очагов, сложенных из бульжника, а также превосходные, отделанные тонкой солютрейской ретушью каменные лавролистные наконечники или ножи, скребки концевого типа, пластинки и оригинальные изделия,вшие напоминающие по типу ашельские рубила, которые, однако, имеют лезвия, удобные для рубящих операций. Эти находки относятся к очень ранней поре неолита, кprotoнеолиту или мезолиту. Наиболее древними следами человека в Приморье являются оригинальные каменные вещи, обнаруженные в 1953 г. около дер. Осиновки в районе г. Ворошилова-Уссурийского. Вещи эти найдены на высоком холме вблизи древнего заросшего русла речки Осиновки, тогда, очевидно, несравненно более многоводной и широкой, чем теперь. Первые жители пришли на Осиновский холм в то далеское время, когда на нем еще не было почвенного покрова. Они поселились непосредственно на выветрившейся голой поверхности гранитной скалы. Оставленные ими каменные изделия лежали в красноватой прослойке, резко выделявшейся на фоне светло-желтого суглинка, залегавшего выше. Очень вероятно, что этот слой соответствует латеритовым отложениям, образующимся в результате выветривания в условиях тропического климата. Когда площадь древнего поселения была расчищена, перед глазами исследователей оказалась характерная картина из трудовой жизни древнейшего населения Дальнего Востока. В центре располагалась своего рода «наковальня» из твердого кварцита, покрытая многочисленными выбоинами — следами длительной работы. Вокруг были рассеяны осколки камней, использованных как материал для изготовления орудий труда. Уцелели и сами орудия, изготовленные в этой первобытной мастерской из каменной наковальни. Это были странные и загадочные по их форме предметы. Они представляли собой крупные речные гальки из плотной зеленокаменной породы. Один конец галек был затесан рядом сильных, ловко направленных ударов и превращен таким образом в широкое массивное лезвие, похожее на лезвие современных топоров или сечек. Другой их конец, служивший рукоятью, сохраняет валунную корку. Подобными грубыми орудиями можно было разрубать кости или дерево, копать землю, вырывать съедобные коренья и поражать охотничью добычу. Орудия такой формы неизвестны к западу от Урала. Их, в сущности, нет и в соседней Сибири. Но тем интереснее, что они напоминают по общей своей форме и способу изготовления такие же галечные рубящие орудия в виде своеобразных «сечек», известные в каменном веке Китая, а также еще более далеких областей Азии вплоть до Бирмы и Индокитая. Осиновские находки предшествуют неолиту Приморья и могут быть отнесены к концу палеолита или, во всяком случае, к мезолитическому времени.

Тот же отпечаток своеобразия и вместе с тем определенного родства с древними культурами соседней Восточной Азии лежит и на культуре более поздних обитателей нашего Дальнего Востока.

При раскопках на том же Осиновском холме в 1955 г. над древнейшим культурным слоем оказался второй, более поздний слой. Он принадлежал другим людям и другой культурно-исторической эпохе, новокаменному веку. Эти люди, время существования которых отделено от жизни первых обитателей Осиновского холма несколькими тысячелетиями, уже умели изготавливать из камня шлифованные тесла и топоры. Они научились выделять достаточно хорошую по тем временам глиняную посуду. У них были копья с каменными наконечниками, и что еще важнее, лук и стрелы.

Самые обильные и яркие находки, относящиеся к этому времени, были обнаружены около устья реки Тетюхе. На высоком мысу при слиянии двух речек находилось когда-то обширное поселение древних охотников и рыболовов.

Как показали раскопки 1955 года, много поколений этих охотников и рыболовов сменилось на тетюхинском холме и каждое оставило следы своей трудовой деятельности, остатки своей культуры. В самом низу рыхлых отложений террасы залегали культурные остатки, свидетельствующие о том, что первые поселенцы пришли сюда уже с достаточно высокой по тем временам культурой эпохи развитого неолита.

Вместе с превосходно отшлифованными изделиями из камня, изящно отделанными тонкой ретушью (обивкой) наконечниками стрел и ножами лежали обломки больших глиняных сосудов с плоским дном. Стеники сосудов были украшены в верхней своей части простым, но эффектным узором, имитирующим как бы широкую ленту, сплетенную из полосок ткани или кожи.

Сосуды такого рода неизвестны в таежных областях Сибири, но зато близкие к ним по форме горшки употреблялись более четырех-пяти тысяч лет тому назад неолитическими племенами на юге Монголии и в северо-восточных областях Китая.

Люди нижнего горизонта Тетюхинской стоянки выделявали также превосходно отшлифованные односторонне выпуклые в поперечнике каменные тесла и изящные наконечники стрел, близкие по форме к прибайкальским. Они имели в своем распоряжении костиные или деревянные кинжалы, ножи и наконечники копий с вставными лезвиями из тщательно отрезушированных каменных пластин. По уровню развития культуры это был, следовательно, уже вполне развитый неолит. Датировать эту неолитическую культуру можно III—II тысячелетиями до н. э.

Спустя тысячу лет, т. е. около четырех тысяч лет тому назад, в жизни древних тетюхинских обитателей произошли существенные изменения.

Первым признаком нового в их жизни явились перемены в характере самого поселения. На месте древнейшего охотничьего лагеря возникло большое поселение, выросла настоящая деревня людей каменного века. Поселок состоял теперь из целого ряда прочных долговременных жилищ. На Тетюхинском холме уцелели остатки более двух десятков таких жилищ, каждое площадью около 100 кв. метров.

Когда в ходе раскопок была вскрыта одна такая яма, оказалось, что по бокам вырытой в земле прямоугольной ямы располагались глубокие ямы для хранения пищевых запасов, а в середине ее было несколько небольших очагов.

Существенно отличной была картина планировки другого, соседнего, дома. Пол его поднимался двумя уступами по сторонам центрального очага. На уступах лежали каменные изделия, оставленные древними обитателями поселения, в том числе превосходно отшлифованные каменные тесла. Вещи эти не были разбросаны случайно, в хаотическом беспорядке, как это могло показаться на первый взгляд. Напротив, в их расположении обнаруживался какой-то определенный порядок, связанный с распорядком жизни обитателей жилища и их трудовыми занятиями.

В одном месте концентрировались каменные наконечники, а в других мелкие и мельчайшие кремневые отщепы, оставшиеся от изготовления каменных орудий. На плечиках-уступах землиники размещались и остатки глиняных плоскодонных сосудов. Сосуды эти стояли когда-то целыми в вертикальном положении, но затем, когда жилище было оставлено и заброшено, свалились на бок и оказались раздавленными землей. Стены дома состояли из вертикально вкопанных вдоль его края столбов, от ко-

торых уцелели многочисленные и тесно расположенные друг около друга пещеры.

Перед нами встает, таким образом, неожиданная по изразительности картина жизни древней общины каменного века.

Первое из раскопанных на Тетюхинском холме жилищ было место, где протекала хозяйственная жизнь. Здесь находились своеобразные амбары людей каменного века в виде ям для запасов, и здесь же готовилась пища на специально сооруженных с этой целью очагах.

Второй, соседний, дом служил для иных целей. Судя по этнографическим аналогиям, вокруг центрального и единственного в доме очага возвышались широкие ступени — нары. На нарах сидели и работали обитатели жилища. Здесь изготавливали каменные орудия, в том числе каменные наконечники дротиков или гарпунов, причем мастер, выделявший эти наконечники, находился в определенном месте, к востоку от очага. Очень вероятно, что внизу, у самого очага, располагались старшие, а выше — младшие. На нарах находились также целые когда-то глиняные сосуды. В общем этот дом больше всего напоминал, повидимому, так называемые мужские дома или дома для собраний, хорошо изученные этнографами у многих отсталых племен Северной Азии и Америки в XVIII—XIX вв.

Само по себе появление таких поселков, где постоянно или длительное время жила не одна, повидимому, сотня людей, связано было с важными переменами в производительных силах и экономике населения Дальнего Востока.

Племена эти, одно из которых имело свое местопребывание на Тетюхинском мысу, по-прежнему еще не знали металла и оставались людьми каменного века, но у них появились первые признаки нового прогрессивного хозяйства — зачатки земледелия. Об этом свидетельствуют многочисленные остатки зернотерок и терочников-курантов. Окрепли, расширились также и связи их с соседними территориями и странами. Из далекого Забайкалья сюда было привезено, например, тесло, материалом для которого послужил полудрагоценный камень — нефрит. Особенно замечательны украшения в виде длинных цилиндрических бусин и кривые подвески, напоминающие кабаний клык. Эти вещи говорят о связях древних племен Приморья с населением берегов Китая и Кореи. О связях с племенами Китая и других соседних областей Азии можно судить также и по обломкам глиняной посуды. Китайцы, повидимому, знали эти племена под общим именем *сушень* или *сишень*.

Вся жизнь, весь бытовой уклад этих дальневосточных племен III и II тысячелетия до н. э. резко отличались при этом от жизни таежных охотников и рыбаков Восточной Сибири, которые не знали оседлой жизни, не строили прочных жилищ полуподземного типа, не имели плоскодонной глиняной посуды и украшали свои островерхие горшки совсем другим по стилю примитивно-геометрическим орнаментом.

В основном так же, как неолитические племена Приморья, жили их соседи в бассейне Амура, особенно в нижней его части, ниже нынешнего Хабаровска.

Развитый неолит представлен на Амуре множеством поселений; самые ранние из числа последних найдены на о. Сучу вблизи г. Мариновска и на р. Кузита у Николаевска на Амуре. На о. Сучу среди многих неолитических памятников оказались остатки одного обширного полуподземного жилища, глубоко прытого своим основанием в землю, с отвесными стенами и большим количеством им для столбов на полу ямы. В жилище обнаружены многочисленные и характерные вещественные остатки: каменные линзовидные тесла, наконечники стрел, скребки, ножи, проколки

и остроногие, обработанные краевой ретушью, палицы из изврека-
того камня вулканического происхождения, украшения или амулеты,

а также многочисленные обломки глиняных сосудов.

Керамика древнейших поселений неолитического времени на Амуре
сходна с приморской и вместе с ней в корне отличается от байкальской.
Сосуды тоже имели здесь не остродонную или круглодонную форму, а пло-
скодонную. Оттисков сетки-плетенки снаружи на них нет. Вместо этого
они покрыты тонким гребенчато-пунктирным узором в виде вертикальных,
параллельных друг другу зигзагов. Близко напоминая по форме и узору
древнейшие «цилиндрические» («сито-доки») сосуды неолитических
поселений на Японских островах, такие сосуды, повидимому, непо-
средственно происходят от оригинальных высоких цилиндрических
корзин южных областей восточной Азии и соседних островов. Эти кор-
зины имели такое же узкое, плоское дно и орнаментированную
поверхность, образованную зигзагообразным плетением из узких
растительных полосок, расположенных вертикально.

Туда же, на юг, ведут палицы из вулканического камня, кривые ук-
рашения типа *магатама*, слегка напоминающие кабаны клыки, и совер-
шенно исключительная по богатству и своеобразию орнаментика. В отли-
чие от традиционной неолитической орнаментики лесных областей Сибири
и восточной Европы амурская неолитическая орнаментика в основе своей
не прямолинейно-геометрическая, а криволинейная. В ней преобладают не
простейшие зонально расположенные узоры в виде зигзага или сочета-
ний горизонтальных и вертикальных линий, а сложные спирали, так же
как в Приморье, и замысловатые сплетения кривых полос — типа пле-
тенки. Что же касается прямолинейно-геометрических узоров, то и те не-
редко имеют здесь вид сложных меандровых композиций. Особенно неожи-
данно наличие красных лощенных и покрытых ангобом сосудов, орнамент
которых был процарапан, а затем закрашен в черный цвет. Такая роспись
сосудов живо напоминает не только находки на Японских островах, со-
зданные, повидимому, задолго до появления там предков нынешних япон-
цев, но, в особенности, замечательную расписную керамику северокитай-
ского и южноманьчжурского неолита, известную из поселений древних
земледельцев культуры яишо и из пещеры Шакутун (Шагодун)
в Цунбэе.

Основным занятием неолитических обитателей Амура, так же как и со-
ветского Приморья, несомненно, было рыболовство. В изгаре с глиняных
сосудов, найденных на о. Сучу, обнаружены остатки морских диатомей, ко-
торые, всего вероятнее, попали сюда в результате приготовления пищи из
рыбы осетровых пород, может быть, калуги. Каменные палицы из вулкани-
ческих пород служили, повидимому, как орудия, которыми глущили или
убивали этих крупных рыб при добыче. Именно рыболовство, как вырази-
тельно свидетельствуют наслежия рыбных костей, чешуи, а также раз-
личных раковин, имеющиеся в более поздних поселениях Приамурья и
Приморья, явилось основой оседлости местных племен и определило весь
их своеобразный и характерный бытовой уклад.

Третья большая группа неолитических памятников, раскрывающих
облик новой самобытной культуры, недавно обнаружена в Иркутии. Нео-
лит Иркутии, подобно байкальскому и амурскому, расщепляется на ряд
хронологических зонирований, последовательно сменивших один
за другим на протяжении многих веков. Самые ранние неолитические на-
ходки в юге Иркутии встречены в местности Юедей на Ой-Муравской
протоке в у. р. Кулаты в 40 км выше г. Иркутска, а на севере Иркутской
АССР около оз. Уолба в 20 км от Жиганска, почти на самой линии во-
допадного пруга.

Для Юедейской стоянки и Уолбы характерно наличие архангельских по типу пластинчатых наконечников стрел, сохранивших необработанной большую часть своей поверхности и лишь частично оформленных ретушью вдоль краев. На берегах оз. Уолба и соседних с ним озер встречаются целые группы неолитических поселений, характеризующих специфический уклад озерных рыболовов на протяжении двух этапов неолита.

За этими памятниками раннего неолита типа Юедейской стоянки на юге Якутии следуют другие, среди которых выделяется поселение в устье небольшой речки Малой Мунку (Малой Черенанихи) вблизи г. Олекминска. Стоянка помещалась в глубине речной долины, под прикрытием высокой древней террасы. В верхнем, дерновом слое, при раскопках поселения встречены очажки и при них немногочисленные фрагменты глиняных сосудов раннего железного века. Глубже залегал густо насыщенный культурными остатками основной культурный слой неолитического времени. Судя по находкам, обитатели поселения жили охотой и рыбной ловлей: на каждый квадратный метр раскопанной площади приходится по одному или более каменному наконечнику стрелы. Рыбу ловили костяными крючками составного типа, а также гарпунами.

Каменный инвентарь поселения содержит паряду с топорами байкальского типа (топоры с ушками) топоры весловидной формы и тесла с плециками на обушке, известные на остальном пространстве северной Азии, но отчасти напоминающие такие же орудия юго-восточной Азии и Американского континента.

Жители поселения достигли высокого совершенства в обработке камня всеми известными в неолите способами: обычной ретушью, точечной обивкой, шилением, сверлением, шлифовкой. В их распоряжении был и преобразованный материал: черный кремнистый сланец, молочно-белый, красный и других оттенков известняковый кремень, различные разновидности кристаллических пород. Они выделяли свои вещи и из полудрагоценного камня — нефрита. В отличие от прибайкальских нефритовых орудий, пожи, топоры и тесла выделялись на средней Лене не из темно-зеленого, а из белого нефрита. Типы нефритовых изделий, особенно украшенных среднеленского края, тоже отличаются от прибайкальских. В Якутии на Битиме, возможно, находился не только местный источник ценного сырья, но и особый центр изготовления нефритовых вещей, независимый от ангара-саянского.

Своим глиняным сосудам обитатели стоянки придавали характерную остродонную форму, их горшки имели часто такой же «шип» на дне, как сосуды из раковинных куч Скандинавии. Поверхность сосудов часто бывает покрыта текстильными оттисками, т. е. отпечатками колотушки, обмотанной тканью или пятнами из растительных волокон. Оригинальный простой, геометрический и только на венчике сильно отличный от богатой и щедрой орнаментики позднего неолита Прибайкалья.

За памятниками типа стоянки Мунку следуют поселения типа раскопанного на оз. Ымыяхтах в Соттинском наслеге Усть-Алданского района Якутской АССР, в 60 км к северо-востоку от г. Якутска. Это была типичная стоянка озерных рыболовов, куда они периодически приходили в течение длительного времени, на протяжении которого здесь образовался культурный слой мощностью до 60—70 см. Культурные остатки гуще всего группировались около очажков, представлявших собой скопления золы.

Керамика, по сравнению с находками на стоянке Мунку, представлена немногочисленными и однообразными образцами: вместо прежней текстильной керамики преобладает ложнотекстильная керамика с простейшим линейным резным узором в виде треугольников, свисаю-

цих с венчиком,¹ есть несколько фрагментов гладкого сосуда с налепными валиками. В каменном инвентаре выделяются наконечники стрел с прямым и овальным насадом, а также шуклевидные полиздрические (т. е. многогранные) резы.

В культурном слое изобиловали кости рыб, вместе с которыми оказались кости лося и одного человека, одинаково обожженные и разбитые, свидетельствующие, повидимому, о каннибализме.

Особого расцвета в неолитическое и последующее время на территории Якутии достигают паскальные росписи. Наиболее замечательными из таких росписей являются многочисленные рисунки, выполненные красной краской на скале Суруктах Хая, в долине небольшой речки Мархи, впадающей в Лену ниже Олекминска. Писаницы Мархинской Суруктах Хая датируются находками из обнаруженного там жертвенного места. Вверху лежали наконечники стрел железного века, ниже — предметы бронзового века, а еще глубже — позднеолитические наконечники стрел и скребки, отщепы, перламутровые бусы, фрагменты игольников, орнаментированных прямыми резными линиями. Начало культового почитания скалы Суруктах Хая надает, таким образом, на позднеолитическое время.

Самыми же древними на средней Лене должны быть признания изображения лосей на скале у дер. Чуру и близкие им по стилю другие такие же изображения, отличающиеся большим реалистическим мастерством, динамичностью и жизненностью в передаче форм тела животных. В дальнейшем наблюдается преобладание схематических изображений и утрата былых реалистических признаков.

На севере Якутской АССР при общем значительном единстве культуры с югом Якутии в неолитическое время обнаруживаются некоторые особенности хозяйственного быта и отчасти связанное с ними своеобразие материальной культуры. По-своему здесь протекает, повидимому, и смена хронологических стадий неолита.

На оз. Уолба и соседних с ним озерах в районе Жиганска встречена целая группа неолитических поселений, характеризующих специфический уклад озерных рыболовов — балыксов на протяжении двух основных этапов неолита. Самыми ранними являются могильник и поселение на кырдале (бугре) между озерами Уолба и Жиркова. Могилы не имели внешних признаков. Кости лежали в грунтовых ямах, осажденные красной минеральной краской — охрой, подобно костякам из Китойского могильника на Ангаре и Оленьего острова на Онежском озере в Карелии. При одном костяке были найдены крупные каменные наконечники стрел архангельского типа — в виде ножевидных пластин, ретушированных только по тину наконечники стрел, как в могильнике, а вместе с ними наконечники особого рода, в виде «шашек», т. е. трехгранные в поперечнике, скошены, ретушированные. Найденные здесь остатки килища имели вид овального углубления с почти отвесными стенками, заполненного мешаной супесью с значительной примесью красной охры и каменными изделиями. Последние представлены были большим количеством крупных ножевидных пластин правильной огранки, изготовленных из черного кремнистого сланца. Верхний слой Уолбинского кырдала дал находки иного рода. Появляется довольно обильная ложнотекстильная керамика. Наконечники стрел приобретают обычный неолитический облик: они небольшие,

¹ Ложнотекстильная керамика — керамика, покрытая оттисками в виде шахматной мелкочастичной сетки, произведенными ударами специальной лопаточки с вarezами на ее поверхности.

двусторонне ретушированные, снабжены отчетливо выделенным черешком. Широкое распространение теперь имеют здесь резцы нового типа: многоугольные с отчетливо выделенной рукоятью, изготовленные из сработанных нуклеусов, тогда как ранее употреблялись архаические резцы на углу сломанных пластин или специально сделанные из кремневых отщепов резцы бокового типа с ретушью на верхнем конце.

Поблизости от Уолбинского кырдала оказались и другие поселения, одновременные образованию верхнего слоя кырдала. Следов жилищ в виде землянок на них не встречено, но зарегистрированы особые очажные ямы с зольными выбросами при них. Такие очаги могли сопровождать летние жилища с каркасом из ивовых прутьев, известные на Амуре под названием *холоран*, а у ленских якутов называющиеся *отту*.

На данном этапе, а может быть и раньше, неолитические племена достигают и более северных областей Якутии — вплоть до берегов Ледовитого океана. По берегам Лены, между Жиганском и Чокурковой, в ряде мест выявлены остатки культуры бродячих охотников тундры и лесотундры каменного века. Это были следы временных стойбищ, где помещалось одно или несколько легких переносных жилищ типа чума. На месте, где стояли такие жилища, обнаруживаются обыкновенно крайне немногочисленные, а вместе с тем очень выдержанные по своему ассортименту находки: несколько мелких отщепов и ножевидных пластин, один или два охотничих мужских ретушированных ножа, напоминающих по форме наконечники копий, один-два наконечника стрел, реже скребки. Керамика была известна, но образцы ее на стоянках встречаются крайне редко.

Кроме таких стоянок, в тех же районах найдены одновременные им памятники особого рода. На высоких скалистых мысах, со всех сторон обдуваемых ветром — избавителем от гиуса, обнаруживаются тысячи каменных отщепов, сконцентрированных обыкновенно на очень ограниченном участке, площадью не более 15—20 м². Вместе с отщепами лежат и орудия, служившие для обработки камня, овальные или цилиндрические по форме гальки с выбоинами на концах, отбойники. Обычных по типу заготовок в виде не законченных отделкой вещей определенных форм, т. е. скребков, наконечников, ножей, здесь очень мало. Зато много первично отесанных близанок, своего рода полуфабрикатов, которые могли быть употреблены впоследствии для изготовления любого изделия. Древние мастера, таким образом, ставили своей целью лишь вчерне заготовить камень, освободить его от ненужной тяжести в виде корки, трещиноватых участков и подготовить для переноса в другие места, где нет такого поделочного камня, на более или менее далекое расстояние. Такие своеобразные нижнеленские мастерские, следовательно, вполне соответствуют по своему характеру временным стойбищам бродячих охотников лесотундры, которые непрерывно меняли свое место пребывания, смотря по сезону и в зависимости от перекочевки диких, особенно табунов северного оленя.

Точно такие же в основных очертаниях, как и в низовьях Лены, неолитические памятники известны далеко к востоку от Лены, в долине Колымы. Они обнаруживаются и в глубине Чукотского полуострова, где тоже издавна существовала древняя континентальная культура, предшествовавшая культуре оседлых морских зверобоев. Следы последней оказались, например, в центральной части полуострова на р. Амгуэме, где найдены ножевидные пластины и нуклеусы, совершенно отсутствующие в древних прибрежных поселениях, но известные на материковых поселениях Аляски, например на стоянке в районе «Университетской фермы» в Фэрбенксе. На Амгуэме обнаружены также превосходно обработанные отжимной ретушью наконечники стрел листовидной формы.

Памятники лесного неолита Западной Сибири, северного и восточного Приуралья остаются еще очень слабо изысканными. Однако даже и то немногое, найденное в настоящее время, показывает, что и здесь развитие древних культур шло своими путями. Известно, например, что в северной части бассейна Оби встречаются многочисленные древние поселения, состоявшие из землянок. Поселения эти расположены на мысах и ярах в болотистых приозерных местах и потому не имеют следов укреплений — ни рвов, ни валов; достаточной защитой служила окружавшая их природа. Землянки в поселениях очень велики: площадь их достигает 625 м². Подобные постройки должны были сооружаться соединенными усилиями целого коллектива и несомненно служили общинно-родовыми жилищами. Землянки, хотя и значительно меньших размеров, продолжали здесь существовать в качестве основного вида жилища и спустя 3—4 тыс. лет. Они были в употреблении на Оби еще в XVIII—XIX вв. под названием *мыс-хат*, т. е. земляной дом. В древних землянках на северной Сосьве оказались шлифованные и обитые орудия из камня, в том числе долота, ножи, скребки, наконечники стрел, вместе с обломками тонкостенных горшков лягушиной формы. Горшки обыкновенно были украшены гребенчатым ямочным узором, сходным с орнаментикой, типичной для сосудов из среднеуральских поселений позднеолитического времени — около 2000 г. до н. э.

Несколько позднее, в конце второго и начале первого тысячелетия до нашей эры, общий характер материальной культуры жителей нижнего Приобья изменяется. Сосуды становятся разнообразней по форме и орнаменту. Появляются плоскодонные горшки и блюда или миски. Орнамент обогащается. Впервые наблюдаются сложные сочетания тисненых ромбиков, образующих как бы своего рода сетку. Возникают изящные меандровидные узоры, сходные как с шигирскими Урала, так и с орнаментикой степной андроновской культуры. Они отчасти сходны также и с неолитической орнаментикой советского Дальнего Востока. Сходство это простирается и дальше, на другие области их культуры.

Как амурские племена, жители Приобья занимались преимущественно рыболовством. Огромная река с ее многочисленными старицами, протоками и озерами доставляла людям не менее верный источник существования, чем Амур для его пеолитических обитателей. Рыболовство определило не только тип жилищ или керамики, но и многие другие черты быта, вплоть до одежды из рыбых шкур. «Одежда их, — писал в начале XVIII в. Гр. Новицкий, — обще из кожей рыб напиче с палима, иже подобен сому, тот же осетра и стерлядей одерше кожу только трудами своими умягчает, яко могут все одеяния себе из них сошити, обще же из палимей кожи — кожаны, с иных же чулки, сапоги утворяют». И эта черта также родит жителей Оби с амурскими племенами, которых китайцы исстари называли «рыбекожими».

Общее сходство образа жизни и общность хозяйственно-бытового уклада, вопреки разделяющим эти области северной Азии колоссальным пространствам, закономерно привели к конвергентному возникновению во многом сходной материальной культуры древних рыболовческих племен на Оби и Амуре.

БРОНЗОВЫЙ ВЕК НАСЕЛЕНИЕ СТЕПНОЙ ПОЛОСЫ

В то время как различные племена, заселявшие колоссальные пространства — таежные области Сибири, тундру и лесотундру, а также районы Приморья и Приамурского края, — еще в конце неолита и начале

бронзового века продолжали жить прежней жизнью охотников и рыболовов, в соседних степях совершились, как мы увидим ниже, события исключительной важности.

События эти развертывались почти одновременно к западу от Байкала, в Минусинском районе и на Алтае, с одной стороны, и к востоку от него, на территории лесостепного и степного Забайкалья, — с другой. Раньше всего они начинаются, повидимому, на западе.

В конце третьего или в самом начале второго тысячелетия до нашей эры в Минусинском крае и на Алтае существовала замечательная афанасьевская культура. Она во многом имела еще прямую связь с культурой каменного века.

Таковы прежде всего форма и орнаментика глиняных сосудов, найденных в большом количестве в могилах афанасьевского времени. Сосуды эти имеют заостренное дно и удлиненно-яйцевидную или реповидную форму. Снаружи они сплошь покрыты узором, напоминающим неолитический, особенно в тех случаях, когда орнамент расположены горизонтальными рядами или поясками. Вместе с такими сосудами в могилах встречены также каменные изделия неолитических форм: шлифованный топор, кремневые наконечники стрел, «секира», а на стоянках, кроме того, оказались ножевидные пластинки и другие мелкие изделия из камня. Подобно неолитическим охотникам, люди афанасьевского времени попрежнему охотно украшали себя подвесками из звериных зубов.

Связь с неолитом отражена погребальным обрядом афанасьевского времени: мертвых хоронили поблизости от рек, в грунтовых ямах, выложенных камнями, лишь позднее стали сооружать первые курганы; при похоронах употребляли красную краску — кровавик.

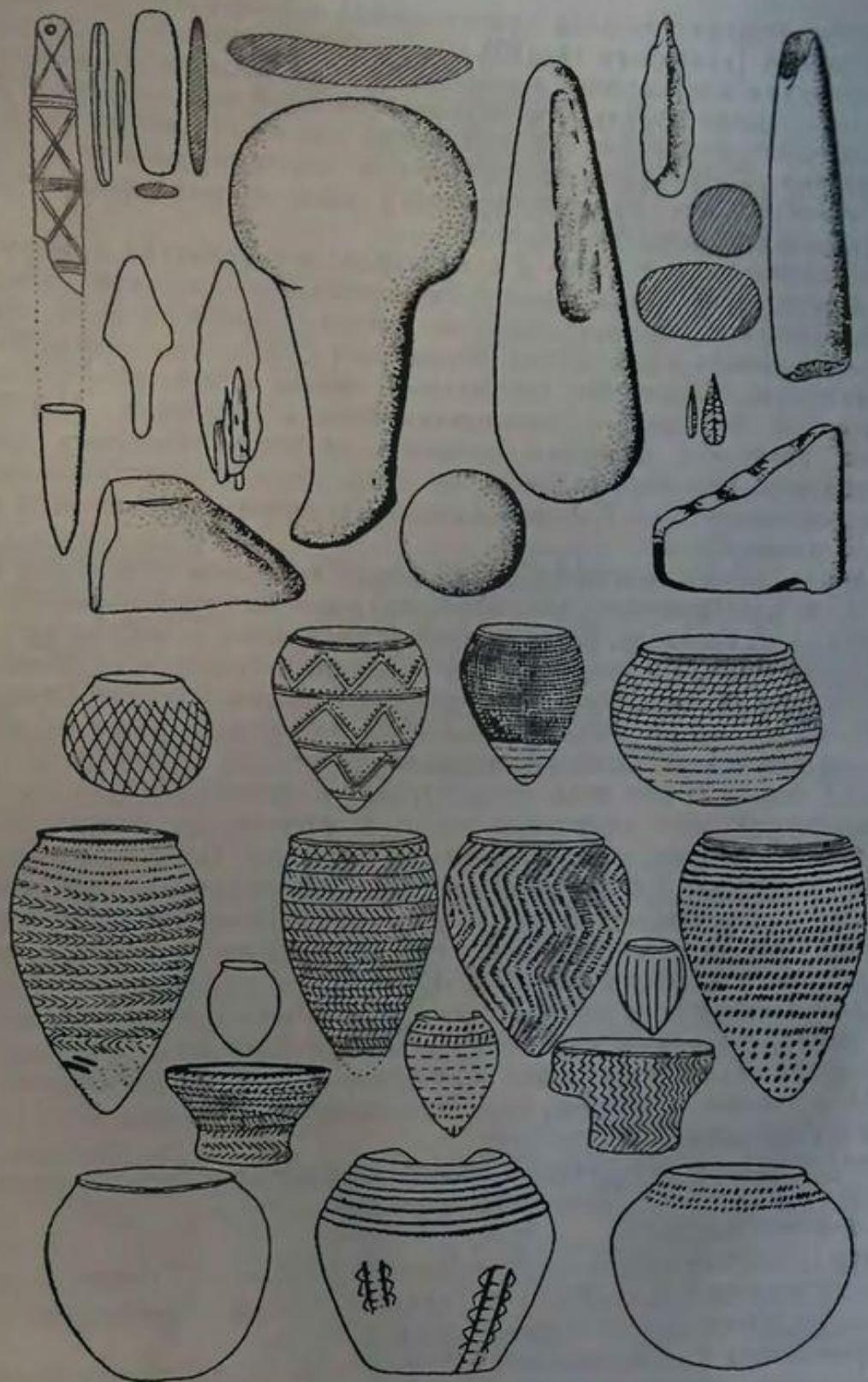
Особенно существенно то, что в могилах афанасьевского времени обнаружены первые изделия из меди и остатки домашних животных, притом важнейших из них: овцы, лошади и коровы. Афанасьевцы были, следовательно, не только первыми металлургами степей юго-западной Сибири, но и первыми скотоводами северной Азии. Правда, металлические изделия из афанасьевских могил еще очень немногочисленны и примитивны по форме. Это — грубые оковки деревянных сосудов, простейшие листовидные ножи, височные колечки, медные игольники. Однако металл был уже хорошо известен и, несомненно, высоко ценился.

Скотоводство тоже имело еще очень первобытный характер. Молоком, видимо, еще не пользовались, как не пользовались и тягловой силой домашних животных. Но все же в виде стад домашних животных теперь были приобретены несравненно более надежные и постоянные запасы пищи. От домашнего скота их владельцы получали также и материал для одежды. Пастухи-афанасьевцы умели прядь шерсть и делать из нее нитки; они, следовательно, легко могли изготовить шерстяные ткани, взамен более древних, изготавливавшихся из растительных волокон.

Из сказанного следует, что с возникновением афанасьевской культуры ранних скотоводов именно степи, в отличие от тайги, стали областями передового хозяйственного уклада — центром нового производящего хозяйства. Приручив животных и перейдя к скотоводству, степняки вышли далеко вперед по сравнению со своими соседями, обитавшими в лесах и тундрах.

Отныне на севере Азии существовали рядом уже не близкие друг другу, не единообразные, а совершенно различные по хозяйственному укладу и характеру культуры общества.

Такое соседство не могло не повлечь глубоких последствий как для скотоводов, так и для оседлых земледельцев Старого Света, которые хо-

Предметы из погребений. Афанасьевская культура

дом исторических событий тоже в скором времени были вовлечены в определенные взаимоотношения со степными скотоводами. Так в степях Азии образовался клубок сложных связей, которые сыграли свою роль во всемирной истории человечества.

Костики людей афанасьевского времени дают представление и о физическом облике создателей этой яркой и характерной культуры, существовавшей на Енисее в III—II тысячелетии до н. э.

Костные остатки человека афанасьевской культуры характеризуются долихокранией (указатель 74—76), сильно выступающими носовыми kostями, широким и невысоким лицом, сильно развитым надбровьем. Носители афанасьевской культуры отличались высоким ростом (около 168 см) и крепким телосложением. Их физический тип обнаруживает европеоидные признаки. Г. Ф. Дебец отмечает в нем черты кроманьонского или, как он его называет,protoевропейского типа, широко распространенного в палеолите Западной Европы.

Очень важно поэтому, что и в материальной культуре афанасьевцев есть ряд черт западного и южного происхождения: раковины моллюска *Corbicula fluminalis*, происходящие из района Аральского моря, курильницы катакомбного типа, следы росписного орнамента, обнаруженного на одном сосуде Тесинского могильника, общее значительное сходство афанасьевской керамики с кельтесиарской в низовьях Аму-Дарьи. Сюда же, очевидно, относится довольно развитая обработка металлов и скотоводство. Все это указывает на определенные связи афанасьевцев с племенами Запада, т. е. Средней Азии, Приуралья и Поволжья, а может быть, и Причерноморья.

За афанасьевским этапом в степях следует андроновский (около 1500—1200 гг. до н. э.). Памятники андроновского времени распространены в Минусинском крае, на Алтае, в Казахстане и Приуралье — вплоть до г. Чкалова. Черты сходства с андроновской керамикой отмечаются также в находках в низовьях Аму-Дарьи, в северной Киргизии и районе Семиречья. Культура андроновского времени выросла из афанасьевской, о чем паглядно свидетельствует сходство раннеандроновских (окуневский хронологический этап) сосудов и их орнаментации с афанасьевскими сосудами.

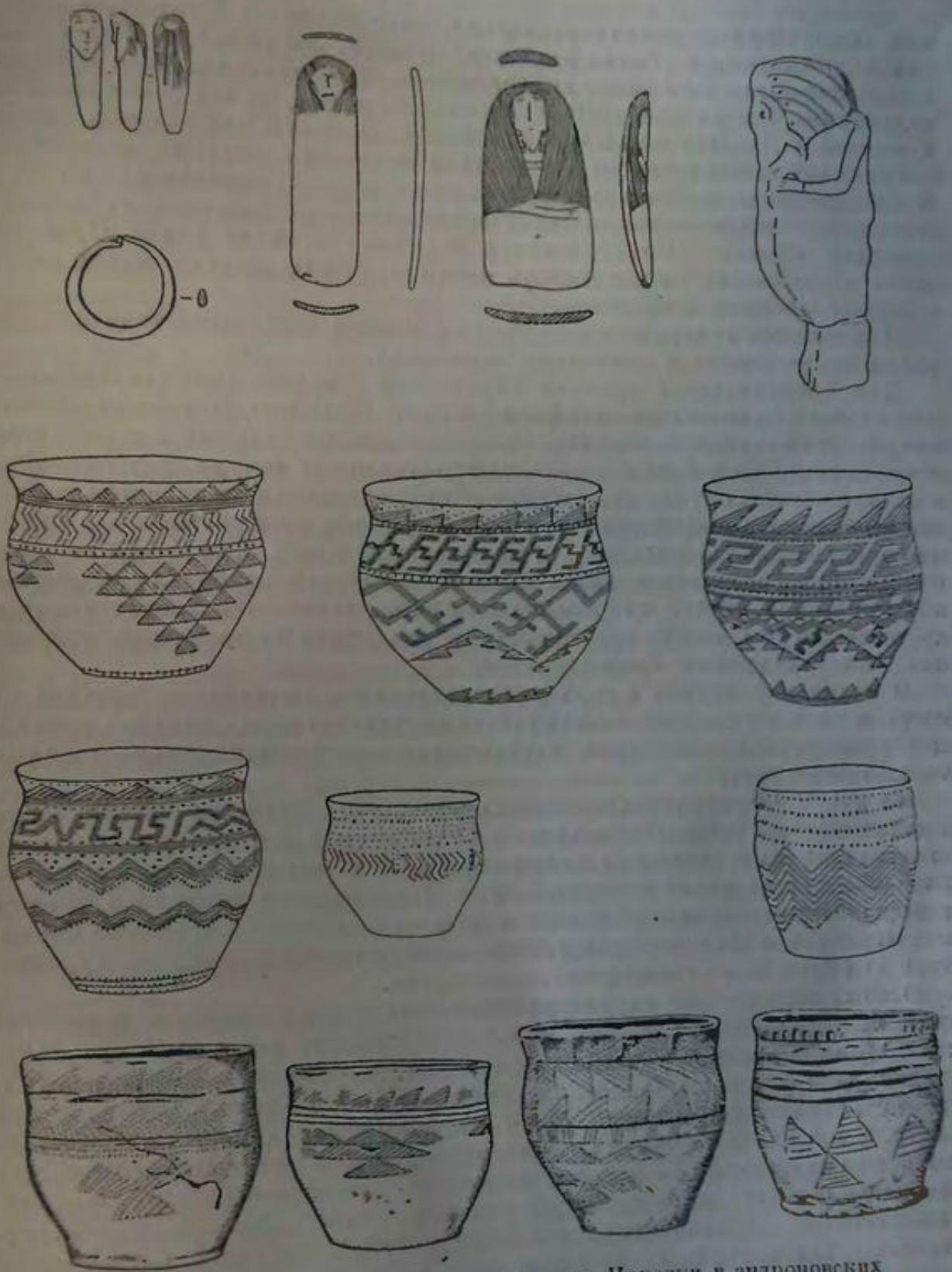
Андроновский этап характеризуется, в отличие от афанасьевского, уже не круглодонными, а плоскодонными сосудами, богато орнаментированными меандровым узором, а также разнообразными и совершенными изделиями из металла, в том числе кельтами, вислообушенными топорами, кинжалами, наконечниками копий с втулкой, напоминающими так называемые сейминские наконечники в Поволжье и турбинские на Урале.

В андроновское время местная металлургия поднимается, таким образом, на высокий уровень. Возникает и быстро развивается горное дело, в том числе добыча не только меди, но и олова, а также золота. Источником олова были рудные месторождения Калбинского и Нарымского хребтов в верховьях Иртыша.

О дальнейшем росте скотоводства в андроновское время свидетельствует, по данным С. В. Киселева, появление овец двух пород — трубочерстной и тонкорунной.

Наряду со скотоводством особо важное значение в хозяйстве приобретает теперь земледелие, особенно к западу от Алтая. Земледелие определило оседлый образ жизни андроновских племен.

При раскопках у с. Алексеевского на р. Тоболе в Кустанайском районе обнаружены, например, остатки поселения из пяти прямоугольных землянок площадью до 250 м², относящегося к концу андроновского этапа. Крыша жилищ, очевидно, из соломы и дерна, опиралась на целую серию прочно вкопанных в землю деревянных столбов, способных выдержать большую нагрузку. Стены домов тоже, должно быть, были устроены из дерева. Землянки отапливались очагами. Кроме центральных каменных очагов, в них помещалось еще несколько очагов, вероятно обслуживавших отдельные парные семьейства. Около жилищ находились загоны для скота (лошади, коровы, овцы и козы). О том, что жители поселка занимались земледелием, свидетельствуют не только найденные в нем каменные зернотерки, такие же мотыги и бронзовый серповидный нож-секач для рас-

Антропоморфные изображения на керамика. Найдены в андроновских могилах и в ринекарасукских погребениях

чистки земли под посев от кустарника, но и жертвенное место. В последнем, на дне специально вырытых ям, оказались остатки жженых зерен пшеницы и соломы. Развитие земледелия, скотоводства и горного дела у степных племен Сибири способствовало расширению обмена. Все это вместе взятое обусловило важные сдвиги в их общественном строе.

Для определения общественных отношений богатый материал дают андроновские погребения. На фоне массовых погребений с единичным и скучным в основном инвентарем выделяются отдельные захороне-

ния, отличающиеся своими размерами, устройством и богатством погребального инвентаря. Такое различие, отчасти, наблюдалось уже в яфнашевское время, но к концу андроновского этапа оно становится особенно наглядным. Теперь появляются большие курганы, вроде исследованных в местности Бес-Оба под Каркаралинском. В некоторых могилах вместе с крупными металлическими изделиями встречены золотые украшения. В планировке погребений обнаруживаются черты, указывающие на естественное и неизбежное для скотоводческих племен развитие патриархально-семейной общины. В андроновском могильнике около улуса Орак kostiki погребенных располагались попарно; в них лежали рядом друг с другом женщина и мужчина.

О духовной культуре андроновских племен дают представление образцы их искусства и культовые памятники.

Для андроновского времени характерен богатый прямолинейно-геометрический орнамент на глиняных сосудах. Орнамент этот почти сплошь покрывает поверхность сосудов. Он состоит из правильных и строго симметричных фигур в виде зигзагов, заштрихованных внутри треугольников и меандра, иногда очень прихотливо скомбинированных в сложные композиции. В основе композиции находится принцип горизонтального членения орнаментальной поверхности на отдельные пояса. При этом в верхнем поясе узор располагается строго ограниченными по горизонтали непрерывными полосами. Внизу же размещаются лишь ритмически повторяющиеся крупные фигуры в виде треугольников или углов из элементов меандра или заштрихованных треугольников.

В могилах у церкви в г. Абакане оказались уникальные изделия из кости, в виде двух гладко отшлифованных пластинок, на которых тончайшей гравировкой выполнены изображения оригинально стилизованных человеческих лиц.

На одной пластинке имеется лицо женщины с длинным тонким носом и узким подбородком, обрамленное с обеих сторон длинными и пышными волосами. В ушах женщины видны серьги из нанизанных бус, на шее — ожерелье или вышитый ворот рубашки. Эти предметы позволили отнести к андроновскому времени близкие к ним по характеру некоторые каменные изваяния в Минусинских степях, изображающие, повидимому, женские божества или женщины-прародительниц.

Особый интерес для характеристики искусства, а заодно и верований древних племен Минусинского края представляют замечательные монументальные изваяния — стелы, которые ранее считались карасукскими, а теперь датируются андроновским временем (М. П. Грязнов). Они известны только в Минусинском крае. Стелы эти покрыты различными изображениями, в том числе кружками, от которых отходят лучи. Важнейшей особенностью карасукских изваяний является своеобразные «личины», напоминающие морду быка или коня, поперек которой проходит обычно широкая полоса, напоминающая недоузок. Кроме того, на карасукских «масках», или «личинах», по бокам бывают виды рога и волнисто поднимающиеся вверх изогнутые полосы, обрамленные торчащими в стороны короткими линиями. Есть случаи, когда, кроме обычных двух глаз, изображены и еще один, третий, на лбу. Известны также изваяния с головой барана.

О культе солнца свидетельствует найденное в местности Бес-Оба сооружение в виде округлой площадки, которую окружали каменные плиты, размещенные подобно лучам. Тесная связь религиозных представлений и обрядов земледельцев андроновского времени с их земледельческим бытом отражена характером жертвенного места в раскопках у пос. Алексеевского, где оказались ритуальные ямы, заполненные ижевским хлебом.

Скелеты из погребений андроновского времени на территории Минусинского края и Алтая обнаруживаются в целом тип, близкий к афанасьевскому, т. е. тоже европеоидный, но отличающийся от последнего более высоким черепным указателем (т. е. более круглым черепом), более прямым лбом и более низким лицом. Эти же черты характеризуют черепа из андроновских погребений Западного Казахстана, что вместе с близостью инвентаря западносибирских и казахстанских погребений андроновской культуры может свидетельствовать о проникновении андроновского антропологического типа в юго-западную Сибирь из степей Казахстана (Г. Ф. Дебец).

Несомненно и наличие достаточно крепких культурных связей между андроновцами Сибири и их современниками, обитавшими к западу от Оби, вплоть до Урала и Поволжья, где существовали в это время срубно-хвалынская и сейминско-турбинская культуры, по многим признакам близкие к андроновской.

Таким образом, основная область распространения андроновской культуры и андроновских племен находилась в степях Западной Сибири, Северного и Восточного Казахстана, тогда как в Минусинском районе было лишь самое восточное окраинное ее крыло.

Следующий этап развития культуры бронзового века в классическом выражении представлен памятниками карасукского типа на Енисее, в Минусинской котловине, охватывающими время около 1300—800 гг. до н. э.

Карасукский этап на Енисее характеризуется прежде всего своеобразным размещением могильников. Они, как правило, расположены не вблизи, а в отдалении от рек, в степях у озер и мелких речек и ручьев, в местах, удобных для скотоводства. Особо важное значение скотоводства в хозяйственной жизни карасукского населения Минусинского края подтверждается широко распространенным обычаем класть в могилы мясо домашних животных, особенно овцы (58.6%, по подсчету С. Е. Киселева). В могилах встречаются также кости коровы, лошади. Кроме лошади и крупного рогатого скота, в распоряжении карасукских скотоводов имелся и верблюд. Наличие верблюда, если, конечно, он был домашним, интересно тем, что прямо указывает на связи со степными районами Центральной Азии, а вместе с тем на большое значение скотоводства в хозяйстве карасукцев.

В связи с этим обращает на себя внимание и наличие на стеле, найденной в с. Знаменке, выбитого изображения четырехколесной повозки, с установленной на ней кибиткой, свидетельствующей о большем развитии подвижного кочевого уклада жизни древних скотоводов на Енисее. Кибитки эти такого же в принципе устройства, какие хорошо известны у кочевых народов позднейших времен.

Новый, прогрессивный сдвиг в культуре населения Минусинского края этого времени виден и в области обработки металла. Появляются новые формы кинжалов, ножей и других металлических изделий. Таковы, например, новые виды бронзовых кельтов, резко отличных от более древних, андроновского времени. Вырабатываются различные варианты ножей, кинжалов и даже мечей, общими признаками которых являются своеобразные выступы — шипы или уступы — при переходе от рукоятки к клинку, а у ножей, кроме того, характерный коленчатый изгиб и изогнутость кончика клинка. Широко распространяются клевцы, серпы. Оформляются металлические украшения новых типов, в том числе характерные широкие и массивные браслеты, перстни, ланцетные подвески. Техника литья медных и бронзовых изделий поднимается до уровня настоящего художественного мастерства.

Одновременно отмечается дальнейший рост обмена, отражающийся прежде всего в широком распространении металлических изделий карасукских типов. Такие вещи встречаются не только в соседних с Минусинским краем лесных районах по Ангаре или на верхней Лене, но и в глубине Якутии. Еще интереснее, что они прослеживаются далеко на запад от Енисея, в лесном Приуралье (Турбинский могильник) и в Европейской части СССР (Сейминский могильник у г. Горького).

Дальнейшее развитие производительных сил и общий расцвет хозяйственной жизни вызвали рост населения. Это видно из того, что количество захоронений в могильниках значительно больше, чем в андроновских кладбищах. Не редкость — могильники, состоящие из десятков и даже сотен карасукских могил.

Рост населения сказался, понятому, и в продвижении карасукских племен из степи в лесостепь, вплоть до горнотаежных областей, на запад и юго-запад от Минусинской котловины. В этих областях теперь тоже возникают местные очаги культуры, близкой по ряду признаков к карасукской Минусинского края, хотя и обладающей различными своеобразными чертами. Так произошло на среднем Енисее у Красноярска, на Оби у Томска, на Алтае. Еще дальше распространялось влияние культурных связей, наложивших свой отпечаток даже на культуру таких глубоко северных племен, какими являлись жители долины Вилюя, а также племен Казахстана и Приуралья.

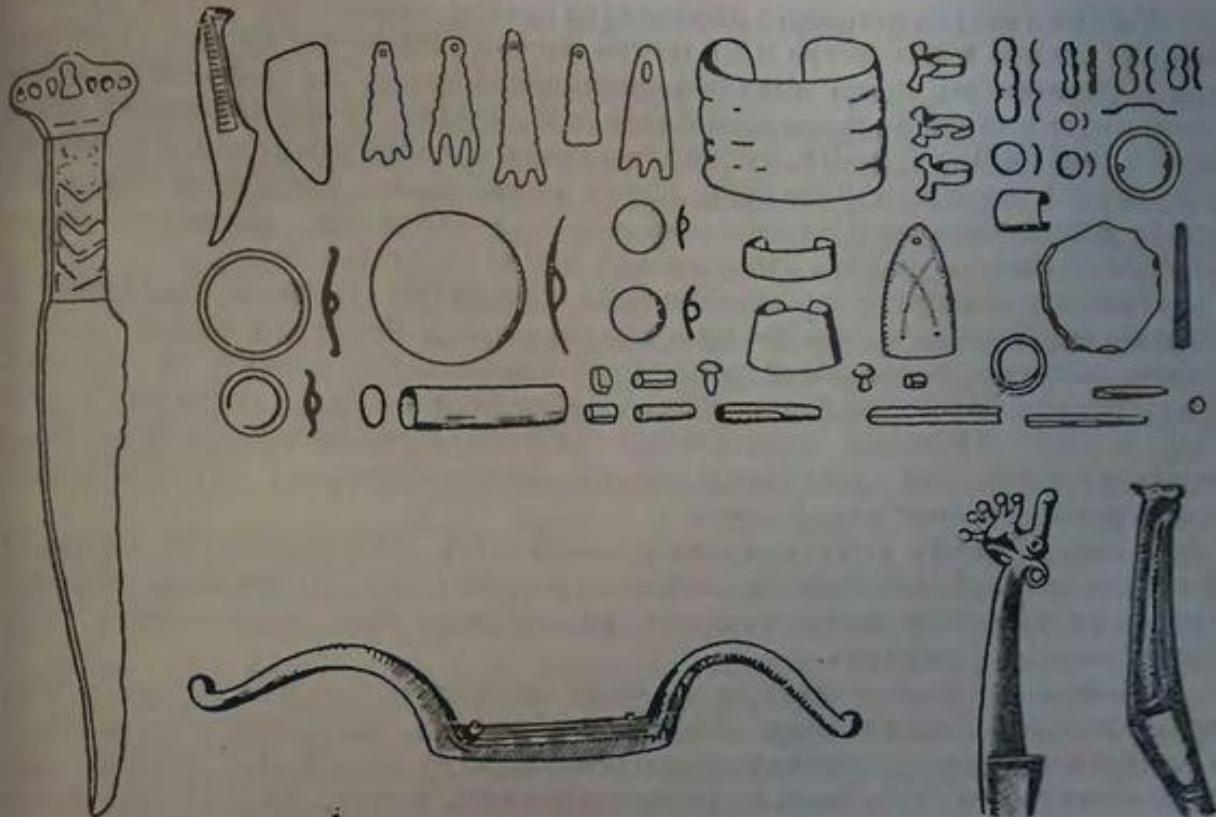
Общественный строй продолжал развиваться в том же направлении, как и в андроновское время, т. е. по линии укрепления патриархально-родового строя. Об этом свидетельствует планировка огромных карасукских кладбищ, в которых отдельные могилы выступающими над землей плитами своих оградок часто образуют настоящую сетку. При небольшом числе могил в таких могильных комплексах последние могут рассматриваться как малые кладбища отдельных семейств, т. е. патриархально-семейных общин, объединенных в роды.

Способение и высокий уровень карасукской культуры по сравнению с предшествующим временем нашли наиболее яркое выражение в памятниках искусства. Таковы прежде всего образцы художественного литья, представленные изделиями утилитарного назначения: ножи и книжалы, покрытые геометрическим орнаментом и скульптурными украшениями. Рукоятки ножей и книжалов заканчиваются часто изумительными по живости и реалистичности выполнения головами животных, главным образом барана, лося, реже быка. Однако реализм этих скульптурных изображений, отлитых с большим техническим совершенством и смелостью, осложнен своеобразной, слегка примитивизирующей их стилизацией, подчеркивающей те или иные наиболее характерные признаки или детали изображаемых животных.

Так в работах карасукских литейщиков впервые намечаются специфические черты того звериного стиля стенных племен, который затем достигнет расцвета в искусстве первого тысячелетия нашей эры у скифов Причерноморья и Средней Азии, у жителей южной Сибири и далекой Монголии.

В то же время металлические изделия карасукских типов обнаруживают замечательное по яркости сходство с изделиями из Северного Китая, в том числе найденными в могилах чинской (шанской) династии, раскопанных на территории столицы этой династии, основанной около 1400 г. до н. э.

Не менее ясно выражено и сходство карасукских сосудов с сосудами из древних погребений того же, примерно, времени, найденных в районах, примыкающих на северо-востоке к Северному Китаю, в Жэхэ. Сюда от-

Предметы из погребений карасукского времени

иссятся, например, круглодонные сосуды и сосуды в виде цилиндра с ушками по бокам.

Положение о близости карасукской культуры Минусинского края к бронзовой культуре Северного Китая и соседних с ним степей восточной Азии, впервые аргументированное С. А. Тенлоуховым на археологическом материале, обстоятельно развили и обосновали С. В. Киселев. Согласно взглядам последнего, в иньское время в южную Сибирь, вплоть до Минусинского края, проникает сравнительно небольшое количество переселенцев с востока. Это движение с юго-востока Азии на север, как полагает С. В. Киселев, было вызвано возникновением в Северном Китае древнейшего, иньского государства и дальнейшим его наложением на соседние племена, вынужденные в результате отступить на север.

Переселенцы с юго-востока привнесли с собой на север и запад новую, более высокую культуру, созданную в Северном Китае и оказавшую прогрессивное влияние на культуру коренного афанасьевско-андроновского европеоидного населения Сибири, продолжавшего попрежнему жить на своей родине, но смешавшегося с пришельцами.

Как уже отмечалось, вещи карасукских типов проникали и далеко на запад — вплоть до Урала (Турбино) и Горького (Сейминский могильник). Однако монголоидная примесь в костях из погребений западного Алтая и Северного Казахстана этого времени отсутствует. Во многом отлична здесь и культура, сохранившая андроновские традиции. Здесь попрежнему, следовательно, продолжало существовать древнее земледельческое население андроновского времени, устойчиво развивавшее свою культуру.

По-своему сложились также и судьбы племен лесостепного и степного Забайкалья.

Уже в конце глазковского времени (см. ниже) здесь намечаются существенные сдвиги в хозяйстве и культуре местных племен. Рядом с древними остродонными сосудами появляются плоскодонные, по характеру своей ложнотекстильной орнаментики близкие к сосудам древнекитайских поселений типа из Чен-Цзы-Яй, предшествующих памятникам иньской династии («культура черной керамики»). Среди украшений в инвентаре Фофановского могильника на Селенге есть морские раковины, доставленные из южных морей, из района Молуккских и Японских островов.

Наконец, вместе с металлическими изделиями карасукских типов и каменными топорами, сходными с находимыми в Северном Китае, на Селенге впервые появляются домашние животные — лошадь и корова. Так племена Забайкалья впервые обособляются от более отсталых таежных соседей. Покидая первобытное охотниче-рыболовецкое хозяйство своих предков, они переходят к новому, скотоводческому, а может быть, и земледельческому хозяйству.

О том, в каких условиях совершился этот прогрессивный перелом в жизни племен Забайкалья, свидетельствует, как мы видели, появление сосудов нового типа, а также распространение характерных для Китая морских раковин.

Влияние могучей культуры древних земледельцев Китая, где в это время впервые складывается классовое общество, возникает государство и создается иероглифическая письменность в ее начальных формах, теперь достигает и Забайкалья, распространяясь вплоть до юго-западного побережья Байкала, до дельты р. Селенги.

Существенно при этом, что здесь непрежнему продолжало существовать местное коренное население, заселявшее Забайкалье еще в глубине каменного века. Ничего похожего на смешение каких-либо пришельцев с аборигенными племенами на Селенге незаметно.

ПЛЕМЕНА ТАЙГИ

Существует широко распространенное в специальной литературе мнение, что, в то время как степные племена Сибири перешли от камня к металлу, их северные соседи, охотниче-рыболовческие по образу жизни племена, остались на уровне каменного века. Однако такое представление не совсем точно передает действительное положение вещей. Оно верно лишь для весьма отдаленных областей северо-востока Азии, но не может быть признано правильным для большей части сибирской тайги, в первую очередь для таежного Прибайкалья, где тысячелетиями развивалась яркая и самобытная культура байкальского неолита.

Мы оставили ее в китайское время, т. е. в конце III тысячелетия до н. э. Посмотрим же теперь, что происходило в прибайкальской тайге, на Ангаре и верхней Лене во II тысячелетии до н. э., когда в степях Минусинского края и Алтая еще существовала афасьевская, а затем развивалась сменившая ее андроповская культура.

Изучение памятников следующего за китайским, глазковского этапа показало, что именно этот этап (около 1800—1300 гг. до н. э.) открывает собой эпоху металла в Прибайкалье. Древнейшие глазковские погребения, вместе с каменными и костяными изделиями различного рода и целиком неолитической еще по облику керамикой, содержат листовидные ножи из меди, а также небольшие тонкие пластинки из этого нового материала, служившие украшениями. За раними глазковскими погребениями следуют поздние, где, кроме медных, начинают встречаться бронзовые изделия архангельских, но уже более совершенных форм: листовидные ножи с коротким черенком — шином, массивные рыболовные крючки, ножи,

свернутые из металлической пластики трубочки-пронизки и некоторые другие мелкие вещи.

Вместе с появлением первых медных вещей круто изменяется облик ряда важных в типологическом отношении изделий. Кремневые наконечники стрел приобретают прямое основание, появляются двойные гарпуны (остроги), двусторонне выпуклые (симметричные в сечении) нефритовые топоры, особого типа каменные стерженьки-грушки для составных крючков, пирофилитовые бусы, имеющие форму коротких цилиндриков белого цвета, замечательные диски и кольца из белого нефрита. Распространение вещей новых форм сопровождается исчезновением архаических изделий — вкладышевых ножей, асимметрично-треугольных, конькообразных по виду мужских охотничьих ножей, а также наконечников стрел ранних типов.

Общий сдвиг в инвентаре и технике завершается тем, что с полной ясностью выявляется важный перелом в хозяйственной жизни населения Прибайкалья, начатый еще в китайское время. Если для серовского времени типичны захоронения охотников, то в могилах глазковской поры самые богатые вещами погребения принадлежат настоящим рыбакам, в сумках которых была в строгом порядке сложена разнообразная рыбачья снасть. О важнейшем значении, которое приобретает в жизни глазковцев рыболовный промысел, можно судить и по другим, косвенным данным. Могилы ориентировались уже не по солнцу, как раньше, а по рекам; форма могил в ряде случаев подкообразная, украшения выделялись из речных раковин, при покойниках встречаются кости рыб.

Подобно тому как в хозяйственной жизни людей глазковского этапа нашли окончательное выражение тенденции, наметившиеся еще в китайское время, такое же явление наблюдается и в области их социальной жизни. Все реже и чаще на фоне «средних» рядовых могил начинают выделяться отдельные богатые вещами захоронения. Обычными становятся случаи, когда одного покойника — мужчину сопровождает второй — женщина, причем инвентарь, имеющийся при них, в каждом случае резко отличается по своему составу. У мужчин имеются предметы, связанные только с мужскими занятиями, а у женщин вещи, обслуживающие женский домашний труд. Вблизи с. Нижняя Буреть оказалось, например, погребение, в котором находились два костяка. С одного края могилы лежал мужской костяк, имевший при себе разнообразные каменные и костяные вещи, в том числе большие кишковидные острия. Рядом покоялся костяк женщины и грудного ребенка, причем в тазовой кости женщины засел пробивший ее с большой силой каменный наконечник стрелы. Судя по положению наконечника в кости, женщина была поражена выстрелом из лука сзади, в упор, в тот момент, когда она нагнулась или упала на землю. Общая обстановка захоронения дает право полагать, что после смерти мужчины женщина, жена или наложница, рабыня, была насильственно умерщвлена и похоронена с ним в общей могиле как спутница на том свете.

Растущее имущественное неравенство, возникновение рабства, переход от материнского права к отцовскому и связанное с этим «всемирно-историческое поражение женщин», о котором писал Фридрих Энгельс, — таинственны, очевидно, социальные сдвиги, характерные для глазковского времени на территории Прибайкалья.

Немаловажное значение для столь раннего развития патриархального рода и отмеченных сопутствующих ему явлений должны были иметь два обстоятельства. Первое из них заключается в том, что обмен глазковцев с их соседями, несомненно, продолжал существовать и все более развиваться. Кроме того, вполне вероятно, что соседство племен Прибайкалья

со степными племенами способствовало торговле нуншиной. Обмен разлагал первобытное равенство сородичей: «самые измененные интересы — элементарная жадность, грубая страсть к наслаждениям, грязни влечение, эгоистический грабеж общего достояния» (Фридрих Энгельс) стали проявляться со все нарастающей силой.

Не меньшее значение должно было иметь и второе обстоятельство. В северо-западной Америке на основе такого трудоемкого производства, как рыболовство, рано оформился своеобразный социальный уклад, выделились отдельные «аристократические» семьи из числа богачей, распространялось рабство. Северо-западные индейцы при этом достигли точно такого же уровня технического развития, как и глазковцы, которые наряду с камнем и костью имели архаические по типу медные вещи. Вполне естественно, что и в энеолитическом Прибайкалье у рыболовов глазковцев наблюдаются такие же в основе черты быта и социальной культуры, как у индейцев, тлинкитов и чимшиан на северо-западном побережье Америки в XVIII—XIX вв.

Эти важнейшие сдвиги не могли, очевидно, не отразиться в мировоззрении, религии и искусстве древнего населения Прибайкалья. Господство новой, речной, ориентировки погребений в глазковский период свидетельствует о возникновении веры в уход мертвых вниз по реке, где якобы находится страна смерти. Это согласуется с этнографическими данными о существовании веры в страну смерти, в которой правит отвратительное чудовище — женское божество, прежняя матриархальная владычица. В этот период развивается культ мужских антропоморфных духов. Появляются, повидимому, первые шаманы (погребения у дер. Аносово и Усть-Уды на Ангаре). В искусстве побеждает условная схематическая трактовка.

Племена Прибайкалья глазковского времени, находившиеся в более близком соседстве с населением степей Забайкалья и Западной Сибири, чем их далекие лесные современники и тем более обитатели тундры, разумеется, развивали свою культуру быстрее и достигли больших успехов именно благодаря своему выгодному географическому положению.

Тем не менее и эти более отдаленные жители лесов тоже не находились в состоянии застоя. Исключительно интересны для характеристики их жизни в бронзовом веке, например, археологические памятники Якутии, рисующие в совершенном свете начало эпохи металлов в этой далекой и суровой по природным условиям стране. Как показывают эти памятники, племена глубокого Севера тоже не остались навсегда на уровне техники каменного века, а перешли к металлу, вступили в бронзовый век.

Выдающееся научное значение открытия оригинальной культуры бронзового века, существовавшей у северных племен не только Европы, но и Азии, определяется уже одним тем обстоятельством, что в науке до сих пор господствовало мнение о невозможности существования такой северной культуры эпохи бронзы. Исходя из традиционных представлений о извечной застойности культуры жителей Севера, археологи обычно объясняли отдельные встречающиеся им на Севере находки бронзовых орудий древних форм случайным импортом из юга, от более культурных и развитых народов. Но стоило археологам начать систематическое изучение древностей Якутии, как было установлено, что и здесь за застывшим и весьма древним неолитом, о котором говорилось выше, со временем последовала древнейшая местная культура бронзового века.

Вблизи с. Покровского, в 80 км южнее Якутска, на высоком берегу Лены оказалось, например, древнее погребение, в котором нашлись каменные и kostяные наконечники стрел, кремневые скребки, костяной наконечник коня со вставлениями в его ребро острыми конусовидными пластинками из кремния. По составу находок Покровское погребение сле-

довало отнести к каменному веку. Но среди каменных и костяных орудий здесь оказался и один металлический предмет — небольшое медное или бронзовое шило.

Совершенно такая же картина была установлена и в других местах, например на р. Бугачан, на этот раз уже далеко к северу от Якутска, за полярным кругом, в недрах Заполярья. При костяке древнего охотника и воина, вооруженного превосходными кинжалами из оленьего рога, луком и стрелами, снабженными каменными наконечниками, лежала костяная трубочка — игольник. Найденная внутри трубочки игла была не костиной, как обычно, а медной.

Конечно, можно было бы предположить, что все эти простейшие и единичные металлические вещи не изготавливались на месте, а доставлялись из других областей. Однако дальнейшие работы в заполярной Якутии принесли новые, еще более важные данные.

На древней стоянке в низовьях Лены, далеко за полярным кругом, вблизи Сиктяха, вместе с каменными орудиями и обломками сосудов архаического типа уцелел очаг древнего плавильщика, который плавил в нем медь или бронзу. В очаге оказались даже застывшие брызги металла, а около него обломки миниатюрных глиняных сосудиков в виде ложек, в которых производилась плавка металла для заполнения литейных форм и отливки металлических изделий.

Стало ясно, что эпоха металла начинается на территории Якутии уже в очень отдаленное время, по крайней мере в конце II тысячелетия до н. э., т. е. более трех тысяч лет тому назад. Существенно при этом, что этот важный прогрессивный сдвиг на Севере произошел под влиянием глазковских племен Прибайкалья, обитавших южнее, в верховьях Лены. Следы такого влияния ясно видны, например, в искусстве населения Якутии, в характерным образом стилизованных плоских антропоморфных фигурах из кости, кружках из белого нефрита, а также мелких «пастовых» бусах, аналогичных находимым в глазковских могилах на Лене у Качуга и на Ангаре. Имеются и следы обратного влияния: своеобразные костяные наконечники с расщепленным основанием из глазковских погребений на верхней Лене, несомненно, созданы под влиянием образцов, характерных для средней и нижней Лены.

Своообразный характер бытового уклада лесных племен Сибири, обусловленный их подвижным образом жизни, относительная редкость населения и отсутствие надмогильных сооружений из камня определяют особые трудности поисков погребений бронзового века. Тем не менее в нашем распоряжении имеются находки, свидетельствующие, что за раним этапом лесной бронзовой культуры и здесь последовал другой, когда культура местных племен поднимается на новый, более высокий уровень.

Основными занятиями племен Якутии, заселявших бассейн Лены в конце II и в I тысячелетии до н. э., как и тысячи лет тому назад, были охота и рыбная ловля. Но несмотря на это, они имели в своем распоряжении бронзовые кельты, наконечники копий и даже мечи, выделявшиеся как по степным, карасукским, так и по древнекитайским образцам, заимствованным от мастеров иньского времени. Их мечи не уступали при этом по размерам и совершенству урартским мечам Закавказья, а наконечники копий не имели равных себе по размерам и изяществу формы не только в Сибири, но и в восточной Европе. Еще интересно, что эти мечи и наконечники копий выделывали местные металлурги и литейщики, умевшие добывать медь из руды, плавить ее в специальных миниатюрных тиглях и отливать необходимые предметы в глиняных формах, сделанных собственными руками.

Примерно так же жили потомки глазковцев — племена носители местной зрелой культуры бронзового века, заселившие низовья и верхнее течение Ангары. С памятниками карасукского времени здесь совпадают погребения шиверского этапа, интересные тем, что в них найдены произведения искусства, резко отличные от степных, карасукских. Таковы, например, резко стилизованные фигура лося, вырезанная из рога, и литое изображение фантастического «самея». Последнее оказалось в могиле вождя, в ногах которого был брошен труп человека в скорченном положении — очевидно, связанныго по рукам и ногам.

В погребениях шиверского этапа найдены кольца из белого нефрита, показывающие, что связи Прибайкалья с населением Приамурья и лесной полосы европейской части РСФСР, о которых свидетельствуют Турбинский и Сейминский могильники, относятся именно к этому, а не к более раннему, глазковскому, времени.

ДРЕВНИЕ ПЛЕМЕННЫЕ ГРУППЫ СЕВЕРНОЙ АЗИИ

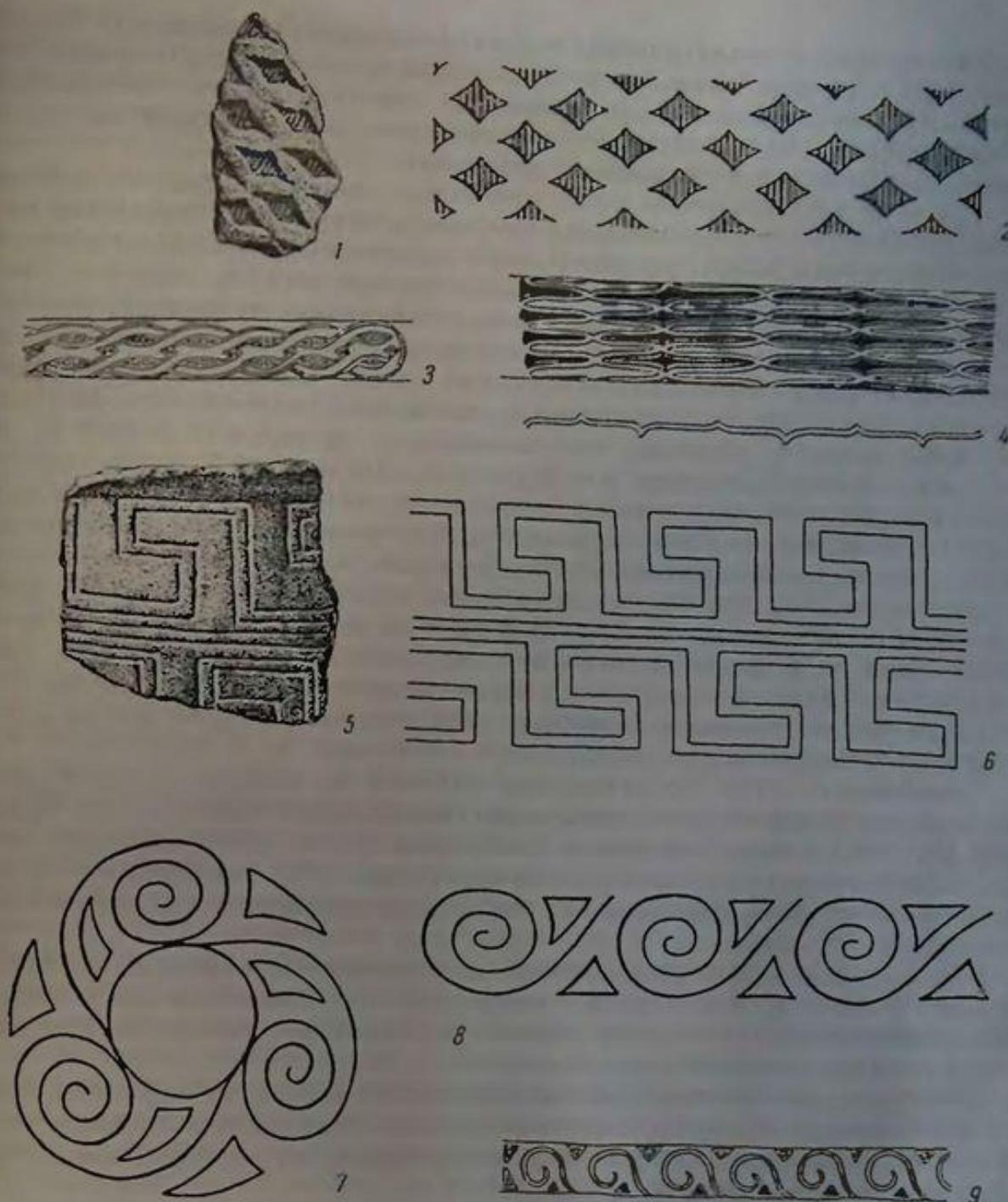
Памятники неолита и ранней бронзы лесных областей Сибири интересны и тем, что дают богатый материал для изучения этнической истории этих областей. Так, например, глазковское время замечательно не только тем, что открывает новую культурно-историческую эпоху, век повседневного употребления металла, но только тем, что тогда происходят важнейшие сдвиги в общественной жизни древних племен Прибайкалья, но и тем, что глазковские памятники дают яркий материал для разрешения вопроса об этнических особенностях племен того времени и об их отношении к этническим группам современности.

Изучение погребений глазковского времени дало ценные факты, позволяющие наглядно представить и реконструировать в основных ее чертах одежду людей того времени. Самой характерной частью одежд глазковцев был передник или нагрудник, расшитый и унизанный кружочками из раковин. В Фофановском могильнике на Селенге такой нагрудник имел вид широкой полосы из блестящих перламутровых бус и спускался от шеи до бедер. В пади Нохой на Ангаре и в некоторых верхнеленских погребениях нагрудник представлял собой более узкую полосу, лежащую вдоль позвоночника погребенного, расширившуюся на тазовых костях. Подобный нагрудник или передник является, как известно, непременной принадлежностью костюма северных тунгусов и близких им по культуре и образу жизни племен, в первую очередь юкагиров.

Тунгусско-юкагирские нагрудники XIX в. украшались разнообразными подвесками, чаще всего в виде кружков и колец.

На костюмах глазковского времени также имелись нефритовые диски и крупные кольца. Головной убор энеолитического времени легко восстанавливается по расположению тех же традиционных перламутровых и нефритовых украшений на черепах из погребений в пади Ленковка и других на Лене и Ангаре. Эти украшения обычно располагаются в мозгах в виде полоски, охватывающей лоб от виска до виска. В пади Ленковка четыре превоходно отшлифованных диска из белого нефрита были симметрично расположены на лбу, затылке и по вискам, а лобная часть черепа была обрамлена полоской из мелких перламутровых бляшек. Этот головной убор тоже сходен с тунгусско-юкагирским.

Подобно тунгусам и юкагирам XVII—XIX вв., древние племена Прибайкалья жили в чумах с очагом из камней, пользовались лодками-берестянками, ловили рыбу с искусственными приманками в форме рыбок. Подобно юкагирам и тунгусам XVII—XVIII вв., они имели своеобразное

Неолитический орнамент в сравнении с современным орнаментом народов Амура
 1, 2, 5, 6, 7, 8 — неолитический орнамент; 3, 4, 9 — современный орнамент

изобразительное искусство, в основе которого лежала прямолинейно-геометрическая орнаментика. У них уже существовали шаманы, их религиозные представления несомненно были во многом созвучны с тунгусскими и юкагирскими XVII—XIX вв. Социальный строй тунгусских и юкагирских племен XVII—XVIII вв. во многом является дальнейшим развитием строя, характерного в его зачаточных формах еще для глазковцев: отцовский род, имущественное неравенство среди семей, составляющих род, рабы, межродовые войны.

В свою очередь, антропологический материал могильников Прибайкалья, изученный Г. Ф. Дебеном, позволяет отнести неолитическое население этой области, в отличие от населения Западной Сибири, к большой монголоидной расе. К монголоидному типу должны быть отнесены, по

мнению Дебена, и неолитические черепа Забайкалья (раскопки Г. П. Соловьева в районе Улан-Удэ и Фофановского могильника в устье Селенги). Краинологический материал из неолитического могильника у Красноярска (Базаиха) также обнаруживает монголоидный тип, возможно, с некоторой европеоидной примесью.

При этом антропологами особо отмечалась близость древнего населения Прибайкалья к современным тунгусам и юкагирам. Общие для них признаки характеризуют древнюю палеосибирскую расу, черты которой отмечаются и у некоторых других сибирских племен. Существенно, что, в отличие от других носителей этих «палеосибирских» признаков, именно тунгусы и юкагиры всего полнее сохранили черты культуры, свойственной неолитическим племенам, и вдобавок на той же самой территории, где более трех тысяч лет тому назад существовала глазковская культура.

Особо следует отметить тот интересный факт, что в 1952 г. на р. Шилке вблизи Сретенска, в пещере у с. Шилкинский завод, вместе с многочисленными каменными и костяными изделиями неолитического облика обнаружен был череп человека. Как показало изучение шилкинского черепа, выполненное М. Г. Левиным, череп этот даже ближе к тунгусским, чем черепа неолитического времени из собственно Прибайкалья. Область, где жили предки тунгусских племен во втором тысячелетии до н. э., следовательно, охватывала как Прибайкалье, так и верховья Амура, что, впрочем, неудивительно и вполне естественно, если принять во внимание близость этих областей и сходство их естественно-географических условий.

Сравнивая богатые неолитические находки на нижнем Амуре с данными, характеризующими современную (в этнографическом смысле) культуру амурских племен, мы можем далее точно также констатировать, что они совпадают друг с другом в ряде существенных черт, особенно в области хозяйственного быта (рыболовство как основа хозяйства, полуподземные жилища) и искусства.

Как видно из сравнения древней неолитической орнаментики Примура с современной нивхской и нанайской, они совпадают как в общем своем криволинейно-ленточном характере, так и в орнаментальных мотивах: меандрах, спиралах, «плетенке».

Некоторые авторитетные знатоки народного искусства амурских племен высказывали мысль, что его своеобразие объясняется прямым подражанием китайским образцам и заимствованием художественных мотивов у китайских мастеров.

Теперь стало ясно, что здесь речь может идти не о подражании или заимствовании, а лишь о некоторой взаимной близости искусства амурских племен с китайским. Эта близость может восходить в ее истоках еще к чрезвычайно отдаленному времени, к той эпохе, когда в долине р. Желтой существовала культура яшшо (около 2500—2000 лет до н. э.), имевшая много общего с культурой амурских поселений.

Таким образом, в то время как суровая сибирская тайга и лесостепи Прибайкалья были заселены предками современных эвенков и юкагиров, теплый Амуро-Приморский край, на значительном пространстве которого произрастает дикий виноград и распространены теплолюбивые растения, в раннем неолите заселяли другие племена, культура потомков которых, вышедших из амурских племен (гиджи, ульчи) и соседних с ними айнов, вплоть до настоящего времени во многом сохранила резко выраженный южный отпечаток.

Если можно полагать, что байкальская неолитическая культура принадлежит предкам позднейших тунгусских и юкагирских племен, а культура амурских племен своими корнями уходит в неолит Амура,

то своеобразная культура Икутии, область распространения которой начинается от Витима на юге и охватывает все пространство, лежащее к северу от него, вплоть до самого Ледовитого океана, в эпоху неолита была создана, вероятно, иными племенами. Последние, надо полагать, всего ближе стоят (из числа иных сохранившихся племен) к иалеоазиатским племенам.

Прежде всего, должно быть, сюда входила какая-то часть предков юкагиров, несомненно, занимавших в прежние времена гораздо более обширные пространства, чем в XVII—XIX вв. н. э. По крайней мере, как показывают данные о расселении юкагиров в относительно недавнем прошлом, они занимали все пространство между Леной на западе, Алданом на юге, Ападырем на востоке и Ледовитым океаном на севере, будучи еще в XVII в. несравненно более многочисленными, чем в XVIII—XIX вв.

«Костров юкагирских, — рассказывают предания, — было столько, сколько звезд на небе. Птицы, пролетая над ними, становились из белых желтыми от дыма». В далеком прошлом предки юкагиров могли занимать и еще более обширные территории на севере Азии, в том числе и выше Якутска по Лене, в пределах распространения оригинальной неолитической культуры средней и нижней Лены.

Древнейшие насельники северного Приобья в неолитическое время по ряду данных могут быть тоже связаны с позднейшими его обитателями, хантами и манси. Об этом с полной отчетливостью свидетельствует хотя бы такое же определение, как на Амуре, общее сходство оригинальной неолитической орнаментики с современной, характерной для хантов и манси.

Большой интерес представляет тот факт, что эта культура, которую следует назвать восточноуральской или западносибирской, простирается на восток далеко за Обь. Позднейшие неолитические памятники на Енисее в районе Красноярска показывают, что и здесь в конце неолита было много общего с Приуральем и Приобью. На Усть-Собакинской стоянке, вблизи Красноярска, например, встречаются фрагменты глиняных сосудов с шигирско-уральским по типу орнаментом. Еще любопытнее, что в Базаихе обнаружены миниатюрные изображения медведи и человека из агальматолита, поразительно сходные с некоторыми образцами поздне-неолитического искусства Приуралья и даже северной Прибалтики. Отсюда следует вывод о каком-то контакте позднеолитических племен Среднего Енисея с племенами Приуралья и еще более удаленных западных областей. Не исключено, что с запада на восток прошли отдельные роды и племена, влиянием которых и объясняются западные черты в культуре енисейских племен.

ПАСЕЛЕНИЕ ЮЖНОЙ СИБИРИ В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО н. э. И В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ н. э.

Было бы невозможно дать в пределах одного очерка сколько-нибудь детальную картину сложных и больших событий, происходивших на территории Сибири, особенно в степных ее областях, в I тысячелетии до н. э. и в I и II тысячелетиях н. э. Ограничимся поэтому самым скрытым обзором этих событий, отсылая желающих поднее ознакомиться с ними к специальной литературе.

В I тысячелетии до н. э. карасукские памятники на среднем и верхнем Енисее сменяются тагарскими (минусинская курганская культура по терминологии других авторов), относившимися к VIII—X вв. до н. э. и во многом сходными с одновременными им скипетскими памятниками.

Эта культура принадлежала степным скотоводам, как полагают, совместно, за исключением Минусинского района и средней Оби.

По всем своим основным чертам тагарская культура является продолжением и развитием карасукской. Об этом свидетельствуют керамика, формы металлических изделий, искусство, погребальные сооружения, общие черты хозяйства и быта, а также общественного строя.

Тагарская культура делится на ряд хронологических звеньев. С. В. Киселев делит всю тагарскую эпоху на три стадии и относит начало первой из них ко времени около X в. до н. э.; начало второй к V в., начало третьей к III в., а конец — к I в. до н. э. Как полагают, в тагарское время в Минусинском крае сильно развивалось земледелие. Строились большие и сложные оросительные системы; для каналов ложе иногда пробивалось даже в скалах. Поля обрабатывались мотыгами. С предположением о большом значении земледелия хорошо увязывается наличие постоянных поселков с рублеными домами. Подобный поселок тагарских земледельцев изображен на известной Боярской писанице. Он состоял, судя по рисунку, выбитому на гладкой плоскости скалы, из четырех жилищ, срубленных в обло. Рядом видна войлочная юрта, похожая на древнемонгольские, с высокой узкой шейкой наверху. Остатки деревянного рубленого дома тагарской эпохи оказались и вблизи Красноярска.

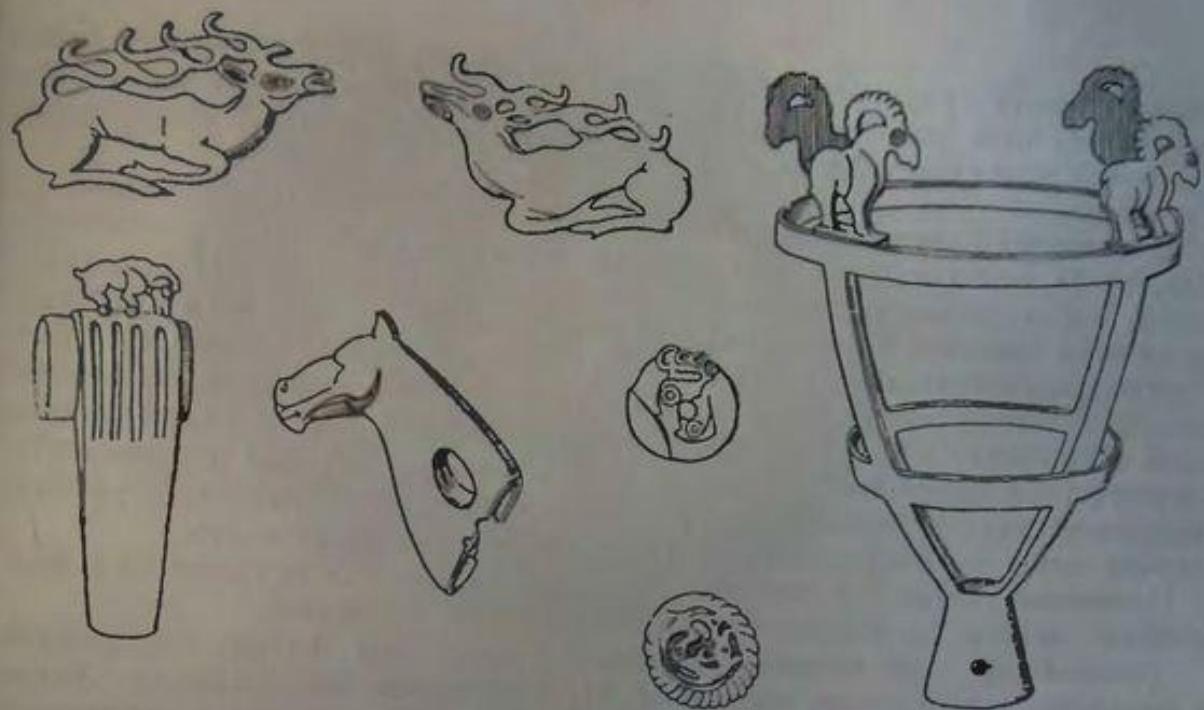
В области скотоводства важнейшим событием явилось окончательное освоение коня под верховую езду; об этом говорят бронзовые вначале, а затем и железные удила раннескифских форм.

В обработке металла отмечается определенная стандартизация металлических изделий и специализация ремесла. Встречаются клады бронзовых изделий, характерные для времени наибольшего расцвета культуры бронзового века и связанные с ним обмена металлом и металлическими изделиями.

О росте обмена можно судить также по обилию привозных украшений в виде разноцветных стеклянных бус и настоящих пастовых, т. е. изготовленных из так называемой стеклянной пасты. Бусы эти выделялись в Средиземноморье и в странах классического Востока. В Минусинских степях они, несомненно, рассматривались как большая ценность. В результате роста обмена с передовыми странами, где железо распространялось на второй стадии тагарской культуры, и в быту жителей Минусинской котловины впервые появляется железо. В третьей стадии железо как материал для изготовления орудий труда полностью побеждает бронзу.

Социальный строй населения края в тагарское время находит отражение прежде всего в устойчивом сочетании мужских и женских могил, причем впервые обнаруживается резкое разделение мужских и женских могил по составу погребальных принадлежностей. С женщинами клади в могилу преимущественно принадлежность домашнего хозяйства; с мужчинами — вооружение. Правда, изредка встречаются погребения вооруженных женщин-воительниц. Но в целом все имеющиеся факты свидетельствуют, что во главе семьи стоит мужчина: в семейных кладбищах, скрытых под насыпями тагарских курганов, могилы мужчин всегда занимают главное место — в самом центре кургана или под его наиболее высокой северной частью.

Для второй стадии тагарской культуры, по словам С. В. Киселева, типично сочетание многочисленных рядовых курганов, в которых погребатриархально-родовой верхушки. Один из таких курганов, Салбыкский, достигает высоты около 70 м при окружности до 250 м. Его окружает ограда из огромных каменных плит и столбов.

Изображения животных на предметах тагарского времени из Минусинской котловины.

Позже, в третьей стадии, появляются курганы — коллективные усыпальницы, в которых, однако, тоже прослеживается наличие отдельных захоронений со знаками достоинства — «навершиями», а также с погребальными масками. С этим хорошо согласуются факты, свидетельствующие о росте вооружения и развитии военного дела у древних тагарцев. Так, например, на 15 карасукских книжалов в случайных находках из Минусы приходится 230 тагарских изделий такого рода. Раскопками обнаружены тагарские погребения воинов с книжалами, клемнами, луком и стрелами.

Из всего сказанного следует, что в условиях зрелого патриархально-родового строя окончательно кристаллизовалась верхушка древних патриархальных общин и родов, приобретавшая все большую и большую силу. В новых условиях оформляются и своеобразные черты искусства, отражающего своего рода культ грубой силы и ловкости; складывается «звериный стиль», с присущей ему монументальной силой и динамикой.

Стремление к стилизации наиболее резко выражается в декоративной деформации тела животных и его частей. Туловище зверя изгибается в виде круга («свернутый зверь»), неестественно увеличивается в длину или в ширину. Отдельные члены его, например лапы или когти, превращаются в кольца, голова удлиняется или загибается; шея дополняется рядом приставленных к ней голов, в том числе птичьих; со временем возникают чудовищные фантастические образы.

Складываются определенные канонические приемы, своего рода шаблоны, по которым изображаются те или иные животные. Такова традиционная поза «свернутого зверя» для хищников. Олени изображали в одной и той же стереотипной позе, с характерно подогнутыми ногами и закинутыми на спину ветвистыми рогами.

Все эти новые черты вырастают на старой карасукской основе, но уже в неразрывном и живом взаимодействии с искусством классической Скифии как европейской, так и среднеазиатской — сакской. Последнее в свою очередь связано с Передним Востоком и Средиземноморьем. Так было положено начало великому культурному спиритуализму I тысячелетия до н. э., той

поразительной культурной общности, которая в скифо-сарматское время охватывает весь колоссальный пояс степей и отчасти лесостепей, протянувшийся от Амура и Хуанхэ на востоке до Каспийского и Черного морей на западе.

Основными сюжетами этого искусства являются изображения животных, чаще всего лошади или кулаана, лося, горного козла, северного оленя, кабана, а также хищников — льва, барса и медведя. Важное место среди этих сюжетов принадлежит и хищной птице — орлу или коршуну, а также фантастическому «грифону». Характерной чертой звериного стиля тагарской эпохи было сочетание реализма с экспрессивной стилизацией форм животных, начало которого прослеживается еще в карасукском искусстве. Со временем намечается определенное тяготение к орнаментализации объекта и условности форм, к аккуратности изображений, утрачивающих свою реалистическую полнокровность и конкретность.

Население Алтая в I тысячелетии до н. э. проходило сходный с спартанским, хотя и во многом своеобразный путь развития.

Древнейший этап развитой бронзовой культуры Алтая, следующий за местным, карасукским, назван М. П. Грязновым майэмирским. Затем идет серия памятников, из которых самыми выдающимися являются Пазырыкские курганы, поэтому следует остановиться на них несколько подробнее.

В 1929 г. Алтайская экспедиция Государственного Музея этнографии под руководством С. И. Руденко приступила к раскопкам в долине Пазырык, расположенной на высоте 1650 м над уровнем моря, в условиях горного альпийского ландшафта. Здесь находилось пять больших каменных курганов, вытянутых цепочкой с юга на север. Первым был раскопан самый большой курган, диаметром в 47 м при высоте 2.2 м, на сооружение которого ушло 1800 м³ камня. Могила находилась в центре кургана и представляла собой яму, глубиной в 4 м, на дне которой помещалось два деревянных сруба — внешний и внутренний. Стремясь сохранить могилу от разграбления, строители перекрыли ее шестиметровыми бревнами, заполнившими внутреннее пространство ямы до самого верха, на что потребовалось более 300 бревен. Тем не менее грабители прорубили в бревенчатом покрытии ход и проникли внутрь сруба и в погребальную камеру. Курган был ограблен, но, несмотря на это, с избытком оправдал усилия, затраченные археологами на его исследование, так как благодаря своеобразным местным условиям в нем сохранились такие предметы, которые бесследно разрушаются в обычной могильной обстановке. Дело в том, что погребальная камера кургана оказалась целиком заполненной льдом, и поэтому в ней сохранились в идеальном состоянии деревянные изделия, в том числе огромная колода, служившая гробом, а также куски войлочных ковров, покрывавших первоначально стены погребальной камеры. Но самое важное оказалось за пределами погребального сруба, в соседней части могильной ямы, сюда грабители не смогли пробраться, хотя и попытались прорубить туда отверстие. Здесь лежали превосходно сохранившиеся труны лошадей с полным снаряжением — уздами, седлами, щитами и даже два своеобразных фантастических убора в виде масок, закрывавших головы коней.

В настоящее время, когда закончены раскопки всех пяти Пазырыкских курганов, картина этих удивительных по своеобразию и яркости памятников вырисовалась во всей полноте, а вместе с тем стало ясным в их исключительное научное значение.

Пазырыкские курганы оставлены древним плебесцем, хоронившим в них своих пождей в V—IV вв. до н. э. и двумя-тремя веками позже от такой же расточительностью и великолепием, с такими хорошили в это

Изделия из западно-сибирских курганов V—II вв. до н. э. (Сибирская коллекция Эрмитажа)

1 — свернувшийся в колюю барс, золото; 2 — медный шейный гривиз

время своих царей причерноморские скифы. Пазырыкские курганы отличаются от могил скифских царей тем, что вечная мерзлота сохранила не только изделия из рога, кости или металла, но и все, что бесследно исчезло бы в других условиях.

В ледяных камерах Пазырика уцелели драгоценные ткани, изделия из шерсти, меха, кожи, войлока и многое другое, включая труны не только лошадей, но и людей, погребенных в курганах; уцелел даже запас сыра, положенного в них около двух с половиной тысяч лет тому назад.

Все это позволяет представить жизнь строителей пазырыкских курганов с небывалой полнотой и наглядностью. Строителями курганов были скотоводческие племена, достигшие уже весьма высокого уровня в своем социально-экономическом развитии, поднявшиеся до той ступени, которая была уже очень далека от эпохи первобытного рабства. В их могилах, несмотря на то, что там побывали грабители, найдены остатки былых

1

2

Золотые бляхи из западно-сибирских курганов V—II вв. до н. э.
(Сибирская коллекция Эрмитажа)

1 — изображение грифа; 2 — изображение золотого льва на лопате

сокровищ, в том числе различные предметы роскоши, доставленные из далеких стран. Таковы, например, драгоценные шелковые ткани и бронзовое зеркало IV в. до н. э., привезенное из Китая, персидские ткани ахеменидского времени с изображениями жриц в высоких тиарах, изделия из шкуры леопарда, семена кориандра и раковины каури с Индийского океана. Даже кони, труны которых были положены поблизости от их вла-

Фрагмент переднеазиатской ткани. Пазырык

дельцев, и те свидетельствуют о богатстве и знатности последних. Это — превосходные верховые кони, принадлежавшие к лучшим конским породам Востока, лошади горячей крови, стройные и резвые скакуны золотисто-рыжей масти. Их держали не на подиожном корму, а в условиях стойлового режима, кормили отборным зерном.

Сами по себе монументальные размеры могил, их великолепие и пышность свидетельствуют о той важной роли, которую играли похороненные в Пазырьских курганах лица среди своих сородичей. Расположение больших курганов указывает на то, что погребенные в Пазырьских курганах находились в родственной связи. Одна могила прибавлялась здесь к другой по мере того как умирали члены этого знатного рода. Незначительное количество больших курганов в Пазырыке, однако, дает право видеть в них могилы не целого рода, а последовательно сменявшихся в нем вождей, своего рода династии.

Невероятно, чтобы такая пышность могла окружать при жизни и после смерти обыкновенного главу какого-либо рода. Это были, очевидно, лица, возглавлявшие крупные племенные объединения, область влияния которых должна была выходить далеко за пределы Пазырьской долины.

Об этом свидетельствуют и все находки в курганах, отражающие широко развитые, огромные по масштабам связи пазырыкских племен с окружающим миром. Связи эти нашли свое выражение уже в самом устройстве могил и погребальном ритуале.

Пазырыкские племена хоронили своих вождей по скифскому обычью, о котором мы знаем не только по результатам раскопок, но и по сообщениям современника скифов — Геродота. Как причерноморские скифы, так и пазырыкцы одинаково сооружали для этой цели величественные могилы в виде глубоких ям с обширными камерами, находившимися внутри, над которыми и насыпали высокие курганы.

Они одинаково искусно и тщательно бальзамировали труны умерших вождей. По данным Геродота, такой обычай был вызван не только стремлением навечно сохранить тело покойного, как это было в древнем Египте, но и тем, что скифы возили тела умерших вождей по землям подвластных родов и племен. Так, должно быть, поступали и их алтайские современники. Замечательно при этом, что набальзамированные труны, захороненные в Пазырыке, сохранили и татуировку, о которой всколыхнули древние авторы.

Вождь племени, погребенный во втором Пазырыкском кургане, повидимому, погиб в бою. Его череп пробит ударами боевого чекана. Враги сняли с него скальп. Но современники освободили тело своего вождя, набальзамировали его и похоронили вместе с женой или наложницей, также набальзамированной. При похоронах умерший вождь был спущен длинной привязной бородой, густо окрашенной черной краской. Тело его оказалось покрытым роскошной татуировкой, произведенной задолго до смерти способом накалывания. Над сердцем вождя изображена фигура фантастического зверя или львиного грифона с птичьей головкой на конце хвоста. На правой руке уцелела целая серия фигур: кулана или осла с вывернутым задом, фантастического крылатого зверя, горного козла, оленя с птичьим клювом на конце морды, клыкастого хищника и, наконец, оленя с подстриженной зубцами гривой. На левой руке были изображены два оленя и горный козел. На правой ноге вождя спереди уцелели изображения рыбы, напоминающей налима, фантастического зверя-хищника с гривой в виде птичьих головок и со спирально загнутым вверх хвостом. С внутренней стороны ноги оказалась серия фигур горных козлов, мчащихся друг за другом в стремительном галопе. Конские захоронения в Пазырыке тоже, хотя и в меньших масштабах, повторяют традиционные скифские гекatomбы при царских похоронах.

С исключительной яркостью подтверждает известия Геродота такая специфическая деталь алтайских погребений, как бронзовая курильница с коноплей внутри и шестигранный остов миниатюрного шатра, назначение которых становится понятным в свете сообщения Геродота о скифском обряде очищения.

О глубокой связи с югом, в первую очередь со скифами Средней Азии и южной России, свидетельствуют и памятники искусства, извлеченные из Пазырыкских курганов. Центральное место в пазырыкском искусстве принадлежит изображениям животных — лося, косули, северного оленя, сайга, зайца, льва, тигров, кабанов. Среди художественных изделий пазырыкских мастеров столь же часто встречаются выполненные в различном материале и разнообразными техническими приемами изображения птиц: лебеди, гуси, петухов и, особенно, хищных птиц «грифов». Есть даже изображение пеликанов. Изредка встречаются изображения рыб.

Особо важное место в пазырыкском искусстве принадлежит изображениям неизвестных, мифических существ, причудливо совмещавших признаки различных животных. Одни из таких существ имеют тело хищника,

1

2

Деревянные украшения упряжи

1 — уздечки на кони с изображением головы грифов; 2 — подвеска в виде фигуры горного барана

дополненное птичьими крыльями, другие представляют собой птицу со звериными ушами и рогами, у третьих имеется туловище оленя или хищника, но голова заканчивается птичьим клювом. Есть среди изображений олень с клювом орла и кошачьим хвостом. В ряде случаев хвост таких фантастических зверей кончается птичьей головой или головой змеи. Птичьими головками на подобных фигурах усажены передко и концы ветвей оленевых рогов.

Один из наиболее часто повторяющихся фантастических образов такого рода — орлиный грифон, т. е. существо с телом льва или тигра, с крыльями птицы и ушастой головой хищной птицы-грифа. У львиного грифона, паоборот, изображается голова хищника кошачьей породы, льва или тигра.

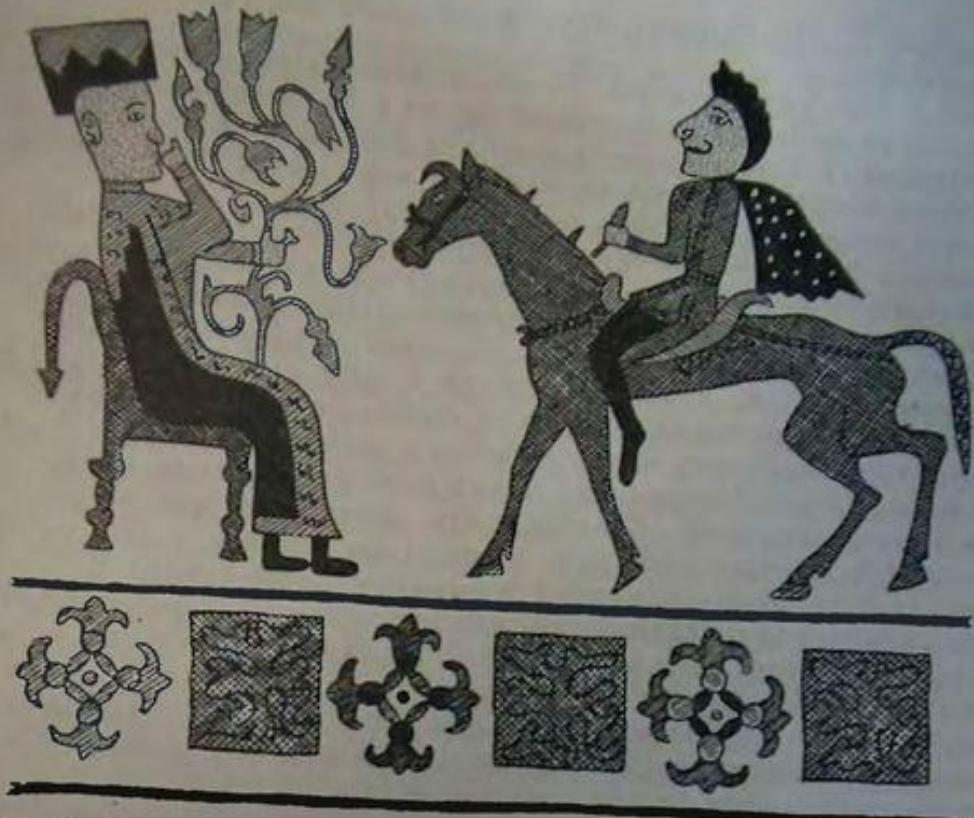
Особо выделяется притрудливо расписаненный яркими красками сфинкс в виде существа, имеющего человеческий бюст и руки и львиный зад.

Изображение сфинкса. Войлочная аппликация на
настенном войлочном ковре. Пазырык

Лицо у него красно-коричневое, с мясистым горбатым носом и закрученными вверх черными усами. На голове у этого чудовища пышный олений рог, на спине возвышается эффектно оформленное крыло из длинных разноцветных перьев. Перья эти красивые, желтые и синие, на концах черные. Хвост сфинкса заканчивается стилизованным оленным рогом. Как реальные животные, так и фантастические звери часто представлены в сценах яростной борьбы. Таковы композиции, изображающие козлов, дерущихся друг с другом, льва, терзающего горного козла. Мы видим также, как мифический крылатый хищник с ушами, грифон, терзает лося; львиный грифон нападает на козла; орлиный грифон борется с львиным грифоном. Даже рыба и та изображена схватившей в пасть голову барана.

Для изображений животных в Пазырыкских курганах характерны и специфические признаки стиля, сближающие их с искусством древнего Востока, в первую очередь — Ирана ахеменидского времени. Сюда относятся прежде всего «подковки» и «полуподковки», «точки» и «запятые», условно изображающие наиболее выдающиеся мускулы, ребра и другие детали животных. Таков же оригинальный прием изображения животных с вывернутым вверх задом, так, как будто тело его скручено посередине в виде буквы S. Не менее характерно обыкновение пазырыкских мастеров полностью приспособлять форму тела изображаемых животных к форме предмета, на котором это изображение помещалось: круглой бляхи, седельной покрышки удила или рукояти ножайки. Пазырыкские мастера достигали этой цели с изумительной находчивостью и виртуозностью, без всяких колебаний изменения про-

Изображение богини и всадника. Аппликация на настенном войлочном ковре. Пазырык

порции тела изображаемого животного или его частей, но всегда так, что сохраняется реалистическая основа и удивительная живость рисунка.

Искусство древних племен Алтая, образцы которого уцелели в ледяных камерах Пазырыкских курганов, глубоко своеобразно и самобытно. При всем этом в нем обнаруживается много общего не только со звериным стилем скифских племен Причерноморья, но и с искусством высоких цивилизаций классического Востока, т. е. Передней Азии, особенно Ассирии и ахеменидского Ирана.

Особо выделяются найденные в 1949 г. в последнем, пятом, кургане два предмета, затмившие все остальное. Это были два ковра. Первый из них, изготовленный из войлока, поражает уже одними только размерами. Его длина 6,5, ширина 4,5 м. По всему полю ковра расположены двумя горизонтальными рядами изображения всадника и сидящей женщины, повторяющиеся в одном и том же виде. Женщина с головой, увенчанной высоким головным убором, и одетая в длинную, украшенную узором одежду типа халата, сидит на кресле с точеными фигурными ножками. В одной руке ее — цветущая ветвь. Это несомненно женское божество, всего вероятнее — богиня земли, о чем свидетельствует ветвь в ее руке.

Всадник, изображенный перед богиней, одет в короткую курточку; сбоку виден футляр для лука (горит). Сзади развеивается короткий плащ-спанч. На непокрытой голове всадника густая курчавая шевелюра. Поражает лицо всадника. Нос его большой, горбатый, глаза черные, круглые, цвет лица смуглый; весь его облик ничем не напоминает современных жителей Сибири. Это — типичный арменоид. Таким образом, на большом пазырыкском ковре из пятого кургана изображена обычная на образцах скифского искусства Причерноморья культовая сцена — всадник перед сидящей на троне богиней. Сцена эта, всего вероятнее, изображает получение царем или воцарем власти из рук богини, в данном случае,

как полагает С. И. Руденко, богини земли или владычины пирского очага — Табити.

Второй ковер, размером в 4 м², еще удивительнее. Перед нами древнейший в мире многоцветный тканый ковер с бархатным ворсом, ничем не уступающий по совершенству и тонкости работы лучшим туркменским и персидским коврам, хотя он по крайней мере на целые две тысячи лет старше всех известных в музеях ковров такого рода.

На втором пазырыкском ковре вокруг широкого центрального поля квадратной формы, заполненного геометрическим узором в виде лучистых розеток, расположены широкие орнаментальные каймы, на которых изображены фигуры фантастических орлиных грифов, реалистически выполненные олени и, паконец, лошади с людьми. Лошади показаны в пышном переднеазиатском уборе с султаном на голове, грива их тщательно подстрижена, хвост завязан узлом с кистями. На груди лошадей видны бляхи-фалары. Чепраки на конях покрыты богатым узором и обрамлены густой бахромой. Всадники или люди, ведущие лошадей под уздцы, одеты в типично скифскую одежду; на головах у них скифские башлыки, на теле короткие куртки и длинные узкие штаны.

Таким образом, устанавливается, что высокая культура древних племен Алтая, существовавшая в середине I тысячелетия до н. э., возникла и развивалась в условиях тесных культурных и, очевидно, политических взаимоотношений с передовыми странами того времени. Древний Алтай предстает в свете пазырыкских раскопок не в виде отсталого и бедного захолустья того времени, а как очаг высокой и яркой культуры.

Где и когда возникла эта культура и кто ее создал? Всего вероятнее, Пазырыкские курганы оставлены соперниками хуннов Монголии — восточными скифами, юечками, которых античные авторы знали под именем массагетов.

Еще в III в. до н. э., т. е. до возвышения хуннов, юечжи господствовали над кочевниками, обитавшими в степях, простиравшихся от Средней Азии до Ганьсу, и в том числе над хуннами. Хуны освободились от их власти только при Модэ шаньюе в начале II в. до н. э. В 165 г. хуннский вождь шаньюй Лабшань нанес юечжам сокрушительный удар и вытеснил их на запад. Вполне естественно полагать, что ираноязычные юечжи-массагеты могли владеть горным Алтаем, областью, издавна тесно связанный с миром степных племен Средней Азии и восточной Европы, не только во II в. до н. э., но и значительно раньше. Здесь могли на протяжении многих веков находиться кочевья одного из племен юечжи, основной массив которых занимал области современного Казахстана, и, вероятно, в какой-то мере восточного Туркестана — вплоть до Ганьсу. Этому массагетскому племени, обитавшему на крайних с северо-востока границах расселения массагетов, и принадлежали, может быть, изумительные сокровища Пазырыкских курганов.

На Алтае за Пазырыкскими курганами следуют более поздние памятники, относящиеся к III—II вв. до н. э. Судя поnim, население Алтая все еще устойчиво сохраняло свою яркую и своеобразную культуру в древние обычай, в том числе погребальные. Для захоронения вождей попрежнему сооружали обширные срубы, так же как и раньше, хоронили мертвых в огромных колодах — саркофагах, попрежнему клади с ними в особых отделениях могилы трупы лошадей с полным снаряжением.

Однако основное оставалось искусство. В этом искусстве, однако, уже нет следов связей с классическим Бостоком, со странами Передней Азии, но заметны связи с Китаем циньской и ханьской династий. Связи эти могли осуществиться через хуннов, которые, как уже было сказано, и нанесли юечжам в 165 г. сокрушительный удар.

В Минусинском крае, в стране хагасов, как ее называли тогда китайцы, наиболее яркие памятники, относящиеся ко времени около первых веков нашей эры, — таштыкские.

Обитатели Минусинского края в таштыкское время нынешнему занимались скотоводством и земледелием. Интересно при этом, что раскопками Сырского чаатаса по р. Тубе Л. Р. Кызласовым обнаружены древнейшие в Сибири достоверные следы оленеводства: обугленные деревянные фигурки оленей с изображенными на них педоуздками, похожими на лошадиную узду. Многочисленное оседлое или полуоседлое население этого времени оставило после себя на Енисее грунтовые могилы и могилы типа склепов. В могилах были захоронены остатки сожженных тел, помещавшихся в специальных «гнездах», свитых из травы. Изредка встречались остатки искусственно мумифицированных трупов.

Замечательной особенностью таштыкских погребений являются оригинальные маски, иногда с портретной точностью передающие облик умершего. Эти маски хорошо выявляют черты смешения европеоидной и монголоидной рас. В захоронениях оказались антропоморфные чучела, обшитые китайским шелком, очевидно аналогичные по своему назначению ритуальным изображениям мертвых у ряда народов Сибири в XIX в., «заменившим» умерших некоторое время после смерти (например, «фаня» у напайцев).

В ряде могил были найдены тщательно сплетенные косы из человеческих волос. В таштыкских могилах обнаружены также деревянные разные части церемониальных зонтиков, аналогичных найденным в поин-улинских могилах хунинских вождей. Подобные зонты служили в Китае знаком власти. Китайские императоры обыкновенно вручали их вождям различных племен, подавшим под китайское влияние. Аристократы древних хагасов, очевидно, стремились всемерно подражать китайским обычаям. Они носили церемониальные зонты, похожие на зонты китайских чиновников и в ряде случаев, может быть, полученные от китайского правительства, шили одежды из китайских драгоценных шелков. О связях с Китаем говорят даже стилистические признаки скульптурных изделий таштыкского времени, напоминающих скульптуру ханьского Китая. Таким образом, таштыкские находки выразительно свидетельствуют о коренном, еще более решительном, чем на Алтае, изменении главного направления культурных и политических связей. Если жители Алтая и Минусинского края были ранее в общении с западными племенами, то теперь все ярче и сильнее сказывается новое влияние — со стороны Китая, самого древнего и могущественного государства восточной Азии.

О том, насколько прочно входит в орбиту китайского влияния страна хагасов, свидетельствует и совершенно неожиданная находка: остатки чисто китайского по архитектурному облику и строительной технике здания неподалеку от Абакана, где оказались черепицы с традиционными надписями-благожеланиями китайскому императору и выплавлены из бронзы массивные дверные ручки в виде антропоморфных масок — головы чудовища таотье. Замечательной чертой этих масок является тип лица, послужившего оригиналом для утрированной трактовки его на масках. Это не условная китайская схема головы космического чудища, а зародившаяся передача реального физического типа древних европеоидов — тагарцев с их высокими горбатыми нёсами и большими широко раскрытыми глазами. Абаканские маски, возможно, отлиты были местным мастером, изображавшим здесь духов своей страны так, как они представлялись местному населению, но их мог сделать также и китайец, передававший здесь необычайные и поразительные для китайского глаза черты обитателей долины среднего Енисея.

Вещи из развалин китайского дома. Город Абакан

Внутри здания уцелели остатки сложной отопительной системы с дымоходами, расположенные под его полом. Очень вероятно, что здесь жил иллененный в 99 г. до н. э. хуннами китайский полководец Ли Лин или его потомки, правившие страной хягасов. Китайские известия о судьбе Ли Лина раскрывают конкретные условия, в которых с такой определенностью проявилось влияние китайской культуры на Енисее около начала нашей эры, в то время, когда в Китае правила ханьская династия. Эти известия в сочетании с археологическими фактами дают, вместе с тем, руководящую нить, позволяющую более и глубже понять историю Минусинского края в I тысячелетии н. э.

В 99 г. в страну хуннов была отправлена китайская армия под начальством полководца Ли Гуан-ли, знаменитого своим походом в Среднюю Азию. Вместе с ним выступил против хуннов его внук Ли Лин, возглавлявший особый отряд пехоты в количестве 5000 человек. Хуны окружили отряд Ли Лина и взяли его в плен. Оставшись у хуннов, Ли Лин «получил во владение хягас». Ли Лин умер в 74 г. до н. э. После него на Енисее

правил, повидимому, его сын, принимавший активное участие в бурных политических событиях, сопровождавших распад хуннского союза на северную и южную части при шаньюе Хуханье. Время правления Ли Лина в стране хягасов долго сохранялось в памяти местного населения. Как сообщает история танской династии, все черноглазые считались здесь потомками Ли Лина. Кыргызские каганы вели свой род от Ли Лина, что принималось во внимание китайцами при дипломатических сношениях с кыргызами.

Таким образом, влияние китайской культуры нашло доступ на Енисей при посредстве хуннов, аристократическая верхушка которых к тому времени была в тесных связях с Китаем и, несомненно, находилась под еще более сильным воздействием его высокой культуры.

Политическая и социально-экономическая история енисейских хягасов тоже протекали, как видно из китайских известий, под влиянием хуннов, в политической зависимости от которых находилось «владение хягас», хотя и сохранившее известную автономию во внутренних делах, но управлявшееся наместником хуннского шаньюя. Поэтому нельзя не признать справедливым предположение С. В. Киселева, что приемы управления, сложившиеся у хуннов, и способы эксплуатации непосредственного производителя должны были стимулировать развитие общественного строя енисейских хягасов, способствовали укреплению местной знати.

Тесные взаимоотношения с хуннами нашли свое неожиданное отражение и в той борьбе хягасов против хуннов, которую возглавил сын Ли Лина. Хягасы, несомненно, многому научились от хуннов в военном и организационно-политическом отношении. Связи с хуннами, а также с Китаем, следовательно, могли во многом подготовить возникновение в дальнейшем местной государственности потомков хягасов — енисейских кыргызов I тысячелетия н. э. Как люди тагарской культуры, так и древние хягасы, судя по погребальным маскам и китайским известиям, были сначала, до смешения с тюрками, типичными европеоидами.

Большая серия черепов из тагарских погребений была изучена Г. Ф. Дебецом. Черепа в целом обнаруживают европеоидные черты. Как и в погребениях предшествующей эпохи, мы встречаем здесь варяду с преобладающим долихокраническим типом, восходящим к древнему афanasьевскому типу, и брахикранический компонент, сходный с андроновским. Не исключено, что эти древние европеоиды южной Сибири находились в родстве с загадочными динлипами, о которых сообщают китайские источники.

Однако на Енисее и особенно на Алтае рано появляется примесь нового, монголоидного по физическому типу населения, сходного с современным центральноазиатским. Так, уже среди погребенных в Пазырыкских курганах были люди не европеоидного, как в Причерноморье, физического типа, а типичные монголоиды. Отсюда следует, что удивительно близкая к причерноморской скифской культуре южносибирских племен середины I тысячелетия до н. э. принадлежала каким-то другим племенам, в составе которых были представители этнических групп, кроны связанных с глубинной Азией, заселенной монголоидным по антропологической принадлежности населением. Эти антропологические факты приобретают особое значение потому, что в Пазырыкских курганах обнаружены вещи, указывающие на неожиданную по яркости и силе связь этой ископаемой культуры отдаленного прошлого с культурой современных скотоводческих племен Сибири и Средней Азии.

Войлочные ковры и чепраки, извлеченные из ледяных камер Пазырыка, оказались, например, покрытыми совершенно такими же специфи-

ческими криволинейными узорами, какими украшаются аналогичные изделия киргизов, алтайцев и казахов. В свою очередь, в находках из таштыкских могил оказались разнообразные предметы, связывающие культуру таштыкского времени с культурой енисейских кыргызов I тысячелетия н. э., например, наборные пояса из металлических бляшек.

Высокое и сказочно богатое искусство глубокой древности явилось, таким образом, материнской почвой для современного народного искусства степных народов Сибири и Средней Азии. Оно как бы продолжает жить здесь спустя две с половиной тысячи лет, хотя и в очень сильно измененном, переработанном виде, свидетельствуя о сложном историческом прошлом и богатом культурном наследстве этих племен, считавшихся прежде «внештористическими» и «примитивными».

ВОСТОЧНАЯ СИБИРЬ В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО н. э.

В начале I тысячелетия до н. э. лесные пространства от Енисея до Байкала заселяли многочисленные племена, как и их предки, занимавшиеся охотой и рыбной ловлей.

Поселения этих охотников и рыболовов восточносибирской тайги лучше всего изучены в низовьях Ангары, ниже Братска и около Иркутска, на островах, расположенных в том месте, где Ангара вытекает из Байкала.

Каменные орудия труда и предметы вооружения теперь и здесь целиком или почти целиком вытесняются металлическими изделиями из меди и бронзы. На стоянках и среди случайных находок обычными становятся литые бронзовые тесла и топоры-кельты, такие же ножи и кинжалы, шилья, зеркала и другие металлические предметы. Некоторая часть этих изделий поступала от литьщиков соседних степных племен. Из степей доставлялись, например, такие характерные предметы домашнего обихода, как медные котлы скифского типа на высоком коническом поддоне, приспособленные для изготовления мясной пищи в степных условиях, где топливом служит сухой помет, трава и кустарник. В тайге, изобилующей превосходным топливом, такой тип котла, рассчитанный на экономию топлива, был излишним, но, получив эти изделия, лесные племена в таком виде, разумеется, и использовали их. Многие изделия выделявали хотя и по образцам, характерным для степной культуры бронзового века, но на месте, на Ангаре и Лене. Обнаруживаются, наконец, и такие черты, которые свидетельствуют о коренных местных традициях. Так, рядом с ножами степных форм, близких к минусинским и забайкальским, на острове у Иркутска найдены такие пластичные ножи своеобразного типа, которые имеют свои прототипы в ножах глазковского времена.

Такой же отпечаток своеобразия лежит и на всей материальной культуре лесных племен Восточной Сибири, в первую очередь на их керамике. В отличие от своих степных соседей, они выделявали не плоскодонные, а круглодонные глиняные сосуды, форма которых продолжала форму сосудов, употреблявшихся их неолитическими предшественниками и людьми раннего бронзового века Прибайкалья — глазковцами. Новыем, однако, был орнамент, украшавший эти старомодные сосуды. Их сверху внизу покрывали горизонтальными полосами шашечные полоски из налепленных валиков, часто имеющие вид соединениях вместе арок.

У племен Восточной Сибири продолжало без больших изменений существовать и древнее лесное искусство. В наскальных изображениях Ангары и Лены попрежнему нет ничего похожего на шашечный орнаментально-декоративный звериный стиль степных кочевников, как нет в них

Костяные наконечники стрел, металлические изделия и сосуд из таежной полосы Восточной Сибири. Бронзовый век

и того разнообразия звериных сюжетов, которое так характерно для этого степного искусства. Жители тайги изображали на своих скалах преимущественно все тех же лосей, широким тщательно обрисовывая формы их тела. Наскальные рисунки, как и раньше, выполнились преимущественно

красной охрой; иногда же их выбивали на гладких плоскостях скал древним способом точечной ретуши.

Продолжали устойчиво существовать и старые верования, последовательно развивался древний шаманизм лесных охотников. Ярким памятником этих верований является большой фриз на шишкинских скалах в верховых р. Лены, где темномалишовой краской изображен целый ряд лодок, плывущих, должно быть, одна за другой в мир мертвых по священной родовой реке. В лодках сидят люди или антропоморфные духи, воздевшие вверх руки. Внизу стоит лань, повернувшая голову назад, на бедре у нее виден круг из концентрически вписанных друг в друга окружностей или спирали, как это часто бывает на изображениях животных бронзового века в степях. Около лани видна группа людей или духов с рогами на голове и стравыми хвостами. Эти антропоморфные изображения, как ни странно, поразительно похожи на такие же фигуры с наскальных изображений Скандинавии, датируемых бронзовым веком, и со скандинавских же бронзовых бритв этого времени. Не исключено, таким образом, что в бронзовом веке существовали какие-то культурные связи между племенами северной Азии, с одной стороны, и северной Европы — с другой.

Не менее интересна на тех же скалах в Шишкино большая изолированная фигура мифического чудовища, пытающегося проглотить какой-то круглый предмет. Очень вероятно, что этот рисунок изображает хорошо известное в мифах Центральной Азии чудовище — монгуса, пытающегося проглотить луну или само солнце.

Замечательной чертой жизни этих лесных племен Восточной Сибири были их культурные связи с далеким Китаем, следы которых отчетливо видны в самом массовом археологическом материале — керамике. Рядом с обломками круглодонных сосудов местного типа на ангарских островах встречены фрагменты сосудов совершенно иного вида — с небольшим поддоном в виде кольца, покрыты необычным лепным орнаментом и текстильными отисками на внешней стороне. Совершенно одинаковые сосуды издавна, в том числе в эпоху бронзы, употреблялись древними китайцами, у которых они носили название «доу». Прямую связь с древнекитайскими бронзовыми кельтами иньской династии обнаруживают и характерные для Восточной Сибири бронзовые кельты таежного типа. Кельты эти отличаются своими удлиненными пропорциями, прямоугольной формой и специфическим орнаментом из выпуклых линейных полосок, образующих вписанные друг в друга треугольники и кружочки с точкой внутри. Сравнивая этот орнамент с орнаментом китайских кельтов иньского времени нетрудно увидеть, что прибайкальские литейщики бронзового века почти целиком использовали поразившую их воображение китайскую орнаментальную схему. Они только лишь упростили ее и придали ей несравненно более схематический характер. Откуда и как проникли в глухую тайгу Восточной Сибири эти неожиданные черты культуры далекого Китая, станет ясно, если мы ознакомимся с жизнью и культурой населения соседних Забайкальских степей в бронзовом веке.

Но прежде чем перейти к Забайкалью, следует сказать несколько слов и о тех племенах, которые обитали тогда еще дальше на севере и на востоке Сибири, в современной Якутии.

С течением времени, к середине I тысячелетия до н. э., потомки первых металлургов Якутии пошли еще дальше. Они овладели искусством изготовления превосходных бронзовых топоров-кельтов, кинжалов, мечей и наконечников копий. Их изделия поражают передко при этом своими необычно крупными размерами, а по тщательности отделки они не уступают изделиям степных мастеров.

У таежных воинов и охотников бронзового века существовало, следовательно, преосходное бронзовое вооружение. Подобно героям Илиады, они сражались медноострыми мечами и копьями.

Одновременно продолжали расти и крепнуть связи племен Якутии с другими странами. Найденный на Вилде бронзовый меч чрезвычайно похож на мечи и кинжалы карасукского типа; бронзовый котел, обнаруженный в верховьях р. Мархи, повторяет по форме стековые котлы так называемого скифского типа. В бассейне Вилды найден был и бронзовый сосуд, по форме и орнаменту аналогичный сосудам бронзового века, изготовленным китайскими мастерами чжоуского времени.

При всем том лесные племена бронзового века устойчиво сохраняли во всем остальном древний уклад быта, свои исконные культурные традиции. Как и раньше, их глиняные сосуды имели, например, не плоское, а круглое дно. Они попрежнему рисовали на своих священных родовых скалах изображения оленей и лосей, фигуры духов и шаманов в рогатых головных уборах. Их орнаментика попрежнему оставалась примолинейно-геометрической, основанной на ритмическом чередовании горизонтальных и вертикальных, длинных и коротких линий. В ней не было ничего похожего на пышный орнаментально-декоративный стиль и прихотливые узоры стековых скотоводов того же времени. Это был свой, особенный и по-своему яркий культурный мир, простиравшийся на тысячи километров тайги, лесотундры и тундры вдоль одной из величайших рек Азии — Лены и ее притокам.

Так же как и у прибайкальских соседей и степных племен, у племен бронзового века Якутии и Прибайкалья со временем происходит, должно быть, переход от материнского рода к отцовскому. Об этом косвенно свидетельствует преобладание в паскальных изображениях антропоморфных образов над зооморфными, а также появление своего рода металлических штандартов с изображениями бородатых человеческих лиц — вероятно, мужских предков — покровителей и защитников рода.

ЗАБАЙКАЛЬЕ В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО н. э.

В конце II и в I тысячелетиях до н. э. в степях Забайкалья и далее на восток, вплоть до Гоби и Ордоса, обитали многочисленные племена, которые вели одинаковый образ жизни и имели поразительно сходную культуру.

Племена эти, в отличие от своих северных таежных соседей, были типичными скотоводами. Они с успехом разводили уже все основные виды домашних животных: лошадей, крупный и мелкий рогатый скот. Они явились поэтому, по сравнению с обитателями тайги и тундры, посителями новой, передовой культуры, основанной на несравненно более передовом хозяйстве и принципиально новом жизненном укладе.

Относительно ранеее возникновение и быстрое развитие скотоводства в Забайкалье и соседней с ним Монголии зависело от благоприятных природных условий этих областей внутренней Азии с их обширными и безграничными по протяжению пастбищами. Эти природные условия открывали широкие возможности для роста стад в условиях акцессивного скотоводческого хозяйства пастушеского типа.

Скотоводы Забайкалья могли круглый год пасти свои стада на подножном корму, не затрачивая никаких усилий для заготовки сена на зиму, так как здесь широко распространены открытые пространства и холмистые возвышенности, с которых сильные степные ветры сдувают снег, обнажая сухую растительность.

Плиточные могилы из р. Уде. Бронзовый век

В наиболее суровое время зимы степные скотоводы могли останавливаться на зимовки вблизи рек, в укромных долинах, под защитой соседних возвышенностей, где и располагаются обычно могильники бронзового века, а также обнаруживаются следы временных остановок скотоводческих общин. Следы эти всегда очень немногочисленны и скучны, но от этого еще более характерны; они состоят обычно из обломков одного или двух разбитых глиняных сосудов, а также немногих медных или бронзовых вещей, случайно потерянных или забытых на местеиюкнутого стойбища. Не имеется на этих стоянках и каких-либо остатков жилищ, например в виде землянок. У древних жителей Забайкалья в это время, надо полагать, основным видом жилища была уже перенесная войлочная юрта — традиционное жилище степных кочевников на протяжении тысячелетий. Забайкальские скотоводы в I тысячелетии с успехом разводили уже все основные виды домашних животных, в первую очередь лошадей, а также мелкий и крупный рогатый скот.

Так же как и позднейшие пастушеские обитатели Забайкалья и Монголии, они ездили верхом на лошадях, употребляя для управления ими узду с бронзовыми удилами, о чем свидетельствуют находки таких удил в могилах бронзового века.

Богатые оловом, медью и другими цветными металлами недра Забайкальских гор явились основным условием, которое вызвало столь раннее и значительное по тем временам развитие местной металлургии.

Население Забайкальских степей уже в конце II тысячелетия до н. э. и особенно в первых веках последующего тысячелетия в совершенстве овладело техникой литейного дела. Местные мастера отливали в камених формах превосходные медные и бронзовые вещи, часто украшенные своеобразным и изящным орнаментом, а также реалистическими выполнениями изображениями животных.

Найденные в могилах украшения из полудрагоценных камней, раковин изури, доставленных из Индийского океана, большие индийские бусы из широфиллита указывают на дальнейшее расширение масштабов

культурных связей. Эти культурные связи, разумеется, не могли не оказывать прогрессивного воздействия на жизнь забайкальских племен; они содействовали ускорению их хозяйственного и культурного развития.

В развитии металлургии, литьевого дела, как и всей вообще культуры степных племен Забайкалья и Монголии, большое значение имело взаимодействие с соседними странами, в первую очередь с Китаем, сначала иньского, а затем чжоуского и цинского времен. О взаимных связях Китая и соседних с ним степных племен выразительно свидетельствуют найденные при раскопках в Аньяне, на месте столицы иньского государства, пожи и кинжалы, рукояти которых украшены такими же, как у забайкальских ножей и кинжалов так называемого карасукского типа, головками степных животных. Форма этих кинжалов и ножей тоже совпадает, иногда вплоть до мелких деталей. Не исключено, следовательно, что аньянские литейщики отливали свои изделия по образцам степных мастеров.

С другой стороны, прямое влияние высокой земледельческой культуры древнего Китая обнаруживается в замечательных глиняных сосудах-триподах, найденных как на поселениях, так и в могилах I тысячелетия до н. э. в степном Забайкалье от Агинских степей на востоке и до г. Улан-Удэ на западе. Сосуды эти имеют объемистый резервуар, переходящий в три широкие, полые внутри ножки, похожие на коровье вымя. В Китае сосуды подобной оригинальной формы типа *ли*, появляются уже в неолите и существуют затем на всем протяжении бронзового века. Они настолько специфичны и характерны для Китая, что их с полным основанием называют символом древнекитайской земледельческой цивилизации. Поэтому наличие сосудов типа *ли* в Забайкальских степях с особой силой раскрывает неожиданную глубину и подлинно интимный характер связей скотоводческих племен Забайкалья с архаическим Китаем, древнейшим очагом передовой культуры восточной Азии.

Если сосуды типа триподов отражают традиционные культурные связи Забайкалья с Китаем, то другие факты не менее определенно свидетельствуют о дальнейшем укреплении таких связей и с Западом, начиная с Минусинской котловины, Алтая, Средней Азии и кончая далекими скифскими племенами Причерноморья. Таковы предметы вооружения: бронзовые кинжалы и ножи, украшения, в первую очередь бронзовые зеркала, части конской сбруи и многое другое, выделявшееся по одинаковым исходным образцам. О связях с западными племенами и о вызревании сходного в основе образа якими, одинаковой в принципе культуры можно судить и по памятникам искусства, в том числе по изображениям одесей на писаницах и оленевых камнях Забайкалья и северной Монголии.

Оленевые камни, распространенные в степных районах Монголии, Забайкалья и Тинну-Туве, представляют собой замечательные по типологической художественной отделке и стилистическому своеобразию именительной

Глиняный трипод из Забайкалья. Бронзовый век. Сел. Агинское

щихся на них изображений монументальные памятники бронзового века.

Как показывает их название, на олених камнях изображались характерным образом стилизованные фигуры оленей с длинными ветвистыми рогами, в виде завитков закинутыми за спину.

Эти причудливо стилизованные изображения оленей, при некотором своеобразии их деталей, в общем обнаруживают ближайшее родство с изображениями оленей, характерными для архаического скифского искусства.

Олениные камни дополняются наскальными изображениями с такими же ветвисторогими фигурами оленей, как на стелах, и различными случайными находками, в том числе навершиями, близкими к древнейшим скифским по общей трактовке в виде стилизованных фигурок оленей, куланов, птиц, хищников, а в одном случае даже ежа.

Отсюда вовсе не следует, конечно, что в культуре степных племен далекого Востока не было своеобразных черт и никакой самобытности. Резко своеобразный характер у них имели, в частности, погребальные обычай, передко являющиеся, как известно, важным этническим признаком.

В то время как большинство степных племен хоронило умерших под курганными насыпями из земли или камней, племена Забайкалья строили характерные плиточные могилы в виде прямоугольных ящиков или оградок из огромных, передко, плит, поставленных на ребро. Такие плиточные могилы, иногда группирующиеся в целые могильные поля и издали виднеющиеся на фоне степных просторов, составляют такой же характерный элемент ландшафта Забайкалья, как кусты дырисуна и причудливые гранитные скалы этой живописной страны.

В центре верований забайкальских племен находился, повидимому, самый популярный в их искусстве зооморфный образ доброго благодетельного божества солнца в облике златогорого оления или сияющего на небе лучистого диска, символизируемого кругом или металлическим зеркалом.

На отвесных скалах и сводах пещер Забайкалья рассеяны также сотни древних рисунков, выполненных красной охрой и по стилю датируемых эпохой бронзы. Писаницы эти рассказывают о культе священной птицы — орла или сокола, о каких-то коллективных магических обрядах, имевших целью обеспечить плодовитость скота, рост родовых общин и благополучие их членов. Чаще всего на писаницах встречается один и тот же сюжет, одно и то же изображение магической ограды, охраняемой луннокрылой священной птицей и взявшимися за руки антропоморфными духами-защитниками рода.

Любопытно, что образ этой священной птицы не исчез бесследно, а сохранился до XIX—XX вв. в старинной орнаментике на шерстяных чулках ольхонских бурят. Ольхонские буряты называли эту птицу *йэхэ-шубун*, т. е. орел. Как известно, орел занимал исключительно важное место в шаманской мифологии и культе бурят, а на Ольхоне он считался покровителем и владыкой этого острова.

Внутри «ограды» и по соседству с ней на писаницах бывает рассеяно множество овальных или круглых пятен, как бы отпечатков нальцев. Каждое такое пятно могло символизировать конкретного члена родовой общины или его душу, находящуюся под защитой благодетельных родовых духов. Там же видны изображения животных, обычно лошадей, изображенных в характерной стилизованной позе, как бы готовящихся к прыжку. Такие писаницы имеются на берегах Толы около Улан-Батора, на всем протяжении долины Селенги с инадионами в ее реками, в Агинских степях и на р. Ингоде около Читы.

Нет никакого сомнения, что племена бронзового века Забайкалья продолжали устойчиво сохранять древний общинный строй. Показательны в этом отношении погребальные памятники бронзового века Забайкалья, если взять их в сравнении со скитскими могилами южной России. На юге России издавна воздвигались огромные курганы племенной элиты, могилы скитских «царей», где по определенному пышному ритуалу погребались знатные покойники вместе с сопровождавшими их женами и слугами, с десятками, а то и сотнями лошадей, с драгоценной золотой и серебряной утварью. Рядом же с этими курганами по степям рассеяны бесчисленные рядовые могилы простых скитов, составляющие своей простотой и бедностью обстановки резкий контраст с захоронениями аристократов.

В степях Забайкалья бронзового века нет ничего похожего на грандиозные и пышные погребения скитских «базилевсов». Все плиточные могилы в своем устройстве строго выдержаны по одному и тому же плану, причем само по себе их расположение указывает на прочность общинно-родовых связей. Они располагаются правильными рядами, вытянутыми с юга на север, ориентированы строго в одну и ту же сторону — с востока на запад. Такое расположение плиточных могил сразу вызывает в памяти знакомую всем планировку общинно-родовых кладбищ ирокезов, живших в условиях матричного рода.

Даже и в тех случаях, когда некоторые из них выделяются более крупными размерами, такие плиточные могилы служили не одному человеку, а были коллективными могилами нескольких погребенных в них людей. Было бы, однако, неправильно полагать, что люди бронзового века в Забайкалье жили, так же как и их предшественники, люди каменного века, в условиях первобытного равенства и колLECTИВИЗМА.

Хотя они и были еще далеки от того уровня, которого достигли близкие им по культуре кочевые племена азиатских кочевников саков и, тем более, европейских скитов, наследие бронзового века за Байкал ушло не менее далеко и от тех условий, в которых жили их предки, еще не знающие снеговодства и металлургии.

Изображения на оленном камне с р. Иволги.
Бронзовый век

Появление домашних животных, образование стад конного и рогатого скота и связанный с этим рост излишних продуктов, превышавших потребности самих скотоводов, должны были содействовать развитию обмена и повышению его роли. Золотые изделия, изредка находимые даже и в разграбленных позднее плиточных могилах и случайно уцелевшие от грабителей, украшения из малахита, бирюзы, сердолика и других ценных камней-самоцветов, раковины каури, признаки связи с древним Китаем и Скифии свидетельствуют о каких-то зачатках роскоши и росте богатства у отдельных семейств.

В результате неизбежно должен был осуществиться переход от древнего материнского рода к отцовскому, должна была возникнуть патриархально-семейная община и образоваться определенная аристократическая прослойка из глав богатых скотоводческих семейств.

В связи с этим и сами по себе плиточные могилы предстают в совершенно определенном свете, как свидетели крупных перемен, произошедших в общественной жизни забайкальских скотоводов. Монументальные, нередко, размеры этих погребальных сооружений, а вместе с тем их относительная немногочисленность показывают, что это были скорее всего усыпальницы глав богатых и влиятельных семейств.

Еще ярче свидетельствуют об этом монументальные изваяния — олениные камни с сильно стилизованными изображениями оленей. Большой труд, который требовался для того, чтобы выломать из гранитной скалы подходящие глыбы камня, отесать их бронзовыми орудиями и придать им форму столба или саблевидной стелы, наконец, терпеливо покрыть всю их поверхность искусно высеченными рельефными изображениями, ясно показывает, каким весом и влиянием в обществе пользовались те люди, в память и честь которых над их гробницами были поставлены эти величественные памятники, без изменений простоявшие под солнцем Монголии и Забайкалья два с половиной тысячелетия.

О том же говорят как дорогие вещи, сопровождавшие умерших, захороненных в плиточных могилах, так и рисунки на олених камнях.

Наряду с символическими изображениями солнца и фигурами мифических солнечных оленей на олених камнях бывают очень точно и детально изображены такие реальные бытовые вещи, как пояс, лук, боевой кинжал, аналогичный скифскому акинаку, иногда тут же виден боевой топор-секира, даже диск, изображающий бронзовое зеркало. Все это было, несомненно, личным снаряжением древнего воина, вероятно, в точности повторявшим то, что на самом деле принадлежало ему при жизни. По попыткам того времени, воины эти являлись и на «тот свет» вооруженными с головы до ног, как подобает степному витязю, всегда готовому не только к отпору чужеземцев, но и к набегу на соседей, к захвату чужого имущества, в первую очередь табунов скота, жен и детей своих врагов.

Эти воины, над величественными гробницами которых стояли монументальные памятники — стелы, покрытые священными изображениями солнечных оленей и личного оружия, несомненно, были не простыми общинниками, а вождями-аристократами, главами отдельных семей, выделявшимися из всех остальных своим богатством и занимавшими первенствующее положение внутри патриархально-родовых общин своего времени.

Вряд ли может быть сомнение в том, что патриархально-родовое общество степных скотоводов бронзового века в Забайкалье далеко ушло вперед от обычая и норм эпохи первобытного равенства, собственность принадлежала частный, индивидуалистический характер, и сознание людей проникалось чувством частной собственности. Оставалось сделать еще

один шаг вперед, чтобы внутри общества появились противоположные друг другу классы, чтобы вследствие непримиримости классовых противоречий возникла организация классового господства — государство. Именно так и шел исторический процесс во всех передовых странах Европы и Азии, хотя он и протекал у различных народов в разных формах и в разное время.

Так должно было случиться и на территории Бурят-Монголии, где в степях ее районах этот процесс был подготовлен всем ходом предшествующей истории. Это новое время наступило за Байкалом, в степных областях Бурят-Монголии, тогда, когда широко стало распространяться железо, во втором веке до н. э., когда на арену мировой истории выступили племена хуннов, как их называли китайцы, или гунны, как их позднее стали именовать европейские народы.

С хуннами, создавшими первое в степях Центральной Азии государственное образование степных племен, история и вступает, наконец, в эпоху классового общества и государства.

Широко известные в науке памятники хуннской культуры, обнаруженные в горах Ноин-Ула, в могильнике Ильмовой пади у Кяхты, китайские летописи и материалы поселений за Байкалом рисуют хуннов как скотоводов-кочевников, которые, впрочем, понемногу сеяли и хлеб (просо). В обществе хуннов над рядовыми членами родов возвышалась родоплеменная знать; сильно развито было рабство, источником которого являлись войны с соседями хуннов, в том числе с китайцами. Рабы, вероятно, обрабатывали землю и выполняли другие тяжелые работы.

Ядро государства хуннов составлял военный союз 24 племен, разделенных на два крыла, восточное и западное. Главой хуннского государства был шаньюй. Объединенные в рамках своего государства, скрепленного родоплеменными традициями и связями, выступая как вооруженный народ, как племенной союз, хуны представляли грозную военно-политическую силу. На протяжении короткого времени хуны подчинили себе множество племен и достигли господства над колоссальной территорией от Байкала до Тибета и от Восточного Туркестана на западе до Амура на северо-востоке.

Вещественным памятником хунской экспансии на Севере осталось замечательное городище вблизи г. Улан-Удэ на р. Иволге. Как оказалось, городище по своей площади занимает сейчас 72 380 м². Первоначально же это поселение было еще больше, так как часть его уничтожена р. Селенгой, подмывавшей здесь свой левый берег. Оно было окружено четырьмя валами высотой до 1,5 м и четырьмя рвами. Внутри укрепления размещались десятки малых жилищ и два больших. Малые дома имели углубленное в землю прямоугольное основание и обогревались очагом, дым и горячий воздух из которого шел по специальным дымоходам вдоль стен, под нарами. Такой же в принципе была отопительная система, которая вскрыта при раскопках замечательного дворца на Абакане в Минусинской котловине, принадлежавшего, как уже говорилось выше, повидимому, пленному китайскому полководцу Ли Лину.

Внутри и снаружи жилищ встречены ямы для хранения запасов пищи. Пищу готовили обычно рядом с домом в небольших очагах, около которых встречается много фрагментов сосудов с закопченной огнем очагов поверхностью. Внутри жилищ найдена разнообразная домашняя утварь, в том числе сосуды с отверстиями на дне для приготовления сыра, а также следы металлургического производства (шлаки). Среди сосудов выделяются бронзовые сосуды, впервые найденные в хунских памятниках. Большие дома, очевидно, были постройками общественного назначения или жилищами хунских воцарей, возглавлявших это поселение. Жилище имело

вид прямоугольника размером 8×9 м., окруженнего глиновитнами стенами толщиной более метра, с деревянными столбами по углам и в средине стен, как в современных постройках Монголии. Дом воцда имел такой же очаг, как и малые постройки, отличающийся от очагов малых домов только большими размерами. Как и в малых домах, вдоль стен большого дома были каналы, служившие дымоходами. Внутри дома оказались целые глиняные сосуды для производства сыра, хранения запасов и яарки пищи, листая бронзовая чаша, наконечники стрел, костяные накладки на концы лука.

Находки на Иволгинском хунинском городище замечательны не только тем, что это вообще первое, подвергнутое систематическим археологическим исследованиям хунинское поселение, но и тем, что оно дает первоклассный материал для характеристики образа жизни и культуры хунинов, а также для выяснения их взаимоотношений с северными племенами. Как видно из раскопок на Иволге, кочевники хунины имели также и укрепленные поселения. Кроме мяса, молока и сыра, они питались земледельческими продуктами, о чем свидетельствуют найденные здесь зерна проса. Этим подтверждаются сведения китайских летописей, сообщающих, что хунины сеяли просо, обрабатывая землю, однако, не сами, а руками пленных китайцев.

Поселение на нижней Иволге, оказавшееся на таком большом расстоянии от основной области распространения хунинских памятников, найденных в районе Кяхты, по Джиде и в верхнем течении Селенги, а вместе с тем являющееся самым северным, известным сейчас собственно хунинским памятником, интересно еще и тем, что его окружает необычно мощная система оборонительных рвов и валов. Жившие в своем городке на берегу Селенги хунины отгородились от окружающего мира четырьмя мощными валами и четырьмя рвами. Ширина этого оборонительного пояса рвов и валов достигает 26 м. Все это дает право сделать вывод, что городок на Иволге был самым северным укрепленным форпостом хунинов в Забайкалье.

Как известно, временем наибольшей территориальной экспансии хунинов были годы правления их знаменитого шаньюя Модэ. Модэ захватил власть над гуннами в 209 г. до н. э. и настойчиво проводил агрессивную политику по отношению к соседним странам. Китайские источники отмечают завоевательные походы Модэ не только на юг, в Китай, но и на север. В это время, должно быть, и возникает хунинское укрепление на самой отдаленной северной окраине их владений.

Столь резко выраженная забота жителей Иволгинского городища об укреплении своих жизней от нападения врагов ясно показывает, что захватчикам-хуннам жилось в пизовьях Селенги далеко не спокойно.

Коренное население северных районов Забайкалья, несомненно, находившееся в условиях первобытно-общинного строя, должно было испытывать представителей классового общества — воинов и чиновников хунинских шаньюев, как захватчиков, насильников и поработителей. От этой ненависти, очевидно, и отгородились гуны, засевшие в своем укрепленном городке вблизи устьи Иволги.

Агрессивная политика хунинов выражалась в событиях, затронувших не только северные области Забайкалья, но и собственно Прибайкалье. В это время в долину р. Куды, правого притока Ангары, а может быть, и еще далее на запад, вплоть до устья р. Урги, в район нынешнего Балаганска, проникают новые пришельцы. Эти люди, оказавшиеся в глубине тяжкого Прибайкалья, среди местных охотничьи-рыболовческих племен, были скотоводами. Они разводили лошадей и овец и имели такую же материальную культуру, такую же обычай, как забайкальские скотовод-

ческие племена раннего железного века, обитавшие в низовых Селенги в III—II вв. до н. э. Они пользовались характерной глиняной посудой забайкальских форм, носили на своей одежде одинаковые полушаровидные бронзовые бляшки с плоской орнаментированной насечками каймой, имели луки с костяными накладками, костяные и железные наконечники, аналогичные забайкальским.

Эти люди хоронили умерших в тщательно устроенных прямоугольных могилах из вертикальных плит красного песчаника. Так же как в степях Монголии и нашего Забайкалья, их могильники имели вид цепочек, расположенных с юга на север, при такой же, как за Байкалом, ориентировке покойников и могил головой с запада на восток.

Подобно забайкальским, эти плиточные могилы устраивались на ровной поверхности возвышенностей и у подножия скальных обрывов с каменистыми россыпями. Такие могилы оказались, например, на живописной горе Манхай около с. Харгай или Усть-Орды, центра Усть-Ордынского национального округа Иркутской области. Манхайские погребения ясно показывают, что они оставлены новым, пришлым племенем, явившимся сюда из-за Байкала или с байкальского побережья. Это явно были стенные скотоводы, ближайшие родичи тех, кто оставил в степях Забайкалья и Монголии плиточные могилы бронзового и раннего железного веков.

Строители плиточных манхайских могил принесли с собой на запад, в долину р. Куды, может быть, не только свой хозяйственно-бытовой уклад и не только свои древние обычай. Не исключено, что они принесли вместе со скотоводством даже семена типично степной травы — дырисана, придающей такой характерный отпечаток ландшафтам Забайкалья за пределами таежных лесов.

Что же вызвало переселение этой колонии забайкальских степняков раннего железного века в долину р. Куды, через горные перевалы и болота Байкальского хребта, какая причина заставила их уйти из родных долин на северо-запад, в страну лесных племен?

Ответом на эти вопросы может служить тот факт, что именно в это время на территории Монголии и соседних с ней областей Забайкалья происходят крупные перемены, вызванные возвышением хуннов и развертыванием их завоевательной активности, в том числе на севере, вплоть до Прибайкалья. В это тяжелое для селенгинских племен, вероятно предков тюрков-уйголов, время часть их могла покинуть родные кочевья и отойти под давлением завоевателей дальше на север. Это событие, всего вероятнее, могло произойти во время наибольшей северной экспансии хуннских орд при Модэ шаньюе, когда, повидимому, возникло и хунское укрепленное поселение на р. Иволге около г. Улан-Удэ, слу жившее главным форпостом хуннов на севере.

Очевидно именно тогда, под давлением хуннов, группа древних скотоводов, которые оставили после себя в степях Забайкалья монументальные памятники в виде плиточных могил, пересекла через все стоявшие на их пути преграды и пришла в плодородную Кудинскую долину вместе со своим скотом, со своими женами и детьми.

Основа обширного государства, созданного хуннскими племенами, оказалась, однако, непрочной, и под ударами китайцев и других врагов это государство в половине I в. н. э. распадается. Хуны разделились на две части, одна из которых ушла на запад, а другая подчинилась Китаю и потеряла самостоятельность. Некоторые слова, сохранившиеся в китайских летописях, говорят о том, что язык хуннов был, с одной стороны, весьма близок к тюркскому, а с другой — к монгольскому. Интересно, что само по себе название хуннов имеет связь с монгольским

словом «хун» — «человек». Очень вероятно поэтому, что они были ве- тюрками, а монголами (турки называют человека своим словом *кизи*, киси и т. д.).

ПЛЕМЕНА ПРИМОРЬЯ И АМУРА В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО н. э.

В то время как к западу от Амура, в степях Забайкалья и Монголии, веками развивалась культура скотоводческих племен бронзового века, из которых позднее выделились тюркские и монгольские народы средневекового времени, в бассейне Амура и в Приморье обитали другие племена, весь образ жизни и культуры которых попрежнему представляли резкий контраст с жизнью и культурой этих скотоводов.

Культура населения приморских племен Дальнего Востока, обитавших в I тысячелетии до н. э. вдоль берегов Тихого океана к востоку и северу от границ Кореи, у Владивостока и далее на север, известна в археологической литературе под наименованием «культуры раковинных куч». Такие раковинные кучи, обычно располагающиеся в бухтах, на выступающих в море мысах и перспектиках, состоят из наслоений раковин, съедобных морских и пресноводных моллюсков. Таковы, например, многочисленные раковинные кучи у Владивостока, по берегам зал. Петра Великого. Кучи эти обычно имеют высоту до 1 м при окружности 10—25 м. Кроме морских раковин, в них встречаются кости рыб, свиньи, олена, домашней собаки, косули, медведя, барса. В раковинных кучах находят каменные топоры, наконечники из шифера и кости, грузила, шиферные ножи и книжалы. Все это на первый взгляд имеет обычный неолитический характер, но только на первый взгляд, ибо в действительности культура населения Приморья, оставившего раковинные кучи, имеет в целом уже значительно более развитый характер.

Даже каменные изделия из поселений с раковинными кучами и те сильно отличаются от более древних, в том числе и из непосредственно предшествующих им стоянок, например в устье р. Гладкой Посытского района, где широко представлены обсидиановые острия, наконечники стрел и ножи, сопровождающиеся характерной керамикой, украшенной резным орнаментом в виде линий, зигзагов, реже меандра.

Теперь изменяется даже и материал, из которого выделялись каменные орудия. Первое место занимает шиферный сланец, а вместо обивки и ретуши все шире и шире применяется шлифование камня. Вместо односторонне выпуклых в сечении каменных тесел появляются новые, плоские, симметричные в сечении.

По-новому выглядит и все остальное, в том числе самый массовый и обильный материал в археологических находках — керамика. Простые глиняные сосуды древнего времени сменяются повсюду, более совершенными по форме. Среди них первое место принадлежит ранее не известным широким сосудам с более сложным профилем, а также плоским чашам, возвышающимися на узкой конической ножке — поддоне. Резко изменяется ориентация и внешняя отделка сосудов. Часто встречаются сосуды с лощеной до блеска поверхностью, иногда нарочито покрытой тонким слоем малиново-красной краски. Выделяя свои сосуды, древние гончары украшали их теперь резным линейным и, в особенности, налепным жгутиковым узором в виде параллельных полос, а также симметрично расположеными налепными шишечками.

Однако изменения в культуре приморских племен, оставивших раковинные кучи, идут еще глубже.

Как оказалось, мощные наслоения раковин и рыбных костей, придававших их поселениям такой первобытный вид, облажаются новое же тем-

что здесь жили жалкие собиратели «даров моря», подбирающие раковины или выброшенные морскими волнами труны случайно погибших морских животных. Среди раковин оказались такие, которые обитают не у самих берегов, а в открытом море, на глубине нескольких десятков метров. Вместе с ними встречаются кости морских рыб, тоже обитающих вдали от берегов.

Добыча глубоководных моллюсков и рыб была невозможна без выезда в открытое море. Она требовала соответствующего технического оснащения, в первую очередь больших устойчивых на морской волне лодок, возможно, уже с парусом и балансиром-аутригером. Нужны были морские сети, а также специальные удочки с грузиками, опускающиеся на большую глубину, и многое другое, на чем держалось морское рыболовство у различных племен Тихого океана в момент их первоначального соприкосновения с европейцами.

Особенно интересны найденные в раковинных кучах плоские острия из шифера, иногда имеющие в середине одну или две просверленные дырочки. Они одинаковы с наконечниками гарпунов древних эскимосов и других прибрежных племен Тихого океана. У обитателей поселений с раковинными кучами, таким образом, были гарпуны для охоты на крупную рыбу и морского зверя, у них существовал уже тот сложный гарпунный комплекс охотничьего вооружения, появление которого означало крупнейший шаг в развитии культуры приморских стран и важнейшее завоевание морских рыболовов и охотников от Японских островов и до Скандинавии.

Без такого вооружения не могли быть по-настоящему освоены человеком огромные пространства морских побережий Тихого и Ледовитого океанов, не могла возникнуть высоко специализированная культура морских зверобоев, в некоторых отношениях оставившая далеко позади культуры континентальных рыболовов и охотников неолитического периода.

Существование специализированной культуры рыболовов и морских зверобоев было первой характерной чертой хозяйства и образа жизни населения Приморья в «эпоху раковинных куч», а возникновение ее означало важнейшую грань в их культурной истории.

Возникла, несомненно, и новая психология отважных мореходов, привыкших к безграничным просторам океана. Появление на берегах Приморского края первых раковинных куч явилось поэтому свидетельством не упадка, а, напротив, резкого продвижения вперед во всех областях жизни и культуры его населения.

Внимательное изучение содержимого раковинных куч привнесло и еще более неожиданное открытие. В них обнаружены камни овальной ладьевидной формы. Одна сторона таких камней выпуклая и более или менее гладкая, другая плоская и сплошь покрыта мелкими точечными выбоинами, как бы своего рода насечкой.

По форме, размерам и характеру отделки поверхности они в точности повторяют древнейшие орудия, служившие для изготовления муки из зерен — каменные зернотерки. Такие зернотерки, предшествующие позднейшим ручным мельницам, постоянно встречаются в древнейших земледельческих культурах земного шара, начиная с первого очага начального земледелия в странах Ближнего Востока и Средней Азии и кончая далекой Америкой. Именно так, такими орудиями, мололи зерно склонившиеся над ними на коленях женщины древнего Египта, статуэтки которых уцелели в древних гробницах «страны пирамид». Подобный способ приготовления муки стал же характерен для земледелия первобытно-

общинной эпохи, как ручная мельница, по образному выражению К. Маркса, для феодального общества с землевладением во главе.

Вместе с обломками каменных зернотерок в раковинных кучах встречаются каменные мотыги и фрагменты шиферных ножей особого типа, в виде небольших пластинок с выпуклым односторонним лезвием и дном, обычно, отверстиями, просверленными в их средней части. Совершенно такие же по форме шиферные ножи, служившие серпами, и мотыги с плачками употребляли в неолитическое время древнейшие земледельцы Китая на р. Желтой.

«Люди раковинных куч» явились, следовательно, не только создателями высоко специализированной по тем временем культуры морских рыболовов и зверобоев, но и первыми земледельцами нашего Дальнего Востока.

Со временем приморские племена от своих степных соседей стали получать и металлические вещи, о чем свидетельствуют единичные находки металлических изделий, а также каменные кинжалы и наконечники, изготовленные по металлическим образцам конца II и начала I тысячелетия до н. э. Тем самым в Приморье начинается переход от камня к металлу, заканчивается неолитическое время в собственном смысле этого слова.

В то же самое время, повидимому, у иных появляются, рядом с собакой, и другие домашние животные, зарождается скотоводство в его настоящем виде, как разведение животных для получения мяса, молока, а также других продуктов скотоводства. В хозяйстве приморских племен важное место имела, очевидно, свинья, кости которой особенно часто встречаются в раковинных кучах. Свиноводство, как известно, было издавна и широко распространено у всех народов юго-восточной Азии, а также в районах южных морей, вплоть до Новой Гвинеи — у папуасских племен этого огромного острова. С юга, очевидно, и заимствовали свиноводство вместе с земледелием племена нашего Приморья.

На тесную связь с населением Кореи и Китая, особенно с теми племенами, которые обитали вдоль морских берегов Китая, указывают и другие черты культуры населения прибрежной части советского Приморья в то время. Таковы, например, каменные топоры, шиферные наконечники стрел и гарпуны, известные вплоть до о. Тайвань и вообще на юге Китая, а также глиняные сосуды неизвестных ранее форм (чаши на высокой ножке, блюда и т. д.). Можно предполагать поэтому, что эти прибрежные племена Приморья распространялись когда-то с юга на север и долгое время устойчиво сохраняли здесь свою культуру, в которой видны различные черты, связывающие ее с культурой неолитических земледельцев Китая эпохи яншао и более позднего времени.

Судя по китайским источникам, эти древние обитатели Приморья носили общее наименование илоу. Китайцы оставили о них в своих летописях краткие, но точные известия, вполне согласующиеся с археологическими источниками и существенно дополняющие их.

В «Саньгочжи», не использовавшем И. Бичурином обозрении истории трех династий, одновременно правивших в Китае с 220 по 264 г., составленном Чжэнь Шоу в V в. н. э., об илоу говорится, что они находятся на северо-востоке от Фуюй более чем на тысячу ли и расселены по берегу Великого океана. На юге они соприкасаются с северным вонзой, а «где кончатся их земли на севере неизвестно». В стране илоу «много непроходимых гор».

Основой хозяйства илоу были земледелие и скотоводство; они имели «пять видов (хлебных) злаков, коров и лошадей»; особенно подчеркивалось, что илоу любят разводить свиней, питаят их мясом, посирят их шкуры».

Большая роль скотоводства отражена сообщением летописи о том, что илоу «делают загоны для скота посередине, и люди, окружают его с наружной стороны, живут».

Илоу добывали в своей стране ишму и хороших соболей — это те самые, которые ныне называют илоускими», говорится в хронике. Отмечается и наличие судоходства у илоу. Жилища илоу находились среди гор и лесов. Они были углублены в землю: «обычно живут в ямах. Большие семьи углубляются на девять ступеней и чем больше, тем лучше». Летом илоу ходили голые, «только покрывают ткани в 1 чи (0.32 м, — А. О.) прикрывают их спереди и сзади, чтобы скрыть тело. Зимой они намазывали тело свиным жиром, толщиной в несколько слоев, чтобы защититься от ветра и мороза». Главным оружием илоу служил лук: «их луки длиной в 4 чи (1.3 м, — А. О.). Силой превосходят самострелы. Стрелы делают из дерева ку, длиной в 1 чи (0.32 м, — А. О.). Наконечник стрелы делается из темного камня... Искусно стреляют из лука. Стрелки, когда стреляют в людей, всегда попадают. Так как стрелы намазывают ядом, то люди, в которых попадут, все умирают».

Общественный строй илоу не выходил за пределы первобытно-общинных отношений («люди большей частью храбрые и сильные. Не имеют больших правителей, но каждое поселение имеет главу»).

Таким образом, у илоу не было общего владельца, и они жили независимыми друг от друга родовыми общинами. Но это не мешало успешно обороняться от пытавшихся поработить их соседей.

В «Саньгочжи» содержатся интересные сведения, характеризующие отношения илоу с соседними народами и их политическую историю. Со временем династии Хань, говорится в летописи, фуюцы подчинили их себе и обложили тяжелыми податями. В период Хуан-чу (222—226 гг.) они восстали против поработителей. «Фуюй несколько раз ходили против них карательными походами. Хотя их народ, обитающий в непроходимых горных местах, и малочислен, люди соседних стран боятся их луков и стрел и в конце концов не могут покорить». Более того, сами илоу, бесстрашно плавая на судах по морю, наводили страх на соседей: «вторгаются и грабят, отчего соседние страны страдают».¹

На севере с илоу соприкасались другие племена, о жизни которых дают представление археологические памятники, найденные в долине Амура у Хабаровска. Памятники эти рассказывают о жизни тех племен, которые позднее вошли в историю Дальнего Востока под именем мохэ китайских летописей. Они рисуют, хотя и отрывочную, но в целом вполне определенную картину такого же, как в Приморье, постепенного прогрессивного развития культуры местного населения от камня к металлу, от охоты и рыболовства к земледелию и скотоводству, от материнского рода к отцовскому, а затем и вообще от первобытной родовой общины к государству.

На одном из поселений у Хабаровска, в нижнем культурном слое, сохранились следы поздненеолитической культуры в виде землянок, на дне которых найдены грубые лепные сосуды, покрытые снаружи оттисками, имитирующими грубую ткань или рогожку. Выше залегают остатки более развитой керамики, в том числе чаши в виде двух конусов, соединенных вместе вершинами, и больших высоких сосудов с узким днищем, таким же горлом и сильно отогнутым широким блюдцеобразным венчиком. Сходные по форме сосуды распространяются в конце I тысячелетия до н. э. и в соседних странах Дальнего Востока, вплоть до Японских островов, где они носят название сосудов типа зёи.

¹ Сведения об илоу из «Саньгочжи» заимствованы по переводу с китайского текста летописи, сделанного Э. В. Шавкуновым и В. Е. Таричевым.

Одновременно постепенно выходит из употребления древние каменные орудия и начинается, повидимому, местная обработка металла. По крайней мере, на поселении этого времени у с. Малмыжского оказались капли меди — следы плавки этого металла.

Обнаруживаются и очень характерные черты верований, погребального ритуала. На том же поселении у Хабаровска, где оказались сосуды типа яиц, обнаружены и остатки одновременных разрушенных погребений, в которых кости людей находились в больших глиняных сосудах, соединенных друг с другом горлами.

Все эти новые черты материальной культуры и быта, связывающие Приамурье с соседними странами Дальнего Востока, замечательны тем, что указывают на еще более важные и глубокие перемены в жизни племен Дальнего Востока. Именно в это время здесь повсюду распространяется скотоводство и земледелие, материальный род сменяется отцовским, усиливается обмен, крепнут связи с другими странами, в первую очередь с Китаем, содействующие разложению первобытно-общинного уклада. Намечаются первые признаки имущественного неравенства. Вырастает прослойка местной патриархально-родовой аристократии, складываются экономические предпосылки для возникновения в дальнейшем местных государственных образований, сначала Бухайского царства, а вслед за ним, в самом начале следующего тысячелетия, — чжуурчженьского, или цзиньского государства.

СИБИРЬ И ДАЛЬНИЙ ВОСТОК В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ н. э.

I тысячелетие н. э. в истории степных областей Сибири явилось временем возникновения и расцвета государственных образований тюркоязычных степных народностей. Возникший в середине VI в. тюркский каганат объединил различные племена Центральной Азии и восточной части Средней Азии, причем основным ядром его были алтайские тюрки. Во главе их государства стоял каган. Род кагана, вместе с знатью остальных племен, образовывал правящий слой тюркского эля, т. е. племенного союза. Свободные члены родов, т. е. основная масса кочевников, носили наименование будун. Были также клиенты и рабы. В целом общественный строй тюрков был патриархально-феодальным.

В условиях тесных связей с Китаем, Ираном и отчасти даже Византией древние тюрки достигли довольно высокого уровня культуры. Они имели собственную письменность с руническим шрифтом, хорошо приспособленным к фонетически точной передаче звуков тюркской речи. У них было своеобразное и богатое искусство.

За быстрым ростом тюркской степной державы скоро, впрочем, последовал ее упадок. В 558 г. тюркский каганат распался на две части, восточную и западную, а в середине VII в. тюрки подпали под власть Китая и утратили самостоятельность. Только после пятидесятилетнего китайского ига сделаны были первые попытки освободиться от него. Затем, по возвышении Гудулу-кагана (Кутлууга), вновь было воссоздано тюркское государство на Орхоне, где сохранились вещественные памятники этого государства, в том числе своеобразные политические декларации — знаменитые рунические надписи в память покойных ханов и близких им лиц, выдающихся деятелей тюркского государства.

В бассейне Енисея, выше Красноярска, во время существования первого тюркского, а затем орхонского государства и сменившего последнее — уйгурского каганата жили потомки хягасов — кыргызы, в прошлом носители европеоидного антропологического типа, но около начала нашей эры смешавшиеся с тюрками и постепенно целиком отуречившиеся.

Кыргызы жили оседло, в жилищах, крытых древесной корой. Они разводили скот, но одновременно занимались и земледелием: сеяли просо, ячмень, пшеницу, гималайский ячмень. Землю пахали сохами, железными лемехами, хлеб жали сершами, зерно мололи парными вращающимися жерновами. Поля орошались оросительными кашанами.

В стране кыргызов существовала аристократия, владевшая большими стадами. Главой народа являлся *ажо*.

Высокого развития достигла обработка металла — железа, золота и олова; были искусные кузицы, оружейники, ювелиры-художники, велись торговля с Китаем, с арабами и лесными племенами Сибири.

Как сообщают китайцы, в стране кыргызов большого развития достигла музыка. Народ любил зрелища циркового характера, с участием акробатов, наездников-виртуозов, а также дрессированных животных. Китайцы упоминают, например, верблюда и льва, обученных для цирковых выступлений.

Кыргызские ювелиры оставили после себя замечательные образцы своего мастерства в виде найденных в могилах знатных кыргызов драгоценных изделий. С особенной любовью изображали они живые охотничьи сцены: лошадей, распластанных в летучем галопе, натянутые до ушей стрелка луки и разбегающуюся в паническом страхе дичь. Такие же рисунки уцелели и на скалах Минусинского края, где, кроме воинов, лошадей, всадников, охотничьих и военных сцен, появляются странные фигуры жрецов или сакральных вождей в длинных мантиях, с жезлами в руках, а также удивительно жизненно схваченных с натуры дерущихся самцов — верблюдов и даже барсов с дубинами в лапах.

Социально-политический строй кыргызов и их культура были близки к строю и культуре других тюрков. Рядом с кыргызами на Енисее и в соседних районах обитали различные другие, не тюркоязычные племена, жившие в лесах, занимавшиеся охотой, рыболовством и отчасти скотоводством. Племена эти стояли на значительно более низком культурном уровне, чем кыргызы. Таковы, например, дубо — вероятные предки позднейших тубаларов и тофаларов (карагасов). Им могли принадлежать пещерные стоянки и многочисленные городища в районе Красноярска, к востоку от него, а также писаницы, исполненные красной краской, найденные на рр. Мане и Бирюсе. Среди других племен, соседних с кыргызами, упоминаются также курыканы (гулигани китайцев, кури или фури арабских источников). Курыканы жили вокруг Байкала — в низовьях Селенги, по Ангаре и верхней Лене.

Большая часть остатков многочисленных укреплений-городищ вокруг Байкала относится к курыканскому времени, о чем свидетельствует находимая на них характерная керамика — обломки грубых сосудов с плоским дном. Найденные на о. Ольхон многочисленные могилы курыканов имеют вид конических юрточек из плит гнейса; там, где не было плитняка, хоронили мертвых в обычных грунтовых могилах.

Подобно кыргызам, курыканы разводили лошадей, коров и верблюдов; сеяли хлеб, владели руческой письменностью и имели искусство, близкое к искусству кыргызов и алтайских тюрков.

Важнейшим средоточием памятников курыканского искусства являются писанные скалы у дер. Шишкино на верхней Лене, где изображены лошади в летучем галопе, всадники с знаменами в руках, на богато украшенных суптанами и подшайками кистями конях и верблюдах. Как эти рисунки, так и целые охотничьи и военные сцены, изображенные на лесных скалах, имеют много общего с искусством енисейских кыргызов и алтайских тюрков I тысячелетия н. э.

Курыканы враждовали с орхонскими тюрками и находились в дружественных связях с их врагом — Китаем.

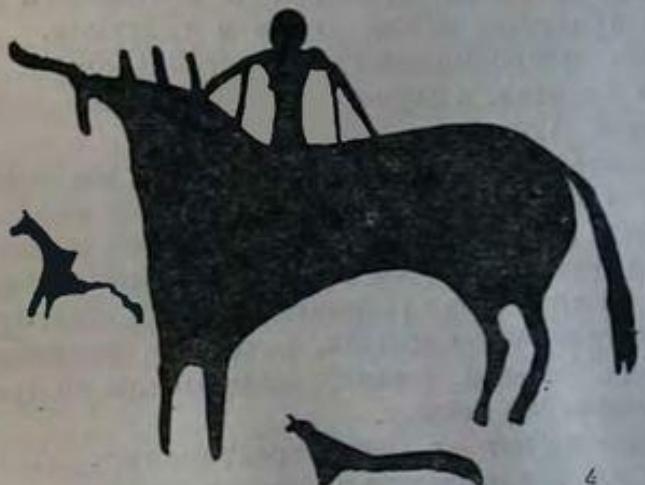
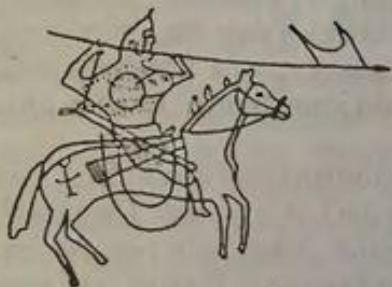
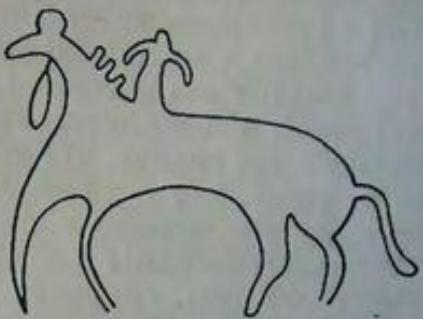
Из страны курыканов, самых северных в то время тюрков, должны были выйти тюркские предки якутов — сахаларов. Последние впервые покинули Прибайкалье до X—XIII вв. н. э., ибо в это время здесь уже распространяются ранние монгольские переселенцы, хотя позднее на север по Лене ушла новая тюркоязычная группа, очевидно, и давшая якутам их самоназвание — саха.

К югу от курыканов, в бассейне р. Селенги, располагались, повидимому, селенгинские уйгуры, соседившие с орхонскими тюрками. После этих селенгинских уйгуротов остались многочисленные керексуры, т. е. каменные курганы с прямоугольными или круглыми оградками и сопровождающими их дополнительными сооружениями в виде кругов и конских могил. Как показали работы антропологов, черепа из керексуров, как и более ранние находки из плиточных могил, характеризуются высоким и плоским лицом и слабо выступающими носовыми костями. Они отличаются брахицранней, покатым лбом и сильно развитым надбровьем.

В то время как в степях Забайкалья происходило возышение хуннов, а на Енисее появлялись зачатки кыргызской государственности и складывались государства других тюркоязычных народностей, у их северных соседей — племен тайги и тундры — продолжали развиваться своя культура и социальные отношения, хотя процесс формирования проходил не так быстро, как у степняков. История отношений степных племен с лесными была очень сложной и до конца еще не выяснена.

Во всяком случае несомненно, что лесные племена на протяжении тысячелетий устойчиво сохраняли свой самобытный облик, во вместе с тем испытывали ускоряющее, прогрессивное влияние связей со степью. Особенно глубоким по своим последствиям оказалось влияние связей со степными племенами на культуру лесных племен в тайге северо-западной Сибири. Уже к концу I тысячелетия до н. э. в Приобье все чаще встречаются степные изделия из бронзы. В свою очередь и в выделке местных изделий заметно становится подражание привозным степным изделиям, выделяются, например, глиняные сосуды, в точности копирующие котлы скифского типа. Самым ярким примером взаимодействия местной, лесной, аборигенной культуры и степной являются замечательные находки в устье Полуя на Оби, где среди многочисленных находок с древнего жертвенного места оказались вещи скифо-сарматского типа, а также образцы искусства, сходные как с пьяноборскими образами Приуралья, так и со степными скифскими, по относящиеся, как показал М. П. Грязнов, уже в более позднему времени, к половине и даже к концу I тысячелетия н. э.

Богатые данные, освещающие жизнь лесных племен средней Оби и их взаимоотношения со степняками, доставили многолетние исследования М. П. Грязнова в районе с. Большая речка, в местности Нижние Елбаны. М. П. Грязнов проследил здесь смену культурных этапов от андроновско-карасукского времени до XVII в. Как показали эти работы, жители средней Оби в I тысячелетии н. э. жили своей, особенной жизнью лесных охотников и рыболовов и создали собственную культуру, резко отличную от культуры степных племен. Наиболее ярко выражены эти различия в памятниках VII—VIII вв. н. э. («фоминская культура»). Соседние с ними кочевники-турки, обитавшие в горах и степях Алтая, хоронили своих сородичей с полным набором боевого оружия, в том числе с саблей и с оседланым конем. При похоронах обязательно резали барана и клади в могилу его курдюк. Глиняной посуды в этих кочевнических могилах нет. Лесные племена, носители фоминской культуры, напротив, лишь в ре-

Наскальные изображения

1, 2 — Минусинский край (VII—IX вв. н. э.); 3, 4, 5 — Прибайкалье, сел. Шипкано (VI—X вв. н. э.)

ких случаях снабжали мертвых оружием и то охотничим. В их могилах нет остатков домашних животных, а встречаются лишь глиняные сосуды со следами растительной или молочной пищи.

Таким образом, здесь рядом друг с другом существовали два культурных мира, разделенных только р. Обью: мир воинственных степных скотоводов и мир лесных охотников-рыболовов. Замечательно поэтому, что материалы из памятников Фоминской культуры обнаруживают ближайшее сходство с материалами из памятников, оставленных лесными племенами, жившими не только в районах Томска, Ачинска и в долине р. Тары, но и в северной части Уральских гор и даже в бассейнах рр. Камы и Бятки. Сюда относятся, в частности, поясные блихи и пряжки с изображениями медведя, известные в Приуралье с тяньцзиньского времени (около начала

вашей ары), подвески в виде птиц и литые плоские изображения «чудского типа». О том же свидетельствует и посуда, для которой характерно не плоское, а круглое дно и тщательно выполненный орнамент, напоминающий орнаментику сосудов анальинского времени на Каме.

По физическому облику население лесной части средней Оби принадлежало к европеоидной группе, что еще более резко подчеркивает различие между ним и степняками — тюрками, монголоидными по расовому типу.

В IX—X вв. европеоидные оседлые носители фоминской культуры были вытеснены кочевниками с правобережья Оби, но продолжали жить к северо-западу от него, сохранив свои древние культурные традиции, обычай и образ жизни. Как полагает В. Н. Чернецов, взаимодействие между лесными и степными племенами на северо-западе Сибири выражалось не только в форме обмена или военных столкновениях, но и привело к появлению глубоко на севере новых наследников — степного происхождения, о чем свидетельствует само название остыков (*хан-тэ, хун-ты*), а также и их соседей вогулов (*мань-си*). Угры по языку, эти переселенцы оказали глубокое влияние на местные племена (металлургия, следы знакомства с лопадью в культе и фольклоре).

К концу I тысячелетия н. э. здесь начинается оформление двух близких по языку и культуре народностей — манси (вогулы) и хантов (остяки). Затем на территории Обь-Енисейского междуречья распространяются, как полагают, из Саяно-Алтайского района представители новой этнической группы — самоедские (самодийские) племена. В результате их прихода в Нарымском крае со временем образовалась еще одна народность, селькупы, соединившая в своей культуре с исконными самоедскими элементами элементы культуры кетов, угров и тунгусов.

Перейдем теперь из северо-западных областей Сибири, где обитали самоедские и угорские племена, в другой ее конец, в мир палеоазиатских племен северо-восточной Азии.

Примерно в то же самое время, т. е. к X в. н. э., как мы видели, большие события совершаются и на северо-востоке Сибири, где аналогичная роль носителей новых начал в культуре выпала на долю не угров и самоедов, а тюрков — предков якутов. К этому времени северные соседи якутов, жившие на средней и нижней Лене (вероятно предки юкагиров) уже перешли к широкому употреблению железа, хотя еще, повидимому, сохранили каменные скребки, стрелы, а также выделывали по древним образцам круглодонную глиняную посуду.

Еще далее на северо-восток от Лены простиралась область древней приморской культуры, где веками жили охотники на морского зверя. Как и когда появилась здесь эта культура, еще неизвестно. Можно лишь только уверенно сказать, что сей предшествовала материковая культура бродячих охотников на северного оленя.

Древнейший этап приморской культуры, названный по первым находкам оквикским, а по находкам на Чукотке уэлено-оквикским, характеризуется наличием поворотных гарпунов, орнаментированных в особом, прямолинейно-геометрическом стиле, сходных по форме и узору с гарпунами Курильских островов и северной Японии, где в эпоху неолита жили предки айнов. Затем эта культура прошла в своем развитии ряд дальнейших этапов, отраженных в богатом вещественном материале, собранном на территории Чукотского полуострова. Материал этот проиходит из многочисленных древних поселений, расположенных вдоль Ледовитого океана, и постепенно от Колымы и по берегам Берингова моря.

Поселения состояли из жилищ, углубленных в землю. Обитатели их, приморские охотники на морского зверя, вышедшие из значительной своей части из соседних районов Дальнего Востока (о чем напоминает

как более ранняя оквикская, так и позднейшая, криволинейная орнаментика), проявили удивительную стойкость и поистине неистощимую изобретательность в борьбе с природой. Отсутствие строительного леса они сошли широким применением китовой кости. Не имея больших запасов дров, они с успехом заменили их тюленим жиром, который применяли или камня. При отсутствии материала для деревянных или корытых лодок они избрали кожаные лодки. Полярные зверобои остроумно усовершили с течением времени также ездовое собаководство. Исключительный интерес представляет оригинальное и богатое искусство этих древних артических племен, выделяющееся в эпоху его расцвета на так называемом древнеберингоморском этапе фантастически пышным криволинейным орнаментом и реалистическими скульптурными изображениями животных, реже людей.

По материалам приморских поселений устанавливается постепенное изменение материальной культуры, развитие хозяйства и отчасти социальных отношений их обитателей. Первоначально оседлые приморские жители держались у берега, круглый год добывая моржей и тюленей. Позднее наблюдается возрастание роли китового промысла, в связи с чем следует отметить появление специальных гарпунов, развивается ездовое собаководство. Распространение рыболовных крючков и боласов для ловли птиц тоже, повидимому, указывает на улучшение способов охоты и рыболовства.

Возрастающее обилие добычи и развитие обмена с соседними племенами одновременно вели к переходу от древнего матриархально-родового к новому, патриархально-родовому укладу. Переход этот нашел свое отражение в фольклоре приморских племен Арктики, центральные сюжеты которого связаны (миф о Седне) с борьбой мужского и женского начала, с тем «всемирноисторическим по масштабам поражением женского пола», о котором писал Фридрих Энгельс.

Около полутора тысяч лет тому назад в эти отдаленные приморские области северо-восточной Азии, заселенные предками эскимосов, чукчей, кориков и камчадалов (ительменов), впервые проникает железо. Правда, племена Севера все еще жили в условиях господства техники в бытового уклада каменного века, но у них уже прочно вошли в быт специальные режущие инструменты, своего рода резцы, из железа. Железо они могли получать как с юго-запада, от нижнеленских племен, так и с юго-востока, с Амура и через Курильские острова.

На Амуре и вообще в южных районах советского Приморья исторические судьбы местных коренных племен в I тысячелетии н. э. очень своеобразны. Если в арктической области вдоль берегов Тихого и Ледовитого океана тысячелетиями господствовали отсталые формы хозяйства и общественного строя, здесь благодаря соседству с Китаем и Кореей весьма рано, еще в последних веках I тысячелетия до н. э., совершаются большие прогрессивные сдвиги. Уже к началу нашей эры распространяется железо, вытеснившее каменные орудия; местами в благоприятных естественных условиях возникает земледелие и скотоводство, усиливается обмен.

В Приморье и бассейне Амура, куда еще очень рано проникают тунгусские племена, а также в соседних областях не только происходит интенсивное смешение местных племен с аборигенами, но в конце I и начале II тысячелетия н. э. появляются собственные государственные образования местных племен.

Процесс классообразования начинается здесь еще в IV—V вв. до н. э. Как сообщают китайские летописи, обитавшие здесь племена монголов

уже занимались земледелием и скотоводством. Из домашних животных они имели лошадь и свинью, из культурных растений разводили рис, просо, пшеницу. В стране мохэ добывали соль, гнали из риса водку. Мохэ продавали китайцам и корейцам речной жемчуг, целебные корни женьшения, кречетов и соболей. Взамен они получали металлические изделия, посуду, ткани, в том числе шелковые.

Начиная с 471 г. н. э., завязываются постоянные культурно-политические связи мохэских племен с Китаем. С начала VI в. мохэские посольства регулярно посыпают китайский двор, а часть племен мохэ подпадает под власть Китая и выплачивает дань. Подчиняя отдельные мохэские племена, китайский двор опирался на их родоплеменную верхушку. В китайских летописях особо отмечен один из мохэских вождей — Тудики, который добровольно подчинился Китаю со своим племенем, за что и получил важный гражданский чин и знак власти в виде золотой печати на бордовом шнуре, а также парадное одеяние — шляпу и пояс. Тудики «полюбил» обычай Срединного государства и неизменно проявлял преданность императору, а последний за то благоволил к нему и щедро отдавал его узорчатыми шелковыми тканями. Сопровождая императора в походах, Тудики при каждой боевой удаче получал награды и титулы.

Большое значение для дальнейшего развития культуры и возникновения местной государственности в стране мохэ имели события в соседней с ней Корее.

В 668 г. всыпнула война между корейским княжеством Гаоли и Китаем. Гаоли было разгромлено, множество народа было истреблено, многие же корейцы бежали на север, за о. Тумень-Ула, где и поселились среди мохэ. Здесь они развивали земледелие, скотоводство и металлургию, наследовали высокую китайско-корейскую культуру. Под прямым влиянием этих событий у мохэских племен впервые возникает настоящее государство — Бохайское царство.

Основателем Бохайского государства летописи считают мохэского князя, вассала королевства Гаоли, Цици Чун-сяна, который, спасаясь от преследований китайских войск, укрывается под защиту неприступных гор. Усилившись, Цици Чун-сян объявляет свои земли княжеством Чжень, а себя князем, приняв титул Чжень-го-гана. Сын его, Цзо-жун, значительно расширяет свои владения и в 699 г. объявляет себя королем государства Чжень.

Разбив в 712 г. войска китайского императора Жуй-цзуна, Цзо-жун принимает титул Бохай-цзюнь-вана, т. е. удельного князя Бохая, по названию завоеванного им древнего китайского округа Бохай, давшего имя целому государству.

Первоначально это государство охватывало еще незначительную территорию, протяжением около 1000 км на запад от моря, а страна не имела правильного административного деления.

В VIII—IX вв. Бохайское царство значительно расширилось, выросло как в культурном, так и в политическом отношении и превратилось в многонациональное по тому времени государство. На юге оно достигало середины Кореи, на востоке — океана, включая нынешние районы Владивостока и Ворошилова, на западе — Нинигуты, на севере его граница доходила до Амура.

Сельское население Бохая возделывало гаолин, бобы, хлебные злаки, разводило скот, занималось различными промыслами. Существовали города, явившиеся центрами административного управления и культурной жизни. Бохайцы имели 5 столиц, 15 областных и 60 окружных городов.

Один из крупных областных центров Бохайского царства, главный город области, Шуайбинь, находился на месте нынешнего города Ворошилова.

Город Шуайбинь был обнесен земляным валом с бастионами и рвами. Внутри находились здания со стенами, сложенными из хорошо обожженных кирпичей красного и темносерого цветов, крыши зданий передко покрывались черепицей и были богато украшены узорными керамическими плитками с растительным рисунком, в том числе стилизованными цветами лотоса. На коньках крыш помещались скульптурные головы драконов.

Бохайское государство имело прочный административный аппарат. Во главе государства стоял правитель с титулом князя. Ему подчинялись два министра, правый и левый, каждый министр возглавлял по три департамента. Согласно китайскому обычаяу, чиновники являлись ко двору со знаками достоинства в виде серебряных или золотых рыбок. Военное управление осуществлял совет военачальников. Надежной опорой внешнеполитического влияния и независимости Бохая были армия и флот.

Китайский двор стремился держать правителей Бохая под своим влиянием. Но на самом деле вассальная зависимость Бохая от китайского императора не простиралась далее формальной инвеституры его правителей. Правители Бохая утверждались императором Китая в своем титуле и получали от него впоследствии почетное посмертное имя.

Лестные для варваров китайские титулы поднимали престиж правителей Бохая среди подданных и усиливали его влияние на соседей.

Однако и эта формальная зависимость от китайского двора продолжалась недолго. Уже сын основателя Бохайского государства Цзо-жуна разбил китайские войска и объединил под своей властью ряд соседних племен. Китайский император Июй-цзун вынужден был отправить в 713 г. в Бохай послов и призвать за Цзо-жуна титул владетельного князя, владельца «великого поморского государства» — Бохая.

С Бохаем было связано не только возникновение собственного государства дальневосточных племен, но и расцвет цивилизации. Бохай слыл у китайцев страной просвещения и ученых.

Бохайское царство было уничтожено киданями, кочевыми первоначально племенами, возникшими в первой половине IX в.

Между 922 и 924 гг. вождь киданей Амбагинь, основатель династии Лио, разбил бохайскую армию и захватил западную часть страны, тогда как на северо-востоке Маньчжурии, на юге Уссурийского края, сохранились независимые владения бохайцев.

Статуя чиновника. Окрестности г. Воронежа-Уссурийского. VIII—XI вв. н. э.

Правители Бохая в своем титуле и получали от него впоследствии почетное посмертное имя.

Лестные для варваров китайские титулы поднимали престиж правите-

лии Бохая среди подданных и усиливали его влияние на соседей.

Однако и эта формальная зависимость от китайского двора продолжалась недолго. Уже сын основателя Бохайского государства Цзо-жуна

разбил китайские войска и объединил под своей властью ряд соседних

племен. Китайский император Июй-цзун вынужден был отправить в 713 г.

в Бохай послов и призвать за Цзо-жуна титул владетельного князя,

владельца «великого поморского государства» — Бохая.

С Бохаем было связано не только возникновение собственного го-

сударства дальневосточных племен, но и расцвет цивилизации. Бохай

слыл у китайцев страной просвещения и ученых.

Бохайское царство было уничтожено киданями, кочевыми первоначально

племенами, возникшими в первой половине IX в.

Между 922 и 924 гг. вождь киданей Амбагинь, основатель династии

Лио, разбил бохайскую армию и захватил западную часть страны, тогда

как на северо-востоке Маньчжурии, на юге Уссурийского края, сохрани-

лись независимые владения бохайцев.

К XI в. государство Лио было, однако, сильно расшатано внутренними беспорядками. На смену ему появляется новое государственное образование, созданное чжурчжениями. Чжурчжени, народ тунгусо-маньчжурского происхождения, входивший в состав монгольских племен, издавна обитали в северной Маньчжурии и соседних с ней районах Дальнего Востока. Они занимались земледелием, разводили домашний скот; немаловажное место в их жизни принадлежало охоте. Они умело выслеживали зверей, добывали изюбров, приманивая их с помощью трубы из бересты, любили облавы. Жили чжурчжени уже не в первобытных землянках, а в надземных жилищах, отапливаемых печью, горячий воздух из которой проходил под широкими нарами-канами.

На теплых канах чжурчжени спали и проводили домашний досуг. Остатки таких жилищ, с канами, выложенными плитняком, встречаются во многих местах по Амуру и в Приморье. Согласно китайским источникам, у чжурчженей имелись рабы. Внутри родов существовали резкие различия. Выделялась знать. При похоронах знатных людей сжигали живыми рабов, любимых слуг и служанок.

Князья чжурчженей постоянными завоеваниями расширяли территорию страны и увеличивали свое могущество. В 1113 г. во главе чжурчженей встал Агуда, основатель новой, цзиньской династии. Он бросил прямой вызов киданям, в зависимости от которых находились чжурчжени. В битве на р. Лалии он разбил киданей и поднял восстание, которое в конечном счете закончилось разгромом киданьского государства. В 1122 г. государство Лио пало; остатки киданей ушли на запад, к Байкалу и далее, в Среднюю Азию, в Семиречье, где возникло новое каракитайское государство.

После смерти Агуды в 1123 г. его наследникам досталось огромное пространство, куда входили значительная часть Северного Китая, Маньчжурии и Монголии.

В цзиньское время наше Приморье было густо заселеною страной.

Неблизости от бохайского города Шуайбина, взятого и разрушенного цзиньскими войсками, был построен город Фурдунчэн. Здесь сохранились монументальные надгробные сооружения в честь цзиньских князей, в том числе уцелели гранитные черепахи, на спинах которых были укреплены плиты с надписями и фигурами драконов. Многочисленные развалины древних укреплений, дорог, рудников этого времени встречаются в Приморье повсеместно.

Одним из самых выдающихся памятников средневековой истории Дальнего Востока является Краснояровское городище около г. Воропилова. Начало этому городищу положили, видимо, бохайцы, а затем там жили чжурчжени.

Уже первые исследователи Уссурийского края не раз в удивлении останавливались перед древними оборонительными сооружениями высокой Краснояровской сопки на левом берегу р. Суйфуна против г. Воропилова.

На протяжении почти восьми километров тянется здесь в соответствии с рельефом сопки оборонительный пояс древней крепости. Валы его в сейчас еще достигают 3—4, а то и пять метров в высоту. Но всего тщательнее укреплена юго-восточная часть городища. За высоким валом в ней помещалась, очевидно, центральная часть городища, то место, где стояли дворцовые здания и храмы бохайцев, или скорее всего чжурчженей, обнесенные дополнительной высокой оградой. На месте этих построек сразу же под верхним почвенным слоем силоши залегала черепница. Это были остатки крыш древних зданий, лежавшие в удивительном порядке. Среди массы черепниц уцелели местами и фрагменты изображений чудо-

видных фантастических существ, украшавших угловые концы крыши зданий. Под слоем черепицы выступали большие глыбы тесаного камня, опоры для деревянных столбов, на которых держалась кровля.

Это был, следовательно, такой же «запретный город», город дворцов и храмов, какой имелся, например, в танской столице Чанъане, в столице бохайского царства около Нинггуты на месте нынешнего г. Дунцзинчэна, или в позднейшем Пекине. Его архитектура тоже имела в основе резко выраженный отпечаток высокой китайской культуры. Да вряд ли могло быть иначе в то время, когда блестящий Китай танской эпохи был образцом и учителем для всех соседних стран дальневосточного мира. У китайцев учились, по китайским образцам строили дворцы и храмы не только в Бохе, но и в Корее и в Японии. Но тем интереснее, что в общей планировке «запретного города» на Краснояровской сопке имелась одна наиболее существенная и в высшей степени характерная черта, отличающая этот город от городов Бохая, а также от китайских городских центров танского времени в Китае. В бохайской столице у Нинггуты и в танской столице Чанъане весь город был размещен на ровной плоскости и имел в плане вид правильного прямоугольника. Прямые улицы пересекали его с юга на север и с востока на запад и делили в шахматном порядке на квадратные блоки-кварталы. На Краснояровской же сопке план города подчинялся естественным формам рельефа возвышенности. Кроме того, все здания «запретного города» размещались не на плоскости, а на специально срезанных для этой цели уступах возвышенности, расположенных ступенями, в виде террас. И здесь, следовательно, в планировке древнего города, отразились свои, самобытные традиции племен Дальнего Востока, черты их самобытного культурного творчества.

Древний город на Краснояровской сопке стал, однако, жертвой вражеского нападения. Удар был так стремителен, что защитники его не успели даже использовать запасы каменных ядер, которые так и лежат до сих пор целыми грудами на его стенах.

Из китайских летописей известно, что цзиньское государство стало жертвой монгольских завоевателей. Монголы Чингис-хана взяли штурмом цзиньские города, уничтожили их население и опустошили всю страну с такой жестокостью, что она с тех пор более уже никогда не могла оправиться.

Та грозная сила, которая с необыкновенной быстротой окружила могущественную империю чжурчженей, в затем устремилась на завоевание других стран, поднялась рядом с Амуром, в степях по Оюну и Керulenу.

Бронзовое зеркало с изображением дракона.
Приморский край. Сучан. XI в. н. э.

Голова дракона (вид спереди и сбоку). Украшение на крыше здания. Окрестности г. Ворошилова-Уссурийского. VIII—XII вв. н. э.

К наиболее раннему моменту монгольской истории на нашей территории могут быть отнесены некоторые погребения в долине Селенги у дер. Зарубишо. Они дают представление о жизни бедных кочевников-скотоводов и охотников, вооруженных луком и стрелами с железными наконечниками. Замечательна находка в этих могилах такого характерного музыкального инструмента степняков, как монгольский варган *тур*. Жевущих провожали на «тот свет» с ножницами для стрижки овец. В аналогичных могилах на Лене, в устье Манзурки, при женщинах оказалась круглодонная глиняная посуда древних монголов, о которой говорят письменные источники XIII в. На ленских скалах упали резные изображения повозок, украшенных кистями, коврами и флагами. На рисунках эти повозки везут быки. Точно так же описываются в «Сокровенном сказании» повозки древних монголов XII—XIII вв.

Время расцвета монгольской империи отражено в Сибири такими археологическими находками, как известный «Нюкский клад» вблизи Кабанска на Селенге, где была найдена серебряная пайдза, богатые погребения на Часовенной горе у Красноярска и ряд погребений в Тунке, где найдены остатки луков сложного типа, серебряные кубки, остатки роскошных кожаных одежд, шитых золотом, украшения из золота и жемчуга, изделия, крытые китайским лаком, и бронзовы зеркала с узором из виноградных гроздьев и голубей. Все это — могилы монгольских ивойнов, а вместе с тем прямые следы грабительских походов на культурные земледельческие народы того времени монгольских армий.

Как показал Л. П. Потапов, варварское господство завоевателей монголов отразилось и в археологических памятниках, относящихся ко времени монгольского господства на Алтае, но в совершенно другом виде. Алтайские памятники XIII—XIV вв. настолько бедны, что дают право сделать вывод о крайнем обнищании оставившего их населения, которое беспощадно эксплуатировали монгольские феодалы.

То же самое наблюдается, очевидному, и на Селенге, в ее среднем течении и вилюйских. Воинственная бедность находок в могилах массового типа, которые могут быть отнесены ко времени монгольской империи, настолько очевидна, что позднейшие грабители даже и не пытались их разрывать. И это в Забайкалье, где, независимо от размеров, нет ни одной сколько-нибудь надеждающейся на поверхности почвы могилы более раннего времени, которая не была бы затронута хищниками-грабоношителями.

События, связанные с возникновением монгольской империи, имели и другие не менее важные и глубокие последствия. В результате возникновения монголов, завоевательной и организационно-политической деятельности их императоров, происходят новые важные перемены во взаимоотношениях различных племен и народов Сибири.

Монголия отныне становится почти целиком монгольской. Тюрки, за veryнгами исключением, окончательно концентрируются с тех пор к западу от Саянских гор. Лесостепи Прибайкалья и до времен Чингиса в значительной части заселенные монголоязычными племенами: баргузинами, кори, булагатами и ихтиратами, смешавшимися с остатками дикого тюркского населения, становятся в XII—XVI вв. родиной бурятского народа.

В остальном же этнографическая карта Сибири со времен Чингиса и до прихода русских в основном устойчиво сохраняет тот свой общий характер, который определился в концу I тысячелетия н. э.

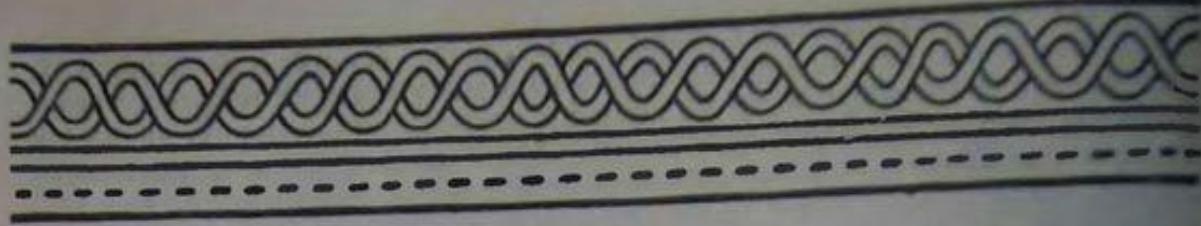
То же самое наблюдается, повидимому, и на Селенге, в ее среднем течении и низовьях. Вопиющая бедность находок в могилах массового типа, которые могут быть отнесены ко времени монгольской империи, настолько очевидна, что позднейшие грабители даже и не пытались их разрывать. И это в Забайкалье, где, независимо от размеров, нет ни одной сколько-нибудь выделяющейся на поверхности почвы могилы более раннего времени, которая не была бы затронута хищниками-гробокопателями.

События, связанные с возникновением монгольской империи, имели и другие не менее важные и глубокие последствия. В результате возышения монголов, завоевательной и организационно-политической деятельности их императоров, происходят новые важные перемены во взаимоотношениях различных племен и народов Сибири.

Монголия отныне становится почти силой монгольской. Тюрки, за немногими исключениями, окончательно концентрируются с тех пор к западу от Саянских гор. Лесостепи Прибайкалья и до времен Чингиса в значительной части заселенные монголоязычными племенами: баргузинтами, хори, булагатами и ихиритами, смешавшимися с остатками древнего тюркского населения, становятся в XII—XVI вв. родиной бурятского народа.

В остальном же этнографическая карта Сибири со времен Чингисхана и до прихода русских в основном устойчиво сохраняет тот свой общий характер, который определился к концу I тысячелетия н. э.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ СИБИРИ

В предыдущей главе были приведены данные об антропологическом составе древнего населения Сибири. Они могут быть резюмированы следующим образом. В эпоху верхнего палеолита, судя по имеющимся, (правда весьма еще скучным) материалам, Сибирь была заселена монголоидными по типу группами. Мы не располагаем еще данными, чтобы очертить границы распространения монголоидов в этот период и проследить, как далеко на запад простиралась область расселения монголоидного по типу палеолитического населения. Будущим исследованиям предстоит выяснить, захватывала ли эта область в тот период также юго-западную Сибирь или первоначальное заселение этой территории, равно как и обширных пространств к западу от Енисея, было связано с продвижением европеоидных по типу групп с юго-запада и запада.

Во всяком случае, область к западу от Енисея издавна была зоной смешения европеоидных и монголоидных типов. Последние проникали далеко в восточную Европу. В неолитическое и энеолитическое время границы между монголоидами и европеоидами в Сибири прослеживаются довольно отчетливо. Население лесной полосы в эту эпоху характеризуется, судя по палеоантропологическим материалам, выраженными чертами монголоидной большой расы.

В это же время Алтай-Саянское нагорье было областью распространения европеоидов; антропологический тип населения, оставившего взятники афанасьевской и андроновской культур, не вызывает никаких сомнений.

Европеоидные группы занимали степи Алтая и Минусинского края, лесная же полоса не только восточной, но и Западной Сибири продолжала оставаться областью широкого распространения монголоидных типов. Граница между ними отнюдь не была постоянной. Из степей Алтай-Саянского нагорья европеоидные группы продвигались, повидимому, довольно далеко на восток; европеоидная примесь обнаруживается, в частности, у неолитического населения тайги к югу от Байкала. В свою очередь монголоидные элементы проникали и в степные районы.

В дальнейшем удаленный вес различных монголоидных типов среди населения юго-западной Сибири все более увеличивается. Это особенно сильно проявляется в тантыкское время. В конце I и начале II тысячелетия н. э. в Алтай-Саянском нагорье монголоидные по типу группы почти полностью вытесняют древнее европеоидное население.

Белым пятном на карте антропологических типов древнего населения остается, к сожалению, и по сей день весь Дальний Восток, хотя вряд ли можно сомневаться в том, что и эта территория была издавна заселена северными монголоидами. Однако сюда уже очень давно проникли, повидимому, и иные элементы, связанные с юго-восточной Азией. Время и пути этого проникновения остаются пока совершенно неизученными.

Формирование антропологического состава современных народов Сибири происходило, как показывают данные палеоантропологии, преимущественно на основе древних монголоидных элементов. Однако непосредственная связь современных антропологических типов с древними прослеживается в большинстве случаев с большим трудом. Современные типы сложились в результате сложных исторических процессов, в которых отразились как различные этапы этнической истории отдельных народов, их взаимные влияния, смешения, перемещения, так и воздействие природной среды.

В последние столетия на образовании антропологических типов народов Сибири в значительной степени сказалась русская примесь, которая у ряда этих народов выступает очень заметно.

В целом коренное дорусское население Сибири характеризуется преобладанием монголоидных антропологических признаков и относится к различным вариантам монголоидной большой расы. Наиболее полно монголоидный комплекс выступает среди народов средней и Восточной Сибири. У различных народов к западу от Енисея отмечается заметное ослабление монголоидных особенностей за счет древней европеоидной примеси. Примесь немонголоидных типов обнаруживается также на тихоокеанском побережье, но здесь она имеет иное происхождение и связана с древним населением юго-восточной Азии и островов Тихого океана.

Исследования советских антропологов позволили выделить в составе дорусского населения Сибири несколько основных антропологических типов, исторически сложившихся на определенных территориях и представленных среди различных этнических групп.

В населении Западной Сибири преобладает антропологический тип, обозначаемый в литературе как уральский. По своим основным признакам он занимает промежуточное место между монголоидной и европеоидной большими расами.

Для уральского типа характерны прямые, но мягкие волосы, сравнительно светлая кожа, большой процент светлых и смешанных оттенков глаз, ослабленное, по сравнению с восточносибирскими типами, развитие эпикантуса (монгольской складки века) и, напротив, повышенный рост бороды. Уральский тип характеризуется, далее, низким ростом (около 160 см в среднем для мужчин), сравнительно невысоким и умеренно широким лицом; нос часто с вогнутой спинкой и приподнятым кончиком, губы тонкие, форма головы обычно мезокефальная (головной указатель 79—80).

Наиболее характерными представителями уральского типа являются манси и ханты; этот же тип представлен у селькупов, западных печенегов. Признаки уральского типа выступают также у шорцев, среди северных алтайцев, некоторых групп хакасов и сибирских татар. Следует отметить, что черты этого типа обнаруживаются и у населения к западу от Урала у народов Волго-Камья (у марий, удмуртов, коми-пермяков). Уральский тип представляет собой, таким образом, целую цепь переходных монголоидно-европеоидных форм, распространенных среди различных этнических групп как к востоку, так и к западу от Урала.

Исследования советских антропологов позволяют считать эти формы результатом смешения типов азиатского и европейского происхождения

и относить начало этого процесса смешения к древним этапам заселения человеком лесной полосы Западной Сибири.

Некоторое своеобразие представляет антропологический облик кетов. Обладая многими чертами уральского типа, кеты отличаются более темной пигментацией, менее значительным ростом бороды, сравнительно сильно выступающим носом, нередко с выпуклой спинкой, что создает впечатление некоторого сходства с типом североамериканских индейцев. Сходство это, однако, очень отдаленное и не может служить основанием, чтобы генетически связывать эти столь разные по происхождению типы. Характерные для кетов признаки обнаруживаются также и у некоторых других народов Западной Сибири (у тазовских селькупов, восточных чечев), что позволяет выделить в составе уральского типа особый вариант, называемый иногда в литературе енисейским.

Восточной границей распространения уральского антропологического типа является Енисей. У народов к востоку от Енисея древняя европеоидная примесь, столь сильно дающая о себе знать в современном населении Западной Сибири, почти отсутствует. Среди дорусского населения северной части средней и Восточной Сибири распространен антропологический тип, известный под наименованием байкальского или палеосибирского. Последнее название указывает на большую древность этого типа, которая восходит, по крайней мере, к неолиту. Байкальский тип обнаруживает выраженно монголоидные особенности.

Для него характерны сильное развитие эпикаптуса, исключительно слабый рост бороды, очень высокое, широкое и плоское лицо с сильно выступающими скулами, слабо выступающий нос с очень низким переносцем. У представителей байкальского типа, так же как и уральского, сравнительно мягкие волосы, светлая кожа, довольно значительный процент смешанных оттенков глаз, однако здесь это не может быть отнесено за счет европеоидной примеси: по другим, указанным выше признакам, байкальский тип никакого сближения с европеоидными формами не обнаруживает. Характерными особенностями байкальского типа являются тонкие губы и очень высокая, выступающая вперед верхняя губа. Форма головы сильно варьирует. Рост низкий (ниже 160 см в среднем у мужчин).

Байкальский тип характерен для различных групп эвенков и ламутов, ясно прослеживается у тунгусоязычного населения Нижнего Амура и Сахалина (негидальцы и ороки являются его типичными представителями), входит в качестве одного из компонентов в состав якутов.

Можно предполагать, что байкальский тип в полной мере был представлен среди юкагирских племен, в прошлом широко распространенных по всей северо-восточной Сибири и еще в XVII в. занимавших значительную территорию к востоку от р. Яны. Повидимому, байкальский тип в составлял основу древних, палеоазиатских по языку групп Восточной Сибири и областью его формирования были таежные пространства к востоку от Енисея.

Повидимому, в дальнейшем, когда значительная часть палеоазиатского населения была ассимилирована тунгусоязычными группами, продвигавшимися из более южных районов Забайкалья и верхнего течения Амура, байкальский тип вошел в состав эвенков и особенно ламутов, которые в большей степени, чем эвенки, сохранили черты этого древнего палеоазиатского пласта.

Сложные передвижения эвенкийских и лимутских групп, происходившие на протяжении многих столетий, сильно видоизменили картину прежнего распространения антропологических типов Восточной Сибири и Дальнего Востока.

Народы южной Сибири, говорящие на языках монгольской и тюркской группы, по антропологическому типу отличаются от своих северных сородичей.

Археологические и палеоантропологические данные позволяют считать, что распространение тюркских и монгольских языков на этой территории связано с длительным процессом проникновения этнических групп из Центральной Азии. Местное население при этом не вытеснялось полностью и не истреблялось пришельцами, а смешивалось с ними, постепенно воспринимая тюркскую и монгольскую речь, но сохранив многие черты своего антропологического типа. В антропологическом типе тюркоязычных народов Западной Сибири до настоящего времени выявляются следы их смешанного происхождения.

Как уже указывалось, среди шорцев, северных алтайцев, отчасти хакасов преобладает уральский тип, который выступает также у чулымцев и некоторых групп западносибирских татар. Эти группы сохранили свой древний антропологический тип.

У тувинцев степных районов, у бурят, отчасти у южных алтайцев и у некоторых групп хакасов преобладает другой антропологический тип, описанный под названием центральноазиатского. Центральноазиатский тип обладает следующими характерными чертами: пигментация кожи, глаз и волос более темная, чем у байкальского типа, волосы несколько более жесткие, рост бороды более сильный, эпикантус развит значительно, лицо высокое и широкое, но менее уплощенное с несколько слабее выступающими, чем у байкальского типа, скулами, нос со сравнительно высоким переносцем, губы средней толщины. Форма головы сильно варьирует. Рост ниже среднего (162—164 см в среднем у мужчин). Характерной чертой центральноазиатского типа, отличающей его от байкальского, является более высокий череп. Термин «центральноазиатский тип» отражает основную территорию его распространения: указанный комплекс антропологических признаков характерен для населения северной Монголии, где и находилась, повидимому, основная область его формирования.

Следует особо подчеркнуть тот факт, что у якутов, у которых отмечаются черты байкальского типа, преобладают все же признаки центральноазиатского типа. Это отражает процесс сложения якутского народа. Современное распространение центральноазиатского типа среди якутского населения бассейна Лены должно быть связано с теми переселениями предков якутов из более южных районов их первоначального обитания, которые хорошо прослеживаются на археологических и этнографических материалах и запечатлены в языке якутов, относящемся, как известно, к тюркской группе.

На средней Лене тюркоязычные предки якутов смешались с древним населением этой территории, которое по своим антропологическим особенностям относилось, как мы уже указывали, к байкальному типу. В результате ассимиляции доякутского населения протекало смешение более древнего в бассейне Лены байкальского типа с центральноазиатским. Эти оба типа и представлены среди современных якутов.

Буряты характеризуются особенностями центральноазиатского типа, причем среди них ясно выделяются два варианта — забайкальский, общий с монголами и отличающийся брахицефалией и низким черепом, и ангароленский, мезоцефальный, с довольно высоким черепом. Северо-западные буряты и икуты антропологически наиболее близки друг к другу, что указывает на западное Прибайкалье как на область первоначального расселения предков якутов.

Имеются некоторые данные, свидетельствующие о наличии черт центральноазиатского типа среди южных групп иноков, в частности у эвен-

ков Забайкалья (напомним, что для большинства эвенков характерен байкальский тип).

Сложение эвенков, как и всякого другого народа, — сложный процесс смешения различных по своему происхождению элементов. Древний байкальский тип составляет лишь один из компонентов их этногенеза. Другой компонент, если исходить из данных антропологии — наличия в составе эвенков центральноазиатского типа, связан своим формированием с более южной территорией. Вхождение этого компонента в качестве основного в состав бурят, якутов, северных монголов хорошо согласуется с устанавливаемой лингвистами известной близостью тунгусских языков к тюркскими и монгольскими.

Современное население Приамурья в антропологическом отношении представляет собой цеструю картину, соответствующую тем сложным этническим взаимоотношениям и межклеменным переплетениям, которые характерны для народов этой области.

Антропологический тип нивхов обладает рядом специфических признаков, отличающих его от других монголоидных типов Сибири. Ему свойственны следующие черты: сравнительно темная пигментация кожи, глаз и волос, довольно жесткие волосы, притом иногда волнистой формы; эпикантус развит сильно, что в сочетании со значительным, по монголоидному масштабу, ростом бороды, создает заметное своеобразие. Лицо у нивхов очень высокое и широкое, с довольно сильно выступающими скулами. Нос слабо выступающий, с низким переносцем. Губы толстые. Форма головы у амурских нивхов мезокефальная, у сахалинских — резко брахицефальная (головной указатель 85). Рост ниже среднего (160—161 см в среднем у мужчин).

В антропологическом типе нивхов несомненно сказывается влияние айнской примеси, однако объяснить своеобразие этого типа только за счет этой примеси и рассматривать его как результат смешения байкальского и айнского типов не представляется возможным: по целому ряду существенных признаков он отнюдь не занимает промежуточного места между ними.

Описанный антропологический тип заслуживает особого места в классификации и может быть назван по его локализации амуро-сахалинским. Он в наиболее выраженной степени представлен, как указывалось, у сахалинских и амурских нивхов, но входит также в качестве заметного компонента в состав ульчей и отчасти орочей.

Можно предполагать, что в прошлом этот антропологический тип был более широко распространен и что древнее центральноазиатское по языкам население бассейна нижнего Амура до распространения здесь тунгусо-язычных групп принадлежало именно к этому типу. Наиболее прямыми потомками этого древнего населения являются цивхи, языки которых представляет собой последний осколок древних языков Приамурья.

Ороки Сахалина и особенно негидальцы характеризуются выраженными чертами байкальского типа. У них по сравнению с их соседями нивхами пигментация кожи, волос и глаз значительно светлее, волосы довольно мягкие, борода растет очень слабо, лицо еще более плоское, с резко выступающими вперед скулами, переносце очень низкое, губы значительно тоньше. И негидальцы и ороки отличаются очень низким ростом (155—156 см в среднем для мужчин).

Все отмеченные отличительные признаки сближают негидальцев и ороков с ламутами, от которых они отличаются главным образом формой головы (ороки и негидальцы брахицефальны).

Ульчи по своим антропологическим признакам занимают промежуточное место между негидальцами и нивхами, обнаруживая очень ясно черты смешения байкальского и сахалино-амурского типов.

Байкальский компонент прослеживается в составе орочей и нахайцев. У последних можно предполагать и наличие северокитайского антропологического компонента (лицо у нахайцев менее широкое и плоское, пигментация, повидимому, темнее, губы толще).

В целом в антропологическом составе народов нижнего Амура и Сахалина довольно отчетливо отражаются основные этапы их этнической истории.

Древнее, палеоазиатское, население этой территории относилось к амуро- сахалинскому типу.

Современное распределение байкальского типа среди народов Амура и Сахалина указывает на его более позднее, по сравнению с амуро- сахалинским типом, появление на рассматриваемой территории и связывается с распространением тунгусоязычных народов.

Айские элементы в антропологическом типе нахайлов и отчасти других народов Приамурья бесспорны, но время и пути проникновения сюда этого компонента остаются пока неясными. Его не обязательно связывать с айами Сахалина; возможны более древние связи палеоазиатского населения Амура с айскими (в антропологическом смысле) южными элементами.

Народы северо-восточной Азии — палеоазиаты и эскимосы — относятся в основном к антропологическому типу, обозначенному в литературе как арктический или эскимосский.

Эскимосский тип обнаруживает американоидные черты и отличается сравнительно слабым развитием эпикантуса, резко очерченным носом со сравнительно высоким переносцем и прямой, а часто и выпуклой спинкой, усиленным, по сравнению с сибирскими монголоидами, ростом бороды. Для него характерны также смуглая кожа, темные глаза, почти без примеси смешанных оттенков, и тугие волосы иссиня-черного цвета. Лицо очень высокое, широкое, по не столь уплощенное, как у байкальского типа; губы сравнительно толстые. Форма головы обычно мезокефальная. Рост ниже среднего (162—163 см в среднем у мужчин).

Эскимосский тип характерен не только для азиатских эскимосов, но и для береговых чукчей и коряков и отчасти ительменов. У последних, кроме заведомой русской примеси, можно предположить наличие айских элементов.

Оленичекчи и коряки обнаруживают в своем типе своеобразные черты. У них, по сравнению с береговыми, эпикантус развит сильнее, борода, напротив, растет слабее, пигментация более светлая, волосы менее жесткие. По этим признакам они отличаются от эскимосского типа и приближаются к байкальскому. Однако по другим признакам оленичекчи и коряки не занимают такого промежуточного положения. Лицо у них, по сравнению и с эскимосским и с байкальским типами, менее высокое и широкое; характерен более широкий нос с сильно выступающими крыльями. Г. Ф. Дебец называет этот тип камчатским и сближает его, по характерному сочетанию широкого носа с небольшими размерами лица, с южными монголоидными типами.

Древнее проникновение на Чукотский полуостров и Камчатку антропологических элементов южного происхождения представляется вполне вероятным. На южные элементы в древних культурах Берингова моря указывали многие авторы.

В целом для чукчей и коряков характерен эскимосский тип. Формирование эскимосов, чукчей и коряков протекало в общем на единой антропологической основе. В составе олених групп наблюдаются черты байкальского типа. Это не следует относить только за счет возможной, но сравнительно поздней примеси ламутов: проникновение континентальных

элементов на побережье Берингова моря датируется более ранним временем и связано с дотунгусским населением внутренних районов северо-восточной Азии.

Мы привели характеристику основных антропологических типов Сибири и проследили распространение их среди современных этнических групп этой территории. Изучая карту антропологического состава населения, сопоставляя современные антропологические типы с антропологическими типами предшествующих эпох, мы ищем и часто находим ответ на столь существенные вопросы, как вопрос об автохтонном развитии или пришлом происхождении рассматриваемых групп, о направлении происходивших переселений, о характере имевших место смешаний.

В антропологическом составе того или иного народа отражен длительный путь его исторического развития, и антропологический материал служит нам, наряду с данными этнографии, археологии, языкоизнания, важным источником для освещения основных этапов этнической истории народа.

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

ОТКРЫТИЕ И ОСВОЕНИЕ СИБИРИ

Сибирь была открыта для европейского мира русскими людьми. Первыми, проникшими на ее территорию, были смелые и предпримчивые новгородцы, которые уже с XI в. вступили в общение с различными этническими группами сибирского населения, известными в то время под обобщенным наименованием «югры» (Новгородская летопись под 1096 г. сообщает: «Югра же людьи есть язык нем, и соседять с самоедью на полуночных странах»).

Важнейшей причиной, побуждавшей русских людей к географическим открытиям, были экономические интересы — стремление расширить сферу хозяйственной деятельности за счет вновь открытых земель, расширить сношения с соседними странами, развить торговлю, вовлекая в нее вновь открытые области.

К. Маркс особенно подчеркивал прогрессивность исторической роли древнего Новгорода. «В X веке его торговля, — писал Маркс, — распространялась до Константинова, а в XII веке его корабли ходили в Любек; его жители сквозь дремучие леса проложили себе путь в Сибирь; неизмеримые пространства между Ладожским озером, Белым морем, Новой Землей и Онегой были ими несколько пивилизованы и обращены в христианство».¹

Наиболее раннее известие о хождении новгородцев в Югру относится к 1032 г. В XI в. Новгород достаточно прочко овладел Печорским путем в Югорскую землю, а в конце века русские уже побывали за Уральским хребтом. Поездки новгородцев в Югру продолжались и в XII в. В это время население Югры платило новгородцам дань (в летописях она обычно называлась «югорчаной») в виде звериных шкур, «рыбьего зуба» (моржового клыка), а также «узорочья» (вероятно, различных украшений). Примерно с 1264 г. Югорская земля официально числится в числе новгородских волостей, как это устанавливается из договорных грамот между новгородцами и новгородскими князьями. Из одного летописного сообщения видно, что новгородцы побывали «по Обе реки до моря» в 1365 г.

¹ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. VIII, 1946, М., стр. 156.

Со времени включения Новгорода в состав централизованного Русского государства (1487 г.) заботу о сношениях с Югой, о развитии и укреплении экономических и культурных связей русского народа с Сибирью, а также охрану государственных интересов берет на себя Москва — центр Русского государства. В XV—XVI вв. очаги русской народной культуры возникают в Печорском крае, где появляется ряд сел и слободок (Инземская, Усть-Цилемская, Пустозерск и др.), население которых надавливает торговлю с самоедами, остяками и вогулами.

Московское правительство снаряжает во второй половине XV в. три похода за Урал.

Первый поход был совершен в 1465 г. при царе Иване III. Возглавлял поход устюжанин Василий Скрибя. В составе его отряда были «хотячи люди, а также вымичи и вычегижане». В результате этого похода Василий Скрибя и его люди «Югорскую... землю за великого князя привели, а князей югорских, Калпака да Течика, к великому Ивану Васильевичу и на Москву привели, и князь великий их пожаловал Югорским княжинем и отпустил их в Югру, а на них дань возложил и на всю землю Югорскую». В 1483 г. была снаряжена новая экспедиция в Югру. На этот раз во главе экспедиции были воеводы «князь Федор Курбский Черный да Иван Иванович Салтык Травин, а с ними устюжане и вологжане, вычегижане, вымичи, сысоличи, пермяки». Из сообщения летописи следует, что экспедиция побывала на рр. Пелыме и Тавде, прошла по Иртышу, с Иртыша продвинулась на «Обь реку великую», в Югорскую землю.

Окончательное включение Югорской земли в состав Московского государства совершилось лишь в 1499—1500 гг., после третьей военной экспедиции в Югру, состоявшей из 5 тысяч устюжан, вятчан и двинян. Разразившиеся книги, описывающие этот поход, содержат сообщение о том, что экспедицией командовало трое воевод — Курбский, Ушатый и Заболоцкий-Бражник.

По свидетельству Герберштейна (начало XVI в.), русские регулярно бывали в Югре для сбора ясака и торговли. По его же сведениям, ясак платили как вогулы и остяки, так и «самояды».

Из сообщений иностранцев следует, что русские люди хорошо знали морской путь от Архангельска и Печоры в Обскую губу и устье Ениона по крайней мере уже с начала XVI в. Поэтому вполне естественно, что в беседе с английским послом Е. Боусом 24 октября 1583 г. царь Иван Грозный упоминал об Оби и Ениее: «а те места в цашей земле от Денинского устья от морского пристанища с три тысячи верст». ¹ Возможно, что русские легкие суда — кочи — плавали в то время и дальше, на что указывают предания русско-устинцев, одной из древнейших в Сибири групп русского населения, живущей в устье Индигирки. Предания эти, зафиксированные в документе 30-х годов XIX в., а также в документах конца XIX в., говорят о том, что предки русско-устинцев прибыли сюда на кочах и поселились здесь при Иване Грозном. В составе этих ранних пришельцев предания называют и русских дворян. Насколько это верно, трудно сказать, но известно, что среди русско-устинцев сохранились фамилии (Чихачевы, Киселевы и др.), которые носили при Иване Грозном некоторые именитые бояре и дворяне.

Плавания ряных русских мореходов по арктическому побережью носили каботажный характер. Плавали на кочах — небольших по грузоподъемности (6—7 т) и мелкосидящих плоскодонных судах. Русские погоры и коми (зыряне) уже в XVI в. имели поселения далеко на северном побережье Си-

¹ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Англией. II. Русский исторический сборник, XXXVIII, 1883, стр. 112.

бири. Это известно во всяком случае для правобережья Тазовской губы, Мангазеи, где затем (1601 г.) был построен по указанию Московского правительства Мангазейский острог, быстро сделавшийся крупным и оживленным торговым центром северо-западной Сибири и получивший в то время наименование «златокинящей государевой вотчины». Однако такое значение Мангазея сохраняла только до начала 20-х годов XVII в. В 1619 г. Московскому правительству издало указ о закрытии мореходства по северному мангазейскому пути и торговли в Мангазее. Поводом для этого послужило ходатайство тобольского воеводы, который, ссылаясь на сообщения местных русских мореходов о появлении иностранных кораблей, просил запретить плавание по этому пути иностранным кораблям. Царь Михаил Романов отнесся к этому ходатайству с большим вниманием и в целях предосторожности поступил северным морским путем в Сибирь и торговлей в Мангазее. Серьезные основания для такого опасения, конечно, имелись. Сибирь в то время была уже хорошо известна прежде всего своими пушными богатствами, что не могло не привлекать к ней внимания западноевропейских государств, стремившихся к приобретению колоний. В Москве хорошо было известно о том повышенном интересе, который проявляли иностранцы к различным известиям о Сибири в XVI и начале XVII в., особенно к путям, ведущим в нее. Следствием этого интереса явились экспедиции англичан Гуго Биллоуби, Стефана Борро, Артура Пита и Чарлза Джексона, голландцев Виллема Баренца, Ван-Керговена, Яна Мая и ряда других. Все эти экспедиции имели целью открыть путь в Китай через Сибирь, и не только открыть, но и закрепить его за собой. Правда, ни одна из этих экспедиций не выполнила тех задач, которые на них возлагались, — северный путь в Китай открыт ими не был. Более того, западноевропейским мореплавателям не удалось достигнуть даже устья Оби. Поэтому уже в 1605 г. английская Московская компания прекратила финансирование арктических экспедиций. Причины неудачного исхода западноевропейских экспедиций были в свое время вскрыты М. В. Ломоносовым, который указывал, что западные мореплаватели «не имели достаточного знания природы, ниже ясного воображения предлежащей дороги», т. е. тех практических знаний, которыми были вооружены русские арктические мореплаватели. Однако всякие новые попытки иностранцев проникнуть в воды северного побережья Сибири вызывали обоснованную осторожность в русских правительственные кругах. Да и сама идея открытия северного морского пути в Китай не была чуждка русским царям. Известно, например, какое значение этому придавал Иван Грозный.

Меры, принятые московским правительством по отношению к северному морскому пути, разумеется, надолго затормозили развитие русского сибирского Севера. После закрытия «морского хода» Мангазея переживала большой экономический и культурный упадок.

Археологические раскопки и открытия на восточном берегу Таймыра в зал. Симса и на северном острове Фаддея в 1940—1945 гг. установили, что кочи русских поморов ходили с товарами в первых десятилетиях XVII в. по самому трудному участку северного морского пути, огибая полуостров Таймыр. Археологические материалы упомянутых раскопок устанавливают высокий уровень культуры русских мореходов того времени.¹ Торгово-промышленные экспедиции были хорошо снаряжены, участники их были грамотными людьми, пользовались солнечными часами и компасом. Они рассчитывали поездки на длительные сроки, учитывая

¹ А. П. Окладников. Русские полярные переходы XVII века у берегов Таймыра. М.—Л., 1948.

необходимость зимовки. Досуг свой во время зимовок проводили за шахматами. Представление о морских русских походах периода открытия Сибири как о случайных, рассчитанных на авось, участники которых «шли, как слепые, без компаса, без карт, без всякого морского опыта, на неулюющих кочах, сшитых из грубо отесанных досок древесными корнями и как бы заранее предназначенных для кораблекрушения»,¹ решительно опровергается богатым документальным археологическим материалом. Сопоставление этого материала с известиями иностранцев позволяет установить подлинный облик русских мореходов как опытных арктических мореплавателей, предпочитавших плавание на кочах не вследствие отсталости русского старинного судостроения, а вследствии большей их приспособленности к специфическим условиям арктического плавания.

Сибирь была открыта русскими людьми за много веков до включения ее в состав Русского государства, а название «Сибирская земля» встречается в русских летописях с 1407 г. Это было одним из крупнейших мировых географических открытий. Первооткрыватели быстро завязали экономические и культурные связи с населением открытой ими части Европы и Азии и устраивали там свои поселения, оказывая благотворное влияние на культуру и быт исконных обитателей Севера. Крайне отсталое население северо-западной Сибири занималось охотой, рыболовством и оленеводством. Сибирские племена весьма нуждались в русской продукции, особенно в железных изделиях, и охотно отдавали за них пушнину, что зафиксировано летописью; она повествует о «немом обмене» русских с жителями Севера: «какиют на железо, и помавают рукою, просяще железа; и аще кто даст им иожь ли, ли секиру, дают скорою противу». Новгородские летописи содержат различные сведения о территории и населении северо-западной Сибири, полученные русскими людьми при открытии Сибири и первоначальном знакомстве с ее обитателями, являясь ценным историческим источником и свидетельством об уровне русской культуры того времени. Русские мореплаватели не только открывали новые земли и племена, но и фиксировали свои открытия, понимая значение этих сообщений.

Включение Сибири в состав России произошло в конце XVI и начале XVII в. в процессе образования Русского многонационального государства. Растущее экономически и крепнущее политически Русское государство нуждалось в расширении и укреплении своих границ. Включение в его состав Сибири, открытой русскими людьми, вполне отвечало этой задаче. В Сибири, которая являлась естественным продолжением территории Русского государства за Уралом, богатой природными дарами и почти не заселенной, московское правительство видело серьезный резерв для территориального и экономического роста России. Вследствие этого еще с царствования Ивана Грозного в Сибирь неоднократно направлялись вооруженные экспедиции с правительственные заданиями. В задачи экспедиций входило изучение территории, ее топографии, природных условий, путей сообщения, выяснение этнического и количественного состава населения, его языка, занятий, собирание сведений о соседних с Сибирью странах и государствах и т. д.

Московское правительство неуклонно требовало от своих служилых людей (с момента вступления в Сибирь и по мере продвижения по ее территории) составления чертежей и списков новых сибирских земель. Такие документы в большом количестве поступали в Москву, где изучались и обрабатывались, и это дало возможность правительству получить уже

¹ В. Г. Богослов. Новые задачи русской этнографии в полярных областях. Тр. Северной Научно-Промышленной экспедиции. № 9. Пер., 1921, стр. 121.

в 1629 г. первый чертеж всей разнеданной к тому времени Сибири, от которого до нас дошла только роспись.¹ После включения Сибири в состав Русского государства начинается строительство городов и острогов, принимаются меры к заселению ее русскими людьми, организуется переселение крестьян из-за Урала уже с начала 90-х годов XVI в., развивается земледелие, вводится ямская гоньба. Активно развивается и торговля. Бухарским купцам, например, позволено было «приходить во все сибирские города свободно и торговать беспошлинно». Из всего этого видно, что включение Сибири в Русское государство рассматривалось как большая и важная задача, к разрешению которой принимались продуманные и серьезные меры.

Включение Сибири в Русское государство совершилось в весьма короткий исторический срок, началом которого следует считать знаменитый поход Ермака (1581—1585 гг.), когда, по определению К. Маркса, «была заложена основа азиатской России».² За последующий период, до 1648 г., русские прошли всю Сибирь от Урала до Тихого океана. На территории Сибири в то время не было сколько-нибудь крупных и сильных государственных объединений, за исключением Сибирского ханства, возникшего в результате феодального раздробления Золотой Орды. Его возглавлял хан Кучум — потомок Шейбани-хана из династии Чингизидов. Сибирское ханство не отличалось ни силой, ни устойчивостью. Оно развалилось при первом же столкновении с отрядом Ермака, освободившего племена северо-западной Сибири от ига Кучума. Не будучи связанны с Сибирским ханством единством экономической, политической и культурной жизни, эти племена и народности (ненцы, манси, ханты, селькупы и различные тюркоязычные родоплеменные объединения, например телеуты, и др.) не проявили желания поддерживать Кучума, с которым они были связаны лишь даническими отношениями. Падение Сибирского ханства открывало путь в северную, среднюю и Восточную Сибирь. На пути русских землепроходцев встречались большие, никем не освоенные территории, включение которых в состав Русского государства не представляло трудности, ибо никто на них не претендовал и никто их не защищал. Продвижение в указанных направлениях облегчалось и тем, что население здесь было крайне редко и жило разбросанно разноязычными мелкими родоплеменными группами, часто враждовавшими между собой (о чём ярко повествует фольклор ненцев, манси, хантов, энцев, селькупов, кетов, эвенков и др.).

Племена эти находились на весьма низком уровне общественного развития. Это были первобытные охотники и рыболовы, некоторые из них разводили оленей. Лишь отдельные их группы были знакомы с выплавкой руды и умели делать орудия и оружие из железа, но орудия из камня и кости преобладали. Племена северо-восточной Сибири (юкагиры, чукчи, коряки и др.) еще пользовались техникой каменного века. Только у якутов, бурят и ряда мелких родоплеменных групп Саяно-Алтайского нагорья было развито кочевое скотоводство, имелось примитивное земледелие, была известна плавка железной руды и развито кузнечество.

Низкий уровень общественно-экономического развития сибирских племен и их раздробленность не являлись подходящими условиями для организации серьезного отпора пришельцам. Конечно, и в этих условиях продвижение по незнакомым девственным лесам и рекам маленьких и слабо вооруженных групп русских землепроходцев могло быть легко

¹ А. И. Андреев. Очерки по источниковедению Сибири XVII в. Л., 1940. стр. 8—12.

² Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. VIII, М., 1946, стр. 166.

задержано, ибо сражаться и постоять за себя сибирские племена в случае надобности умели. Однако этого не случилось и, видимо, не требовалось по ряду причин. Прежде всего местное население первоначально не относилось к землепроходцам как к завоевателям и покорителям. Именно поэтому оно не только не истребило маленькие группы землепроходцев, что вполне было бы возможно, но, напротив, давало им приют, оказывало различную помощь советами, указаниями, проводниками — «вожками» — в духе обычая и традиций родового строя. Основным стимулом такого интереса были, видимо, их экономические потребности, желание наладить обмен с русскими, чтобы получать различные необходимые товары (железные изделия, ткани, бисер и т. д.).

В некоторых случаях, как, например, при продвижении русских в систему Оби (бассейны Томи и Чулым), а также в систему южного течения Енисея, включение в состав Русского государства, несмотря на обложение ясаком, было наилучшим выходом для местных родов и племен ввиду тяжелой политической обстановки, сложившейся здесь в конце XVI и начале XVII в. Феодальные распри и усобицы между различными монгольскими, енисейско-киргизскими, телеутскими, а также бурятскими феодалами-кочевниками тяжело отражались на повседневной жизни мелких племен и родов указанных районов (телеуты, кызыльцы, ачи, басагары, арины, котты, асаны, качинцы, сагайцы, шорцы и др.). Систематические разбойничьи набеги, организуемые феодалами, грабежи и убийства, увод в плен, многоданичество были уделом перечисленных родоплеменных групп, находившихся в постоянной фактической зависимости от кочевой аристократии. Включение в состав Русского государства улучшало политическую обстановку, заменяло многоданичество ясаком русскому царю, создавало условия для мирной жизни. Сочувственное отношение местного населения к землепроходцам не могло не способствовать быстрому продвижению русских в Сибири и выходу их на берега Тихого океана. Продвигаясь по территории Сибири, русские землепроходцы сознавали значение своих открытий и были тесно связаны с центральной властью. Уже в 1586 г. по правому берегу Туры строится первый русский город Тюмень, а в следующем, 1587 году на устье р. Тобола, недалеко от Кашлыка, бывшей ханской ставки Кучума, — г. Тобольск, который на долгое время стал административным центром Сибири. Города в Сибири с момента их основания строились продуманно, с учетом стратегического положения и возможностей экономического развития. Выбор местоположения их был, как правило, удачен, и большинство из них сохранилось до сего времени.

В 1593 г. основаны сразу три города: Пелым на месте острога мансийских пельмских «князей», Березов в низовых Оби, на месте старого «городка» промышленных людей, и Сургут на месте, где находилась ставка хантыйского «князя» Бардака. В 1594 г. для прикрытия этих новых русских владений с юга от бродивших по степям разбитых отрядов Кучума был основан на Иртыше г. Тара.

Таким образом, к Русскому государству были присоединены с обязательством платить ясак западносибирские татары, ханты, манси и сибирские ненцы. Последние, впрочем, присоединились лишь名义ально, ясак они платили не по окладу, перегулярию и в течение всего XVII в. сохраняли почти полную независимость в своих внутренних и даже внешних делах.

В 1598 г. в верховьях р. Туры был построен г. Верхотурье. Он должен был служить конечным пунктом новой сухопутной дороги из Соликамска в Сибирь через Урал, открытой посадским человеком Артемом Бабино-

вым. В 1600 г. на среднем течении той же р. Туры в качестве промежуточной станции между Верхотурьем и Тюменью был построен г. Тура (Еланчин).

К каждому из этих восьми западносибирских городов было «приписано» по уезду. Пелымский и Верхотурский уезды населяли манси, Тюханты, Тобольский — татары и ханты, Березовский — ханты, манси и иенцы.

С освоением Западной Сибири — бывшего Сибирского ханства, русские продолжали свой путь на восток в двух направлениях, одно из них шло вверх по р. Оби. Здесь в 1594 г. был основан Нарым. В самые последние годы XVI в. заложен Кетский острог в низовьях р. Кети. Эти остроги были построены на земле селькупов. Еще выше по Оби, на ее притоке Томи, на земле еуштинских татар, которые сами пригласили к себе русских, был построен в 1604 г. г. Томск. Томский уезд, кроме различных тюркских групп (еуштинских и чулымских татар и др.), охватил также и большое количество селькупов, живших на Оби выше устья Кети и в низовьях Чулыма.

Продвигаясь вверх по Томи на юг, русские проникли в землю «кузнецких татар», предков современных шорцев и некоторой части хакасов. Присоединение этой территории было закреплено основанием в 1618 г. города Кузнецка. Кроме предков шорцев, в Кузнецкий уезд вошли также телеуты и некоторые племена Алтая.

Правда, племена Горного Алтая, как и киргизы верховьев Енисея не вошли в состав России в XVII в., и Кузнецкий уезд с трех сторон был окружен «немирными» землями. Тем не менее можно считать, что с основанием Кузнецка включение в состав Русского государства Западной Сибири было в основном завершено.

Другое направление на восток шло из Березова, через низовье Оби, в Газовскую губу, на р. Таз, уже в значительной степени освоенную промышленными людьми — русскими и коми.

В 1601 г. в низовьях Таза был построен г. Мангазея, от которого распространение русских пошло далее на восток, к Енисею, и затем вверх и вниз по Енисею и по его притокам — Нижней и Подкаменной Тунгускам и рр. Пясине, Хатаиге и Анабару. В сравнительно короткий срок, к 30-м годам XVII в., предки энцев, иганасанов, кетов и большая группа северо-западных тунгусских племен стали подданными Русского государства. Так был образован Мангазейский, в дальнейшем Туруханский уезд, один из самых обширных в Сибири XVII в. Около 1670 г. центр этого уезда был перенесен из старой Мангазеи на Тазу, в «новую Мангазею» — Туруханск (основан в 1604 г.) на Енисеев.

Из Томска и Мангазеи русские пытались продвинуться дальше на восток. В начале 30-х годов XVII в. мангазейские служилые люди вышли уже к морю, которое теперь называется морем Лаптевых, и проникли с верховьев Нижней Тунгуски в бассейн Вилюя; томские служилые люди уже в первые два десятилетия XVII в. прошли к племенам верхнего течения Енисея. Но этим городам пришлось стать базой для дальнейшего продвижения русских на восток, и не через них вошли основные пути русских землепроходцев, открывших обширные области Восточной Сибири.

В 1619 г. отряд тобольских служилых людей, отправившись из самого маленького из всех сибирских острогов — Кетского, поставил на Енисеев острог, который сначала назывался Тунгусским, а затем Енисейским.

В Енисейский уезд попало кетоязычное население, жившее в верховьях Кети и в бассейнах рр. Сым и Кас (притоков Енисея), а также на-

селение окрестностей самого Енисейска, эвенки Приангарья (бассейна нижней Ангары) и часть приангарских бурят (в районе современных Братска и Балаганска) — булагаты. Впоследствии территория Енисейского уезда сильно разрослась, так как в нее вошла открытая енисейскими служилыми людьми Якутия, а затем Забайкалье. Но в дальнейшем Якутия и позднее Забайкалье стали особыми уездами, и за Енисейском к концу XVIII в. осталась только указанная выше территория.

Поскольку низовые Енисей уже в первые годы XVII в. было основано мангазейскими служилыми людьми, распространение русского влиянияшло от Енисейского острога главным образом в восточном направлении, вверх по р. Верхней Тунгуске (Ангаре), и на юг, по р. Кем, как называло коренное население Енисей выше устья Ангары.

В 1628 г. еще выше по Енисею был основан «Новый Качинский красивый острог», или Красноярск, прикрывший Енисейск с юга. Красноярск быстро сделался центром уезда, в который вошло население: кетоязычное — енисейские остыки, котты, арины, асаны, байкотовцы; самодийскоязычное — моторы, камасинцы, карагасы и точи; тюркоязычное — тувинцы-хасуты (у оз. Косогол), качинцы и предки нынеудинских бурят.

Продвигаясь вверх по Ангаре, енисейские служилые люди в 1628 г. вошли в соприкосновение с бурятами в низовьях р. Оки, а в 1631 г. на р. Илиме основали острог, названный «Ленским волоком» (так как отсюда шел путь через водораздел на р. Лену), в дальнейшем получивший название Илимска. В Илимский уезд вошли эвенки западного берега Байкала, верховьев Лены, бассейна Илима и буряты, жившие между верховьями Лены и верховьями Ангары (племя эхиритов целиком и булагаты, за исключением живших в районе Балаганского острога).

В 1632 г. енисейский стрелецкий сотник Петр Бекетов с отрядом в 30 человек «сплыл» вниз по Лене и основал на ее среднем течении острог, называвшийся первоначально Ленским, а в дальнейшем Якутским. Якутск стал центром огромной территории самого большого уезда Сибири XVII в. и базой для походов русских землепроходцев на крайний северо-восток, на Охотское побережье и на Амур. Из Якутска вышли в свои походы Михаил Стадухин, достигший Колымы, Семен Дежнев, открывший пролив между Азией и Америкой, Василий Поярков и Ерофей Хабаров, вышедшие на Амур. Владимир Атласов — первый исследователь Камчатки, присоединивший ее к России, и многие другие.

В Якутский уезд вошло, кроме якутов, много эвенских и эвенкийских племен бассейнов Оленека, Вилиоя, Витима, Алдана, Ман. Охотского побережья, все юкагирские племена (в том числе чуванцы, ходынцы и анаулы), а в конце XVIII в. также коряки и ительмены. В конце XVII в., т. е. еще до присоединения Камчатки, Якутский уезд охватывал около 30% всего коренного населения Сибири.

Помимо самого Якутска, около которого группировалась основная масса якутов, на территории Якутского уезда русскими было создано много других опорных пунктов. Глашатами из них в XVII в. были Жиганск, Олекминск, Зашиверск, Охотск, Верхоянск, Удокай острог, три Вилийских зимовья, три Колымских зимовья, Анадырское, Алазейское, Нижне-Янское, Оленекское и другие зимовья.

Другой путь из Енисейска на восток шел от устья Илима дальше вверх по Ангаре через оз. Байкал на Шилку и Амур. В 1661 г. Яков Похабов около старого зимовья на правом берегу Ангары основывает Иркутский острог, будущий город Иркутск. В Иркутский уезд вошли буряты (главным об-

разом хонгодоры), тувинцы и эвенки, жившие к югу от истоков Ангары в Предбайкалье, бурят-монгольские группы — на левом берегу низовьев Селенги и в районе построенного позже, в 1665 г., Селенгинского острога, и эвенки — по Баргузину, верхней Ангаре и по истокам Витима. Все эти группы эвенков были приняты в русское подданство уже в 40-х годах XVII в. и до образования Иркутска входили в Енисейский уезд.

К основанному в 1654 г. Нерчинску отошли конные тунгусы восточного Забайкалья и буряты-хоринцы, кочевавшие по рр. Большой и Малой Бугульдейкам, на западном берегу Байкала, на о. Ольхон, в Кударинской степи, на восточном берегу Байкала и по р. Уде. Платили ясак хоринцы в зимовье на р. Селенге.

Когда в результате походов Ерофея Хабарова и Никифора Черниговского в состав Русского государства вошло Приамурье, возник двадцатый Сибирский уезд — Албазинский. Фактически он начал существовать уже в 50-х годах XVII в., хотя официально был оформлен лишь к 80-м годам. В Албазинский уезд вошли манэргры, биары, натки (ачаны), т. е. шанайцы (голды), ульчи (мангуны) и некоторые другие группы населения Приамурья.

К концу XVII в. вся Сибирь была прочно освоена и заселена русскими. В 1700 г. Владимир Атласов прибыл в Якутск с известием о переходе в подданство Русского государства населения Камчатки и привез пушину, поступившую в ясак. Вне границ русской Сибири к 1700 г. оставались лишь часть Приамурья, Минусинская котловина и Горный Алтай. Минусинская котловина была освоена русскими и рядом мелких племен Саяно-Алтайского нагорья вскоре после 1703 г., когда джунгарские ханы переселили в Джунгарию большую часть енисейских киргизов. В 1756 г. были приняты в русское подданство алтайцы Горного Алтая, в 1789 г. чукчи и азиатские эскимосы, и, наконец, в 1858 г. окончательно были присоединены к России все Приамурье и Уссурийский край. Территория бассейна Анадыря, как мы знаем, вошла в состав российских владений со времен герического плавания Дежнева, т. е. с 1649 г.

В конце XVII в. русское население Сибири становится преобладающим по своей численности, хотя с серединой XVII в. некоторые группы коренного населения (якуты, буряты) тоже сильно возросли численно. По данным Сибирского приказа, в 1697 г. в 19 сибирских уездах (без Албазинского) было взрослого мужского населения — русских 36 915 чел., коренных жителей 27 300 чел. Считая женщины и детей, можно, по этим

Старинная башня XVII в. в г. Якутске

данным Сибирского приказа, определить на 1697 г. численность русского населения Сибири примерно в 150 тыс. чел., нерусского — в 125 тыс. чел. (без алтайцев, жителей Приамурья и Камчатки, чукчей, коряков и эскимосов).

Главная масса русского населения Сибири в 1697 г. была сосредоточена в Западной Сибири. Больше всего русских было в Тобольском уезде — 13 299 взрослых мужчин, т. е. всего около 65 тыс. человек русского населения и в Верхотурском — 4525 взрослых мужчин, т. е. около 23 тыс. русского населения.

Большую часть русских сибиряков в 1697 г. составляли крестьяне разных категорий (25 965 взрослых мужчин), затем идут служилые люди (8829 взрослых мужчин), посадские (1093 взрослых мужчин), духовенство (376 взрослых мужчин) и т. д. В это число русского населения не включены, видимо, те русские, пребывание которых в Сибири рассматривалось как временное, т. е. торговые и промышленные люди из городов и уездов Европейской России, а также «гулящие люди».

Важнейшими внешнеполитическими актами, оформившими территориальные права Русского государства в Сибири, были договоры с Китаем: Нерчинский 1689 г., заключенный Ф. А. Головиным, Кяхтинский, заключенный в 1728 г. С. Л. Владиславичем-Рагузинским, и Айгунский, заключенный в 1858 г. Н. Н. Муравьевым. По договору 1689 г. была установлена восточная граница Забайкалья по Аргуни. По договору 1728 г. была установлена южная граница русской Сибири от Аргуни до Енисея. При этом от Аргуни до Кяхты граница прошла в соответствии с фактическим распространением русских владений и расселением русских подданных, но от Кяхты до Енисея значительные территории, осваивавшиеся тувинцами, платившими ясак России, оказались в пределах Китая, и тувинцы превратились с этого времени в китайских подданных. По Айгунскому договору за Россией было закреплено Приамурье и был присоединен Уссурийский край.

Продвижение русских на восток не ограничилось территорией Азии. Как известно, в XVIII в. русскими были освоены Алеутские острова и Аляска по о. Ситхи (о-ва Баранова) включительно. Продвигаясь дальше на юг по тихоокеанскому побережью Америки, русские основали в 1812 г. в Калифорнии, в районе, где позже был построен современный город Сан-Франциско, форт Росс, просуществовавший до 1839 г. Но инициатива предпримчивых и смелых русских людей не нашла поддержки у царского правительства. В 1867 г. Аляска и Алеутские острова были проданы правительству США.

Московское правительство, в XVII в. возглавлявшее сложение многонационального Русского государства, сумело понять обстановку и оценить государственную важность объединения в границах России просторов Сибири, стремилось провести присоединение мирным путем и даже принимало меры к охране сибирских племен и пародностей как от внешних насаждательств, так и от внутренних притеснений. В царских указах в Сибирь постоянно подчеркивается необходимость приведения населения «под государеву высокую руку» мирным путем. В сношениях с ясачным населением, добровольно принявшим подданство, предписывалось «держать к ним ласку и привет и бережение, а напрасные жесточи и никакие налоги им ни в чем не чинить некоторыми делами, чтоб их в чем напрасно и в ясак не окесточить и от государевы милости не отгонять». О мирном стремлении свидетельствует раздача ясачным «государева жалованья», т. е. различных подарков за исправный внос ясака. В числе подарков фигурируют железные изделия (ножи, топоры, нипы, иглы и т. п.), сукно, бисер, олово и

продукты (хлеб, масло и т. д.). Раздача таких товаров, в которых весьма нуждалось ясачное население, конечно, облегчало включение его в русское подданство.

Конечно, московские цари несомненно были заинтересованы в немедленном получении ценнейшей сибирской пушнины, поступавшей монопольно в царскую казну от сбора ясака. Однако в первоначальный период ясак пушниной в Сибири не являлся единственной целью, как это обычно изображается во многих работах по истории. Ряд грамот царя Федора Ивановича говорит об облегчении и даже освобождении от ясака некоторых илменей и народностей (остиков и ногулов).

Рекомендовалось «имать легкий ясак, а с которых будет и не взять». Об этом же говорит и то, что с некоторых ясачных волостей ногулов и самоедов в 1595 г. были сняты недоимки и было указано «впредь убавить ясак», а вместо ясака пушниной отдельным волостям предлагалось «захватывать государеву пушину», причем семена для этого отпускали из государственных сибирских житниц. Наконец, в отдельных случаях разрешалось местным князьям «сбирать ясак на себя». Такая политика продолжалась и при царе Борисе Годунове, который сформулировал это в грамоте от 30 августа 1601 г.: «На нас ясак имать рядовой, как кому можно заплатить, смотря по вотчинам и по промыслам. А на кого будет ясак положен тяжел, не в силу, и вперед им того ясаку платить немочно, и того велено сыскывать, да будет ясак положен не по делу, и в том им тягость, и им в ясаке велено льготить. А бедных людей, кому платить ясаков немочно, и с тех ясаку имать не велено, чтоб им сибирским всяким людям ни в чем пушки не было, и жили бы Сибирские земли всякие люди в нашем царском жалованье во всем в облегченье и в покое и в тишине безо всякого сумнения, и промыслы всякие промышляли, и детей своих и братью и дядь и племянников и друзей на наше царское милосердие отовсюду призывали, и в городех юрты и в уездах волости поднимли».¹

Для московских царей было выгоднее мирное освоение Сибири, заселение ее русским крестьянством, при поддержке небольших военных сил, нежели вооруженное покорение этой огромной части Азиатского материка, сопряженное с большими материальными затратами и требующее больших вооруженных сил.

Вместе с этим было бы неправильно представлять включение Сибири в Русское государство как процесс, совершенно мирный и безболезненный для местного населения. Известны исторические факты, говорящие о том, что паряду с другими применялись методы насилия и военного присоединения некоторых народностей и территорий. Достаточно напомнить поход Ермака, открывший путь не только к свободным, никем не занятым, но и к населенным территориям Сибири, поход на Амур в середине XVII в. Е. Хабарова, сопровождавшийся покорением и разорением местного населения, или походы на чукчей в первой половине XVII в. Павлуцкого, пытавшегося, хотя и безуспешно, покорить чукчей крайне жестокими мерами, и некоторые другие военные походы на отдельные сибирские народности. Однако эти насилиственные методы были более характерны не столько для периода первоначального присоединения Сибири, сколько для периода закрепления и освоения ее в составе Русского государства. Царское правительство, рекомендуя мирный путь присоединения местного населения и поощрение его за исправный взнос ясака, в то же время предписывало решительные меры по отношению к группам ясачного населения, «отложившимся от ясаку» и к «немирным землицам».

¹ Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. I. М.—Л., 1941, стр. 169—170.

которые по тем или иным причинам не только не хотели платить ясак, но и нападали иногда на сборщиков ясака, на мирных русских или ясачных жителей, подбивали ясачных к «отложению» и т. п. В таких случаях небольшие военные отряды сибирских воевод предпринимали по сути дела карательные экспедиции, сопровождавшиеся жестокостями по отношению к часто ни в чем неповинному населению. О таких «шагромных» походах актовый исторический материал повествует достаточно красноречиво.

С «замиренных землиц» брали в городе заложников — аманатов — из числа родоплеменной или феодальной верхушки (князьков или их ближайших родственников, из «лучших людей» и т. п.). Аманатов держали в городах и острогах под караулом, для гарантии исправного поступления ясака. В случае же «отложения» от ясака или «воровства» (т. е. измены) такой «землицы» или волости с аманатами жестоко расправлялись, особенно в тех случаях, когда «отжившаяся землица» предпринимала вооруженные нападения на русских или ясачных мирных жителей. Нельзя забывать, что интересы различных классов и отдельных лиц в процессе присоединения Сибири были неодинаковы. Царские воеводы и их ближайшие помощники ехали в Сибирь главным образом «кормиться», заботясь преимущественно о личных, корыстных выгодах. Алчность и корыстолюбие, стремление ко всякого рода обогащению неизбежно приводили к конфликтам с ясачным населением. Указы московских царей, направленные к охране ясачного населения от обид и насилий, далеко не всегда выполнялись, так как воеводы в Сибири, вследствие удаленности от Москвы, чувствовали себя весьма самостоятельными в своих действиях. Различные мошенничества, обирание ясачных, иногда даже прямые насилия над ними были в большом ходу у воевод и их ближайших помощников, которые наживали таким образом состояния. Об этом, прямо и красноречиво повествуют различные царские указы и указы, адресуемые сибирским воеводам, описывающие их «лихоимства».

Обогащались воеводы и в результате мошеннической торговли с ясачными, покупая у них за бесценок пушнину. Известны попытки сибирских воевод пополнять своих крепостных из среды ясачного населения Сибири и вывозить их в центральную Россию. Это делалось за счет «погромного ясыря», т. е. за счет взятых в плен при походах на «отжившихся от ясаку» или на «немирные землицы». Взятых в полон воеводы крестили, т. е. обращали в православие, и объявляли своими крепостными. В документах Сибирского приказа имеется немало данных об отобрании у воевод «ясыря», который они пытались вывезти из Сибири. Такое поведение представителей царской власти нередко являлось прямой причиной «отложения от ясаку» и откочевки ясачного населения с места жительства, чтобы избавиться от притеснений.

В исторических актах XVII в., относящихся к Сибири, таких фактов можно найти немало. Московское правительство, хотя и боролось с «лихоимством» царского аппарата в Сибири, видя в этом ущерб своей казне, но не всегда успешно. Даже частая смена воевод не давала желаемых результатов.

Иным было отношение к ясачным со стороны трудового русского населения, составлявшего большинство русских людей в Сибири. Служилые люди, пашенные крестьяне и т. д. также терпели от притеснений воевод и всей системы царской власти и не в меньшей, а в большей степени, чем ясачное население. Крестьяне были обременены повинностью пахать десятинную государственную пашню, несли тяжелые оброки. Вследствие тяжести обложения их собственное хозяйство находилось в плачевном состоянии. Местами положение крестьян было настолько тяжелым, что они и в условиях Сибири «брели

розно», т. е. разбегались по разным местам, ища облегчения своей участи. Вот как описывает положение рядовых служилых людей один из официальных документов XVII в.: «... в Томском и в Кузнецком, и в Красноярском людинах нужные и бедные, по два и по три на одной лошади, а иной иеш всегда бродят и запас на себе таскают нартами, оголодают, и от того голоду всегда ратные люди от киргиз погибают, а недругу в посмеши, что государевы ратные люди голодни в их землю приходят, и отходя из дороге погибают без хлебных запасов».¹ Челобитные рядовых казаков на имя царя полны жалоб на нужду и бедность, на большие трудности и лишения, которые им приходилось терпеть, исся государеву службу. Постоянно находясь в разъездах и отлучках по делам службы, они не могли обзавестись достаточным собственным хозяйством и вынуждены были жить на довольно скучном хлебном, соляном или денежном жалованье, которое, как правило, выдавалось с большими задержками и перебоями. Служба же рядовых служилых людей была тяжелой и брала не только много времени, но и много сил и энергии. Считание неделями и месяцами по тайге, тундре или горам, независимо от погоды, в зимнюю стужу и в летнее ненастье, за сбором ясака или в прискапии новых «землиц» и т. д. было сопряжено с большими трудностями и лишениями, даже опасностью для жизни и здоровья. Неудивительно, что были случаи, когда голодные, измученные отдельные группы служилых людей соблазнялись имуществом ясачных. В таких случаях царские воеводы оказывались «на страже государственных интересов». Они нещадно «били батоги» виновных, отбирали у них присвоенное имущество и... забирали его себе. Однако не в этих рядовых служилых людях было заложено зло для ясачного населения; оно таилось в царизме, как политической системе, в том, что у власти, начиная от самого царя и кончая воеводой, стояли крепостники-помещики, которые преследовали во всем лишь свои классовые интересы. Русское же трудовое население XVII в. в Сибири, особенно крестьянство, не только не являлось притеснителем местного ясачного населения, но, напротив, уже в то время связано с последним культурными и экономическими связями. Русские крестьяне настолько тесно общались с ясачным населением, что вступали с ним в браки. Это не нравилось воеводам. В одной из воеводских отписок, относящейся к 1623 г., говорится, что «нашленные люди живут не по-крестьянски: крестов на себе не носят, и сред и пятков не почитают, а едят всякую скверну с некрещеными татарами», что «с татарами... женами живут... и детей с ними приживают с некрещеными».²

У трудового русского народа в Сибири было больше общих интересов с трудящимися ясачными, чем с воеводами крепостниками-помещиками. Простым русским людям был чужд дух расоненавистничества. Они глубоко сочувственно и с подлинным гуманным интересом относились к жизни, быту и правам местного ясачного населения. Последнее платило им тем же.

Эта общность социально-экономических интересов трудящихся русских и ясачного населения проявлялась иногда в XVII в. в совместных активных выступлениях трудящихся против царских насильников и угнетателей. Знаменитый «Красноярский бунт» 1695—1698 гг., в действительности представлявший собой народное восстание против царских воевод в Сибири, может служить свидетельством этого. Против красноярских воевод с русскими трудящимися восстали, например, качинцы главе с Карочаном Тайларовым, которых царские следственные доку-

¹ Акты исторические, т. V, стр. 167. См. также: Русская историческая библиотека, СПб., 1884, т. VIII, стр. 471—472, 477—489, 533—535 и др.
² Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. II, стр. 293.

менты, вместе с рядовыми русскими служилыми людьми и горожанами Красноярска, именуют «воровскими людьми».¹ Замечательное народное движение конца XVII в., к сожалению еще совершенно не изученное, не было единичным явлением. В исторических документах имеются указания на «бунтовские замыслы и мятеж» служилых людей Селенгинского, Удинского, Кабанского и других острогов Иркутского уезда против представителей царской власти или «приказных людей» этих острогов.

Против включения в русское подданство выступила местная феодальная верхушка. Особенно ярко это проявилось при присоединении территории бассейна среднего и верхнего течения Оби и Енисея. Азиатские феодалы считали местное население указанных районов своими даниками и не намерены были терять их. Царевичи Кучумова рода, джунгарские ханы и тайши, телеутские и киргизские феодалы были активными вдохновителями и организаторами вооруженных налаздений и восстаний против русских в Западной и южной Сибири. Из них большую активность проявлял, например, телеутский тайши Абак, который вместе со своим зятем Тарлавой (мурзой чатских татар) был связан с «Кучумовыми царевичами» (например внуком Кучума Аблайгиримом).

Большую роль в вооруженных выступлениях против русских с момента построения Томска играли князья сибирских киргизов. Их вооруженная агрессия против русских городов и острогов, начиная с 1608 г., продолжается в течение всего XVII столетия. Среди киргизских князей выделялся своей энергией и жестокостью Иренак Ишев, который в течение двадцати лет жег и грабил русские и ясачные селения в Кузнецком, Томском, Ачинском, Красноярском и других уездах, убивал и уводил в плен мирных жителей. Некоторые исследователи рассматривали грабежи и насилия Иренака и его предшественников как «борьбу за независимость». Но такое определение деятельности киргизских князей XVII в. неправильно. Иренак не боролся, например, с джунгарскими ханами, от которых он действительно был зависим и которые систематически вмешивались во внутренние дела киргизов, в их взаимоотношения с русскими и, кроме того, брали с них ясак (*албан*). Иренак нападал исключительно на мирные русские пригородные селения и на мирное ясачное население, хотя он со своими подданными киргизами не был стеснен в кочевьях. Земельные территории, находившиеся под его контролем, были велики и обширны. Русские власти того времени не строили здесь селений или острогов даже для защиты ясачного населения, которое действительно нуждалось в такой защите. Русские военные отряды не нападали на Иренака первыми. Рядовое русское население, занимавшееся мирной хозяйственной деятельностью, было заинтересовано лишь в мирных отношениях с киргизами. От набегов киргизов оно терпело ущерб и разорение. Точно так же стремились к мирной жизни и деятельности в своем большинстве и рядовые киргизы, ибо тяжесть и опасность военных набегов ложилась на их плечи, а добыча захватывалась феодальной верхушкой.

Причина тяжелой и неспокойной обстановки в южной Сибири в XVII в. заключалась в агрессии киргизской и телеутской феодальной верхушки, поощряемой феодальными кругами Джунгарии. Взимание дани с населения указанных районов имело особенно важное значение для кочевых феодалов, так как эти районы доставляли им железные изделия. Население верхнего течения рр. Томи, Мрассы, Кондомы, Бии и среднего течения Енисея весьма широко занималось изготовлением из железа предмет-

¹ Н. Н. Оглоблин. Красноярский бунт 1695—1698 годов. Томск, 1902.

тов обихода (котлы, таганы, ковши), военного и охотничьего снаряжения (особенно стремян, наконечников, стрел, колий, пик, сабель и т. д.), умев при этом добывать железо. Стремление удерживать под своей властью данников (кынтымов), помешать экономическому и культурному сближению их с русским народом, а также расчет на легкую паживу толкали киргизских князей на агрессию. Что касается родоплеменной верхушки бывших монгольских джуңгарских и киргизских данников, то они, хотя и не оказывали обычно прямого сопротивления переходу в русское подданство, но довольно часто вступали в контакт с агрессивно настроенными феодалами, нападавшими на мирное население.

Включение Сибири в состав Русского государства, по мере продвижения русских, сопровождалось хозяйственным освоением ее территории.

Вновь присоединяемые территории, как уже было указано, наносились на чертежи, производилось их описание, которое затем отправлялось в Москву; изучались их природные условия. Присоединяемое население приводилось к «щерти» (присяге), облагалось ясаком и записывалось в ясачные книги с указанием имени князьца и количества ясачных платильщиков, состоящих в ведении данного князьца. Главы местных племен и родов — «князьцы» — продолжали управлять своим населением и считались ответственными представителями «волости» или «землицы» по сношению с царскими волостями. На них лежала ответственность за исправный взнос ясака. Ясачное население также описывалось, изучался его язык, этнический состав, расселение, занятия, быт, права и обычай. На присоединенной территории строились русские населенные пункты: города, остроги, зимовья. Развивались и прокладывались пути сообщения, налаживалась связь между сибирскими городами и центром государства — Москвой, вводилась имская гоньба. Принимались меры к организованному заселению Сибири наиболее устойчивым слоем русского населения того времени — крестьянством.

В осуществлении этих больших государственных задач и мероприятий выдающуюся роль сыграли простые и скромные представители трудового русского народа — первооткрыватели Сибири, наши землепроходцы XVII в. Их энергии и отваге, уму и настойчивости, благородному патриотизму, основанному на понимании государственного значения присоединения Сибири, многим обязано Русское государство, ибо без активных усилий этих представителей русского народа включение Сибири в такой короткий срок и с таким успехом, как это произошло, было бы невозможно. Это обстоятельство раскрыто исследованиями советских ученых, сумевших привлечь огромный и разнообразный исторический материал.

Усилиями русских землепроходцев вся Сибирь вскоре была картографирована. Едва ли нужно доказывать, какое большое значение для государства имело изучение территории Сибири и быстрое ее картографирование. Северо-западная часть Сибири была хорошо картографирована еще в XVI в. Благодаря усилиям некоторых иностранцев, сведения эти прошли за границу и были даже неоднократно опубликованы. Голландец И. Масса, который прожил в России 8 лет, по возвращении в Голландию опубликовал в 1609—1612 гг. русскую карту, охватывающую территорию Сибири уже до Енисея. Он прямо указывает, что сведения о Сибири ему сообщены некоторыми «московскими придворными».

Располагая материалами русских землепроходцев, московский царь мог еще в 1626 г. издать указ о составлении чертежа всей Сибири, который и был составлен в 1629 г. Известно, какую научную ценность представляют чертеж всей Сибири Ремезова, составленный в 1698 г., и его Чертежные книги Сибири (1701 г.).

Огромный труд был проделан по разведыванию и прокладыванию путей сообщения. Кроме изучения речной системы и волонов, большое внимание уделялось изучению летних и зимних сухопутных маршрутов по тайге, тундре, в горах, степях и т. д. Землепроходцы шли пешком, на лыжах, ехали на лошадях, на собаках, на одених. Они широко использовали знание местности, указания и советы местного населения, часто привлекая отдельных их представителей в качестве «вождей» — проводников. После открытия путей сообщения немедленно налаживалось передвижение по ним, учреждалось почтовое сообщение, создавалось местное судостроение для плавания по рекам. Центром крупным центром речного судостроения было Верхотурье. Ямская гоньба, как уже было отмечено, была налажена в первой половине XVII в. уже до р. Лены.

Первооткрыватели Сибири, выполняя официальные указы и руководствуясь собственной инициативой, первыми собрали ценные сведения о рудных и минеральных богатствах, о растительном и животном мире этой части Азиатского материка.¹ Разработка железных ископаемых началась в первые же десятилетия после присоединения Сибири в результате личных поисков землепроходцев и их распросов местного населения. За много десятилетий до грека Левандиана, посланного в Томский уезд в 1696—1699 гг. Петром I для разработки железных руд и обучению этому делу местных людей, томичи уже сами занимались этим. Документально устанавливается теперь, что не Левандиан явился зачинателем горнозаводского дела в Сибири. Еще в 1624 г. из Томска был послан «проводывать и искать железные руды» кузнец Фетка Еремеев и с ним казак Петунька Кизыл, которые обнаружили железную руду и привезли ее в Томск, где была произведена из нее выплавка железа в присутствии воевод. Опыт показал, что «ис той руды и ис каменъя железо добро, такое же, что и в Кузнецкой земле». Ф. Еремеев был послан с образцами железа в Москву, где «то железо переплавливали, и то железо добро, будет из него сталь». Царь Михаил Федорович наградил Ф. Еремеева и П. Кизыла и распорядился наладить в Томском уезде добычу и выплавку железной руды с производством железных изделий: «Пашенным крестьянам в сибирские пашенные города... ковать сошники, и косы, и серпы, и топоры, чтоб вперед с Руси железново наряду к нашим крестьянам железа не посыпали, и кос и серпов, и сошников, и топоров не покупати».² Кроме Томска и Кузнецка, железные месторождения были открыты и опробованы в Приуралье (1628 г.) в Якутии (1647 г.). Из Якутска были затребованы с Руси мастера для производства железных изделий на местной руде. В открытии руд и их «объявление» большую помощь оказали «исачные люди», о чем прямо повествуют документы XVII в. В 60-х годах XVII в. большие геологические изыскания вели в Сибири рудознатец М. А. Тумашев, который оказался не только знатоком-изыскателем, но сумел организовать добычу железа на базе обнаруженных месторождений. Он писал царю в 1668 г., что им был в Верхотурском уезде « завод заведен к железному плавлению, и выше у меня, холона вашего, к тому железному делу кузнецы в работные люди наниты и посланы к железному заводу».³ Кроме железной руды, были открыты также в первой половине века медные и серебряные руды, причем иногда поиски их велись по следам древних разработок, получивших позднее (в XVIII—XIX вв.) наименование «чудесных им».

¹ Большой документальный материал по этим вопросам собрал В. И. Снайдер в его книге «Русские землепроходцы XVII века в Сибири» (М., 1951).

² Г. Ф. Майлэр. История Сибири, т. II, стр. 325—326.

³ Дополнение к «Антам историческим», т. V, стр. 65.

Об организованном характере и государственном значении поисков руд и минералов говорят царские грамоты, устные объявления через громогласных бирючей.¹ Посадский человек А. Жилин в течении многих лет (первая половина XVII в.) исследовал тайгу в Енисейском уезде, как настоящий геолог. Ему удалось обнаружить «слюду в Енисейском уезде на пустом месте, а никто тою землею наперед того не владел и слюдью не промышлял».² Образцы слюды и результат опытной плавки из медной руды, им же обнаруженный, были доставлены в Москву, где получили одобрение. Жилину, по его просьбе, царской грамотой было дано право разработки найденных им месторождений слюды и медной руды за десятиенную пошлину («а сколько пуд у него, Олешки, слюды из гор в промыслу будет, а из медные руды сколько пуд меди учинет выходить, и с той слюды иметь у него на нас, великого государя, десятую пошлину слюдою ж . . . имать десятой же пуд меди»), кроме того, грамота разрешала «ему, Олешке», заниматься геологической разведкой «в иных сибирских городах и уездах», а енисейскому воеводе указывалось помогать Жилину во всем и не отвлекать его самого и его людей на другие работы, «чтоб у него в том слюдном и медном промыслу и в сыску всяких руд помешки не учинилось».

Серебряные руды были открыты и опробованы в различных районах Сибири. Особенно знамениты Нерчинские месторождения по р. Аргуни. Проникли рудознатцы даже в Горный Алтай, к Телецкому озеру, откуда специалист-серебряник по имени Федыка доставил в Москву образцы серебряной руды еще в 1673 г., когда территория Горного Алтая находилась под контролем джунгарских феодалов.³

Большие работы развернулись в Сибири по поискам и добыче соли. Организация соледобывающей промышленности заботила Московское правительство с первых же дней освоения Сибири. Первооткрыватели Сибири немало потратили труда для успешного решения этой задачи. Внимание к развитию соледобывающей промышленности проявлялось и в XVIII в.

Важное экономическое значение придавалось находкам серы и селитры. В царских грамотах селенгинскому и якутскому воеводам (1680—1681 гг.) предписывается определить общие запасы селитры и серы, выход продукции («по сколку из фунта и из какой руды чего выдет»),⁴ выяснить, «почему пуд в деле селитры и серы ценою учинет становития».⁵ В грамоте прямо говорилось, «чтоб в Якуцких уездах селитреных и серных мест сыскивать с великим радением неоплошно, и зелье (т. е. порох—Л. П.), завесть делать, чтоб в Якутском и в иных Сибирских городах пронятца зельем без присылки с Москвы».⁶ Были организованы поиски и добыча минеральных красок, горного хрустали и даже строительных материалов для городских построек: известковый камень, а также «всякой бутовой, или серой или черной камень, который бы в теску к строению годился, в ближних местах, и пригодная глина, из которой бы кирпич мочно делать и обжигать, и песок есть ли и сколь далече».⁷ Были даже попытки разыскать нефть.⁸ Из этого видно, что геологические разведки велись сознательно, умело, были раз-

¹ Там же, т. IV, стр. 223.

² Там же, стр. 150.

³ Там же, т. VI, 1858, стр. 328.

⁴ Акты исторические, т. V, 1858, стр. 105.

⁵ Дополнения к «Актам историческим», т. VIII, стр. 295.

⁶ Там же.

⁷ Акты исторические, т. V, стр. 492.

⁸ Дополнения к «Актам историческим», т. X, стр. 333.

работаны специальные инструкции, где говорилось, что следует отмечать, «которая руда и на какой реке взята, и руду с рудой не мешать, показать особо», и присыпать образцы в Москву «в особых мешечках, и подписать на ерлыках, где которая взята и сколь глубока и всякую недомость о том рудном деле писать».¹

Геологические изыскания преследовали цель создания местной промышленности в Сибири (железоделательные заводы, добыча и штампов медной и серебряной руды, производство пороха, добыча минеральных красок и строительных материалов и т. д.). Это также говорит о том, что Сибирь в XVII в. не считали колонией, а признавали органической частью Русского государства. Русские люди осваивали ее вместе с коренным населением как рачительные хозяева. Местное население активно участвовало в поисках ископаемых богатств Сибири, интерес к которым пробудили в них русские люди. Эвенки и буряты, якуты и юкагиры упоминаются в исторических актах XVII в. как открыватели руд и минералов, сообщавшие о своих открытиях русским. Как пример такой взаимной заинтересованности можно указать открытие серебряных руд по р. Аргуни. В начале 80-х годов их обнаружил землепроходец Павел Шульгин, а в 1691 г. два брата эвенка явились в Нерчинск к Ф. А. Головину, чтобы сообщить ему о нахождении серебряных руд в других местах по той же Аргуни.

Большую ценность имеют разнообразные ботанические и зоологические наблюдения и сведения, собранные русскими землепроходцами XVII в. Теперь доказано, что эти данные, особенностью которых был их прикладной характер, получены в результате большой организованной работы по всестороннему изучению природы Сибири. Изучение и наблюдения за жизнью и распространением тех или иных видов животных, рыб, растений, в том числе и совершенно новых, первооткрыватели проводили, исходя из задач освоения и заселения Сибири. Они определяли и описывали травяной покров с целью определить пригодность для пастбищных и сенокосных угодий, откликались на указы Москвы разыскать и организовать заготовку лекарственных растений (например ревень) и наладить их отправку в Москву. Их интересовал состав почвы, климатические условия для созревания хлебов: от их внимания не ускользали и вредители хлебных растений. В отписках землепроходцев можно найти указание на кобылку, которая уничтожает всходы, на то, как в некоторых местах посевы «ржи давила и червь ел» и т. п.

Большое место в освоении Сибири занимало изучение коренного населения и взаимоотношений с ним первых русских засельников. Собирание подробных и разнообразных сведений о племенах и народностях входило в задачу землепроходцев и необходимость этого постоянно подчеркивается в указах и грамотах из Москвы. Любознательность, наблюдательность и успех землепроходцев в этом отношении нашли отражение в их многочисленных «скасках» и «росписях», которые до сего времени сохраняют значение исторического источника первостепенной ценности. Павел Селиверстов, выйдя на побережье Восточно-Сибирского моря и разбравшись в этническом составе населения, сообщал: «И в то море пали реки многие — Чухчи река, да реки Ковыма река, а за Ковымой рекою есть четыре реки, а от тех рек есть реки Ненандыра да Чондон. А люди по тем рекам живут разные — чухчи,

¹ Акты исторические, т. V, стр. 468.

ходыши, корики, пиягули и иные роды есть и языки многие». Государство требовало точных сведений о народах. Поэтому нередко можно видеть в документах поручение проверить, уточнить те или иные данные. Когда служилый казак Елисей Буза отправлялся на Индигирку в 1642 г. искать реку Нерогу, ему предписывалось уточнить сведения и о населении, обитающем на ней. «А на той де реке Нероге, от устья морского недалече, в горе, в утесе над рекою, серебряная руда, а повыше де той серебряной руды немного на той же реке живут люди на яру род Наттыла, юрты де деланы у них в земле, и у тех де людей серебра много, а люди те иенние, оленей у них и лошадей нет, а река де рыбна добра, и те люди кормятся рыбью».¹

Изучение коренного населения Сибири в XVII в. имело большое практическое значение для Русского государства, для определения состояния и характеристики его азиатской части. Поэтому ставилась задача выяснения этнического состава коренного населения, его численности и расселения, занятий, правов и обычаях и т. п. Обращалось внимание и на верования, рекомендовалось «распрашивать иакрепко, какая вера у них и шерть прямая», чтобы «проводить по их вере к шерти», т. е. к присяге на подданство к Русскому государству. Разнообразные этнографические сведения о населении Сибири уже в первой половине XVII в. вошли в различные сочинения («Сибирская летопись» Саввы Есипова, «Подлинное описание Сибирского государства» и др.). Еще больше их содержится в работах второй половины этого века. Только в результате широкого предварительного изучения населения могло быть проведено в конце XVII в. такое важное государственное мероприятие, как первая перепись [населения Сибири].

Одновременно с освоением Сибири русские землепроходцы стремились открыть путь в Китай и завязать с ним торговлю через Сибирь, Туву и Монголию. Составлялись обстоятельные описания природы и населения этих мест. Землепроходцы нередко по собственной инициативе оказывались (иногда в поисках руд) на территории некоторых восточных монгольских княжеств, подвластных либо западномонгольским, либо ойратским ханам. Оказавшись в чужом государстве, эти простые люди вели себя с большим достоинством, даже не будучи облечены дипломатическими полномочиями. Они не соглашались «кланяться и садиться на коленки» перед ханами, настойчиво требовали уважения к себе как к представителям Русского государства, не теряли твердости духа в самых опасных и трудных положениях, терпели различные лишения. В то же время они так внимательно все изучали, что, вернувшись, могли составить изумляющие по точности и лаконичности описания виденного и слышанного.

Решающую роль в быстром и прочном государственном освоении Сибири сыграло заселение ее русским крестьянством. Как указывалось выше, эта задача решалась одновременно с первыми шагами по включению Сибири в состав Русского государства. Царское правительство стремилось сделать это прежде всего в целях развития земледелия, чтобы решить проблему снабжения Сибири собственным хлебом и избавиться таким образом от завоза хлебных запасов из европейской части государства, так как до прихода русских местное земледелие было крайне незначительно по размерам и примитивно по технике. С 90-х годов XVI в. правительство предпринимает попытки переселения крестьян. Крестьянское население вербуется по «указу» и «прибору» и переселяется в Сибирь для государственной десятинной пашни. Для развития земледелия используются

¹ Дополнения к «Актам историческим», т. II, 1845, стр. 262.

сырьиные люди и ясачное население, которому ясак соболями заменяется государственной пашней. Однако, как установили советские исследователи, указанные правительственные меры оказались недостаточными и не дали для Сибири необходимого контингента русского крестьянства и вследствие этого потребного количества хлеба. Проблему удалось разрешить в относительно короткий срок силами того главного потока русского крестьянства, который направлялся в Сибирь самовольно, спасаясь бегством от крепостнического гнета в России.¹ Заселение Сибирь была в XVII в. по существу в порядке «вольного» переселения русских людей. В самом начале освоения Сибири (конец XVI — начало XVII вв.) московское правительство поощряло такое «вольное» переселение, хотя стремилось при этом не поступиться своими классовыми интересами, ибо рекомендовало призывать в Сибирь петяглов население «от отца сын и от брата брат и от дяди племянники и от суседа суседы».² Позднее переселение в Сибирь, особенно самовольное, в порядке побегов от крепостников-помещиков, начало строго преследоваться.

Проблема развития земледелия была разрешена в Сибири уже в XVII в., и государеву пашню удалось организовать на основе использования переселившегося сюда в подавляющем большинстве «вольного» крестьянства. Численность его составляла к концу XVII в. свыше 10 тыс. семей из общего количества русского населения, исчислявшегося почти в 25 тыс. семей. В отношении сибирского крестьянства московское правительство в конце XVI и начале XVII в. проводит политику предоставления некоторых льгот и помощи. «Первоначально поселенцу, который должен был, помимо заведения своего личного хозяйства, отбывать государственные повинности в виде государевой десятинной пашни и государственных изделий, предоставлялись земля, временная льгота, подмога и ссуда. Крестьянская льгота заключалась в освобождении поворотного крестьянина от несения государева тягла в течение определенного условием количества лет. Подмога — безвозвратная помощь, денежная или натуральная, для устройства крестьянином его „собинного“ хозяйства. Ссуда, также денежная или натуральная, имела ту же цель, но подлежала обязательному возвращению».³

Хотя эти подмога и ссуда и не обеспечивали в достаточной степени возможность развития крестьянского хозяйства, но некоторую положительную роль в свое время они сыграли.

К началу XVIII в. Сибирь снабжалась собственным хлебом. Повинность ряда городов европейской части государства снабжать Сибирь хлебом была отменена (1685 г.). Образовался местный хлебный рынок. Потребителем хлеба стало в значительной части ясачное население, а небольшая часть его даже производителем. Хотя превращение Сибири в один из крупных хлебопроизводящих районов государства относится к XIX и началу XX в., историческая роль первых русских засельников, как основателей земледелия, не может быть преуменьшена. Именно они создали и распространяли в Сибири земледелие, хорошо изучив природные условия и приспособившись к ним. Они первыми принесли на себя трудности освоения центральной страны, приобрели и накапливали опыт борьбы с сибирской природой, передавая его из поколения в поколение. Было бы неправильно думать, что московские правительственные круги стояли в стороне от этого дела. Документальный материал показывает,

¹ В. И. Шунков. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII—начале XVIII веков. М.—Л., 1946.

² Там же, стр. 45.

³ Там же, стр. 22.

что в Москве принимались меры к распространению земледелия по возможности по всей территории Сибири и с этой целью предписывалось искать «пашенные места»: «и где пашенные места обтываются, и те места велено сметить, сколько на тех местах пашенных крестьян устроить можно».

Большое практическое значение придавалось опыту земледелия в таких местах, как, например, Якутия. Уже в 1640 г. ленскому воеводе предлагалось найти «пашенные места» на Лене. Стоило в 1646 г. пашенному крестьянину Оверкию Елизарьеву начать сеять хлеб у истоков Лены, как это вызвало интерес у властей и было указано провести исследование этого опыта: «Смерить десятину, против государева указу, колко у него десятин ржаного и ярового хлеба было посеяно: а смеря тот хлеб, досмотреть подтино, тот у него хлеб родился ль и будет родился, и морозом тот хлеб не побило ль, и будет побило, и сколько десятин морозом побило и сколько десятин целого, и из того морозом битого и пелого хлеба сколько будет сотниц, тому же учинить опыт же, сколько из морозом битого и из целого в умолоте в пудовую пропускную кадь пул будет».¹

Исследованиями советских ученых впервые установлено высокое значение земледелия в русском народном хозяйстве Сибири уже в первой половине XVII в., и тем самым опровергнут неправильный взгляд о том, что будто бы хозяйство русских сибиряков в XVII в. основывалось на хищническом соболином промысле.² Важную роль в развитии земледелия в посточной части Сибири сыграла «Илимская пашня», заведенная русскими около середины XVII в. по среднему течению Ангары, на Ильме, на Ленском волоке.

Вместе с земледелием росло и развивалось крестьянское скотоводство как важная и необходимая часть русского земледельческого хозяйства Сибири. Скотоводство это было стойловое, с обеспечением скота на зиму сеном. Поэтому сенокосные угодья привлекали внимание русских людей с момента вступления их в Сибирь, и превращение больших пространств Сибири в покосы является заслугой русских крестьян уже в XVII в.

Таким образом, земледелие уже с XVII в. становится основой хозяйства русских крестьян в Сибири. Это отнюдь не уменьшает значения охотничье-промышленного хозяйства по добыче цепной пушнины, высоко пенившейся в то время на мировом рынке и служившей главным предметом вывоза из Сибири.

Большая часть пушнины добывалась коренным населением Сибири, уплачивавшим ее в ясак и обменивавшим на различные русские изделия и на хлеб. Однако и русское население занималось промыслом пушного зверя и весьма подняло производительность добычи ценных зверей, особенно соболя, введя новую технику, в первую очередь ловушки (кулемы, пасти). Этую технику лова быстро заимствовало от русских и местное ясачное население, промышлявшее ранее преимущественно с луком.

Повышенный интерес и различные мероприятия московского правительства по максимально возможному получению цепной пушнины из Сибири общеизвестны. Но, как установили советские ученые, правительственные круги Русского государства XVII в. не ограничивались лишь мерами, направленными к максимальному извлечению пушнины из Си-

¹ Дополнения к «Актам историческим», т. II, стр. 263.

² В. Н. Шорстбоев. Илимская пашня, т. I. Иркутск, 1949. — В. Н. Сказов. Русские землепроходцы XVII века в Сибири. М., 1951.

бири; была проявлена и некоторая забота об охране запасов звери и охотничьих угодий от хищнического истребления.¹ Прежде всего московское правительство в указанный период занимало твердую позицию охраны прав на промысловые угодья ясачного населения, являвшегося основным поставщиком цепной пушнины. В царских грамотах содержатся указания и напоминания о том, что селиться следует только на пустых местах, не освоенных ясачным населением. Для разрешения поселиться на том или ином месте обычно требовалось подтвердить, «порожнее ли то место и не ясачных ли людей», да еще показаниями местных («тушоших») ясачных людей. В царских наказах обращалось внимание на то, что «многие пашенные крестьяне и на лес весною и летом пущают огонь... и лес выгорает, и зверь всякий от того огия бежит». Русские крестьяне довольно часто прибегали к выжиганию участков леса в целях расчистки его для пашни. Царские грамоты требовали решительной борьбы с этим и предписывали: «... а тем людем, которые у ясачных людей угодья пустошат, огонь по лесом пущают и лесы выжигают и зверь выганивают, сыскивая допряма, чинили бы есте за то воровство наказанье, велели их быть кнутом нещадно, чтоб иным неповадно было так вперед воровать, огонь по лесом пущать и ясачным людем в звериных промыслах чинить поруху».² Издавались указы, запрещающие русским промышленникам бить зверя в промысловых угодьях ясачных: «Где живут ясачные иноzemцы и промышляют ясаком, и по тем рекам торговым и промышленным людям ходить на промыслы не велеть, а промышленным людям ходить на промыслы в те места, чтоб ясачным людям от промыслу их тесноты и ясачного сбору недобору не было». Следовательно, московская администрация шла даже на ограничение охотничьего промысла русских людей; это говорит о том, что основным производителем пушнины в Сибири в XVII в. считалось ясачное население, а не русское.

Основное занятие русского крестьянства в Сибири (большинство которого было сосредоточено в западной части)³ — земледелие — дополнялось различными крестьянскими промыслами и ремеслами, также расширявшими и развивавшими хозяйственный быт сибирского населения XVII в.

Однако XVII век нужно считать лишь периодом первоначального освоения Сибири, которая попрежнему оставалась слабо населенной частью государства. Для этого периода характерно строительство городов и острогов (причем последние передко превращались также в города), а не крестьянских сел и деревень, ибо здесь даже земледелие обычно начиналось в городах и острогах.⁴ Облик сибирского города XVII в. имел специфические черты. Город представлял собой одновременно укрепленный пункт-крепость. Его окружали рвы и срубные стены с бойницами и башнями как глухими, так и проезжими. Под этими башнями часто жили холостые служилые люди — казаки. Семейные жили в посаде, окружавшем город-крепость. Внутри крепости: приказная изба, где было сосредоточено административное управление, воеводский двор, если город был под управлением воеводы, казенные амбары для хранения государственной казны, боеприпасов (порох, свинец и т. п.), таможенная и караульная избы (где содер-

¹ В. Н. Скалов. Русские землемероходцы XVII века в Сибири, стр. 93—99.

² Русская историческая библиотека, т. II, стр. 764—766.

³ Акты исторические, т. V, стр. 431.

⁴ См. об этом: Р. М. Клебо. Города Западной Сибири. М., 1949. — В. В. Попов. История Сибири. Заселение Сибири. Иркутск, 1951.

жали аманатов), черновы, гостиный двор с лавками и др. На вооружении служилых людей городского гарнизона была артиллерия (médные и чугунные пушки), ружья, пики, копья, бердыши, сабли и т. д. Жилые дома горожан строились за городскими стенами в посаде. Здесь жили торговые, промышленные служилые люди и ремесленники с семьями. Жили здесь и пашенные крестьяне, нахавшие «государеву пашню» и собственную, выезжая на свои земли. Многие из городских жителей (духовенство, служилые люди, ямщики и т. д.) также занимались земледелием и сенокосением, держали скот. Для пашни и покосов горожане получали землю сначала вблизи от города, а по мере роста населения все дальше и дальше от него. На этой земле устраивали земли, деревни, починки, становившиеся впоследствии центром многих населенных пунктов. В городах возникали и развивались ремесла (появлялись ремесленники: кожевники, кузнецы, мыльники и др.), росла торговля (хлебом, солью, скотом, сукнами, холстом, металлическими изделиями и т. д.). Города были не только административными и экономическими, но и культурными центрами. Здесь сосредоточивались и обрабатывались для Москвы разнообразные сведения по изучению природы и населения Сибири, находились ценные архивы, которые, к сожалению, часто гибли от постоянных в сибирских городах пожаров. Здесь составлялись чертежи и росписи, велись сибирские летописи, проводили свои опыты рудознатцы и т. д. Здесь появились и первые крупные сибирские ученые, такие, как Семен Ремезов — географ и историк, и др. Города эти, являясь очагом русской культуры, сыграли важную роль в ее распространении в Сибири.

Более интенсивное освоение Сибири протекало в последующие столетия, особенно после постройки Сибирской железной дороги. Однако до Великой Октябрьской социалистической революции оно было связано преимущественно с развитием сельского хозяйства. Заселение Сибири в XVIII и XIX столетиях не было равномерным. Переселение крестьян, стремившихся в Сибирь, в дореформенный период тормозилось крепостнической политикой царского правительства. Крепостники-помещики не хотели расставаться с даровой рабочей силой, па эксплуатации которой было основано их хозяйство. Они принимали жесткие меры к тому, чтобы зависимые от них крестьяне не могли сбежать в Сибирь. Побеги,

Старинная казачья башня. Город Туруханск

конечно, продолжались, но этих «вольных» переселенцев становилось все меньше и меньше.

В Сибирь бежали не только одиночки, но и большие группы крестьян-раскольников или старообрядцев, которые спасались от религиозных преследований. Значительная часть раскольников вышла из бывшей Нижегородской губернии, с р. Керженца, поэтому старообрядцы в Сибири получили название «кернаков». Часть кернаков проникла в Горный Алтай, «в камень», где получила наименование «каменщиков» или «бухтарминцев» (в бассейне р. Бухтармы). Резервом для заселения Сибири оставались еще государственные крестьяне, но резерв этот был невелик. Известное пополнение Сибири припливом элементом давала ссылка. В числе значительных групп ссыльных, отправленных в Сибирь в XVIII в., нужно упомянуть так называемых «поликов», так прозвали русских старообрядцев, которые в XVII и XVIII вв. бежали в Польшу. В течение XVIII в. их дважды при помощи военной силы выгнали из Польши, а в 1764 г. их отправили из Польши в Сибирь. В Сибири «полики» пошли частично в Горный Алтай и в большей степени в Забайкалье. В Забайкалье они стали известны под наименованием «семейских».

Для XVIII и начала XIX в. характерно не столько заселение Сибири новым припливом русским элементом, сколько перераспределение русского населения внутри Сибири, в частности в связи с освоением территории вверх по течению Иртыша в казахских степях, в Минусинской котловине и Горном Алтае. XVIII и первая половина XIX в. характерны, кроме продолжающегося освоения Сибири и развития сельского хозяйства, освоением горнорудных богатств, развитием местной горной промышленности в двух крупных центрах: на Алтае и в Восточном Забайкалье (Нерчинский горнопромышленный район). Алтайские горные заводы были основаны А. Н. Демидовым. Они выплавляли главным образом серебро, а также свинец и медь. В 1747 г. эти заводы были взяты специальным указом в ведомство кабинета его величества. В период наивысшего расцвета (1799—1806 гг.) добыча только одного серебра на этих заводах составляла до 20 т в год. При Сузунском меде- и сереброплавильном заводе (основанном в 1764 г.) имелся монетный двор, где чеканилась сибирская монета. В период создания и работы алтайских горнорудных заводов достигает большого развития в Сибири русская техническая мысль. Именно здесь совершаются выдающиеся технические изобретения, в отдельных случаях опередившие научно-техническую мысль западноевропейских государств (известные изобретения И. Ползунова, П. Фролова и др.).

В 1786 г. на Алтае была открыта Колыванская шлифовальная фабрика, выпускавшая прославленные высокохудожественные изделия из яшмы, порфира и других цветных камней. Уже в то время при обработке камня применялись машины и приспособления, изобретенные талантливыми русскими самоучками, имена которых еще почти неизвестны. В Нерчинском районе в XVIII в. действовало свыше десятка различных заводов, добывавших преимущественно серебро, а частично выплавлявших железо и чугун. Работа алтайских заводов была основана на даровом крепостном труде русских крестьян, которых целыми волостями приписывали к заводам. Мужское население, зачисленное в разряд горнорабочих, должно было работать с 7-летнего возраста до потери трудоспособности. От невыносимых условий труда и быта, царивших на этих царских заводах, приписанные крестьяне бежали, в частности, в дебри Алтайских гор, где образовывали целые селения («каменщиков»), местонахождение которых тщательно скрывалось от властей. К моменту реформы 1861 г. к алтайским заводам было привлечено около 150 тыс. ревизских душ мужского

Остатки Казымского городка

пола. Нерчинские заводы тоже входили в ведомство Кабинета и также были основаны на крепостном труде приписных крестьян. Но здесь широко применялся и труд ссыльных каторжан. В царствование Николая I и позднее в Нерчинские рудники стали ссыпать политических ссыльных. Сначала сюда попали декабристы, затем участники польского восстания 1830 г., позднее петрашевцы, И. Г. Чернышевский, затем «каракозовцы» и др.

В первой половине XIX в. приобретает большое экономическое значение добыча и вывоз золота из Сибири. Золотопромышленность получила значительное развитие.

Освоение горнорудных богатств Сибири в указанный период происходило в тяжелых условиях крепостнической царской России и было связано с концентрацией русского населения в ряде отдельных районов Сибири. Русский народ упорным трудом и настойчивостью открыл и разработал большие богатства, тающиеся в недрах Сибири, но ценная продукция этого труда, его результаты присваивались эксплуататорскими классами.

Развитие экономической жизни в Сибири следует рассматривать, разумеется, в тесной связи с устройством и освоением путей сообщения, особенно сухопутных.

Прокладывались новые тракты, вдоль которых создавались новые поселения. Главный тракт пересекал Сибирь с запада на восток, от Тюмени до Нерчинска, связав ее западную и восточную части. С этим трактом были соединены пути в южную Сибирь и отдельные участки Севера (например, Якутия). Для бесперебойного сообщения по трактам сюда переселяли государственных крестьян, имицков, по большей части населения в притрактовой зоне селилась добровольно, привлекаемая возможностью заработка. Оживленное грузовое и пассажирское движение

по тракту во все времена года днем и ночью требовало значительного количества населения для обслуживания тракта. Достаточно сказать, что под перевозку одних только товаров, шедших через Кяхту, в первой половине XIX в. было занято на участке протяженностью в 900 км до 35 тыс. лошадей. Уже в первой четверти XVIII в. по сибирским трактам числилось около 7 тыс. ямщиков, хотя в это время тракт еще не был в достаточной степени освоен. Общее количество населения, обслуживающего тракт, в это время достигает приблизительно 100 тыс. человек, подавляющая часть его была русской.

Интенсивно шло освоение Сибири и через развитие торговли. В XVIII в. торговля в Сибири сосредоточивается в руках торговых русских компаний, которых насчитывалось около 40.¹ Кроме развитой торговли с Китаем через Кяхту, большое экономическое значение имела знаменитая Ирбитская ярмарка, возникшая на р. Нице, в маленьком селении Ирбите, вблизи границы Сибири с европейской частью России, основанном еще в 1632 г. К середине XIX в. на Ирбитскую ярмарку привозилось товаров на сумму свыше 30 млн. руб. Отсюда сибирские товары (пушнина, овчины, сало, масло, кожевенное сырье и пр.) или на Нижегородскую ярмарку, в Москву, Петербург и другие города, а товары из-за Урала (выделанные кожи, текстильные изделия и др.) — в Сибирь. Таким образом, экономические связи Сибири с центральной частью государства зародились и окрепли еще в дореформенный период. В дальнейшем эти связи расширялись и развивались.

В связи с развитием капитализма в России в освоении Сибири наступил новый период. После реформы 1861 г. Сибирь, как и ряд других окраин России, становится большим аграрным придатком центральной части государства. Горнорудная промышленность Сибири, основанная на даровом труде закренощенных крестьян и занимавшая видное место в экономике Русского государства, после отмены крепостного труда стала быстро чахнуть и хиреть. Перевести всю эту промышленность на наемный труд ведомство царского Кабинета не могло, ввиду того что это сразу делало ее нерентабельной. Поэтому царский Кабинет пошел на ликвидацию горнорудной промышленности и стал изыскивать другие доходы, в частности от аренды огромного земельного фонда, которым он располагал. Русским капиталистам было достаточно просторно для деятельности в европейской части России, обладающей большими природными богатствами. Развитие сибирской промышленности из-за дальности расстояния и трудности сообщения, особенно до постройки Сибирской железной дороги, их не интересовало, за исключением разработки золотых приисков, которая велась довольно хищническим способом. Русские капиталисты были более заинтересованы в том, чтобы превратить Сибирь в рынок сбыта товаров.

О состоянии промышленности в Сибири в рассматриваемое время можно судить по следующим материалам. Согласно данным 1908 г., промышленные предприятия Сибири составляли лишь 2,5% по отношению к количеству предприятий европейской части России, а количество рабочих только 1% (свыше 20 тыс. рабочих). Это были мелкие предприятия с малым количеством рабочих, с отсталой техникой, рассчитанные главным образом на переработку сельскохозяйственного сырья (паровые мельницы, винокуренные и маслодельные заводы и т. п.). Более значительной по объему производства была старейшая для Сибири золотодобывающая промышленность, продукция которой к концу XIX в. составляла 75,1% всей

¹ С. В. Бахрушин. Исторический очерк заселения Сибири. Очерки по истории колонизации Севера и Сибири, вып. 2. Пгр. 1922, стр. 52.

Русские путники в Бирюсинской тайге. Бийск. Иркутская губ.

золотодобычи в России. Со средоточием она была в Иркутской (Ленские прииски), Амурской и Забайкальской областях, частично и на северном Алтае. Наиболее крупными по количеству занятых рабочих были Ленские прииски, где незадолго до войны 1914 г. работало 14,5 тыс. рабочих. После проведения Сибирской железной дороги возникла на базе Кузнецкого, Минусинского, Сучанского и некоторых других месторождений небольшая каменноугольная промышленность, которая обслуживала нужды дороги. Даже в 1913 г. 77% продукции этой промышленности шли на нужды железной дороги. Обе указанные отрасли сибирской промышленности характеризовались весьма отсталой техникой и крайне тяжелыми условиями труда и быта рабочих. Что касается металлургической промышленности, то ее, можно сказать, в Сибири не было. Сибирская промышленность, в которой значительное место занимало золото, по отношению к промышленности России составляла ничтожную долю — 1,3%. Такое положение с промышленностью обрекало Сибирь на аграрный путь развития, создавало зависимость ее от капиталистических центров европейской части России.

Для развития сельского хозяйства послереформенный период оказался более благоприятным. В Сибири довольно быстро развивается торговое земледелие. Развитие его находилось в тесной связи с развитием промышленности в европейской части, так как став рынком для сбыта промышленных изделий российской промышленности, Сибирь сделала ее поставщиком хлеба для промышленных районов центральной части государства. Развитие торгового земледелия было связано с притоком сюда новых больших контингентов крестьянства. Обилие свободных земель продолжало привлекать переселенцев из европейской части. Отмена крепостного права открыла путь русским крестьянам в Сибирь, хотя остатки крепостничества еще довольно долго тормозили возможность переселения. Нуждаясь в рабочей силе, помещики стремились помешать

шать переселению крестьян. Только после крестьянских волнений 1905 г., чтобы предотвратить опасность революционных выступлений, царское правительство стало содействовать переселению крестьян в Сибирь. В Сибирь переселилось в преобразованный период несколько миллионов крестьян. Переселенческий поток усилился особенно с открытием Сибирской железной дороги, но более всего после 1905 г. Главная часть переселившегося крестьянства осела на территории Западной и южной Сибири, где находился значительный фонд земель, в том числе и Кабинетских, пригодных для земледелия.

Теперь царское правительство не только не заботится об ограждении прав на земельные угодья местных сибирских племен и народностей, а, наоборот, стремится изъять от них как можно больше земель, под видом землеустройства. Изъятые таким путем земли, входившие в ведомство царского Кабинета, превращались последним в доходную статью путем сдачи в аренду переселенцам. Кабинет имел в Сибири 47 млн десятин.

В результате переселения в Сибирь большого количества русских крестьян из различных внутренних губерний России в послереформенное время Сибирь стала одним из ведущих центров русского торгового земледелия и товарного животноводства, что тесно связывало ее не только с общероссийским, но и с международным рынками. Русские крестьяне ежегодно засевали в Сибири миллионы десятин различными зерновыми, среди которых преобладала пшеница. Из сотен миллионов пудов хлеба, которые страна получала из Сибири, десятки миллионов пудов шли на экспорт. На основе русского крестьянского животноводства в Сибири выросло маслоделие, продукция которого исчислялась миллионами пудов высококачественного масла. Еще до проведения железной дороги из Сибири ежегодно вывозилось до 500 тыс. пудов (1894 г.) топленого масла. С проишествием сенатората (1894 г.) и открытием железнодорожного сообщения производство и вывоз масла резко возросли. В 1896 г. в Сибири было всего лишь 16 частных и 4 кооперативных маслодельных завода. Большую часть масла крестьяне делали домашним способом и перетапливали. К 1900 г. действовало уже более 1000 заводов (из них лишь 30 были кооперативными), а в 1913 г. их насчитывалось свыше 4 тыс., из которых частных было 2185 и кооперативных 1917 заводов. С переходом на заводский способ стало вырабатываться сливочное масло. Несмотря на то, что заводы эти были мелкие, плохо оборудованные, помещавшиеся, как правило, в кое-как приспособленных крестьянских постройках, существовавшие па ручном труде, масло, вырабатываемое на них, было высокого качества и шло главным образом на экспорт. На ручной силе работало 84% маслодельных заводов. Лишь 6 заводов работало на паровой силе, 4 завода — на водяной и около 200 заводов — па конской. К 1913 г. Сибирь давала на экспорт свыше 4.5 млн пудов масла в год, перегнав в размерах экспорта Австралию и Голландию и приблизившись в этом отношении к Дании. Крестьянское маслоделие находилось целиком в руках капиталистов, несмотря на то, что в Сибири в начале XX в. получила широкое распространение маслодельная кооперация. Объединение многочисленных сибирских маслодельных артелей, в которых главную роль играли местные кулаки, оказалось в зависимости от иностранного, в частности датского, капитала, который принял участие в финансировании буржуазного Сибирского союза маслодельных артелей и получал большую часть доходов от сбыта масла. Западная и средняя Сибирь были покрыты сетью агентств и складов иностранных торговых фирм, расположенных вдоль линии железной дороги и водных путей. Эти фирмы до создания

Старательские работы. Сибиряковский прииск бывш. Якутской обл.

Союза Сибирских Маслодельных артелей 1907 г. являлись монополистами по закупке масла. Среди них наиболее крупными были датские фирмы: «Сибирская Компания», «Лунд и Петерсон», «Датское экспортное товарищество» и др. Иностранные фирмы не только скупали дешево сибирское масло, но и торговали сепараторами, сельскохозяйственными машинами и др.

Трудовое русское крестьянство сумело в сравнительно короткое время добиться больших успехов в развитии сельского хозяйства Сибири, несмотря на неблагоприятные условия, порождаемые политикой правительства царской России. Массовые переселения русских крестьян в эпоху развития капитализма в России сыграли прогрессивную роль в экономическом освоении Сибири, хотя самим переселенцам зачастую приходилось жить в тяжелых условиях. Сибирь была втянута в капиталистическое развитие страны. Политика царизма, продиктованная интересами русских помещиков и капиталистов, разумеется, тормозила развитие Сибири. Политика эта была направлена к искусственно задержанию развития производительных сил Сибири, препятствовала развитию местной промышленности. Сибири отводилась роль потребителя промышленных изделий и поставщика сельскохозяйственной продукции. Но и в этом отношении российские помещики и капиталисты — экспортёры хлеба проводили политику, задерживающую рост земледелия. Они, например, стремились не допустить на внутренний общероссийский и внешний рынок дешевый сибирский хлеб. Они заставили царское правительство ввести для провоза сибирского хлеба особый тариф, получивший в литературе название «челябинского перелома», который весьма повышал стоимость вывозимого хлеба и, конечно, тормозил этот вывоз, а также ухудшал положение крестьян-земледельцев, ибо торговцы снижали покупные

цены на хлеб, стремясь переложить на крестьянские плечи тяжесть пресловутого челябинского тарифа. Однако и в этих условиях невозможно отрицать известный прогресс в экономике, культуре и быте русского населения Сибири в рассматриваемый период. Появилась крупнейшая железнодорожная магистраль, было наложено регулярное пароходное сообщение по рекам, что прямым образом повлияло на развитие товарного земледелия и животноводства. Появилась и небольшая местная промышленность, главным образом по первичной обработке сельскохозяйственной продукции (мукомольная, маслодельная, винокурочная). Наблюдается рост городов, появляется большое количество новых сельских населенных пунктов, увеличивается количество населения в старых. Прилив нескольких миллионов русского крестьянства усилил плотность населения Сибири, но еще долгое время она остается мало заселенной.

Улучшилась техника сельского хозяйства, стали широко распространяться сельскохозяйственные машины. За последние двадцать лет перед Великой Октябрьской социалистической революцией Сибирь ввела на 150 млн руб. сельскохозяйственных машин,¹ став важнейшим рынком сбыта не только для отечественного, но в большей степени иностранного капитала. Ряд исследователей отметил, что русские крестьяне-переселенцы послереформенного периода весьма улучшили технику обработки земли и уборки урожая; улучшили сорта семян, ввели посевы гречихи, проса, подсолнечника, бобовых, а кое-где и садоводство и бахчеводство. Стало применяться удобрение земли навозом, соха заменилась плугом, появились новые, улучшенные породы скота. Переселенцы же принесли в Сибирь пасечное养蜂业, маслобойное дело, различные ремесла (кожевенное, шорное, пубное, деревообделочное и т. д.).²

Огромное прогрессивное значение для исторической судьбы русского и местного населения имело появление рабочего класса в Сибири. Как ни слабо была развита промышленность, как ни распылены были кадры рабочих по мелким предприятиям, разбросанным по обширнейшей территории, общее количество рабочих в Сибири после проведения железной дороги исчислялось уже многими десятками тысяч. Не вдаваясь в историю формирования рабочего класса в Сибири и не ставя задачи дать его хотя бы краткую характеристику, подчеркнем, что наиболее сознательную и передовую часть рабочих кадров представляли собой железнодорожные рабочие. Эта часть сибирских рабочих была связана своим происхождением с различными крупными пролетарскими центрами России, откуда рабочие, преимущественно металлисты, переселились в Сибирь в связи с постройкой и обслуживанием железной дороги. Железнодорожные рабочие имели опыт революционной экономической и политической борьбы с царизмом, отличались сплоченностью и организованностью, тесно связывали свои интересы с интересами и задачами рабочего движения всего русского пролетариата. Вот почему именно они в условиях Сибири сыграли основную роль в деле возникновения и развития революционного рабочего движения. В их среде прежде всего нашли отклик и поддержку передовые общественные идеи нашего времени. Политическое руководство революционным движением в Сибири осуществлялось большевистскими организациями. В. И. Ленин лично принимал участие в организации политической борьбы рабочих Сибири с царизмом. В сибирских большевистских организациях работали такие выдающиеся деятели Коммунистической партии, как С. М. Киров, В. В. Куiblyшев, И. В. Сталин и др. Связаны были с большевистским подпольем Сибири Я. М. Свердлов, Ф. Э. Дзержинский

¹ Азиатская Россия, т. II, стр. 406—407.

² См. об этом: В. В. Покшинский. Заселение Сибири, стр. 193—194.

и др. В силу большого политического влияния на рабочих со стороны местных комитетов социал-демократической партии большевиков, а также политической активности сибирских железнодорожных рабочих революционное движение в Сибири в период первой русской революции (1905—1907 гг.) местами вылилось в вооруженное восстание с захватом власти и созданием советов рабочих и солдатских депутатов (Красноярск, Чита). Так возникла известная «Красноярская республика», просуществовавшая до начала 1906 г. Но не только железнодорожные рабочие Сибири внесли ценный вклад в общерусское революционное движение. В нем принимали участие и рабочие сибирских приисков. В 1912 г. рабочие Ленских золотых приисков объявили забастовку, которую возглавила одна из сибирских большевистских партийных групп. Рабочими под руководством большевиков была разработана и предъявлена администрации целая программа требований экономического и политического характера. Ответом на них со стороны капиталистов — владельцев акционерного общества Ленских приисков и царских властей — был массовый расстрел рабочих этих приисков. Несмотря на зверскую кровавую расправу с бастовавшими, смелое выступление этой группы русских рабочих Сибири сыграло большую роль в общем развитии революционного движения рабочего класса в России. «Ленский расстрел, — писал В. И. Ленин, — явился поводом к переходу революционного настроения масс в революционный подъем масс».¹

Славные революционные выступления сибирских рабочих, воспитанных на идеях и программе Коммунистической партии, были продолжены и позднее. Они способствовали победе Великой Октябрьской социалистической революции и помогли установить, отстоять и укрепить советскую власть на территории Сибири.

БЫТ РУССКИХ КРЕСТЬЯН В СИБИРИ

Подавляющее большинство русского населения Сибири составляло крестьянство, жившее в сельских местностях; городского населения, по данным 1897 г., насчитывалось менее 10%.

Занятия

Преобладающим занятием русских крестьян было земледелие. Быт русского крестьянства имел в Сибири некоторые специфические черты. В нем сказывалось, конечно, и влияние классового различия в крестьянской среде, характерного для послереформенного периода. В дореформенный период крестьянство в Сибири было сравнительно однородным. Несмотря на то, что большая часть сибирского русского крестьянства (за исключением крестьян, принесенных к казенным заводам) не знала крепостного права, она подвергалась эксплуатации и угнетению со стороны правящих классов в других формах: различные натуральные и денежные подати, повинности и т. д. Крестьяне подвергались также и торговово-ростовщической эксплуатации. С развитием капиталистических отношений в сельском хозяйстве Сибири сибирское крестьянство кулаифференцировалось. Из его среды выделилось, с одной стороны, кулачество, с другой — сельскохозяйственный пролетариат, батрачество. Кулацкая часть крестьянства вела торговое земледелие и скотоводство при помощи наемного батрацкого труда, нередко держала в своих руках ямщину, всю сельскую торговлю, скучая сельскохозяйственную продукцию и продукцию промыслов: пушину, рыбу, орех и т. д. Так, например, сильная кулацкая прослойка из есильных скопцов в селениях Якутской области являлась крупным скупщиком хлеба, который доставлялся

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 86.

на якутский рынок. Среди этих кулаков были владельцы больших мельниц, в крупных хозяйствах которых использовался труд батраков якутов, эвенков и русских. Большую часть сибирского старожильческого крестьянства составили середняки. Процесс капиталистического расслоения сибирской деревни в свое время привлек внимание В. И. Ленина при написании им знаменитого исследования «Развитие капитализма в России». В. И. Ленин обратил внимание на специфику капиталистического развития в сибирской деревне, отличавшую этот процесс от аналогичного процесса в европейской части России. В. И. Ленин установил, что отношения аренды и сдачи земли, возникшие в процессе развития капиталистических отношений в русской деревне и приводившие к концентрации земельной собственности у кулацкой верхушки, для сибирской деревни не были характерны. «Дело в том, — указывал В. И. Ленин, — что в Сибири нет именно тех условий, которые создали это правило, нет обязательного и „уравнительного“ надела, нет сложившейся частной собственности на землю. Зажиточный крестьянин не покупает и не арендует земли, а захватывает ее (так было, по крайней мере, до сих пор); сдача-аренда земли носит скорее характер соседских обменов, и потому групповые давные об аренде и сдаче не показывают никакой законосообразности».¹ В сибирских условиях не было и того малоземелья, которое являлось бичом для трудящегося крестьянства в европейской части России. В Сибири, напротив, было много земли, но земля эта была целинная, и обработать ее было не так-то просто. Для этого нужно было иметь достаточно тягловой силы и земледельческих орудий. Поэтому данные о капиталистическом расслоении сибирской деревни наиболее ярко выступали в зависимости от обеспечения крестьяншина рабочими лошадьми.

В. И. Ленин приводит следующие данные о классовом расслоении сибирской деревни (по 4 округам б. Енисейской губернии): «У 39.4% дворов низших групп (безлошадных, с 1 и 2 лошадьми), при 24% населения, лишь 6.2% всей запашки и 7.1% всего скота, тогда как у 36.4% дворов с 5 и более лошадьми, при 51.2% населения, — 73% запашки и 74.5% всего скота. Последние группы (5—9, 10 и более лошадей) при 15—36 дес. запашки на 1 двор, прибегают в широких размерах к наемному труду (30—70% хозяйств с наемными рабочими), тогда как три низшие группы, при 0—0.2—3—5 дес. запашки на 1 двор, отпускают рабочих (20—35—59% хозяйств).² Здесь ясно выступает, с одной стороны, прямая связь размера запашки с обеспеченностью хозяйства рабочими лошадьми, а с другой стороны, возможность обеспечения хозяйства применять наемный труд. Чем зажиточнее было хозяйство, чем больше у него было лошадей, а в связи с этим и размеры запашки, тем более оно прибегало к использованию наемного труда малообеспеченных крестьян. Следует отметить, что большие резервы рабочей силы для развития зажиточного и кулацкого хозяйства Сибири представляли собой крестьяне-переселенцы из европейской части России. По этому поводу В. И. Ленин заметил: «Весьма интересно наблюдать, что отношения зажиточного сибиряка к поселенцу (а в этих отношениях вряд ли бы и самый яркий народник решился искать пресловутой общности!) — в сущности совершенно тождественны с отношениями наших зажиточных общинников к их безлошадным и однолошадным „собратам“».³ Усиление переселенческого движения в Сибири в 1880-х годах обострило капиталистическое расслоение крестьянства. В. И. Ленин писал: «Известно, что переселяются

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 97.

² Там же, стр. 96.

³ Там же.

главным образом крестьяне из губерний земледельческих (из промышленных эмиграции совершили ничтожна) и притом именно из густонаселенных центральных губерний, в которых всего более развиты отработки (задерживающие разложение крестьянства). Это во 1-х. А во 2-х, из районов выселения идет главным образом крестьянство *среднего достатка*, а на родине остаются главным образом крайние группы крестьянства. Таким образом переселения усиливают разложение крестьянства на местах выхода и переносят элементы разложения на места вселения (батрачество новоселов в Сибири в первый период их новой жизни).¹

Условия жизни крестьянского населения Сибири, как уже было отмечено, значительно отличались от жизни русских крестьян центральной части России. В Сибири все-таки не проявился с такой силой гнет крепостного права, а в пореформенный период феодально-крепостнические пережитки не были так сильны, как в центральных губерниях. Община здесь не ограничивала деятельность своих членов, не было, особенно первоначально, и того малоземелья и тесноты, как в центре. Способ ведения хозяйства в Сибири также значительно отличался от хозяйствования в центральных губерниях, где до середины XIX в. господствовало трехполье, а со второй половины XIX и до начала XX в. совершался переход к многополью. В Сибири, при больших земельных просторах, применялась залежная система. Земли земщиками (крестьянской семьи — двора) обрабатывались лишь в незначительной части, остальное находилось в залежи. После нескольких сборов урожая землю оставляли в залежи сроком до 15 лет.

В конце XIX—начале XX в. с увеличением населения и сокращением свободных земельных площадей преобладающим стало залежно-паровое хозяйство (сроки залежи все более сокращались и доходили до 1 года). Это пестрополье, характерное для Сибири, являлось переходом к трехполью. Соотношение залежи и пара было очень разнообразно. В южной плодородной части Сибири почву восстанавливали залежью, к северу повышалось значение пара. В лесных местностях применялась также подсечная система (выжигание леса под пашню с периодическим запусканием ее под лес). Тенденция перехода к двуполью и трехполью, особенно на старых пашнях, выражена была повсеместно. Процесс вытеснения залежно-парового хозяйства чисто паровым безнавозным или с навозным удобрением более сильно проявился в направлении с запада на восток. В Восточной Сибири преобладало двуполье и трехполье, причем двуполье здесь mestami (на Илиме) господствовало уже в XVII в.

Все чаще крестьяне-сибиряки прибегали к удобрению почвы навозом. Устойчивости в севооборотах не было, что, возможно, в значительной степени определялось сильным развитием заимочного землепользования, ибо заимщик-земледелец мало зависел от других односельчан, расположаясь в хозяйстве по своему усмотрению.

Основными культурами были: пшеница (озимая и яровая), рожь озимая и ярица, овес, ячмень; сеяли также просо, гречиху, горох и др. Развитие посевов пшеницы за счет сокращения ржи отмечалось еще на ранних этапах развития русского земледелия в Сибири (особенно в Западной). В бывших Тобольской и Томской губерниях к началу XX в. пшеница составляла 50% всех посевов зерновых.² В Восточной Сибири, при систематическом росте посевов пшеницы, преобладающей культурой все же была рожь. В более северных районах земледелия большое зна-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 149—150.

² П. М. Головачев. Сибирь. М., без года, стр. 71.

Пахота односошной сохой пермяцкой. Бывш. Иркутская губ.

чение имел ячмень. Из технических культур сеяли копоплю, меньше лен, которые шли преимущественно для удовлетворения собственных потребностей; лишь местами копоплю сеяли для продажи. Известно было в Сибири (Минусинский край) разведение свекловицы. Возделывание этой культуры возникло не без влияния переселенцев из южных русских губерний и украинцев.

Принесенные с севера или центральных губерний России пахотные орудия в Сибири быстро уступали место орудиям, более приспособленным к местным почвам. Обычная великорусская двухлемешная соха, называемая в Сибири рогамол, роголюха или рукодашка, косуля и деревянная борона вытесняются другими орудиями: тяжелыми самодельными деревянными плугами, колесухой, бороной с железными зубьями. Колесуха, или колесянка — переходный тип орудия от сохи к плугу с одним лемехом, с передком, поставленным на колеса. Употреблялись сохи с одним сошником, называемые сабаном. Распространен был в Сибири и настоящий сабан — деревянный плуг, называемый обычно пермяцкой, сходный с урало-новолжским типом плуга-сабана. Уже в XIX в. у зажиточных крестьян появляются фабричные железные плуги. В начале XX в. они распространяются все более, особенно в хлебородных местах Сибири. В соху, косулю впрягали от 2 до 4 лошадей, в тяжелый плуг — от 5 до 8, в зависимости от почвы. Основным рабочим животным являлась лошадь; лишь местами впряжен волов, по украинскому обычаю. Русская запряжка с дугой и оглоблями или в гужи — основной вид запряжки в Сибири, но изредка применялась и украинская упряжка при помощи ярма и дышла. Уборка урожая — жатва хлебов — производилась преимущественно серпом; некоторые культуры (овес, ячмень) обычно косили косою (к которой прикрепляли деревянный «гребень»). Сжатый хлеб складывали для просушки в суслоны по 10 и более снопов. В литературе имеются упоминания о кладке снопов в крестцы.¹ Из суслонон через две-три недели снопы складывали в клади — скирды, откуда их перевозили к гумну.

¹ Сведения о Сибири. СПб., 1897, стр. 170. Способ кладки суслонаами распространен на северо-востоке европейской России, крестцами — преимущественно южнее Москвы.

Клуния — открытый ток для молотьбы хлеба. Бухтармицы

Молотили цепом и лошадьми, местами молотягой — деревянным валом с вколооченными в него деревянными зубьями (лошадь впряженная при помощи оглобель), либо молотилкой с одноконным или двуконным приводом. Веяли лопатой.

Во второй половине XIX в. у наиболее богатых крестьян появились машины: веялки, молотилки, жатки, косилки, которые стали распространяться особенно после постройки железной дороги. Владельцы машин за плату давали пользоваться ими более бедным односельчанам. Молотьба, веяние производились на гумне, обнесенным изгородью, иногда это был павес, так называемая «клуния». Снопы предварительно подсушивали в овине. С введением машин молотили зерно большей частью без подсушки. На Дальнем Востоке зерно подсушивали в русских печах уже обмолоченным.

Хлебосушильни в Сибири представляли обычные русские срубные овины с печью — каменкой; есть указания, что такие овины были ямными (Иркутская губерния). Располагался оvin у гумпа. Были и риги. Существовали и такие виды хлебосушилок, как шиши — конические постройки из жердей, расположавшиеся над ямой, где разводили костер. Этими простейшими хлебосушильнями, наиболее дешевыми, пользовались беднейшие крестьяне.¹ При ночной молотьбе для освещения ставили очаги — небольшие деревянные срубы, набитые землей, на которой жгли дрова или смолу.

В Сибири получило развитие мукомольное дело. Для размола зерна повсюду имелись мельницы (ветряные, водяные). Во второй половине XIX в. появляются паровые вальцевые мельницы, принадлежавшие сельским кулакам, крупным промышленникам. Для обдирания крупы существовали толченки. В небольшом количестве крупу драли дома, при помощь-

¹ Сведения о Сибири, стр. 133. Шиши известны в Новолжье и, видимо, оттуда были перенесены в Сибирь переселенцами — русскими или марийцами, чuvашами, татарами.

Водичая мельница. Бывш. Енисейская губ., Минусинский уезд

ступы и шеста. Ручной жернов для размола муки употреблялся редко лишь для мелких домашних нужд.

Огородничество составляло особую отрасль земледелия. В огородах разводили огурцы, морковь, лук, редьку, репу, свеклу, капусту и брюкву («калагу»). Картофель распространяется в Сибири с 1840-х годов. Первоначально его сажали в огородах, позже, особенно под влиянием новоселов, его начинают сажать и в поле. До настоящего времени в Сибири помнят старинное название картофеля «яблочко», «яблочка». Для выращивания огурцов и других овощей применялись парники. На Крайнем Севере кое-где также выращивали картофель, репу, лук. Со второй половины XIX в., особенно под влиянием переселенцев из южных губерний России и украинцев, развивается бахчеводство — выращивались дыни, арбузы (в южных областях Западной Сибири, в Минусинском крае, южных областях Дальнего Востока). На огородах разводили табак (махорку, бакун) для собственного потребления и лишь местами — на продажу. Значительные посевы табака были в южных уездах Енисейской губернии и на западе Сибири (здесь русские казачки прославились как хорошие табаководки).¹

Огородничество и бахчеводство имели повсеместно подсобное значение в хозяйстве и промысловое вблизи городов, промышленных центров, золотопромышленных районов. Так, например, около городов Омска и Петропавловска (Западная Сибирь) были целые селения, занимавшиеся только огородничеством, бахчеводством и табаководством. Арбузы и дыни, а также табак вывозились далеко за пределы Западной Сибири. Пригородные селения Якутской области доставляли на рынок Якутска, помимо шпеницы, также овощи, арбузы и другие продукты бахчевого хозяйства.²

Садоводство было развито в южных уездах б. Тобольской губернии (яблони, вишни). Опыты садоводства производились в Минусинском крае

¹ Сведения о Сибири, стр. 155.

² И. И. Майнов. Русские крестьяне и оседание инородца Якутской области. СПб., 1912, стр. 326.

(китайские яблочки, груши), под Красноярском. На Дальнем Востоке имелись попытки выращивания вишни и других садовых культур. Лучше всего удавалось разведение садовых ягодных растений: малины, смородины, крыжовника, клубники, земляники. Садоводством, как и бахчеводством, занимались большей частью новоселы.

Животноводство у земледельцев Сибири составляло необходимую, важную, но подсобную отрасль хозяйства; лишь в районах, где земледелие было ограничено климатическими условиями, животноводство имело недущее значение в хозяйственной жизни. Техника и способы скотоводства были экстенсивными. Уход за скотом был поставлен гораздо хуже, чем в центральных губерниях. Количество рабочего и молочного скота было неодинаковым у различных групп в деревне. Разница в обеспеченности скотом наблюдалась и среди старожилов, но особенно резко она проявлялась между старожильским зажиточным крестьянством и новоселами. В селениях всегда были безлошадные и бескоровные хозяйства, большей частью у новоселов, которые иногда составляли 25% всех хозяйств.¹ Были селения, в которых вовсе не было рогатого скота, а иногда и лошадей и большинство жителей батрачили в больших старожильских хозяйствах.²

Коневодство издавна было развито в Сибири. Лошадь являлась основной тягловой силой в сельском хозяйстве и имела большое транспортное значение.

Волы, как указано выше, употреблялись сравнительно редко. В некоторых местах (в Забайкалье) с конца XIX в. начинают использовать в качестве рабочей силы верблюда.³

Русское коневодство сыграло значительную роль в деле улучшения местных пород лошадей. Путем организации коннозаводского дела, метизации с привезенными из европейской части животными (битюга, рысака и др.) создавались улучшенные местные породы. Заслуженной славой пользуется «томская» сильная рабочая лошадь; в ряде других мест Западной и Восточной Сибири разводили улучшенные породы транспортных лошадей. Хорошими качествами обладали разнообразные местные породы степных, верховых лошадей: «мишусинка», «алтайка», в наиболее южных районах Сибири — «мошколка», на западе — «киргизская», на востоке — «забайкальская» (отличавшаяся быстроходностью). На Оби была создана особая разновидность «мишусинки» — «варымка», хотя и более мелкая, но не уступающая по силе и выносливости «мишусинке». Все эти породы отличались выносливостью, приспособленностью к природным условиям Сибири.

Сибирские коровы известны большой выносливостью и неприхотливостью, но в большинстве своем были малопродуктивны. Местные породы коров, например «маньчжурская», на Дальнем Востоке использовалась маньчжурами только на мясо, и лишь русские крестьяне стали доить их. Многие малопродуктивные местные породы скота были улучшены скрещиванием с различными ввозными породами: ярославской, холмогорской, голландской, симментальской и др. Хорошие результаты давала метизация местных пород с украинским скотом, привезенным переселенцами из Полтавской и Харьковской губерний.

Молочное направление животноводства развивалось особенно на западе Сибири, на востоке же преобладало мясное направление. Маслоделие на западе Сибири находилось в руках частных предпринимателей,

¹ Материалы для изучения быта переселенцев, водворенных в Тобольской губернии за 15 лет (с конца 70-х годов по 1893 г.), т. 1. М., 1895, стр. 218, 222.

² Там же, стр. 390.

³ Сведения о Сибири, стр. 175.

применявших технические усовершенствования для приготовления масла — сепаратор и др., и имело товарное значение. В крестьянских хозяйствах масло сбивали преимущественно при помощи самодельных деревянных маслобоек.

Разведение мелкого рогатого скота везде составляло второстепенную отрасль животноводства. Лишь в немногих степных местах овцеводство приобретает большее значение, чем разведение крупного рогатого скота. Разводили главным образом овец монгольской, киргизской и русской пород. Последняя по качеству шерсти значительно превышала местные породы, и поэтому буряты — древние скотоводы — улучшали продуктивность своих овец путем скрещивания монгольской породы с русской.

Зимой скот содержался в стойлах: теплые хлевы устраивались обычно только для овец и телят. С апреля (с Егорьева дня) и до октября (до снега) скот выпускался на подножный корм. Из 7 месяцев пастбищного кормления 2—2 $\frac{1}{2}$ месяца пастбищами служили утуги, луга, пары, после уборки хлеба — жниво. Остальное же время скот пасся на выгоне — поскотине, менее богатой кормом.

Улучшали пастбища сибирские крестьяне тем, что удобрили луга навозом; это практиковалось и бурятами. Удобренные луга назывались утугами. В Забайкалье русскими и бурятами применялось также орошение лугов. Оросительная система, использовавшаяся для орошения покосов и пашни, существовала и на Алтае.

Сенокошение как промысловое занятие имело значение лишь в селениях у больших трактов. Сено косили косой-литовкой. Косу-горбушу в конце XIX—начале XX в. употребляли сравнительно мало, лишь в неудобных местах (лесах, болотах). Наиболее зажиточные крестьяне применяли косилки. Сено сушили, сгребали граблями, метали в длинные стога — зароды, которые перевозили большей частью уже по зимнему пути, складывая в сарай — сенник. С конца XIX—начала XX в. рождается травосеяние, особенно в районе развития молочного животноводства и маслоделия.

Особенностью сибирского животноводства является широкое распространение пастбищ без пастуха. В некоторых местах лошади паслись табунами, круглый год находясь на подножном корму (зимой раскапывая его из-под снега). Это косячное или табунное содержание лошадей обходилось большей частью без присмотра; так же содержались коровы и овцы на поскотине.

Чтобы уберечь посевы от потравы, крестьянам приходилось ставить деревянные изгороди из жердей (поскотины) иногда на десятки километров. Обычно огораживали селение с прилегающими к нему местами выгона. Въезд и выезд в селение шел через ворота поскотины, которые каждый проезжающий был обязан закрывать за собой. Иногда ворота поскотины устраивались так, что при проезде через них они закрывались автоматически. Городьба поскотины проводилась по раскладке между жителями селения. Протяженность звена изгороди, которое должен был загородить отдельный хозяин, измерялась в саженях, количество последних обычно определялось количеством голов скота, имеющихся у отдельного хозяина. Существовали и уравнительные виды раскладки городьбы, например на каждое хозяйство, независимо от количества имеющегося у него скота, исчислялись подушные; за них особенно ратовали богачи. Пастуха паникли только на осень для пастбища на пашне или на время отгона. Отгонный скот — овцы, нерабочие лошади, быки — угонялись каждое лето с пастухами; хозяева плавелись к скоту лишь несколько раз в лето. Существовал и обычный для России наем пастуха на весь сезон с ежедневной пастбой скота в поле. Пастуху платили все хозяева в зависимости от количества скота.

ства скота; кормили пастуха по очереди, иногда давали прирядок — слюги, рубаху, шубу (которые по окончании пастбища отбирались).

Правовое положение пастуха значительно отличалось от положения пастуха в центральных губерниях, где ответственность пастуха за скот была гораздо больше. По обычному праву в Сибири пастух не отвечал за животных, зарезанных хищником, а также за потраву кладей хлеба, полом городьбы посвятиши и пр.: за это отвечал хозяин, плохо огородивший хлеб или свое зево в ограде посвятиши.

Свиноводство до прихода русских не было известно многим народам, хотя основным занятием их и было скотоводство (буряты, якуты, алтайцы). Разводили свиней лишь некоторые группы населения на Амуре (чанайцы и др.), заимствовав свиноводство у китайцев. Наибольшее развитие свиноводство получило в XIX—начале XX в. в Тобольской (Курганский уезд) и Томской (Бийский уезд) губерниях. Продукцию свиноводства вывозили в европейскую часть России. Содержались свиньи в крестьянском хозяйстве на усадьбе: для них строили небольшие теплые хлевы — «катушки».

Разводили в Сибири и домашнюю птицу — кур, гусей, уток, иногда индеек. Большую роль в развитии этой отрасли хозяйства сыграли новоселы (менее обеспеченные, чем старожилы), уделявшие ей много забот и внимания. Повидимому, домашнее птицеводство до прихода русских не было известно в Сибири.

У русских сибиряков получили развитие и такие отрасли животноводства, которые не типичны или вовсе не известны в европейской части России. Главные из них — собаководство и мараловодство. Собаководство имело большое значение у русских, занимающихся преимущественно рыболовством (устье Индигирки, Колыма, Анадырь, Камчатка, Охотское побережье и др.). У русско-устыницев собаку называли даже «скотиной».

В условиях Крайнего Севера собака являлась часто единственным домашним и упряженным животным. Распространены были разнообразные виды сибирских лаек. Количество собак в каждом хозяйстве зависело от его зажиточности. Средней нормой считалась упряжка из 12 собак. В хозяйстве имелось от 1 до 2—3 упряжек. Основной корм собак состоял из вяленой и сущеной рыбы. В таежных районах собака являлась верным помощником охотника в промысле.

Содержание и разведение марала (вид благородного олена *Cervus Canadensis*) зародилось в начале XIX в. среди русских на юном Алтае. В дальнейшем оно распространялось в Западных Саянах, в Усинском крае (Тыва), Забайкалье. Основной целью разведения маралов являлась добыча пантов — рогов марала, сбывавшихся в Китай, где они употреблялись в медицине и особенно ценились. Кроме пантов, составлявших экспортный товар, в хозяйстве использовались маральи кожи (выделявали замшу, шедшую на пошивку одежды). Мясо марала шло в пищу; из сала приготавливали свечи, кроме того, употребляли сало как лечебное средство — от парывов; из костного мозга приготавливали мазь для смазывания ружейных замков и т. д.

В начале XIX в. панты дикого марала повсюду добывали охотой. Ловля диких маралов производилась имами и гоньбой марала по насту. Пытаясь приручить маралов, русские сибиряки добились того, что марал превратился в полудомашнее животное, размножавшееся в неволе. Их содержали в «садах» — маральнниках (на Алтае) и при дворах — в «клетях» (в Саянах). Маральнники представляли обширные (от 1,5 до 120 га) огороженные участки. Крупные маральнники нередко принадлежали купцам, иногда нескольким хозяевам. При содержании в дворах каждого марала приходилась меньшая площадь, и маралов приходи-

Маралы в маральнике. Бывш. Енисейская губ., Минусинский уезд

лось больше подкармливать, чем в маральниках. Такое содержание более приближалось к стойловому. В дворах содержали главным образом самцов, количество которых пополнялось пойманными живьем дикими маралами. Летом производили съемку рогов марала в специальных крытых помещениях — съемниках, затем производили варку и сушку пантов. Сбывали панты скунщикам.

Народы Сибири до появления русских знали бортничество, пользовались медом диких пчел, но не имели пасек. Возникновение пасечного пчеловодства на Алтае относится к XVIII в. Возникло оно в Устькаменогорском уезде у так называемых «поляков» — группы русских старообрядцев.

Уже в середине XIX в. пчеловодство занимало одно из видных мест в хозяйстве кержаков. В наиболее богатых кулацких хозяйствах насчитывалось до 1000 и больше ульев. Крупнейшим центром пчеловодства был южный Алтай, особенно Бухтарминский край.

Ульи первоначально состояли из колод-долбинок, выдолбленных из ствола дерева, или дуплянок, сделанных из дуплистых деревьев. Со второй половины XIX в. появляются рамочные ульи. Однако в районах наиболее развитого пасечного пчеловодства (Алтае, Минусинском крае, Енисейской губернии и др.) ульи-колоды — лежаки и стояки — составляли значительную часть пасеки. Мед и воск продавали на рынках или сбывали местным скунщикам и приезжим кувшам. Бухтарминский горный мед славился превосходными качествами и отправлялся на Ирбитскую, Нижегородскую ярмарки и в другие места.

Освоение Сибири и проникновение туда земледельческих навыков и техники русского народа сыграли большую прогрессивную роль в развитии местных сибирских народов. Русские крестьяне оказали влияние на развитие земледелия у многих народов Сибири. Так, например, якуты еще в конце XVIII—начале XIX в. ввели у себя соху, борону, русскую упряжь, привели рабочий скот к работе

Привоз марала в маральник. Бавы. Енисейская губ., Минусинский уезд

на наше, т. е. сразу перешли к нашему земледелию, миновав более примитивную стадию мотыжного земледелия. Заимствовали якуты русский жернов, а позднее стали строить мельницы. Под влиянием русских перешла к оседлости и земледелию часть эвенков, живших в Якутской области и Забайкалье. Особенно воспримчими к русскому земледелию и оседлости оказались буряты-скотоводы и звероловы. Они быстро стали расширять запашки. Земледелие бурят некоторых районов (Иркутского и Балаганского уездов) в начале XX в. уже мало чем отличалось от земледелия русских крестьян. Среди значительной части алтайцев наблюдался также процесс перехода к оседлости и земледелию. Русские пахотные орудия, способы кладки хлеба снопами, молотьба цепом и лошадьми прочно вошли в хозяйственный быт больших групп алтайцев.

Большое положительное значение для хозяйственного быта народов Сибири имело внедрение огородных культур, принесенных впервые русскими, приемы русского животноводства, птицеводства и т. д. В начале XX в. многие буряты, якуты, алтайцы, хакасы и другие уже сажали картофель, капусту и прочие овощи. Русское стойловое животноводство оказало большое положительное влияние на кочевое примитивное скотоводство Сибири. У всех народов Сибири, занимавшихся скотоводством, также возникло стойловое содержание скота с заготовкой корма на зиму, в связи с чем улучшилась продуктивность скота, более устойчивым стал количественный состав стада. Русские вывели новые породы молочного скота, овец и более сильные породы рабочей лошади. Свиноводство и птицеводство также впервые стали проникать в быт местных племен и народов. От русских были восприняты и орудия сенокошения. Распространилась сначала коса-горбуша, потом коса-литовка, увеличившие намного производительность труда; сено стали сушить по русскому образцу, складывая его в копны и стога, а не развешивать, свивая в жгуты, на деревьях, как это делали, например, алтайцы.

Земледелие и огородничество, как и стойловое животноводство, проникавшие в быт бывших кочевников-скотоводов, охотников и рыболовов, укрепляли их продовольственную базу и давали кое-где (буряты) товарную продукцию, способствуя развитию капиталистических отношений.

Охота у русского населения Сибири большей частью составляла подсобное занятие. В северных таежных районах и лишь там, где было слабо развито земледелие, охота у русского населения являлась одним из важных средств к существованию (Тобольский север, Приангарье, Усманский край, северное Забайкалье и др.). Добывавшаяся пушнина составляла товарную продукцию.

Из пушных зверей наибольшее промысловое значение с конца XIX—начала XX в. приобретает белка. Ценнейшие пушные звери — бобр, куница, соболь и др. — к этому времени значительно уменьшились в количестве, соболиный промысел также имел значение лишь в немногих местах Западной Сибири (в Пелимском крае, на Алтае), Восточной Сибири и в Приамурье, а также Камчатке. Особенно славились витимские и киренские соболя (Восточная Сибирь), отличавшиеся необычайно пушистым мехом темного цвета. Важными промысловыми животными являлись лоси, рыси,rossомахи, лисицы, песцы (наиболее высоко ценился голубой песец). Из мелких животных, кроме соболя и белки, ловили бурундука, колонка, горностая, зайца и др. Местами большое значение имела охота на козулю, карабгу, оленей-пантакей (Алтай, Приморье), а также на дикого оленя (Крайний Север).

Из птиц в таежных местах ловили глухаря, тетерева, рябчика, в тундре куропатку, гусей, уток, лебедей. Так называемое гусевание — охота на диких гусей — имело большое значение в жизни русских в зоне Крайнего Севера и давало основную пищу населению в голодные годы.

По побережью Ледовитого и Тихого океанов, в устьях сибирских рек русское население занималось охотой на морского зверя — нерпу, лахтака, частью на моржа, белого медведя.

Орудия и приемы охоты были очень разнообразны, но преобладала ружейная охота. Большое значение имели ловушки: кулемы, пасти, петли и др. В Восточной Сибири существовал весьма своеобразный лов соболя куркавками. Куркавки — волосяные петли — ставили на деревьях, переброшенных через реки и служивших мостом для соболя в октябре, когда реки еще не покрылись льдом. Применялся также омет — особая сеть для ловли соболя по первому снегу. Охотник, выследив соболя в дупле, окружал дерево ометами, выкуривал животное из дупла дымом. Сетями и перевесами ловили водоплавающих птиц. Существовали способы лова лосей и оленей ямами.

Охотничий промысел в Сибири, особенно зимний, был сопряжен с большими трудностями. На оленах охотились во время его перекочевок, когда стада переправлялись через реки. Его били ружьями, железными копьями, поколюгами, подъезжая к оленю на легких лодках-ветках.

Основной охотничий сезон начинался с осени и продолжался, с перерывами, до весны. На пушного зверя охотились зимой. У каждого охотника или артели была своя территория, на которой расставляли пасти, кулемы, устраивали сохатинные ямы. Она называлась старыми русскими терминами — «ухожены», «лесовые ухожни», «штуки». На дальние «ухожни» охотники уходили надолго и жили иногда несколько месяцев в лесу.

Охотились и в одиночку, но чаще объединялись в артели (от 2—4 до 15—20 человек). Каждая артель имела на промысле избушку — место ночлега. В охотничьих промысловых избах имелась печь-каменка или глиняобитная черная печь, нары для спанья, жерди для просушки одежды.

Добыча артели делилась между ее членами. Пушницу сбывали купцам, местным кулакам, державшим в кабале многих зверопромышленников. Развито было «покручение». Кулак спабжал в долг охотника всем необходимым, оценивая товар в 2—3 раза дороже настоящей стоимости. Кре-

стянишн-покручник расплачивался добытой пушниной с «покрутинши».

Рыболовство у русских сибиряков было известно незде, где есть подпо р. Оби и ее притокам, на Ангаре, Байкале, Колыме, Индигирке, Ана дыре, в реках Камчатки, Охотского побережья и по Амуру. Промыш ловля в промысловых районах проводилась почти круглый год, лишь с небольшими перерывами.

В XIX—начале XX в. лов на Оби происходил при помощи заграждений и установки так называемых гимг. Гимги — своеобразные плетеные из прутьев снасти огромных размеров (высота гимги значительно больше че ловеческого роста), которые, видимо, были восприняты русскими от местных рыболовов — хантов и манси. Большие гимги в количестве от 40 до 100 штук имели лишь крупные промышленники, особенно между Бере зовым и Обдорском; гимгами перегораживали даже широкие места реки. Более дешевые заграждения с ловушкой из 4-угольного сетяного мешка «чердака» устраивались вблизи берегов. Небольшие водоемы перегоражи вали котцами, представлявшими прутяную или драпочную ловушку.

Мережи, морды в XIX—начале XX в. повсеместно применялись при рыбной ловле. Применялась ловля канавами, особенно в тех местах, где рыба «глохла», задыхалась от недостатка кислорода (в зимний период).

Повсюду имелись сети и невода различных размеров и устройства. Сети занесли в Сибирь и распространяли русские.

Промышляли рыбу неводом на Байкале большей частью крупные рыбопромышленники; они назывались неводчиками, а занимавшиеся «сетяным» промыслом, преимущественно мелкие крестьянские артели, назывались сетовщиками. Между неводчиками и сетовщиками существова вала вражда, порой сильно обострявшаяся.

Невод состоит из мотии — сетяного мешка — и боковых частей — крыльев, сшитых из кусков сети («столбов»); к концам крыльев привязываются веревки — «спуски» (называемые еще урезами, ключами, эркапами). Длина невода достигала иногда 400—600 м (Енисей, Лена, Обь), на Байкале — 1000 м. На верхней тетиве невода укреплены деревянные поплавки — наплыши, или балбры, а на нижней — кибасья, или таши (грузила из камней, обернутых берестой).¹ Летом ловили неводом большей частью на «песках» — песчаном дне реки. Выезжая на лодках-неводниках, окидывали тоню неводом и тянули с помощью ворота. Распространен был и зимний подледный лов.

На Дальнем Востоке применялись ставные невода для ловли лососевых — кеты, горбуши, зубчатки, имевших большое промысловое значе ние (по Охотскому побережью, рр. Амуру, Уссури и др.). Рыболовством занимались здесь преимущественно казаки (амурские, забайкальские, камчатские). Крестьяне стали заниматься рыболовством в этих местах большей частью с конца XIX в., чему содействовали переселенцы из крупнейших рыболовных районов Астраханской губернии и Донской области.

Кроме сетевых приспособлений, повсеместно в Сибири употребляли крючковые снасти — уду, жерлицу, блесну и дорожку (лов па крючок с оловянной рыбкой в качестве приманки). Были широко распространены так называемые переметы, самоловы. Практиковалось «лучение» рыбы: крупную рыбу били острогой ночью при свете смоляных чурок, горевших

¹ Таши — от тюркского слова *tash* (камень).

на металлической решетке «коze». Применялся способ глущения рыбы при помощи деревянных колотушек, которыми ударяли по льду.

Крестьянам-рыбакам приходилось арендовать некоторые богатые рыболовные угодья у частных владельцев: монастырей, крупных рыбопромышленников, владевших лучшими местами. Иногда рыбаки пользовались водоемами на основе обычного права. И в том и в другом случае беднейшей части рыболовецкого населения доставались худшие места. В промысловых районах всегда имелись крупные рыбопромышленники, пользовавшиеся наемными рабочими из местных рыболовов и русских крестьян. Им платили деньгами, давали питание и одежду. Из описаний быта рыболовов Обского бассейна видно, в каких тяжелых условиях находились рабочие, жившие в тесных холодных казармах, иногда не имевших пола.

Артельный способ лова был наиболее распространен. Артельщики часто составляли лишь другую категорию рабочих, отличаясь от наемных тем, что были пайщиками промысла: однако они отдавали $\frac{4}{5}$ всего улова рыбопромышленнику за снабжение их необходимой счастью и всего $\frac{1}{5}$ улова артельщики делили между собой. Были артели полуневодников, работающие на рыбопромышленника исполну за взятое у него снаряжение.

Имелись временные объединения рыболовов, состоявшие из 2—3 крестьянских семей, объединивших свои усилия (и счасти) для совместного лова. Ловили и в одиночку. Сбыт рыбы происходил через скupщика, крупного рыбопромышленника. Он же спабжал рыбаков необходимыми товарами. Особенно сильна была зависимость населения от скupщика в глухих отдаленных селениях Крайнего Севера. Крестьяне-промышленники здесь всегда находились в долгах у купца, его приказчика; долг свой они погашали рыбой, пescом, собаками, а иногда и личными отработками.

На Байкале в артели по летнему неводному лову включалось от 3—4 до 30, а в зимнее артели до 50—60 человек. Артель сшивала общими силами невод, распределяла обязанности. Каждый рыбак, входя в артель неводников, должен был иметь свой «столб» (полотнище сети) и «спуск» (веревку), из которых составлялся невод; за это он получал пай. Во главе артели находился опытный рыбак, распоряжавшийся ловом, называемый *башлык*. Главный помощник башлыка назывался подбашлычье. Башлык, кроме «столба», вносил еще мотю для невода и лодку-неводник, за что получал 3 пая. Пай получали и такие лица, которые непосредственного участия в лове не принимали: стряпка, писарь, посказатель — сказочник. Быт рыбаков на промысле отличался своеобразием. Рыболовством занимались мужчины, но местами большое участие в нем принимали женщины и подростки, занимаясь неводьбой. Большое значение женский труд имел при обработке рыбы (в частности, в приготовлении юколы), а также на различных подсобных работах.

Большая часть приемов и способов охоты и рыболовства у русских крестьян, мещан, казаков Сибири были общерусскими. Невод, сети, уда-зы, мережи упоминаются еще в ранних русских письменных источниках. Общерусскими являются и такие приспособления, как котлы, переметы, пасти, плашки, перевес и многие другие. Есть черты, общие с северным рыболовством (невод с кибасьями и др.), с рыболовством центральных областей (лов канавами). Многое из опыта коренных народов Сибири вошло в промысловый быт русских (способы рыболовства — гимги, невода нанайского типа, заготовка юколы; способы охоты на дикого олена и пр.). С освоением Сибири русскими охота и рыболовство получили здесь большое развитие. Многие русские орудия промысла в примеч-

Засолка сельди. Город Березов Тобольской губ.

нении к местным условиям получили дальнейшее развитие (ставные неводы и пр.). Русские создали новые отрасли охотничьего хозяйства, например песцовский промысел в зоне тундры по побережью Ледовитого океана. Положительное значение имело внедрение в быт местных сибирских племен и народностей различных русских орудий охоты и рыболовства (различные капканы, ловушки, ружье, сети из приделных нитей, более совершенные виды промысловых судов: карбас, неводник и др.), которых ранее здесь не было. Это весьма увеличило добывчу зверя и рыбы. Возникновение и рост русских городов, промышленных центров стимулировали развитие товарности хозяйства; усиливался спрос на пушнину, что также способствовало развитию местных промыслов.

Большое значение у русских в Сибири имели лесные промыслы: заготовка строительного леса и топлива, сплав леса к городам, портовым центрам, судоверфям. Дровяной промысел особенно разился около крупных городов и промышленных центров и у пристаней. Повсеместно были известны производство дегтя, смолы, угля. Широкое распространение получил своеобразный сибирский промысел — сбор кедровых орехов, особенно в тех местах, где расположены хорошие кедровники (в Западной и Восточной Сибири), а также добыча и топление жевательной серы из лиственницы. Сера эта пользовалась большим спросом у русских крестьянок Сибири.

Сбор ягод и грибов практиковался повсеместно для собственного потребления, но местами сбор брусники и клюквы имел и промысловое значение. В южных частях Западной Сибири промысловое значение приобрел сбор черемши, или «колбы». Из сибирских промыслов, имевших некоторое значение еще в начале XX в., нужно также отметить добывчу речного жемчуга на Дальнем Востоке и добывчу моржовой и мамонтовой кости на Крайнем Севере.

Работа на самовралке. Бийш. Енисейская губ., Ачинский уезд

работка, кузнечное дело, обработка шкур и костей животных, а также камня. Крупные районы кустарной промышленности сформировались в юго-западной части Западной Сибири. Из деревообделочных производств было известно изготовление саней, телег, колес, бондарной посуды, мебели, деревянных частей хомутов и т. д. Существовала повсюду в лесных районах химическая обработка дерева. В районах кедрового промысла изготавливали кедровое масло (Бийский уезд).

Повсеместно было распространено мелкое шерстобитное, пимокатное, кожевенное производство, а местами обработка меха и выделка замши. Овчино-шубное дело было развито около Тюмени, пошивка овчиных шуб «барнаулок» — в г. Барнауле; в южной части б. Тобольской губернии, где было развито овцеводство, существовало производство шерстяных варежек, рукавиц и чулок.

Гончарное и кирничное производство было распространено большей частью вблизи городов. Для изготовления гончарной посуды служил гончарный круг.¹ В районе промыслового рыболовства развивалось произ-

Обработка продуктов и изготовление предметов первой необходимости производились в значительной степени домашним способом, особенно в глухих, отдаленных от трактов и промысловых центров местах. В конце XIX—начале XX в. местами еще изготавливались домашним способом ткани. Пряжу из шерсти или льна вязли при помощи прядильки и веретена, ткали на «красинах» — обычном русском ткацком стане с подибником. Из овечьей шерсти изготавливали сукно. В XIX в. у наиболее зажиточных крестьян существовали и машины сукновалки.

Имелись целые селения или даже районы, где преобладающими занятиями являлись различные кустарные производства. Отдельные кустари находились в зависимости от скопщика, изготавливали мелкие заведения с наемными рабочими. Значение промыслов возрастало там, где земледелие не обеспечивало существования. Большая роль в развитии ремесел принадлежала новоселам. Распространены были деревооб-

¹ Данные о технике гончарства промысловых районов в литературе отсутствуют. Несомненно, что там имелся параллель с ручным гончарным кругом и пижой. Более известно о домашнем гончарстве, которым занимались женщины при помощи ручного круга и техники налепа.

Кустарная окраска тканей. Бывш. Иркутская губ.

водство глиняных грузил — кибасьев для неводов (с. Самарово при впадении Иртыша в Обь).

Кузнечное и слесарное дело было развито повсеместно, но особенно в Кузнецком уезде и в Тюменском уезде Тобольской губернии. Кузнечное дело у русских крестьян существовало даже в самых отдаленных уголках Крайнего Севера, где имело большое практическое значение и для окружающих народов — чукчей и других, ранее его не знавших. Русское и обруселое население Анадыря свои изделия — ножи, топоры, котлы и пр. — обменивало у чукчей и коряков на олений, лахтачий шкуры, ровдугу и т. п.

В начале XIX в., с открытием золотых россыпей, быстро развивается добыча золота. Состав рабочих на приисках отличался большой этнической пестротой. Сюда стекались из различных мест европейской России и Сибири, входили представители и местных переселенцев и народностей; однако преобладали русские. Сложился своеобразный приисковый быт,¹ возник приисковый жаргон. Местные черты проявлялись в языке, быте и фольклоре золотопромышленников. Среди старателей, работавших иногда и в одиночку и партиями, были «великие мастера» этого дела, были и «подмастерья». Хозяйскими рабочими называли тех, которые нанимались за определенную плату к крупным золотопромышленным компаниям. В быту артелей рабочих выработалось свое обычное право: члены артели были связаны круговой порукой (что хозяева обращали в свою пользу), существовал обычай наказания за проступки провинившегося члена артели. Условия труда и жизни приисковых рабочих были подчас невыносимыми. Жили рабочие либо в больших хозяйственных казармах, грязных и темных, либо в жилищах,

¹ См.: Н. П. Попов. Приисковый быт. Сиб. Живая старина, вып. VIII—IX. Иркутск, 1929.

Домашняя выделка кожи. Бывш. Иркутская губ.

построенных самими рабочими. Эти жилища напоминали крестьянские избы или были землянками. Продуктами питания рабочих снабжали хозяева за дорогую цену в промысловых лавках.

Русские ремесла и кустарные промыслы, развивавшиеся в городах и деревнях, оказывали положительное влияние на ремесла местных племен и народностей. Русские ремесленники, например, повлияли на усовершенствование металлообработки у тех племен и народностей, которые ее знали (якуты, буряты и др.). Большое значение имело внедрение в быт сибирских народностей русских приемов придевания и ткачества. До этого ткачески знали лишь манси и ханты, использовавшие для ткацких волокна дикорастущей крапивы, северные алтайцы, ткающие холст из волокон дикой конопли — кендыры.

Боидарное ремесло восприняли многие народности, в частности якуты. Деревообработка у бурят, якутов и других народов значительно улучшилась, когда в обиход вошли более усовершенствованные орудия, внесенные русским населением, как пила, рубанок, отвес и др.

Летний транспорт у сибирских крестьян был преимущественно колесным. Основным упряжным животным служила лошадь. Упряжка ее состояла из дуги, хомута, чересседельника и оглоблей; запрягали в двухколки и телеги. Двухколка (таратайка, беда, медведки) с одной осью и двумя колесами была распространена еще в конце XIX—начале XX в. Простейшие двухколки со сплошными колесами употреблялись в таежных местах; для перевозки грузов служили специальные двухколки, более усовершенствованные, на железном ходу (качки); кабриолеты появились въездным экипажем у зажиточных крестьян (Восточная Сибирь). Двухколку вытеснили четырехколесные телеги, которые до сего времени являются основным видом рабочей повозки. Входили в быт они разновременно. В ряде мест, особенно где был развит извоз, такие телеги употреблялись издавна; в горных областях (Алтай и др.) они появились лишь с серединой XIX в. и еще в начале XX в. были далеко не в каждом хозяйстве. Особая

Средства передвижения

Медведки для перевозки бревен по дорогам в летнее время. Бухтармини

разновидность телеги без кузова (дроги) служила для перевозки тяжестей. Для седоков применяются до сих пор телеги с деревянным или плетеным кузовом, преимущественно на железном ходу.

Зимние транспортные средства состояли из обычных русских дровней (для перевозки тяжестей), розвальней, санок, полусанок, кошевок (с плетеными кузовами), пошевней ("деревянным кузовом"). Пошевни пользовались праздничным экипажем, они нередко имели расписной задок (нарядные пошевни употреблялись на свадьбах и во время масленичного катанья). Крытая повозка, так называемый возок, крепко устроенные с окованными полозьями сани употреблялись по большим трактам, особенно для перевозки ценного товара.

В тундре русские крестьяне пользовались преимущественно собаками, так как оленеводство связано с почеванием, а лошади к тундре не приспособлены. Собаки запрягались путом шарами, впереди впряженные наиболее сильных собак, называемых передовыми. К продольному ремню с обеих сторон прикрепляли лямки с подбрюшником и чересседельником. Собаки в такой упряжке тянули грудью. Этот тип сбруи и упряжки несколько напоминает конскую и представляет усовершенствование старых, местных форм упряжки, чрезвычайно изнурявших собак. Собачья нарта, созданная русскими крестьянами, имеет прямые вертикально поставленные конылья (по 3—4 с каждой стороны), полозья, загнутые только спереди, а также горизонтальную дужку и дополнительную вертикальную дугу спереди. Конылья укрепляются в полозьях при помощи шипов и дополнительного крепления из ремешков. Такая нарта отличается большей прочностью и грузоподъемностью по сравнению с другими типами нарты (чукотской, нивхской, старой ительменской). Таким образом, на основе местного упряжного собаководства русскими был создан новый тип упряженного собаководства — восточносибирский, получивший затем широкое распространение у местных сибирских племен и народностей.

Повозка с плетеным кузовом. Бухтармыны

Как средство передвижения широко применялись зимой и лыжи. Для переправы по рекам служили паромы, укрепленные на карбасах. Для спуска по течению реки устраивались плоты, особенно были распространены салики — небольшие плоты из жердей с настилом для одного человека. Для перевозки значительного груза строились плоты большей величины. В таких случаях на плоту устраивали балаган из досок, делали насыпь из земли для очага, на котором приготовляли пищу во время поездки. Движением плотов руководили опытные плауки. Если обратно предполагали возвращаться верхом, то брали с собой на плот лошадей. Лодки, издавна употреблявшиеся русскими в Сибири, отличались большим разнообразием по величине, грузоподъемности и назначению (ветка, душегубка, шитик и т. д.). В быт местных народностей с появлением русских прочно вошли разнообразные дощатые судна. Распространен был карбас — дощатая или с выдолбленным дном и нашивными бортами лодка длиной до 10—12 м. Карбасы делались с палубой и без палубы. Лодки, употребляемые в промысле, кроме названия «карбас», имеют множество других обозначений: «неводник» (Енисей, Байкал), «завозня» (Обь); большие лодки для перевозки рыбы и грузов называются «мореходка» (Байкал), «шитик» (Енисей), «рыбница» (Амур). Большое распространение получили так называемые илимки — дощатые плоскодонные лодки (длиной до 20—25 м) с носом и обрезанной кормой. Особенностью их является устройство крытого дощатого помещения для товаров и людей. Название свое илимки получили от места стройки — на илымском волоке. На илимках перевозили грузы по Аягаре, Подкаменной Тунгуске. Распространился этот тип лодки и у населения по Оби, Енисею и нередко служил (у котов и др.) не только грузовым судном, но и временным жилищем. Передвигались на лодках при помощи весел и на парусах.

Русские народные средства передвижения способствовали развитию местного транспорта и хозяйства местного сибирского населения. Многие из народов стали применять лошадь в качестве упряженного животного. Так, например, русские ямщики на р. Лене сыграли большую роль в распространении упряженного транспорта у якутов, которые научились

Болокуша на полозьях. Бывш. Амурский край

управлять лошадьми, запрягать их, применяя русскую упряжь и средства передвижения. Большое значение для развития транспорта у народов Сибири имело распространение дощатых лодок — более удобных и грузоподъемных судов.

Пища В земледельческой полосе Сибири основное значение в пшевом рационе сельского населения имела мучная пища: хлеб и разнообразные блюда из муки. Ржаной хлеб пекли на закваске в виде небольших круглых «кавришек». В некоторых местах (особенно Западной Сибири) преобладал пшеничный хлеб. Пшеничный кислый хлеб приготовляли в Сибири в виде калачей. Из пресного теста пекли сочни, шаныги, которые, видимо, были пронесены старожилами с севера европейской России. Праздничной едой, приготовляемой в дни семейных торжеств, являлись пироги. Пекли их из кислого или пресного теста, несдобные и сдобные, с разнообразной начинкой, в зависимости от чего они называются: капустники, творожны или сырны, пироги «картовны» (с картофельной начинкой), пироги с луком, морковники, груздовы пироги, пироги с ягодами, с мясом, с осерднем и т. д. Особенно в Сибири распространено приготовление пирогов с черемухой, а также с рыбой, которую запекают целиком (как в Приуралье).

Русские блюда из муки — блины, оладьи, а также толокно и саламата — известны и в Сибири. Сибирским кушаньем называют пельмени (с мясом или рыбой); они известны также в Приуралье. В Сибири зимой пельмени замораживали (прежде чем сварить), складывали в ящик или мешок; брали их и в дорогу. Из мяса приготовляли общераспространенные русские блюда: студень, жарину, варили «шти», похлебку и т. д.

В тех местах, где преобладали промысел, хлебная пища играла в питании меньшую роль. В ряде районов Крайнего Севера хлеб был привозным и употреблялся лишь купцами и духовенством; большинство крестьян считало его за лакомство; если хлеб лишь в самые большие праздники, да и то не все.

В русских селениях Крайнего Севера пища была очень своеобразна. Из оленины делали селянку, нарезав мясо оленя кусочками и поджарив с рыбьем жире. Язык оленя, костный жир из берцовых костей, сухожилия

олени считались особенно вкусными и употреблялись в сыром виде. Сало олени перетапливали. Мясо диких гусей заготавливали в ямах, где оно заквашивалось. Жирное мясо гусей (и гагар) резали кусочками и жарили на огне, приготовляли кавардак.

Щерба — уха из рыбы — была общеупотребительным кушаньем в Сибири. Ели рыбу, кроме того, в жареном, конченом и мороженом виде. На Крайнем Севере обдоряне, марковцы, русско-устинцы употребляли так называемую строганину — настроганную, сырную замороженную рыбу. Икра, рыбья голова, палимья печень — «макса» — употреблялись в свежем виде и были любимыми блюдами северян. Свообразно было приготовление из рыбы «борчи». Для ее приготовления конченую рыбу толкли в ступе, в результате чего получали волокнистую сухую кашу — борча. Борча, переваренная в рыбьем жире, называется варка. В связи с тем, что в прошлом в этих местах хлебные изделия были доступны лишь наиболее богатым, здесь приготовляли тесто из рыбы, по внешнему виду мало отличавшееся от мучного. Из такого теста пекли топтаники — разновидность пирогов с начинкой из рыбных пупков и рыбьей кожи. Из мяты рыбы делали лепешки — тельно; мороженая и мятая икра шла на лепешки, оладьи, блины. Отправляясь в долгий путь, обычно брали с собой вяленую или толченую рыбу, из которой варили уху.

Из молочных продуктов употребляли молоко, творог, в качестве приправы масло, сметану. Молоко употребляли в свежем и мороженом виде (как везде на севере). Творог сушили в русских печах, предварительно смешав со сметаной. Употребляли его и в мороженом виде, придав форму чашки, в таком виде его называли сырчик.

Общераспространенными, как везде у русских, являлись блюда из крупы и кисели. Варили «яшную», просянную и гречневую каши. Делали заваруху — из ржаной или пшеничной муки на воде или пахталье. На Алтае из яичевой крупы приготовляли «толстые шти» в виде каши, в отличие от «жидких штей» из той же крупы, но сваренных не густо. Кисель, так же как блины, изготовляли часто в дни семейных событий — на свадьбу, к поминкам и пр. В старину был распространен бурдук, бардовый кисель. Его приготовляли из пшеничных или ржаных отрубей, заквашенных на дрожжах. Употребляли бурдук с растительным маслом. Варили и кисели преимущественно молочные и ягодные (которые являлись большей частью блюдами праздничного стола), а также гороховый кисель (или кашу), называемый горошинцей.

Из овощей в большом употреблении был картофель; капусту заготавливали на зиму в квашеном виде, делали «шмелкованую» (мелкорубленную) и «пластену» (нарезанную пластами). Огурцы и арбузы в тех местах, где они вызревали, солили впрок. Огурцы в свежем виде употребляли передко приправленными медом. Свеклу, брюкву (браху), репу парили, ставя в хорошо натопленную печь.

Лук и чеснок заготавливали в соленом виде. Употребляли дикий полевой лук — черемшу. Из дикорастущих еще собирали шавель, на Крайнем Севере — корни «макарии» («земный корень» — *Polygonum Risturta*), которые являются противоядиями средствами, так же как разнобразные ягоды (клубника, брусника, мороника, малина, крыжовник, черемуха и др.). Ели и грибы. Весной русские сибиряки собирали березовый сок (березовку), что у русских известно везде. Специфическим для Сибири является обычай жевания лиственичной серы (серки) и употребление кедровых орешков. Кедровые орешки, особенно в гостях, грызли помидогу, молча. Это называли шутливо «сибирский разговор». Из напитков употребляли чай, пиво, хлебный

Подочная пристань у г. Березова. Бывш. Тобольской губ.

квас и вино. Квас и пиво — старинные русские напитки; первый в прошлом употреблялся ежедневно, второй — приготовлялся к празднику в различном количестве, в зависимости от зажиточности хозяйств. Одним из распространенных напитков в Сибири следует назвать чай. А. Степанов еще в первой половине XIX в. писал о быте населения Енисейской губернии: «Во всякой почти деревне можно отыскать самовары. Большая часть крестьян пьет чай через сахар (с прикуской). Иные вместо чая обыкновенного употребляют бодан (*saxifraga crassifolia*) или посошок узлоколенный (*phlomis tuberosa*); — варят в котле, прибавляют молока и пьют с мягким¹ (т. е. с хлебом).

Самовары, упоминаемые здесь, в деревне центральной России появляются, как правило, уже в пореформенный период. Возможно, что чай ранее распространялся у сибиряков, живших по соседству с китайцами и монголами, у которых чай имел широкое применение. Не употребляли чай лишь старообрядцы, как, например, семейские в Забайкалье и керекаки на Алтае, очень долго придерживавшиеся старых обычаяев и считавшие за грех употребление чая. Наиболее употребителен был кирпичный чай, который пили с медом, сахаром, с кондитерскими изделиями, сушкой, вареньем, пряником, с хлебом и пр. На Крайнем Севере отмечено употребление чая с пряностями: гвоздикой, аписом и пр.

Зеленый чай, приправленный мукою, варили в котлах и черпали чашками — сибирская особенность, заимствованная от монголов, алтайцев и т. п. Сибирской спецификой являлось также применение приправ к чаю — хурчи и затурана. Затуран приготавливали из муки, сала и чая; хурчу — из высушенных и толченых зерен пшеницы или ярицы. Употребление этих приправ отмечено в Иркутской области и, видимо, заимствовано от бурят. На Крайнем Севере употребляли оригинальный дорожный напиток «пережар», приготовленный из пережаренной в рыбьем жире муки, залитой чаем.

¹ А. Степанов. Енисейская губерния. СПб., 1835, стр. 110.

Предметы домашнего обихода. Аяндыры

1 — берестиной сачок для собирания игод; 2 — деревянный струг с прорезями или пазами; 3 — деревянное блюдо; 4 — деревянная чашка для супа; 5 — деревянная ложка для вытаскивания мяса из котла; 6 — мутовка для размешивания; 7 — каталка для белая

Здесь названы виды пищи, свойственные всему населению Сибири, но, бесспорно, питание разных классовых групп в сибирской деревне резко различалось по разнообразию, количеству и качеству пищи. Мясная и молочная пища была мало доступна беднейшей части деревни, нередко не имеющей скота или вынужденной отдавать всю продукцию на маслодельные заводы.

Русская народная кулинария, посуда и утварь проникли в быт местных народностей Сибири. Особенно большое значение имело усвоение павловских хлебопечения и маслоделия. Хлеб стали печь оседлые буряты, якуты, алтайцы, некоторые группы хантов и манси и многие другие. Вместо примитивного способа приготовления масла якуты, алтайцы и другие скот-

товары стали приготавлять его по русскому образцу. Включение картофели, некоторых овощей и соли в пищу местного населения имело большое значение. Усвоены были многие русские блюда. Посуда русского образца вытеснила крайне примитивную местную деревянную и берестяную посуду. Тарелки, чашки, вилки, ножи появились в обиходе наиболее зажиточных бурят, якутов и др. Посуда под влиянием русских стала содержаться чище, пышнее приготавливаться опрятнее. Русские крестьяне в Сибири, в свою очередь, расширили свой ассортимент пищи блюдами сибирских народов и усвоили способы заготовки продуктов (некоторые виды рыбных кушаний, приправы к чаю и пр.).

Поселения и жилища

Занимка, деревня-починок в 1—2 дома, была типичной для первых русских переселенцев, расселявшихся по незанятым пространствам Сибири.

Деревни-починки разрастались в большие селения. Они возникали преимущественно по побережьям рек, озер, являвшихся обычно путями сообщения, на водоразделах, у трактов, больших торговых путей.

В конце XIX—начале XX в. в равнинных земледельческих районах располагались села и деревни, состоявшие из нескольких сотен дворов, растянутых на несколько километров. В условиях таежной горной природы размеры селений были меньше (от 2—3 десятков до 1—2 сотен дворов). Были и такие селения (в тундре), которые насчитывали от 1 до 5 дворов. Вокруг старых деревень располагалась сеть занюк, выселков, хуторов.

По планировке в сибирских селениях можно наметить следующие типы: 1) со свободной, беспорядочной застройкой; постройки группируются как бы гнездами, преимущественно у малых рек или ручьев (старый тип); 2) однорядные селения, вытянувшиеся вдоль реки, озера; фасады домов обращены к воде; 3) селения с уличной двусторонней застройкой, большей частью расположенные вдоль больших дорог и трактов; деревни и села этого типа либо вытянуты в одну линию, либо имеют улицы-ответвления. Селения первого и второго типов известны как старые и в европейской России (тип с рядовой планировкой характерен для севера). Типичной особенностью сибирского селения является поскотина, о которой говорилось выше.

Живописность сибирских селений отмечалась многими исследователями. Большое своеобразие селениям придает суровый таежный или горный пейзаж, некоторая разбросанность в расположении построек, отсутствие тесноты и скученности, а также характер усадеб и архитектуры построек.

В Сибири наблюдалось обыкновение ставить дома то вдоль, то поперек улицы, иногда даже под различными углами. Дом помещали в глубине двора фасадом, а иногда и боковой частью на улицу. На усадьбе, обнесенной изгородью, располагались дровник, сениники, амбар, завозия — навес для телег, иногда здесь же стояла «клуня» для молотьбы и помещение для скота — поветь, катушок — хлева для мелкого скота, «стайки» для коров и открытые пригоны. Амбары и бани часто ставили вне ограды — первые на улице, вторые на огороде или у ручья. Постройки были не только у дома. Кроме усадьбы в селении, возникали постройки на занюках, сначала временные, а затем и постоянные — жилые и хозяйственные. Часть семьи иногда в течение всего рабочего сезона жила из занюк, возвращаясь в селение лишь к осени. На отдаленных от селения пасеках и маральниках также имелись иногда постройки хозяйственного и жилого назначения.

Типы застройки в сибирской деревне довольно разнообразны. Из них общая с застройками центральных областей является усадьба, имеющая

Общий вид усадьбы. Бухтармицы

план в виде буквы «П». Ее называют еще замкнутым двором. Нередко такая застройка состоит из двух изб, выходящих на улицу; сзади них находятся хозяйственные постройки, расположенные по периметру прямоугольного двора, открытого в середине. Эта застройка характерна для Московской области, Поволжья, Приуралья и из этих мест, видимо, привнесена была в Сибирь. При двухрядной застройке закрытый двор располагается рядом с избой. Она отмечена в Западной Сибири, но характерна для центральных областей России (в частности, Верхнего Поволжья).

Очень своеобразна усложненная двухрядная связь, которую можно назвать тройной (Западная Сибирь). Постройка состоит из избы, двора и второго хозяйственного помещения или второй избы (каждая постройка с двухскатной крышей, все три стоят рядом, перпендикулярно улице). Этот тип застройки отмечен еще в Приуралье (жилище нижнетагильских рабочих XIX—XX вв.). Особенностью этих построек является устройство площадок-переходов различной высоты разнообразного хозяйственного назначения, служивших в летнее время для снаряжения. Необходимо отметить застройку с открытым двором. Открытый двор со включением в его ограду хозяйственных построек распространен в Сибири и составляет своеобразие сибирской застройки. В сибирских условиях не получила распространения северная однорядная связь, хотя большая часть старожильческого населения состоит из выходцев из северных областей России, где этот тип застройки является основным.

Основным типом жилья у русских крестьян в Сибири служила срубная изба на подклети, т. е. с подпольем. Рубка сруба производилась «в зауголок» (старое русское «в обло», «в чашку»), менее была распространена рубка «в привал», аналогичная великорусской «в крюк»; применялась также техника рубки «в лапу» — без зауголков (преимущественно при возведении хозяйственных построек).

Изба «одноколок». Бухтарминцы

Имеются данные о наличии в Сибири мазанок с плетеным каркасом и саманных построек. Последние два вида изб являлись жилищем новоселов, приехавших из южных областей России (в частности, из Курской, Витебской губерний). Простейшим видом жилого дома являлась изба-четырехстенка (которая местами называется «одноколок»), без сеней. Изба-четырехстенка (с двухскатной крышей) с сенями в некоторых местах называется «ординарка» или «круглая».

В сениях перегородкой выделяется чулан, кладовка (казна, казенка). Трехчленное деление жилища (изба—сени—клеть), столь типичное для старых изб России, не получило в Сибири широкого распространения. Зато расширение площади дома достигалось здесь соединением двух срубов или устройством сложных срубов.

Связь двух срубов изб посредством сеней к началу XX в. вытесняется постройкой изб пятистенком и шестистенком. Пятистенок — дом, состоящий из удлиненного сруба, разделенного пополам пятой капитальной стеной на две половины: избу и горницу. Наиболее сложной постройкой является так называемая крестовая связь, или дома-крестовики, строившиеся наиболее богатыми. Крестовик — соединение двух пятистенков. Он покрывался четырехскатной крышей. Более старые крестовики соединялись посредством коридора. Поздний вид шестистенков представлял большой сруб, разделенный крестообразно двумя капитальными стенами на четыре помещения. Эти четыре части дома включали обычно две избы и две горницы с коридором, сенями и кладовой. Сибирские дома покрывались преимущественно деревянной крышей из теса или дранки. Двухскатная крыша (на старинных избах и хозяйственных постройках) поконилась на «самцах» — бревнах, имела «курицы», поддерживающие «потоки» (водостоки), и охлупень — на коньке крыши. Давно уже применялась стропильная конструкция крыши.

Для украшения старинных изб концы охлупней скульптурно обрабатывались в виде птицы или конской головы (как на севере России); по-

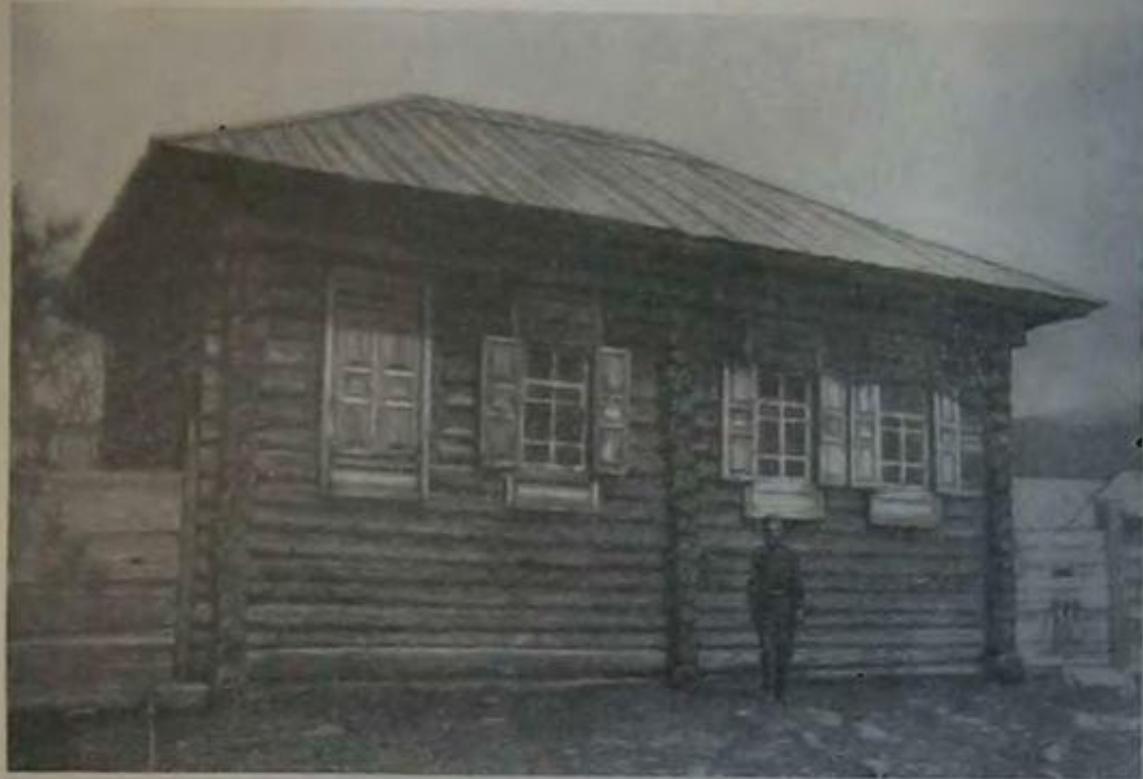
Изба «ординарка». Бухтармины

валы верхних бревен, выступающих по фасаду, также получали художественную форму. Причелмы украшались на концах прорезью. Наличники окон украшались простой, но выразительной резьбой преимущественно геометрического характера; встречаются на старых наличниках мотивы полукруга или круга, разделенного радиусами (характерны и для старых изб центральной полосы). Дома, особенно в пригородных селениях и в городах, обильно украшались пропиловкой. Довольно значительное распространение получила раскраска (в 3—4 цвета); расписывались главным образом наличники и ставни окон. Резьбой украшали ворота, крыльца. Стариные крыльца на столбах с длинной лестницей, крытые односкатной или двухскатной крышей сохранили сходство с крыльцами северных русских изб. Встречались также крыльца глухие, прирубленные, с закрытой лестницей. Устраивались балконы и террасы.

Постройки XIX—начала XX в. отражали процесс классового раслоения в сибирской деревне. Двухэтажная связь, крестовик были преимущественно у наиболее зажиточных и только частью у средних слоев крестьянства; у последних были распространены пятистенки; более бедные имели обычно четырехстенную избу (одноколок или круглую). Некоторые группы крестьян из новоселов в течение первых трех-пяти лет жизни на новом месте нередко жили в землянках, полуzemлянках или мазанках.¹

На Крайнем Севере беднейшее население иногда ставило только юрту (балаган якутского типа), а не срубную избу. Резкая разница в жилище различных классовых групп проявлялась и в размерах двора-усадьбы, в количестве и составе хозяйственных построек на ней, во внутреннем убранстве жилья и устройстве его отдельных частей. Так, например, при распространении у наиболее зажиточных стекла для оконных рам во второй половине XIX в. беднейшие жители (особенно в тундре) не

¹ В. А. Остапьев. Как устраиваются переселенцы в Западной Сибири. Сведения о Сибири, 1892 г. стр. 262—263.

Дом «пятистенок». Бухтарминцы

большие оконца своих жилищ затягивали пузырем животного, а иногда вставляли в них льдины.

Своеобразие сибирских домов подчеркивалось количеством и расположением окон. Здесь нередко в фасаде имелось только 2 (иногда расположенные несимметрично) или даже 1 окно, в пятистенке — 3—4 окна, в то время как в селениях европейской части окон было, как правило, 3, а в пятистенке — 5—6 (по фасаду, не считая боковых окон), располагающихся симметрично.

По планировке русская сибирская изба приближается к северо-великорусской избе (с печью в одном из углов у двери, устьем повернутой к окнам, идущим по фасаду). Между печью и стеной образуется запечье для хозяйственных надобностей; раньше когда-то здесь помещался вход в подполье. По диагонали от печи располагался передний угол, где находилась божница. При входе в избу помещались полати — дощатый настил для спанья, у печи иногда устраивался голбец — деревянная лежанка. Русская печь делалась из кирпича на деревянном очечке, иногда она была глинобитной. Дополнительно ставили печи-голландки, обогревающие также и горницу — более парадную половину дома. В боковой части русской печи, на шестке, передко устраивалось особое место для камелька, служившего раньше и для освещения избы. Русские печи, распространявшиеся повсеместно, вошли и в быт местных народов Сибири, еще в дореволюционный период начавших переход к оседлости (буряты, якуты и др.). Русская печь отсутствовала лишь в немногих местах тундры, где жили русские: из-за дороговизны постройки печи имели здесь лишь представители духовенства, купцы, а крестьяне отапливали свои избы чувалом — примитивным камниом якутского типа.

По своей внутренней отделке сибирские избы также имели особенности. Стены и другие части избы оставались не краслеными бревенчатыми или дощатыми; в конце XIX в. распространяется обычай окрашивания внутренних частей избы масляной краской разных цветов; окрашивали

Дом «крестовик». Бухтарминцы

опечек, лавки, полати, «кутные заборки» — перегородки и пр. Наиболее богатые красили, кроме того, пол и потолок. Штукатурка и побелка стен и потолка начали распространяться в начале XX в. Отличительную особенность сибирских изб составляет роспись масляной краской по штукатурке или дереву. Мотивами росписи являются частично геометрические узоры — изображение круга, колеса (например у семейских в Забайкалье), но главным образом разнообразные растения, цветы, иногда птицы. Роспись выполняется в несколько цветов, иногда бывает очень яркой. Кроме традиционной растительной орнаментики, в росписи встречаются бытовые и даже исторические сюжеты: сцены охоты, эпизоды из похода Ермака и др.

Обстановка избы и горница была различной. В избе-кухне устраивались иногда неподвижные лавки, полки для хозяйственных надобностей — грядки и полавоинники,¹ имелась и подвижная самодельная или покупная мебель. Стол ставили в переднем углу или же у простенка между окон у передней стены. Обычай ставить стол в переднем углу был типичен для большей части русских областей, второй способ характерен для архангельско-вологодского севера. В избе можно было встретить шкаф и иногда кровать. Меблировка и убранство горницы (чистой половины, летней избы) более приближалась к обстановке городского дома. Здесь стояла подвижная мебель, иногда с резными украшениями и окрашенная масляной краской, было много цветов, на окнах висели занавески. Видное место в горнице занимала кровать, обычно местной работы, с горой подушек в цветных наволочках и стеганым одеялом. Иногда перегородками выделялись особые помещения, так называемые спальни, чаевушка, зало. Содержались дома сибиряков в большой чистоте, полы часто мыли и сплошь застилали ткаными половицами. Своевобразие убранства состав-

¹ «Грядки» идут от печного столба, а «полавоинники» — над лавками.

Старинная изба с охлупнем в виде итицы. Бывш. Иркутская губ.

ляли ворсовые тюменские ковры и сундуки. Стены украшались фотографиями, иногда картинами.

Первоначальные переселенцы в Сибирь освещали жилье при помощи камелька (на шестке) или жировика (плошкой, сальником) — глиняной или металлической посудиной с растопленным салом, с тряпочным фитилем. Лучина — старый способ освещения русских крестьянских изб — в Сибири не получила распространения. В конце XIX—начале XX в. были в сибирской деревне и керосиновые лампы, но в отдаленных районах (в связи с трудностями транспортировки) керосиновые лампы применялись сравнительно редко, чаще употреблялись свечи из воска или сала, изготавливавшиеся домашним способом.

Русское народное зодчество оказало большое влияние на развитие строительства у народов Сибири. Переходившие к оседлости группы сибирского населения создавали селения по русскому образцу с улицами и домами или юртами. У якутов уже в середине прошлого столетия паряду с юртой и урасой стали появляться избы русского типа. С переходом к срубному жилищу стали строить русскую печь (некоторые группы хантов, манси, эвенков, северных алтайцев и др.). В домах, а иногда и в юртах, появлялась такая же обстановка, как у русских крестьян, а у более зажиточных — и городская обстановка. В окна вместо прежних бычьих пузырей и льда стали вставлять стекла. Беднота, не имевшая возможности приобретать дорогостоящее стекло, использовала осколки разбитых стекол, оправлив их берестой. Срубная изба с деревянным полом, окнами, русской печью, побеленными стенами вытеснила первобытный шалаш или полуземлюкну у значительной части алтайцев. Селения северных алтайцев приняли вид русских селений с их различными хозяйственными постройками: амбарами, банями, скотными дворами и т. п.

Старинная двухэтажная избы с балконом и галереей. Бухтармицы

Буряты Балаганского и Иркутского уездов Иркутской губернии в XIX в. вместо войлочной юрты строили избы с печами: в летниках жили еще в юртах, но для выпечки хлеба устраивали на открытом воздухе под навесом русскую печь.

Большое культурное значение имела русская баня и навыки регулярного мытья, проникавшие в быт местного населения.

Усвоение плотничного и столярного дела представляло большое прогрессивное явление для тех народов, которые не владели ими или же у которых они были слабо развиты. Наряду с примитивными орудиями обработки — пожом, топором и др. — якуты, буряты и другие народы усваивают рубанок, циркуль, отвес, угольник и т. п., давшие возможность применения более сложной техники.

Одежда крестьян изготавливалась из домашней ткани: шерстяной, конопляной, частично льняной.

Довольно рано в быт сибирской деревни стали проникать китайские бумажные ткани — даба, далемба, бязь и дешевые шелка. Наряду с этими известны были и русские фабричные ткани: сукно, ситец, которые особенно распространяются со второй половины XIX в., вытесняя из обихода «своедельщицу». В начале XX в. своедельщинашла преимущественно на рабочую, частью на обрядовую одежду, и лишь наиболее бедные крестьяне, особенно из новоселов, шили из нее значительную часть своей повседневной одежды. В это время покупные материалы уже довольно широко вошли в быт сибирской деревни. Кроме тканей для одежды использовались в большей степени, чем в центральных областях России, меха, шкуры, кожа, замша.

С развитием капитализма город все сильнее оказывал влияние на одежду населения сибирской деревни. Уже к первой половине XIX в. относится упоминания о том, что крестьянки носили кофты и юбки, т. е. одежду городского покроя, а в конце XIX—начале XX в. такая одежда становится общеизвестной. Старинные национальные формы костюма сохра-

или преимущественно группы старообриццев — кержаков, которые в силу своих религиозных воззрений жили замкнуто и придерживались старинных обычаяев, в частности в одежде. Однако и к ним проникали новые, иногда местные виды одежды, широко применялся фабричный материал. Старинный женский комплекс одежды старожильческого населения Западной и Восточной Сибири (включая Забайкалье) посит довольно ярко выраженные черты северорусского костюма. Основные его части: рубашка с прямыми поликами, сарафан и сложный головной убор, состоящий из кички (сампуры), кокошника и позатыльника.¹

Женская рубашка с прямыми поликами — ластовками — шилась в старицу из холста; позднее верхнюю часть — «рукава» — шили преимущественно из фабричной, частью цветной ткани, а низ — «станушку» — пришивали из холста, нередко «губленого», окрашенного в кубовую краску. Ворот рубашки собирался в сборку и пришивался к обшивке или имел небольшой отложной воротничок.

Второй тип женской рубашки — рубашка с «шегеривкой» — кокеткой. Ее стали носить не только с сарафаном, но и с юбкой, нередко превращая в нижнюю бельевую часть одежду, поверх которой надевалась кофточка.

Сарафан, надевавшийся на рубаху, назывался косоклинник, дубас, дубасик (термин, известный и в северо-восточных областях Российской Федерации), дабинник (сибирский термин — от материала — дабы), круглый, полукруглый сарафан. Косоклинный сарафан шился преимущественно из однотонной ткани. Очень старым вариантом косоклинного сарафана является сарафан с целым передним полотнищем (у «поляков» — дабинник, у бухтарминцев — сарафан с ластовкой, т. е. клиньями по бокам).

Второй вариант косоклинного сарафана со швом спереди был распространен в Сибири более широко. Особенностью его на Алтае является отсутствие пуговиц и украшений вдоль шва, которые так характерны для этого сарафана в северной России. Другая, более поздняя форма сарафана, как бы вытеснившая старый сарафан с клиньями, — круглый сарафан из прямых полотнищ на лямках, который шили большей частью из покупной узорной ткани. Был известен в Сибири и сарафан с лифом.

Дополнительной частью женского костюма служил передник. Укажем основные виды передника: 1) нарукавники, которые шились из белого холщевого полотнища, перегнутого на плечах, с рукавами (праздничные нарукавники украшали вышивкой); 2) нарукавники с кокеткой, с пришитыми к ней в сборку полотнищами, как правило, покупной, яркой с крупным узором ткани, которые заменили собой старую форму и были наиболее широко распространены; 3) передник, фартук, запон, укрепляющийся завязками на талии, надевался в качестве рабочей части одежды.

Данные о других видах женской одежды, надевавшейся поверх рубашки и сарафана, относятся к Приангарью. Носили кабатку, хобатуху — холщевую туникообразную одежду с рукавами и вырезом для головы, очень напоминающую южновеликорусский касталан или навершник. «Гостевую» кабатку шили из льняной ткани, рабочую — из посконной, окрашивали в темный цвет и носили на работу.

Известен был сушун (шушун)² — распашная кофта из штофа, с отложным воротником, и телогрей — на лямках, исчезнувшие из быта в XIX в.

¹ По имеющимся данным, он отмечал в Томской губернии у «поляков» и бухтарминцев, в Забайкалье — у семенских. Сарафани и рубахи с прямыми поликами были распространены гораздо шире, в частности в Енисейской и Тобольской губерниях.

² Этим очень старым термином у русских обозначались сарафан (на севере) или горничная туникообразная одежда (на юге).

Головной убор состоял из кички с твердой овальной или полуovalной частью, часто называвшейся шамшурой, позатыльника — куска вышитой ткани, иногда украшенного стеклярусом, кокошника — верхней мягкой части шапочки из нарядной ткани. Кокошник здесь как бы соответствует «сороке» в сложном кичкообразном общераспространенном русском убore. Подобный головной убор известен был в Вологодской области.

Общность головного убora сибирячек с головными уборами северо-востока Европейской России свидетельствует о происхождении этих групп сибирского населения с северо-востока России.

Кроме кичкообразного убora, известен был собственно кокошник, называвшийся наклонка, а также повойник — шапочка из легкой ткани, на вздержке, и «наколка».

Носили и разнообразные платки (косынки, шали, шаленки, полу-шалье), которые постепенно из дополнительной части к самшуре, кокошнику и другим уборам становятся основными. Девичьи головные уборы, как везде у русских, отличались от женских: носили платок, свернутый жгутом и новизанный по лбу, перевязку, украшенную бисером; следует упомянуть о коснике из разноцветных лоскутов, украшающем косу, и о колпаке белевом —вязаном из белых льняных ниток (колпак носили девушки в Приангарье).¹ Была в употреблении шапка чебак с матерчатым верхом и меховым околышем, известная и на севере европейской России.

Сарафан, а иногда и верхнюю одежду, подшоивали поясом.

Украшения женщин и девушек состояли из перстней (известны перстни-печатки местной работы у семейских), кольца, серег и нагрудных украшений, качество и богатство которых зависело от зажиточности их хозяйки. Из нагрудных украшений встречались следующие: 1) анатари — яитарные ожерелья, бытовавшие у многих старожильческих групп Сибири, 2) ряска — в виде воротника из стекляруса (Алтай), 3) гайтан — плоская или круглая цепочка из стекляруса или бисера (Приангарье, Алтай). Бисерные гайтаны отмечены также как старинные мужские нагрудные украшения у «поляков» и бухтарминцев.

Отмечено наличие подвесок к серьгам в виде пушков из лебяжьего или утиного пуха (у «поляков» и среди населения по Ангаре). Этот вид украшений, как и гайтаны, более характерен для населения южнорусских областей.

В некоторых районах Сибири в состав женской одежды входили штаны, что в старину у русских не встречалось. Жизнь в сибирских условиях, привычка к верховой езде, а также пример соседних буряток и казашек содействовали появлению этой части женской одежды.

Мужской костюм состоял из рубахи, пояса, штанов, головного убora, верхней одежды и обуви. Старым типом мужской рубашки является туникаобразная холщевая рубашка общерусского покроя без «шнейника» — воротника, с разрезом преимущественно с левой, но иногда и с правой стороны.

Особенностью старинных праздничных рубах русских на Алтае является обильная нагрудная вышивка, отделка кумачом и даже кружевом (по подолу, рукавам). В конце XIX—начале XX в. были распространены косоворотки «ситковые» со стоячим воротником, рубаха с кокеткой, спиная из ситца, а у богатых — из яркой шерстяной

¹ Подобный убор редко встречается у русских. Он отнесен в Вологодской области в качестве убora просватанной девушки.

Старинная одежда различных групп русского населения Сибири

1 — мужская одежда, бухтармичи; 2 — праздничная мужская одежда, бухтармичи;
3 — именский «круглый» сарафан, бухтармичи; 4 — мужская одежда, семейские;
5 — женская одежда и именский головной убор, семейские; 6 — одежда девушек, семейские;
7 — женская одежда, русское население Якутии; 8 — мужская одежда, русское
население Якутии; 9 — именская одежда, колымские русские; 10 — женская одежда,
русско-устыничи

с узорами ткани. Мужские рубахи, отмеченные в Енисейской губернии в начале XX в. как «стариковские», шились с прямыми поликами и отложным воротником. Другой тип, распространенный в б. Енисейской губернии, — рубашка со швами на плечах и нашитыми на них подолсками и отложным воротником. Оба эти типа более характерны для белорусов и части украинцев, и появление их связано с наличием в составе переселенцев белорусских или украинских групп.

Штаны, поверх которых выпускалась рубаха, подпоясанная поясом, назывались порты, гачи (старые славянские термины). Кроме обычного русского покроя штанов (с нешироким шагом), носили широкие штаны — чембары, шаровары (распространенные сибирские названия). Сибирской особенностью является использование для штанов овчины, козьего меха, кожи, замши. Старинные кожаные штаны, составлявшие часть киргизского костюма на Алтае, украшали вышивкой тамбуром, «по-киргизски».

Головные уборы состояли из валяных шапок с конусовидной, полу-сферической или цилиндрической тульей (эта форма аналогична греческому центральных областей). Носили валяные шляпы с полями, летом — соломенные. Праздничные шляпы украшали селезневыми и павлиньями перышками. В конце XIX в. распространился картуз — курашка. Разнообразны были зимние шапки: с четырехугольным дном, полусферической формы с меховой опушкой, ушанки с длинными наушниками. На поясе (опояске, купонке), тканом или ремнем, мужчины носили нож в ножнах, кисет с табаком и крючок для прочистки курительной трубки.

Верхняя одежда мужчин и женщин имеет между собой много общего в покрое, отличаясь деталями. Из накидной одежды без рукавов в Сибири еще в конце XIX в. употреблялась женская епанча — накидка на меху. Была одежда с рукавами, но носившаяся также в накидку и называемая у щек (женская праздничная шубка на меху в Енисейской губернии, халат из цветной ткани у семейских в Забайкалье). Основной тип верхней одежды (для обоего пола) шился в виде кафана из домотканного сукна и употреблялся в будни на работу, а у бедной части населения составлял передко единственную верхнюю одежду. Это — запу, шайданик, однорядь (Енисей), шабур (Алтай) с клиньями по бокам, реже со сборками (более поздняя форма). Короткая одежда этого типа называется куртка, куртик. Мужская и женская одежда с отрезной спинкой и сборками, шившаяся из покупной ткани, большей частью являлась праздничной и лишь у наиболее зажиточных посыпалась и в будни; называлась она бекеша, куртчик, поддевка. Она была преимущественно двубортной, с застежкой на левой стороне, как это типично для центральных великорусских областей. Были и однобортные кафтаны, например бухтарминская подоболочка, носившаяся всегда с широкой опояской, и др. Однобортной одеждой был лабашан, или азям, тканый из верблюжьей шерсти (близкий по покрою к среднеазиатскому халату), проникший к русским, видимо, через татар.

Зимняя меховая одежда отличалась разнообразием. Кроме обще-русских шуб из овчины, полушубка, тулупа также из овчины, характерной является яга, или доха, надеваемая поверх обычной зимней одежды. Доха — однобортная прямая одежда, сшитая из собачьего, козьего, оленевого или маральего меха. Распространено было в Сибири пошитие меховой и ровдужной одежды, приобретавшейся у соседних народов: эвенкийская одежда, теплая и легкая, посыпалась промысловиками-авариями, рабочими на золотых приисках. Олени кухляники и замшевые парки носили русско-устинцы, марковцы, колымчане и др.

Обувь шили из кожи и меха. Плетеная обувь (лапти) не была распространена в Сибири, ее можно было увидеть иногда лишь на недавно прибывших новоселах.

Обычной обувью для обоих полов были так называемые чарки, чары, черки¹ — род кожаных туфель, носившихся с чулками, спицами из сукна или вязанными. Праздничной обувью были русские сапоги. Для работы в будни носили легкие сапоги — бродии, обутики — характерную обувь сибирских крестьян, шившуюся из сырой мятной или чирочной кожи внутренним швом и затем вывороченную. Широкое голенище бродией достигало колен и укреплялось ремешками у щиколотки и выше икр. Летом их носили с портняками, зимой — с суконными онучами. Была в употреблении и мягкая обувь — якутские торбаса, сары, бурятские и эвенкийские унты и другие, приобретавшиеся русскими у соседних народов. Кроме меховой и кожаной обуви, изготавливали валенки, которую носили в зимнее время. Валенки (называемые в Западной Сибири пимы, а в Восточной — катанки) распространялись в XIX в., видимо главным образом через новоселов. Местами старожильческое население не умело катать валенки.

В одежде отражались возрастные, классовые различия: она подразделялась на праздничную и будничную; свои особенности имел промысловый, рабочий костюм, а также обрядовая одежда. Так, например, промысловик-зверолов, кроме обычной пательной одежды и шпунта, имел специальную одежду: лосевые штаны, крытые черным холстом, с большим кожаным карманом, меховую шапку с пакухтарником (куском холста, пришитым к шапке сзади) и научниками: «шнейник» — из беличьих хвостов (носившийся на шее), унты, кокольды (рукавицы). Термин «кокольды», видимо, местный, эвенкийский. Обычные вязаные варежки вкладывали для тепла в рукавицы, называемые нарежками или голицами (из кожи), лосинками (из кожи сохатого), мохнатками (из собачьей шкуры). Носили в Сибири и перчатки — «персиятки». Специальной мужской одеждой для работы были холщевый кабаток и комарник (туникообразная рубаха, предохранявшая от комаров).

В одежде населения отражалось имущественное неравенство жителей деревни. Деревенские богатыши широко использовали паряду с дешевыми

Старинная мужская одежда. Бывш. Томская губ., Земчугорский уезд

¹ Чарки, черки соответствуют котам центральных областей.

тканями шелк, иногда парчу, шерстяную фабричную ткань, особенно для праздничной одежды; шубы подбивались беличным мехом, для опушки использовалась ценная пушнина; носили покупные украшения из драгоценных металлов. Беднейшая часть деревни носила одежду из наиболее дешевых тканей, передко домашнего изготовления.

На крестьянской одежде, особенно мужской, сильно сказывалось влияние города. Чаще в деревню проникала одежда рабочих, которая значительно отличалась от крестьянской и фабричной тканью и покроем, а также некоторым щегольством. Праздничная одежда приискового рабочего в начале XX в. состояла из широкой рубахи, носившейся на пуск поверх широких штанов и подпоясанной широким поясом, за который были затянуты рукавицы, шапки с бобровой опушкой, тальмы на плечах и сапогов с медными подковками, производившими стук во время танцев. Приисковые рабочие часто использовали в качестве рабочей одежду местного коренного населения: хозяин спабжал, кроме лыж и нарт, еще эвенкийской одеждой.

В целом в одежде можно отметить преобладание черт северорусского костюма у старокильческого населения и ярко выраженные связи с Севером, Верхним Поволжьем — в одежде старообрядческих групп (бухтарминцев, «поляков», семейских). Заметны связи с Приуральем, с населением которого сибиряки постоянно находились в общении (влияния здесь, видимо, были взаимными). Выделяются комплексы и более сложные, отражающие нестроту состава переселенцев. Так, например, в Енисейской губернии, кроме черт северорусского костюма (рубаха, сарафан, телогрейка и др.), имеются белорусско-украинские элементы (мужская и женская рубашка с прямыми поликами и отложным воротником и мужская рубашка с плечевыми паштуками), а также черты южновеликорусского комплекса (пушки, гайтан, туникаобразный нагрудник-кабатуха). В Сибири выработалось и много своеобразных видов одежды, не известных русским центральным областям (яга-доха, широкие чебары и многие другие). Вошли в обиход многие местные виды одежды (из мезаровдуги), особенно в промысловом, рабочем костюме жителей тундры.

Задействуя многие удобные местные формы одежды, русские, в свою очередь, оказали большое влияние на одежду народов Сибири, содействуя распространению более усовершенствованной техники шитья и покрова русской одежды. Многие из местных народов впервые узнали чистую, а потом и верхнюю одежду из ткани только после освоения Сибири русскими.

Г. М. Попов так писал в начале XX в. о якутах: «...ныне уж редко можно встретить якута, одетого в первобытную его одежду, сшитую из скотской кожи, а чаще теперь икуты носят одежду, сшитую из фабричной материи. ... У мужчин уже обыкновенно теперь верхнее платье состоит из пальто или блузы, сшитых поясом, шаровар и сар (сапогов) на погах: на голове у них летом фуражки, зимой шапки русского фасона». Икуты стали шить платье русского покрова; богатые икуты покупали шелк, бархат, а также русские сапоги и ботинки. Русскую одежду, особенно мужскую, стали носить алтайцы. Буряты шили свои халаты из русских тканей. Эвенкийские женщины перенимали покрой женской одежды — юбки.

Русское влияние на эвенков особенно сказалось в золотонпромышленных районах: в районе Бодайбо эвенки носили брюки, рубахи, кофты из ситца, сатина и других покупных тканей. У хакасов мужские и женские рубахи до сего времени сохраняют отдельные элементы (полики, ластовицы), свидетельствующие об их русском происхождении. Русская обувь, платки, картуз получили широкое распространение в Сибири.

УСТНОЕ ПОЭТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО

Народное поэтическое творчество русских Сибири является неотъемлемой частью поэтического творчества всего русского народа. В нем представлены все формы и жанры русской народной поэзии, созданные в разное время русским народом.

Материалы и исследования деревенских и особенно советских фольклористов и этнографов убедительно опровергают утверждения областников, будто русские Сибири отличаются от русских европейской части России особым психическим складом, что, переслав через Урал, они забыли или исказили старые предания и песни, а сами ничего заслуживающего внимания не создали. В действительности русское население Сибири очень бережно хранило, передавая из поколения в поколение, старые песни и предания, принесенные еще первыми русскими поселенцами — крестьянами и казаками.

С. И. Гуляев, посвятивший всю жизнь изучению быта и поэтического творчества русских южной Сибири, еще в 1845 г. писал: «...переселенцы уносили с собой, как заветное достояние предков, поверия, сказки и песни о былинах прежнего времени, которые передавались из рода в род, сохраняются и доныне в народной памяти, вероятно с небольшими изменениями».¹ Показательно, что именно в Сибири сохранились и были записаны старинные русские песни, предания и обычай, уже позабытые к этому времени большей частью населения европейской России. Но сибиряки, естественно, не могли ограничиться и никогда не ограничивались ролью только хранителей старинной русской поэзии. Они выступают как активные участники никогда не прекращающегося живого процесса народного поэтического и песенного творчества, внося свой вклад в общерусскую сокровищницу народного искусства.

Основной фонд устно-поэтических произведений сибиряков составляли наиболее популярные, распространенные повсюду среди русских песни и сказки. Непрекращавшийся поток переселенцев, вольных и невольных, приносил в Сибирь новые песни и рассказы, прочно входившие в местный репертуар. Большое воздействие на развитие устного творчества сибиряков, обогатив его новыми идеями и образами, оказали политические ссылочные.

Много песен, частушек, рассказов и преданий было создано самими сибиряками. В них повествуется о жизни трудового населения Сибири, об его семейном и общественном быте, даются картины сибирской природы. Любимые герои традиционного сибирского фольклора — мужественные, предпримчивые, находчивые и трудолюбивые люди, не боящиеся трудностей и смело вступающие в борьбу с суровой природой и социальными угнетателями. Таковыми и были отважные русские землепроходцы, пустившиеся в далекие неизведанные края и освоившие огромные земельные пространства. Лучшие из сибирских произведений получили широкое распространение и вошли в общерусскую народно-поэтическую и песенную сокровищницу. Всем известны, например, замечательные сибирские песни: «По диким стенам Забайкалья», «Славное море священный Байкал», «Глухой неведомой тайгою» и др.

О любви сибиряков к песне свидетельствуют многие этнографы и собиратели устного поэтического творчества. Особенно ценились хорошие песенники и рассказчики в рыболовецких и звероловных артелях. Как и на европейском Севере, артели специально приглашали хорошего сказочника, давали ему иногда лишний пай. Так

¹ С. Гуляев. Алтайские каменщики. Санкт-Петербург. вед., Сиб., 1845, № 29—30.

поступали, например, рыбаки из Байкала.¹ В Сибири известны замечательные мастера народного творчества — сказители, песенники, сказочники. Таковы, например, алтайский сказитель Леонтий Тупицын, от которого записал былины и исторические песни С. И. Гуляев,² сказочница Верхне-Ленского района Н. О. Винокурова,³ сказочник из Тувинской долины Забайкалья Е. И. Сороковиков (Магай)⁴ и многие другие.

Народное творчество русских сибиряков обогащалось и благодаря их тесному общению, дружеским связям с иерусскими народностями Сибири. Лучшие героические образы, созданные различными народами Сибири, многочисленные сибирские предания и легенды нашли отражение и в русском народном творчестве. Обмен духовными ценностями, как и обмен хозяйственным опытом и практическими навыками, был взаимным; произведения русского народного поэтического творчества прочно вошли в репертуар большинства иерусских народностей Сибири, обогастили его и способствовали значительному расширению кругозора этих народностей. Очень показательно, например, что лучший сибирский сказочник, знаток традиционной волшебной сказки Е. И. Сороковиков, рассказывал русские сказки и по-бурятски, а бурятские сказки — по-русски.

Хранителем традиционного русского фольклора в Сибири явилось в первую очередь старообрядческое население (особенно семейские) и казаки. До Великой Октябрьской социалистической революции в Сибири почти повсеместно сохранялись старины обычай и обряды: календарные⁵ и семейные — свадебные, похоронные.⁶ Это те же русские обычай и обряды, которые наблюдались и в европейской России, но приспособленные в ряде случаев к сибирским условиям (например сельскохозяйственный календарь). Наиболее отчетливо в обрядах (как и во всем поэтическом творчестве сибиряков) прослеживается северорусская традиция. Так, в Сибири распространены были колядки с припевом «виноградье» — отличительная черта северорусских колядок, не встречающаяся у средних и южных великороссов. Этнографы, описывавшие свадебный обряд в Сибири, также отмечали его близость к северорусскому. В нем те же основные части: сватовство, рукобитье (говор), смотренье, девишина, бания (где расплетают невесте косу), свадьба, блины у тестя и отводины. Свадебный обряд включает большое количество песен и причетов.

Большинство сибирских свадебных песен представляет собой варианты общерусских (чаще северорусских) свадебных песен: «Отставала лебедь белая», «Сборы вы сборы», «Ты коса ли моя косынька», «Я не знала и не ведала, ко мне сваха приехала», «Ах вы соколы, соколы» и др. Большую роль на сибирской свадьбе (как и на европейском севере) играл дружка.⁷ Следует отметить и специфические черты, отличавшие сибир-

¹ Сказки из разных мест Сибири. Под ред. М. К. Азадовского, Иркутск, 1928, стр. 134.

² Былины и песни южной Сибири. Собрание С. И. Гуляева, под ред. В. И. Чичерова, Новосибирск, 1952.

³ М. Азадовский. Сказки Верхнеленского края, вып. 1. Иркутск, 1925.

⁴ Сказки Магая (Е. И. Сороковикова). Запись Л. Элиасова и М. Азадовского, под общ. ред. М. Азадовского, Л., ГИХЛ, 1940.

⁵ Сибирский народный календарь был специально исследован А. Макаренко. См. его сводную работу «Сибирский народный календарь в этнографическом отношении» (Зап. РГО, отд. этнографии, т. XXXVI, 1913).

⁶ Похоронные причеты на Лене были записаны и исследованы М. К. Азадовским. Ленские причитания. Чита, 1922.

⁷ Подробное описание сибирской свадьбы с песнями и причетами см., например, у С. И. Гуляева, Былины и песни южной Сибири, стр. 201—247, а также в статье Н. О. Осицова «Ритуал сибирской свадьбы» (Живая старина, вып. 1, 1893), и др.

ские праздники. Среди русского населения Сибири были особенно распространены игры и состязания, требующие силы и ловкости. Так, обицательной принадлежностью сибирских святочных и масленичных увеселений являлись конские состязания и борьба. Почти повсеместно в Сибири на масленицу строили «снежный городок» — специфически сибирская игра, увековеченная на известной картине Сурикова «Взятие снежного городка». Игра сопровождалась ряжением и устройством специального карнавального поезда.¹ На масленицу устраивались и народные представления.

Сибиряки всегда ощущали себя неотъемлемой частью всего русского народа. Особенно бережно хранили они в своей памяти произведения, повествующие о героических страницах русской истории, о подвигах русских патриотов. Почти повсеместно в Сибири сохранилась эпическая традиция. Большинство исследователей считает, что первый в России сборник былин «Древнероссийские стихотворения», собранные Киршем Даниловым, был составлен в Западной Сибири. В Западной же Сибири составил большой сборник былин и исторических песен С. И. Гуляев.²

Бытвая традиция Сибири также теснейшим образом связана с севернорусской. Близость сибирских былин к севернорусским сказывается как в их содержании, так и в поэтических и языковых особенностях. В Сибири, как и в Прионежье, сохранились наиболее целые варианты былин, строго выдерживается здесь и вся эпическая «обрядность» (повторения, «общие места», традиционные зачина и концовки и пр.). На близость сибирских былин к севернорусским указывал еще первый исследователь сибирского эпоса — С. И. Гуляев. Он объяснял это тем, что старожильческое население Сибири составили выходцы из севернорусских губерний. «Первоначальное русское народонаселение тамошнего края, — писал он об Алтае, — образовалось, преимущественно, из жителей Олонецкой, Вологодской, Новгородской, Архангельской и Пермской губерний». Переселяясь в южную Сибирь, «они уносили с собой предания старины о в. к. Владимире и богатырях его, которые передавались из рода в род, сохранившись доныне, точно также как и многие забытые уже в других местах обряды и обычаи».³

В Сибири особенно любимы были героические былины, в частности про Илью Муромца. Свой первоначальный геройский характер сохранил в Сибири и богатырь Алеша Попович, в европейской России получивший нередко нелестную характеристику; в Сибири сохранилась почти забытая в европейской части былица об Алеше и Тугарине. В сибирских былинах сильные, могучие богатыри святогорусские иногда приобретают местные черты: они охотятся в дремучих лесах на распространенных в Сибири зверей, ездят по непроходимой тайге и пр. Образы богатырей воспитывали патриотизм, смелость и стойкость в борьбе, в преодолении всех трудностей.

В Сибири были записаны ранние (XVI—XVII вв.) исторические песни («Взятие Казани», «Кострюк», песни об Ермаке, Скопине, Степане

¹ Взятие снежного городка описано А. Макаренко (Сибирский народный календарь в этнографическом отношении), М. В. Красноженовой (Взятие снежного городка в Енисейской губернии. Сиб. живая старина, II, 1924), А. Новиковым (Несколько заметок о сибирской маслянице. Сиб. живая старина, VIII—IX, 1929).

² Былины в Восточной Сибири записывали М. А. Зевзинов, Н. Протасов, А. Макаренко, И. А. Чеканинский и др. В. Г. Тан-Богораз записал былины и исторические песни на Колыме.

³ С. И. Гуляев. Сибирские круговые песни. Изв. Акад. Наук, СПб., 1853, стр. 163.

Разине и др.). О распространенности в Сибири песен об Ермаке свидетельствует Сибирская летопись.

Не случайно самый полный вариант песни о героическом походе Ермака в Сибирь находится в сборнике Кирши Данилова. Распространены в Сибири были песни и предания о Степане Разине. Почти повсюду знают песню о «сынке» Разина, наиболее социальной пасынковой из всех песен разинского цикла, в которой высказывается вера в скорую победу народа. Разин в Сибири, как и в Поволжье, осмысливается как воаждь бедноты, выразитель ее чаяний. «Слава о его похождениях и о хорошей жисти у нево была на всю Россию. Вместе с броляжной, вольной парод ходил к нему нарочи», — говорится в предании о Степане Разине.¹ Дальше в этом предании рассказывается, как ушел от купца и был с почетом принят Разиным лимонщик, тянувший баржу по Волге. Образы Ермака и Разина воплощали социальные идеалы трудовых масс, стремление к социальной справедливости.

О большом уважении сибиряков к историческим песням свидетельствует и то, что некоторые из них вошли в праздничные обряды и представления.

В Тавдинском районе записано представление «Масленица», составной частью которого являлась разыгранная как пьеска песня о Кострюке.² С. И. Гуляев сообщает, что на Локтевском заводе во время игры — взятия снежного городка — пели песню о Суворове. На Колымах песня о Скопине пелась на святках, как «Виноградье».

Сибирские крестьяне и казаки складывали исторические песни и о местных событиях. Две такие песни (не считая песни о сибирском походе Ермака, собственно тоже сибирской) есть уже в сборнике Кирши Данилова: «Поход селепгинским казакам» («А за славным было батюшком, за Байкалом морем») и «Во Сибирской Украине, во Даурской стороне». Особенно интересна вторая песня, повествующая о трудностях, связанных с освоением Приамурья, о том, как казаками на устье Комары,

На славной Амуре реке
Крепость поставлена,
А и крепость поставлена крепкая,
И зделан гостиный двор
И лавки каменны³

У амурских казаков была записана песня об их насильственном переселении на Амур:

Нас на Амур-то ведь силой селили,
Сунут в болото и скажут: «село».⁴

О богатстве сказочной традиции в Сибири дают представление сборники М. К. Азадовского (указаны выше), М. В. Красноженовой и публикации сказок в разных местных изданиях (особенно в изданиях отделов Русского Географического общества). В Сибири записаны почти все распространенные русские сказки, причем часто в очень полных и художественных вариантах. Среди них значительную долю занимают волшебные сказки, с большой силой воплотившие веру русского народа в торжество справедливости, в победу человека над враждебными ему

¹ А. Макаренко. Сибирские песенки старинные, стр. 36.

² Н. Е. Оичуков. Три варианта песни о Кострюке. Сб. Отд. русск. яз. и словесн., т. 1, 1928, № 3.

³ Древние российские стихотворения, собранные Киршию Даниловым. М., ГИХЛ, 1936, стр. 220.

⁴ А. П. Георгиевский. Русские на Дальнем Востоке, вып. IV. Фолклор Приморья. Владивосток, 1929, стр. 86.

стихийными и социальными силами. Знатоком и мастером таких сказок являлся, как уже было сказано, Е. И. Сороковиков. От него были записаны такие популярные русские сказки, как «Иван царевич и серый волк», «Волшебное кольцо», «Звериное молоко», «Отдай то, чего не знаешь дома», «Еруслан Лазаревич», «Бова королевич» и др. Большой социальной насыщенностью и остротой отличаются сибирские сатирические сказки. Так, в сборнике М. В. Красноженовой в сказке «Жестокая барыня» в роли барыни выступает Екатерина II, и сказка, таким образом, уже является сатирой не только на помещиков, но и на русское самодержавие. Остроумно и зло обличается высшее духовенство в сказках Е. И. Сороковикова «Беснечальный монастырь» (вариант известной русской сказки) и «Видел ли архиерей душу человека?». Героем сатирических и многих волшебных сказок выступает умный, находчивый и смелый сибирский крестьянин или солдат.

Сибирские сказки дают очень много для характеристики быта дореволюционных сибирских крестьян. В сказках очень часто выступают охотники, бродяще по непроходимой тайге и горным ущельям, хорошо знающие все лесные тропы, все приметы и повадки зверей. Нередко в сказках действуют принскатели, бродяги или беглые — типичные фигуры старой Сибири, бывшей страной каторги (образ бродяги и беглого нашел очень яркое отражение и в сибирских песнях).

Герои сказок живут в избах, обставленных по-сибирски, охотятся на сибирских пушных зверей и пр. Отправившись на охоту или в дальний путь, они всегда надевают утлы, мать или жена пекут им на дорогу шанежки, изгнанная мужем оклеветанная жена строит в лесу юрту, в которой и живет с сыном. В одном варианте сказки «Волшебное кольцо» герой покупает не собаку и кота, как обычно, а собаку и соболя. Таких черточек, характерных именно для Сибири, в сказках можно найти очень много.

Богаты и разнообразны сибирские песни. С. И. Гуляев, первый попытавшийся классифицировать сибирские песни, выделил большую группу «круговых» песен. Эту группу, включившую большинство лирических песен, он подразделил на песни, сопровождаемые играми, и просто круговые. «Эти песни, — указывал С. И. Гуляев, — известны повсюду, они поются на отдыхе от трудов и семейных праздниках, ими потешаются старики, ими тепится и молодежь, выражая в них задушевные чувствования и желания собственной юности и любви». ¹ Гуляев указывает, что эти песни пелись от пасхи до троицына дня, затем с осени на «капустках», супрядках и вечорках и от рождества до масленицы. Летом песни пелись преимущественно во время помочей при уборке сена и хлеба. Помимо круговых песен, имеются и песни «проголосные».

Более подробную классификацию песен дает А. Макаренко. ² Он указывает, что само население подразделяет необрядовые песни на несколько категорий. Самую большую группу составляют песни проголосные или протяжные; это песни, не связанные с обрядом или играми и поющиеся при любом случае. Вторую группу составляют песни «игровые», делящиеся, в свою очередь, на «короводные», «избушковные» или «банные», — песни смешанного характера, поющиеся девушками во время осенних и зимних работ по изbam или баниям.

Содержание большинства проголосных песен — обычное для русской традиционной крестьянской песни. Это любовные песни, дающие образы

¹ С. И. Гуляев. О сибирских круговых песнях. Отч. зан., 1839, т. III, стр. 58.

² А. Макаренко. Сибирские песенные старины, стр. 3—4.

доброго молодца и красной девушки, песни о разлуке из-за отъезда милого на чужбину на заработки или в службу государеву, из-за социального и имущественного неравенства; милый женится на другой, постылой, но богатой, родители хотят выдать девушку за немилого и т. д. Большую группу составляют песни о тяжелой жизни женщины в большой патриархальной семье. Игровые песни нередко отражают трудовые процессы, например песня «Пора пашню пахать» показывает все процессы обработки гороха, от его посева до печения широга, и др.

Сибирские песни богаты и мелодичны. Н. Протасов сообщает, что Н. А. Римский-Корсаков, просмотревший собранные им в Сибири песни, отметил в них «признаки древней русской чистой мелодии, представляющие из себя ценный вклад в литературу по народному творчеству». Мелодии сибирских песен в большинстве своем характерны и для великорусских песен.

В ряде мест Сибири заметно сказывается влияние украинской песни (в местах, где было много украинских переселенцев). Так, А. Макаренко записал в Енисейской области песню о «Карнaluge», т. е. о Кармелюке, и «За Сибирью солнце светит» — одну из распространенных украинских песен, по тематике и идеяльному содержанию перекликающейся с русскими песнями о восстании Разина. Особенно сильно влияние украинской песенной традиции в Приморье, где большую часть населения составляли украинцы.

Специфически сибирскими песнями являются песни о тяжелой каторжной работе, о бегстве из тюрьмы (например, «Ланцов из замка убежал») или с каторги, о бродягах, пробирающихся «звериной узкою тропою» домой, к любимой семье. В песнях с сочувствием рисуется образ бродяги, смелого и вольнолюбивого. Часто образ бродяги осмысливается как образ борца за свободу, за справедливость. Герой песни страдает за общее дело, он сослал «не за пьянство и буйство, и не за почной разбой», а «за крестьянский мир честной». Правдиво изображается в песнях тяжелая участь каторжника и ссыльного, показывается помочь им со стороны местного населения:

Хлебом кормили крестьянки мечя,
Парни слабяли махоркой.

Это вполне согласно с сибирскими обычаями, где у изб устраивались даже специальные полочки, куда на ночь клади хлеб и другие продукты для беглых.

Со второй половины XIX в. в Сибири, как и во всей России, начинают широко распространяться романсы и песни на слова русских поэтов. Все большее и большее место в песенном репертуаре начинает занимать революционная песня, приносившаяся в Сибирь политическими ссыльными. Повсюду начинает звучать частушка, широко отражавшая местную жизнь.

Особо следует отметить поэтическое и песенное творчество сибирских рабочих. Наиболее ранние из зафиксированных песен отражают быт рабочих, приписанных к казенным заводам. Организация работы на заводах по военному образцу описана в песне «О горные работы... они всем дают заботы».² Песня является одним из ранних дошедших до нас

¹ Н. Протасов. Как я записывал народные песни. Изв. ВСОРГО, 1904, т. XXIV, стр. 132.

² Впервые эта песня была записана Е. И. Паремоновым и опубликована в «Томских губернских ведомостях» (1865, № 17—18). Варианты ее приведены в работе В. И. Семенского «Из истории обязательного герного труда в России» (Иркутск, 1897).

произведений рабочих (она восходит, вероятно, к XVIII в.) и дает возможность судить о начальном этапе русского рабочего устно-поэтического творчества. В песне подробно, с большим знанием описаны распорядок работ на Змеиногорском руднике (*«Змеевская плавильня»*), тяжелый «урок», который должны рабочие выполнить, рабочий инвентарь. Заключительные слова песни:

Мы по улице пойдем,
Громко песни запоем,
Как начальство «любит» нас,

говорят о наличии и популярности в рабочей среде сатирических песен, обличавших заводское начальство в раскрывавших суть взаимоотношений рабочих и горной администрации. Такая же картина рисуется и в песне *«На промывку на ручной»*. Она свидетельствует о недовольстве рабочих существовавшим порядком и в то же время показывает, что рабочие еще не знали, где искать выхода:

Жаловаться не знаем кому,
Только богу одному.
До его высоко, до царя далеко.

Наиболее частым выходом, к которому прибегали крепостные рабочие (а также каторжные и ссыльные, работавшие на сибирских рудниках), было бегство. «Характерной особенностью крепостного права на заводах было то, что в это время создался тип крепостных беглых», — писал Д. Н. Мамин-Сибиряк. В рабочих песнях часто поется о бегстве рабочих.

Рабочие радуются, что проходит «зима с морозом», что теперь можно бежать:

Мы конвой весь перевяжем,
Караульных разобьем,
Мы оружье все захватим,
Сами в лес с ним удерем.¹

Популярным в рабочем творчестве становится образ беглого-мстителя. Этот образ особенно разработан в рабочих сказах.

Сказы алтайских рабочих, записанные А. А. Мисюревым,² рисуют страшную картину труда и быта на алтайских горных заводах до реформы. В них говорится об изнурительном труде — тяжелых «уроках», об издевательствах над рабочими приказчиков и надсмотрщиков. Администрация не только не пыталась облегчить труд рабочих, но даже нещадно наказывала рабочих за попытки применить кое-какие улучшения и приспособления.

Били рабочих по всякому поводу и без повода. Была разработана система наказаний — гоняли «сквозь строй», «драли на кобылине кнутом» и т. д. От такой жизни рабочие «делали побеги, а потом начали бунтовать». Некоторые сказы говорят о бунтах, о том, как рабочие расправлялись с особо ненавистными управляющими. Рассказы о расправе с управляющими и приказчиками показывают ненависть рабочих к угнетателям и незрелость сознания рабочих — рабочие еще думали, что все зло идет от непосредственного начальства и если заменить жестокого управляющего другим, более хорошим, то и жить станет лучше. Характерна концовка сказа, повествующего об убийстве рабочим ненавистного

¹ Песни и устные рассказы рабочих старой Сибири. Сост. А. Гуревич, Иркутск, 1940, стр. 19.

² Легенды и были. Сказания алтайских мастеровых. Записи, статья и прим. А. А. Мисюрева, под ред. проф. М. К. Азадовского, Новосибирск, 1938.

управляющего Пирожкова. Рабочий принял казнь «за народ», «а рабочим, верно, стало жить получше. Прислали из Горного корпуса нового управляющего. Тот был помягче».¹

Ненависть рабочих к тяжелому принудительному труду сочетается в их рассказах с уважением к мастерству, к рабочему человеку,ющему все сделать. «А какой был работник! Не было такой работы, чтобы не срубил. Загубили его изъедучи под решетом», — говорится о талантливом рабочем, загубленном мастером-змеей. Показательно, что протестуют, выступают борцами за социальную справедливость лучшие рабочие. «Вот он, какой был, батя Олеин! Робить здоров и ничего не боялся, шел за правду», — так характеризуется один из беглых.

Рассказы о беглых рабочих-мстителях, созданные на основе действительных фактов, содержат много общих мотивов с «разбойничими преданиями»: героя не берут пули (убить можно только медной пуговицей), с него спадают кандалы, из тюрьмы он обычно уходит, попросив напиться и окунувшись в ковш, и т. п. Но все эти рассказы конкретизируются в них включаются такие же подробности быта крепостных рабочих, как и в рассказах-воспоминаниях.

На каждом заводе были рассказы о своих беглецах. В Горной Колывани рассказывали о двенадцати братьях Белоусовых, на Локтевском заводе — о Криволуцком, в Салайре и Гурьевском заводе — о бунтаре Сороке. Во всех этих рассказах много общего. Беглые — обязательно бывшие рабочие, и притом лучшие рабочие, «мастера на все руки». Они бежали, не вытерпев притеснений и издевательств. Сделавшись «разбойниками», они грабят и убивают только управляющих, купцов и чиновников. Простой народ они не только не трогают, но и всячески помогают ему. Так, Криволуцкий ездил днем по деревням и высматривал, где ребятишки плохо одеты, а ночью привозил к этим избам детскую одежду. Беглецы шли за свободу, поэтому им «от народа уважение было». Народ никогда не выдавал их, помогал скрываться.

Легенды о Селезне-разбойнике говорят о появлении у рабочих сознания необходимости организации для борьбы. Селезень не только грабил «купцов проезжих да чиновников заводских», а пытался организовать и поднять на борьбу крестьян. Он ездил по деревням, уговаривал мужиков и внушил им: «Эх вы, мужичье сиволапое, работаете день и ночь, а пакого — и сами не знаете. Бросили бы все — не хотим, мол, и баста, а чинодралов этих, приставов разных да урядников, придушили бы, как клопов».

Рабочие Алтая создали легенды о хранителях горных богатств, о Горном батюшке, который помогает рабочим, предупреждает их о готовящемся обвале и т. п.

Песни и особенно легенды алтайских рабочих являются прекрасным источником для изучения быта и процесса формирования общественного сознания рабочих. Они раскрывают трагедию приспешных рабочих, создавших богатства для эксплуататоров. С этими песнями и рассказами много общего имеют и произведения «свободных» рабочих, условия труда и быта которых были не лучшие.

О Сибири, ее пенищераемых природных богатствах ходили легендарные рассказы. «Сибирь — золотое дно», — говорит сибирская пословица. Привлеченные этими рассказами, в Сибирь шли разоренные, обездемеленные крестьяне, надеявшиеся здесь найти золото и разбогатеть. Но «золотым дном» в буквальном и переносном смысле этого слова Сибирь была только для богачей. «Золото роем, а сами голосом поем», «Кто на прив-

¹ Легенды и были, стр. 14.

исках не бывал, тот и горя не видал», — говорили о себе рабочие золотых приисков. Песня рабочих дает яркую, взятую непосредственно с натуры картину приисковой жизни:

Мы по собственной охоте
Были в каторжной работе
Во большой тайге.
Там пески мы промывали,
Людям золото искали,
Себе не нашли...
Приисковые портаки
Для одних хозяев сладки,
А для нас — беда.
Щи хлебали с тухлым мясом,
Занивали жидким квасом
Мутную водой...
Много денег нам сулили,
Только мало получили:
Вычет одолел.¹

Постепенно у рабочих начинает вырабатываться сознание необходимости организованной и последовательной борьбы за свои права, появляется понимание того, что только ниспровержение самодержавия и капиталистического строя может изменить их положение. В выработке революционного сознания у сибирских рабочих большая роль принадлежала ссылочным большевикам. В июле 1902 г. в № 22 ленинская «Искра» писала в корреспонденции из Забайкалья: «Волна рабочего движения перекинулась вместе с железной дорогой через Урал и разлилась по всей Сибири. . . Слишком уж необычайная это венец: вдали от культурных центров, в глухи Сибири, в горах Забайкалья слышится революционная песня, печатаются и распространяются прокламации, шевелится рабочий». Революционные песни, зазвучавшие в Сибири, были те, что звучали по всей России в годы подготовки и проведения первой русской революции. Наряду с этим в сибирском рабочем фольклоре продолжает развиваться и местная тематика. Образцом устных поэтических произведений сибирских рабочих, созданных перед Великой Октябрьской социалистической революцией, являются песни о Ленском расстреле и рассказы о революционных событиях на Ленских приисках.

НАРОДНОЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

Народное изобразительное искусство русского населения Сибири очень богато и отражает его исторические судьбы. Заселяя Сибирь, русские несли сюда выработанные ими ранее навыки в обработке дерева и металла, в строительство домов, городов и укрепленных пунктов, на новом месте продолжали заниматься различными ремеслами.

Там, где условия этому благоприятствовали, те или иные виды народного творчества не только полностью сохранили свое значение, но и удерживали многие черты и особенности, родившиеся с крестьянским искусством европейской части России. В таких условиях находилось прежде всего искусство Западной Сибири. Здесь развивались разнообразные формы городской архитектуры и сельского зодчества, богатое и красочное декоративное искусство, вышивка, набойка, кружево.

В различных районах Восточной Сибири, особенно на крайнем северо-востоке, условия были иные. Русские жили здесь менее компактными мас-

¹ Исполни устные рассказы рабочих старой Сибири, стр. 45.

сами, отдельные группы их нередко оказывались в более тесном окружении нерусского местного населения, среди суровой природы, связь из европейской частью русского народа была слаба. На юге и юго-востоке русские жили в соседстве с населением Монголии, Китая и Маньчжурии. Рядом со старорусскими в Восточной Сибири возникли и развилисьевые формы искусства, в которых чувствуется иногда влияние художественного творчества народов южной Сибири и зарубежных стран Востока. Таким образом, судьба русского народного искусства в Сибири была неодинакова. В одних областях оно удержало свой прежний облик, в других — частично утратило его и приобрело новые черты. В северо-восточных районах Сибири некоторые виды изобразительного искусства, широко представленные среди русского населения Западной Сибири, встречаются редко или не известны вовсе. В Западной и южной Сибири, где плотность населения значительно выше, чем в восточных областях, количество памятников народного творчества довольно велико, и они отличаются большим разнообразием, чем, например, на северо-востоке.

Наличие или отсутствие леса, близость или удаленность административных центров, характер путей сообщения между населенными пунктами, районами или городами, приток необходимых товаров, количество и характер ярмарок и многие другие обстоятельства имели немаловажное значение для развития и состояния народного искусства. Так, например, в зоне тундры, где население могло пользоваться только сплавным лесом, последний очень ценился и его едва хватало на постройку изб. Поэтому резьба по дереву в этих районах не получила развития. Промышленные товары доходили на Север с большим трудом и опозданием. Связь с соседними населенными пунктами была слабой, да и сами эти пункты находились на значительном расстоянии друг от друга. Невозможность заниматься на Крайнем Севере разведением льна также имела свои последствия. Здесь пользовались привозными тканями и шили одежду из меха и оленьей ровдуги.

Для понимания тех или иных местных особенностей изобразительного искусства существенное значение приобретают данные о том, из каких районов и областей европейской России направлялись в Сибирь первые и последующие потоки населения, где они смешивались и каков был социальный состав переселенцев. Эти данные объясняют нам, почему, например, в одних случаях русская вышивка включает в себя украинские мотивы, в других обнаруживает черты сходства с орнаментом тех или иных центральных или северных районов европейской России. В пределы Западной и северо-западной Сибири, например, русские стали проникать преимущественно из северных и северо-восточных областей России. Крупными культурными центрами явились здесь построенные в XVI—XVIII вв. города, здания которых по своему архитектурному облику во многом напоминали постройки европейского Севера — мазепинские, двинские и заонежские.¹

Наиболее богато представлены в русском крестьянском искусстве Сибири орнамент и другие виды декоративного искусства. Живопись и скульптура менее развиты и имеют ограниченное распространение. Деревянная скульптура чаще всего встречается на домах и воротах. Это — охлушки, передний конец которых оформлен в виде коня, птицы или головы оленя (Томская и Омская области), петушки над окнами или на воротах (Алтай), деревянные вазы на воротах (Западная Сибирь).

¹ До 80-х годов XVII в. все постройки в западно-сибирских городах были деревянные. Первое каменное здание — Успенский собор — было построено в Тобольске между 1688 и 1686 гг.

1

2

3

4

Роспись внутренних частей жилища. Масло. Бухтарминцы

1 — простенок в горнице; 2 — простенок, деталь; 3 — стена оноло переднего угла, деталь;

4 — матица, деталь

«Один с ложкой, а семеро с вилкой». Скульптура из кости. Работа тобольского мастера П. Терентьева

профилированные воротные столбы и коновязи (Томская область). На Алтае у «шоликов» распространены были прежде фигурки птиц, сделанные из соломы, с бумажной головой и такими же крыльями. Их подвешивали к потолку, обычно в сенях дома. Русские старожилы на р. Индигирке устанавливают около дома высокие шесты с деревянным флюгером, средняя часть которого вырезана в виде животного или птицы (гуси).

В старинных церквях Восточной Сибири (например, в с. Китой и в г. Киренске) в XIX в. можно было встретить изображения Христа, Богоматери и святых, вырезанные из дерева. Они были очень выразительны и во многом напоминали пермскую и северорусскую деревянную скульптуру.

Тобольск издавна славится своими изделиями из мамонтовой кости. Особенно удачны небольшие костяные изображения животных (северных оленей, собак), охотников-хантов, пеонцев, едущих в нартах, запряженных оленями, а также небольшие барельефы. Крупным, вполне самобытным мастером резьбы по кости в конце XIX — начале XX в. был крестьянин Порфирий Терентьев (умер в конце 20-х годов XX в.); из других резчиков, работавших в конце XIX в. и в советское время, следует упомянуть Бенгерского, Фоникова, братьев Невских, Денисова и Пескова. Производство костяных изделий носило характер промысла. Вещи продавались в Тюмени, Тобольске и Кургане, в большом количестве изготавливались по заказам из Петербурга, Москвы, Риги. Кроме Тобольска, художественной обработкой мамонтовой кости занимались отдельные мастера в Барнауле, Челябинске, Омске, Туруханске и других городах. Хорошими резчиками были камчадалы. Чаще всего они вырезывали из кости и рога небольшие фигурки животных и птиц.

Во многих областях Сибири до сих пор местные гончары занимаются производством поливных и раскрашенных глиняных игрушек.

В XIX — начале XX в. отдельные мастера, работавшие в Тобольске и Березове, изготавливали по заказам хантов и пеонцев и по их образцам литье медные женские украшения с фигурами птиц и оленей, заключенными в круг.¹

¹ В конце XIX в. в Митинской волости Тобольской губернии существовала меднолитейная мастерская, в которой отливались медные кресты, складки, а также икошки старообрядческого типа, украшенные эмалью. В XVII—XIX вв. среди хантов, мавши, пеонцев, эвенков, эвенов, юкагиров, отчасти якутов и бурятов были распространены старинные русской работы медные и бронзовые бляхи, с барельефными изображениями кентавров, петухов, каких-то летящих птиц, всадников и т. д.

«Охотник-остяк». Скульптура из кости. Работа тобольского мастера И. Терентьева

половине XIX в. был широко распространен расписной орнамент, которым покрывали стены и потолки домов, кутные заборки, двери наличники, ставни и печи. Зажиточные крестьяне, кулаки и торговцы расписывали свои дома очень богато, бедняки довольствовались простой раскраской некоторых частей дома или скромным орнаментом, украшавшим двери, ставни или опечек. Первые обычно панировали для этой цели приезжих мастеров, чаще всего тюменских. Для росписи западносибирских областей и Алтая характерны красная, зеленая, синяя краски, для восточносибирских — синяя, зеленая, коричневая, серая, иногда белая.

Орнамент включает в себя как растительные, так и геометрические мотивы — гирлянды, листья, круги («солице»), концентрические крутизны, зигзаги, треугольники, квадраты, завитки, полосы. Имеется роспись «под кирпичную кладку», «под мрамор», «под орех», в которой чувствуется влияние города. В новых домах роспись встречается редко или отсутствует вовсе.

Наряду с монументальной росписью, широко бытовали деревянные и берестяные расписные посуда, утварь и мебель. Много подобного рода предметов изготавлилось в селах и деревнях б. Тюменского округа Тобольской губернии. Особой известностью пользовались тюменские берестяные туясы (бурачки), которые можно было встретить в различных

Из живописных работ на бытовые темы заслуживают внимания изображения, которыми покрывались стены домов, кутные заборки, ставни, двери и печи. Подобного рода изображения встречались как в западных, так и в восточных областях Сибири и были довольно разнообразны: Ермак Тимофеевич, сценки охоты, чаепитие, львы, петухи, фантастические птицы, птицы, сидящие на ветвях, грозди винограда, газоны, кусты, букеты, отдельные деревья с цветами и плодами. В настоящее время такие изображения встречаются редко.

Наиболее богато представлен в крестьянском искусстве орнамент. В техническом отношении орнамент очень разнообразен. В Сибири наиболее распространены расписной орнамент по дереву и бересте, резной орнамент по дереву и вышивка. Реже встречаются выжигание, штамп по бересте, применение с декоративной целью металла, орнамент на глиняной посуде, меховая мозаика, тканый орнамент набойка, кружево, введение в вышивку цветного бисера. В XVIII в. в некоторых городах Сибири наружные стены каменных церквей богато украшались резьбой, городками, полу-колоннами, карнизами. Одним из замечательных памятников этого рода является Крестовоздвиженская церковь в г. Иркутске, построенная в 1758 г.

В западносибирских областях, на Алтае в Иркутской области и Забайкалье во второй

¹ Здесь опускаются такие виды живописных работ, как иконопись, раскрашивание лубочных картинок и т. д.

«Сеттер». Скульптура из кости. Работа тобольского мастера П. Терентьева

областях Западной Сибири. Тюменские мастера уходили на заработки далеко за пределы своего округа. Их приглашали к себе и алтайские кержаки. Этим объясняется сходство многих расписных кержакских изделий с тюменскими. По словам самих кержаков, расписаная посуда и утварь появились у них только в конце XIX в. Раскрашивались и расписывались прилки, посуда для кваса, кадки, дуги, табуреты, лавки, столы, диваны, иногда кровати. Роспись на этих предметах носила тот же характер, что и настенная. Расписные дуги встречались и в других местах Сибири, например в Якутии, на Амуре. Во второй половине XIX в. туринские ремесленники по заказу крестьян расписывали им металлические подносы.

Резной орнамент принадлежит в Сибири к одному из широко распространенных видов народного искусства. Наиболее богата резьба на жилых домах Западной Сибири, Алтая, отчасти Иркутской области и в городах Якутии. Крестьяне украшают свои избы резными причелинами, наличниками, фризами, карнизами, повалами.¹ Колонки крылец были передко профилированы, над воротами устанавливались фигурино вырезанные верхи. В областях Западной Сибири была широко распространена выемчатая резьба, исполняемая при помощи топора, ножа и долота. Изредка применяется выжигание. Мотивы орнамента преимущественно геометрические (розетки, зигзаг, зубцы, шевроны, сухарики, шашки, ромбы). В областях, близайших к Уралу, архитектурная резьба обнаруживает значительное сходство с декором крестьянских построек европейской части России; в отдаленных от Урала областях она носит более самостоятельный характер. В Томской области в крестьянской резьбе иногда встречаются мотивы, общие с хантыйскими.

На Алтае паряду со старой выемчатой резьбой встречается более поздняя, пропильная. Кроме типично русских мотивов, постройки здесь передко украшаются мотивами орнамента, характерного для соседних с кержаками казахов, а в деревнях, расположенных близко к границам Китайской Народной Республики, — мотивами восточноазиатского про-

¹ Выступающие концы бревен.

Ворота, украшенные пропильной резьбой. Бухтармицы

исхождения. В Иркутской области приемы и мотивы старины русской резьбы сочетаются с более поздней техникой, принесенной сюда притяжными мастерами. Они передко вводят в резьбу городские мотивы, например вазы на столбах, обрабатывают дерево «под камень». За Байкалом в русской пропильной резьбе чувствуется влияние монгольского орнамента.

Семейские удерживают в архитектурном декоре старины русские мотивы.

В пределах Якутска и его окрестностей русские деревянные постройки украшены не менее богато. Широко распространена в настоящее время техника пропильной резьбы, орнамент которой включает некоторые мотивы якутского происхождения. В Вилюйском районе резьбой украшены лишь отдельные дома. Образцов старины резьбы в Якутии сохранилось немного. Некоторое представление о ней дают детали оформления башен Якутского острога. Крепельный тес этих башен был украшен копьевидными концами, бревенчатые кронштейны — профилировкой, балконы на балконах также были профилированы.

На Амуре в архитектурной резьбе рядом с русскими мотивами (розетки) иногда встречаются фигуры драконов и китайские символические знаки. Это объясняется тем, что в отдельных случаях резьбу на домах исполнили китайские мастера. Крестьяне покрывают иногда резьбой домашнюю утварь, дуги, ткацкие станы, прядки, коробки, украшают полочки, мебель.

Металл в бытовом декоративном искусстве встречается редко. В деревнях юго-западного Алтая своеобразным способом украшения домовых фризов была набивка на них квадратных кусочков жести. Полосками жести обиты сундуки, но эти предметы привозные. Заикитоные керзаки украшали конские седла накладными серебряными пластинками казахской работы.

Вышивка применяется очень часто, и весьма разнообразна по материалу, техническим приемам и мотивам орнамента. Она встречается на женской и мужской одежде, головных уборах, обуви, рукавицах, перчатках,

Русский дом с резными украшениями работы китайского мастера. Бывш. Нижне-Амурская обл., с. Богородское

кисетах, скатертих, оборках кроватей и на других предметах. Вышивают по материи и по коже, употребляя для этой цели цветные бумажные шелковые и шерстяные нитки, золотые и серебряные нитки, белый олений волос, тонкие кожаные ремешки. Оригинал вышивок состоит из прямолинейных или криволинейных геометрических фигур, растительных побегов, цветов, листьев, бутонов. Западносибирский вышивка в основе своей также северорусская, но наряду с русскими в ней встречаются казахские мотивы и применяется казахский шов (тамбур). На Амуре северорусские мотивы встречаются рядом с типично украинскими (полотенца, фартуки). На Анадыре в русской вышивке наблюдается значительная примесь юкагирских, чукотских и корякских геометрических мотивов; некоторые технические приемы вышивания также заимствованы от юкагиров.

Вышивка исполнялась большею частью для себя, но в некоторых областях Сибири ею покрывались предметы, предназначенные для продажи. Так, например, в Тобольской губернии изготавливались вышитые полотенца и скатерти; расшитые цветной шерстью рукавицы отправлялись в Восточную Сибирь; на Алтае у «поляков» можно было купить вышитые полотенца, кокошники, сарафаны, фартуки; на Анадыре (с. Марково) в значительном количестве изготавливались вышитая одежда, перчатки и обувь, продававшиеся на Колыме и в Гижиге.

Марковские мастерицы наряду с цветными шелковыми и бумажными нитками употребляют при вышивании белый подшнейный волос оленя. Вышивальщицы нередко пользуются тонкими кожаными ремешками (светлыми и темными), пропуская их через разрезы в коже. Оригинал, вышитый волосом, очень мелкий, строго геометрический. Кожаные сумочки украшаются орнаментом из стаченных кусочков светлой или темной кожи, вырезанных в форме треугольников, квадратов или полос. Иногда

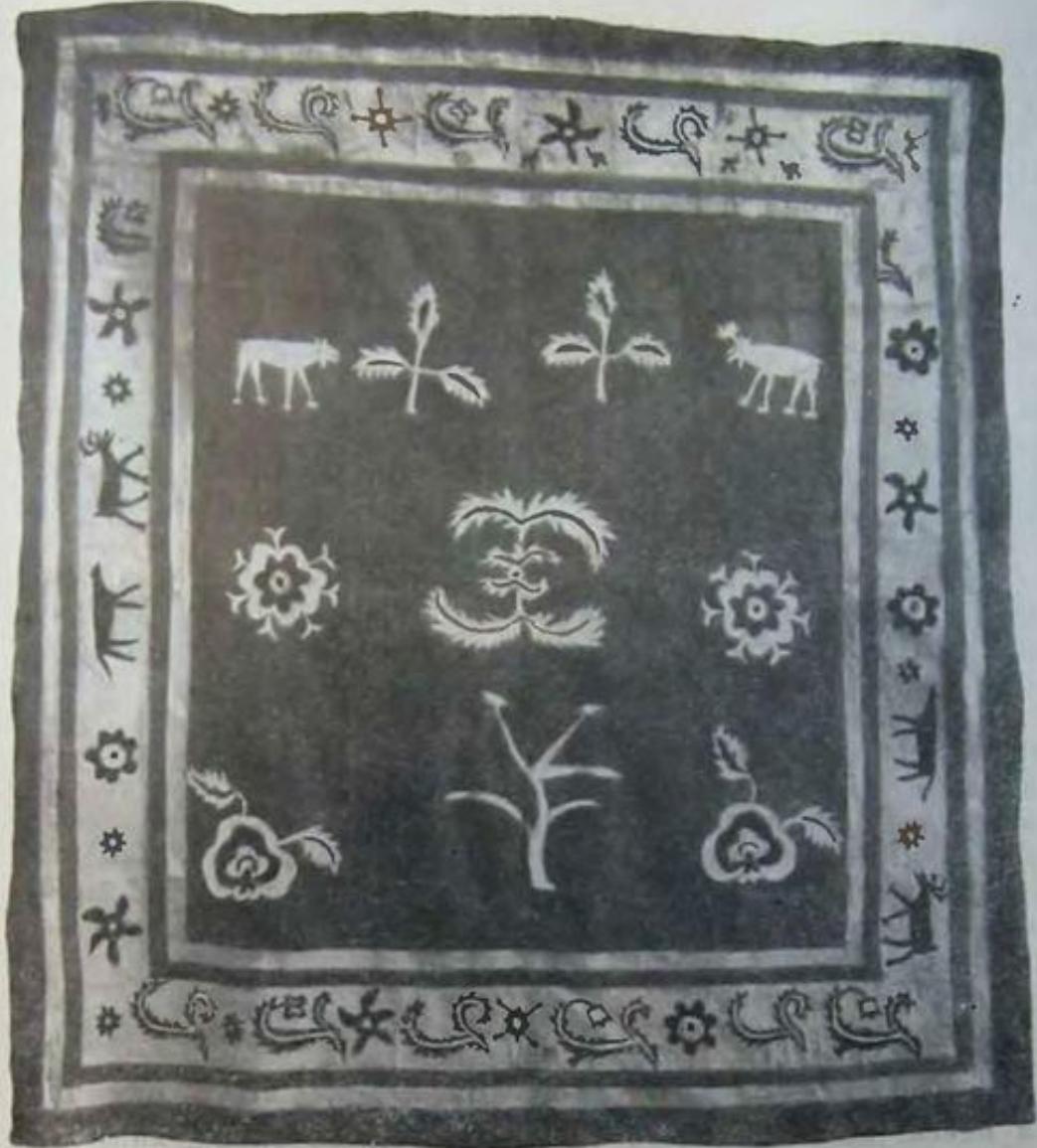
(например на кожаной обуви) орнамент состоит из накладных ажурных геометрических фигур, вырезанных из тонкой кожи. Рядом с ними помещаются на тех же вещах (обуви, рукавицах) крупные яркие цветные бутоны и листья, вышитые цветными нитками по материи.

В XIX и начале XX в. в некоторых женских монастырях (Томск, Тюмень, Туинск) существовало производство золотопвеных изделий, широко расходившихся по Приуралью и Сибири. Вышивка золотом и серебром известна была и алтайским «поликам». Ею украшались главным образом женские кокошки и позатыльники. Иногда две-три золотые нитки подгнивались на полотенцах, вышитых цветными нитками. Те же «полики» применялись для украшения рубах позумент или разноцветные шнуры. Такого рода изделия встречались в семьях зажиточных крестьян. В 20-х годах XIX в. употребление золотых ниток при вышивании обуви отмечено у русских Колымского округа. Большим разнообразием отличались художественные работы в семьях богатых керхаков. Женщины у них на сельскохозяйственную работу не выезжали, так как на полях работали панятые для этой цели казахи. Использование насыщенного труда позволяло женщинам уделять больше времени вышиванию и вязанию.

Узорное тканье известно не только на Алтае. Им повсеместно занимались в Тобольской губернии. Почти в каждой деревне были мастерицы, бравшие заказы на узорные «брани», но домотканые изделия постепенно вытеснялись фабричными. Узорные тканые пояски изготавливали крестьяне Иркутской области. Орнамент на этих поясках был геометрический (крючки, ромбы). В домах алтайских керхаков встречались ковры тюменской работы, а также казахские ковры, украшенные геометрическими мотивами.

Большой известностью пользовались шерстяные тюменские ковры, производством которых в XIX и начале XX в. занято было значительное число ткачих. В 1864 г. изготовлено было до 20 000 ковров, в 1871 г. до 30 000, в начале XX в. ежегодно вырабатывалось не менее 80 000 ковров. Ткались ковры на простых станах — кроснах. В изготовлении ковров принимали участие и мужчины. Материалом служила овечья и коровья шерсть, краски были покупные (анилиновые), но некоторые красители (буро-красная, желтая, бурая краски) приготовлялись домашним способом. В старину пользовались преимущественно растительными красками. Тюменские (позже и ишимские) ковры имели широкий сбыт. Они продавались на базарах в различных городах и деревнях Западной и Восточной Сибири, вывозились на Ирбитскую, Ишимскую и Нижегородскую ярмарки, продавались в шорных лавках Москвы и Петербурга, попадали в Варшаву и Кяхту. Цена ковров, отличавшихся сравнительно грубой выделкой, была невысокая.

Ковры разделялись на ворсовые (махровые, или «морховые») и безволосные (паласы). Среди махровых различались пастольники и сундучные ковры. Узоры для них ковровщицы выдумывали сами или копировали с попадавших к ним предметов, иногда брали с этикеток. Преобладали цветы и листья. На центральном поле обычно помещали крупный букет, для бордюра использовали мелкие цветочные мотивы. Фон чаще делался темным, реже белым. Кроме цветочных мотивов, изредка встречались фигуры животных (кошачьи, собаки, кошек, оленей), иногда изображения человека. Узоры на паласах отличались простотой. История возникновения коврового промысла в Тюменской области недостаточно выяснена. Одни считают, что он занесен в Сибирь из европейской России, другие полагают, что он заимствован у народов Востока, в частности у бухарцев, третий видят в тюменских коврах подражание коврам сибир-

Меховой ковер. Анадырцы

ских татар. По характеру цветочных мотивов тюменские ковры ближе всего стоят к орнаментации саратовских и курских ковров.

Набойка не получила широкого распространения. Холст набивали главным образом для продажи. В начале XX в. этим промыслом занято было несколько семей в Тобольской губернии, вырабатывавших «чеканку» для скатерей и тюфляков. Набивные ткани приобретали местные крестьяне и частично народы Севера, делавшие из холста покрышки для пирт. На Алтае в домах кержаков имелись набивные скатерти и прикрывающие нижнюю часть кровати оборки. По белому холсту набивались синие или коричневые узоры, по красному — зеленые, по синему — красные. Краски для этой цели употреблялись масляные. Оригинал носил растительный характер. Изготавливаясь набойка приезжими мастерами.

Своеобразным видом декоративного искусства до настоящего времени являются изделия из меха на р. Анадыре (с. Марково). Для украшения меховых головных уборов, обуви и одежды русские мастерицы пользуются здесь светлым и темным мехом оленя. Многие мотивы мехового орнамента сходны с корякскими и чукотскими. Они состоят из кругов, треугольников, квадратов или чередующихся светлых и темных полос меха. Широкой известностью пользуются искусно сделанные оторочки (под-

зоры, или опуваны) меховых парок, а также орнаментированные меховые ковры. Шьются эти вещи не только для себя, но и для продажи. В дореволюционное время сбытом меховых ковров занимались главным образом купцы, вывозившие их в Гижигу, на Колыму и в Якутск.

Орнамент на опуванах состоит либо из геометрических мотивов (чаще всего из небольших квадратов или ромбов), либо из стилизованных растительных мотивов — веток, листьев, цветов. Орнамент из ромбов или полуромбов называется здесь чешуйчатым, растительный — травяным. Техника исполнения и геометрические мотивы его типично корякские: кусочки меха пришиты друг к другу краями и напоминают собой мозаику. Растительные мотивы — русские и имеют более крупные размеры. Орнаменты из светлого меха, резко выделяясь на темнокоричневом фоне, придают опуванам нарядный вид.

Русские меховые ковры по характеру декоративной отделки почти не отличаются от корякских. Поле ковра состоит из чередующихся светлых и темных квадратов или других геометрических фигур или представляет собой гладкий фон (чаще темный), по которому разбросаны изображения животных (лося, оленя, волка), птиц, деревьев, зубчатых листьев, звездчатые розетки, иногда изображения жилищ. Ковры имеют широкую кайму, внутри которой иногда помещаются те же фигуры, что и на центральном поле. Близость марковских ковров и опуванов к корякским объясняется не только тем, что русские, живущие на Анадыре, часто ездят в Гижигу, где сосредоточена торговля с коряками, во и тем, что русские крестьяне и мещане переселились в свое время в Марково из той же Гижиги и им давно известны изделия оседлых коряков, отличающиеся высокими художественными достоинствами. Орнаментом из светлого и темного оленьего меха украшали свою одежду камчадалы. Подобно корякам, они вводили в орнамент стилизованные или реалистические фигурки животных.

Изготовлением кружев занимались в Сибири главным образом в Тобольской губернии. На Алтае вязали кружево из цветной шерсти или цветной бумаги. Бисер встречается редко. Кержаки украшали им девичьи пояса, делали из него ряски (нагрудные украшения); «поляки» употребляли бисер при вышивании.

Следует отметить довольно широкое распространение среди русского населения берестяных табакерок, украшенных зубчатым орнаментом. В Тобольской области крестьяне изготавливают берестяные туяски, орнаментированные с помощью костяных чеканов. Орнамент состоит из кружков, шевронов и других геометрических фигур, иногда дополняемых изображениями птиц. Жители Маркова орнаментируют фигурно вырезанными берестяными накладками берестяные сачки (бивельники-битки), употребляемые при собирании ягод.

Орнаментация глиняных сосудов не подвергалась специальному изучению. Известны расписные тарелки, кувшины, миски и другая посуда, изготовленная в с. Боготоле Томской области. На Алтае производство глиняной посуды на ручном гончарном круге занимались кержаки. Они украшали посуду простейшим геометрическим орнаментом (волнистые линии), панося его на мягкую глину при помощи лучинки. После этого сосуды подвергали обжигу.

Таким образом, русские привнесли с собой в Сибирь богатую художественную культуру своего народа, хранили ее и развивали дальше. Длительное соприкосновение с местным населением привело к использованию русскими некоторых технических навыков и художественных форм, созданных татарами, хантами, казахами, бурятами, якутами, коряками, юкагирами и др. Так возникли, главным образом на окраинах

Тюменский ковер

Сибири, своеобразные формы изобразительного искусства у тобольских русских, кержаков и «шоляков» на Алтае, семейских в Забайкалье, русских в Якутии и на Амуре, марковцев на Анадыре. Русские иногда приглашали к себе якутских и китайских резчиков, пользовались в своем быту же время русские художественные изделиями якутов, казахов, китайцев. В то нерусского населения и вызывали подражание им со стороны местных мастеров (Якутия, Хакасия и др.).

Художественная культура русского народа обогатила искусство народов Сибири новыми материалами, новыми красками, не известными ранее техническими приемами. Русские распространили здесь материалы, оказавшие влияние на развитие местного народного искусства: бумажные, шелковые, серебряные и золотые нитки, гарус, бить, цветные сукна, бязь и другие ткани, бисер, бусы, олово, серебро, галуны, различные краски, иглы, инструменты для обработки дерева и металла и т. д.

В Якутии под влиянием русских костерезов развился промысел художественной обработки мамонтовой кости. Изделия якутской работы XIX в. (коробочки, украшенные ажурной резьбой, подчасники) были очень близки по сюжетам и технике к работам русских холмогорских мастеров XVIII — начала XIX в.

К ВОПРОСУ ОБЩЕЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В СИБИРИ

Заселив и освоив огромную и пустынную территорию Сибири, русский народ создал здесь очаг высокой для своего времени общерусской национальной культуры, несмотря на то, что Сибирь при царизме, особенно в пореформенное время, находилась на положении далекой окраинной провинции. Вопреки политике царского правительства, тормозившей культурное развитие Сибири, русское сибирское население стремилось к просвещению. Прогрессивные представители русского общества как в центре России, так и в самой Сибири боролись за развитие русской культуры в условиях Сибири. Эти усилия дали положительные результаты, и русское население Сибири внесло свой вклад в дело прогресса передовой русской национальной культуры дореволюционной России. В Сибири возникли школьное дело и научная медицина, появились средние и высшие учебные заведения, пресса, литература, театр, искусство, наука. Сибирь дала русскому народу крупных деятелей культуры, науки и искусства.

Развитие передовой русской культуры в Сибири оказалось благотворное влияние не только на местные сибирские племена и народности, но и на жителей некоторых стран и областей (например Монголии, Тувы, Маньчжурии, Северной Америки), прилегающих к Сибири. Эта тема также еще ждет своего исследователя.

Необходимо опровергнуть ходячее и неверное представление о дореволюционной Сибири как о диком, невежественном и глухом крае. Распространению такого искаженного представления способствовали различные источники.

Так, трагические моменты личной судьбы некоторых политических ссыльных не могли не наложить отпечаток на характеристику природы и населения Сибири, которая ими часто изображалась в их произведениях «гиблым местом». В других случаях сознательно и намеренно искажали характеристику культурного состояния Сибири, рисуя его мрачными красками, отзываясь о нем в пренебрежительном тоне, те публицисты п

общественные деятели, которые отражали интересы помещиков и капиталистов европейской части России, т. е. классов, тормозивших экономическое, политическое и культурное развитие населения Сибири (граф А. Ростопчин и др.). Неверная характеристика культурного состояния русского общества в Сибири наблюдалась и в работах сибирских публицистов-областников (Ядищев, Шаников и др.). Это делалось, видимо, в целях борьбы за улучшение экономической и культурной жизни Сибири. Какие бы причины ни лежали в основе распространения неправильного представления об уровне культурного развития русского населения Сибири дореволюционного периода, борьба с такими ложными представлениями является важной задачей советских ученых. Советским историкам, этнографам, литератороведам и представителям других специальностей предстоит изучить огромный фактический материал о культуре русского народа в Сибири, еще по существу никем не исследованный, чтобы объективно осветить этот важный, но искаженный во многих публикациях вопрос.¹ В настоящей работе поставленные вопросы рассматриваются лишь в самых общих чертах.

Центром средоточия русской культуры в Сибири были города. Они сами по себе также являлись важным показателем уровня русской культуры. Несмотря на окраинное положение и отсутствие развитой промышленности, сибирские города вовсе не были захолустьем. Напротив, они в некоторых отношениях отличались более культурным обликом по сравнению с рядом провинциальных городов центральных губерний России. Значительная часть сибирских городов имела правильную планировку улиц. В крупных городах было известное благоустройство, например водопровод (Томск, Иркутск и др.), электрическое освещение улиц (Томск, Иркутск, Красноярск, Чита, Владивосток и др.). В ряде городов имелись мощеные улицы и в большинстве деревянные тротуары. В городах было много каменных и деревянных строений прекрасной архитектуры, начиная от старинных шатровых колоколен и домов XVII в. (Тобольск, Тюмень и др.) и кончая постройками в стиле русского ампира и классицизма. Развитие городского строительства в XVIII в. характеризовалось постройкой солидных каменных зданий. Кроме церквей, строились гостиные дворы, административные здания, частные дома и т. д. Наблюдалось стремление к пышным формам господствовавшего тогда стиля русского барокко в Тобольске, Тюмени, Иркутске и других городах, особенно Тобольской и Томской губерний (Захарьевская церковь, Малые ворота Кремля, ряд церковных оград в Тобольске, крепость и гауптвахта в Омске и др.). Позднее наибольшее распространение получила архитектура русского ампирного стиля. Каменные дома со стройными колоннами и фронтонами украсили улицы и площади во многих городах (ряд зданий, обрамляющих б. Демидовскую площадь, составляющий архитектурный ансамбль в Барнауле, б. Кадетский корпус в Омске, б. дворец губернатора Восточной Сибири и ряд церквей в Иркутске, мясные ряды рынка, б. Мещанская управа в Томске и многие другие).

Имеются постройки и в стиле классицизма, например б. Депичий институт и б. Кузнецкая больница в Иркутске — работы Разгильдеева, первого архитектора из бурят. В конце XIX и начале XX в. в ряде сибирских городов (Томске, Омске, Иркутске и др.) строится ряд круп-

¹ Одной из первых удачных попыток в этом отношении является работа М. Азановского «Очерки литературы и культуры Сибири» (вып. I, Иркутск, 1947), а также книга Е. Д. Петряева, Исследователи и литераторы старого Забайкалья (Чита, 1954).

ных общественных зданий (Университетская библиотека и Технологический институт в Томске, средние учебные заведения и управление Омской железной дороги в Омске и др.), объявляются конкурсы на проекты крупных общественных зданий, городские архитекторы избираются по конкурсу и т. д. Подавляющее большинство частных домов в сибирских городах все же было деревянным.

Необходимо отметить также развитие почтовой и телеграфной связи. Регулярная почтовая связь Сибири с Москвой была налажена уже в конце XVII в. В 1800 г. в Тобольске был учрежден Сибирский почтамт. В 1862 г. в Сибири появляется телеграф. К 1870 г. телеграфная линия прошла через всю Сибирь с запада на восток с ответвлениями от магистрали (например в Барнаул и т. д.). Сибирская часть Русского государства была связана таким образом не только со всей страной, но и с зарубежным миром. В конце XIX в. в сибирских городах распространяется телефон. В 40-е годы XIX в. появляется речное пароходство и проводится железнодорожная магистраль через всю территорию Сибири от Урала до Владивостока, в конце XIX в. открыт крупнейший морской порт во Владивостоке.

Мже в конце XVII в. в Сибири появляются школы. Первая школа была открыта для детей сибирского духовенства в Тобольске под названием «Славяносербской», а в 1725 г. в Иркутской губернии при Вознесенском монастыре—миссионерская школа для бурят и русских. В 1756 г. в Иркутске и Нерчинске открыты светские профессиональные «навигационные» школы. Светские школы были открыты впервые во второй половине XVIII в. в Тобольске, Иркутске, Томске и Верхнеудинске. Первым средним учебным заведением в Сибири явилась гимназия в г. Иркутске, открытая в 1805 г., директором которой был известный историк П. Словцов. Его усилиями в 20-х годах XIX в. открыто еще 18 начальных школ. Вторая гимназия была основана в 1810 г. в Тобольске, третья — в 1838 г. в Томске. Открытие других гимназий в сибирских городах относится к пореформенному периоду, к моменту революции их насчитывалось несколько десятков.

В 1888 г. появляется первое в Сибири высшее учебное заведение — Томский университет, а в 1890 г. — Технологический институт.

По данным 1911 г., из общего количества 100 749 начальных школ в России в Сибири числилось только около 6 тыс. школ. Для многомиллионного населения это количество школ было ничтожно мало. Поэтому грамотность русского сибирского населения была все-таки низкой. Она составляла в среднем 19.2% для мужчин и 5.1% для женщин (1897 г.). Наибольшее количество грамотных было, разумеется, среди городского населения. Тем не менее, факт появления в Сибири, где до включения ее в состав Русского государства не было ни одной школы, нескольких тысяч начальных школ, свыше сотни общих и специальных средних учебных заведений (гимназий, реальных училищ, семинарий, прогимназий и т. д.), десятков профессиональных училищ, четырех высших учебных заведений (Томский университет, Технологический институт, Сибирские высшие женские курсы и Восточный институт во Владивостоке) нельзя не признать за весьма положительное явление. Как ни мало было учебных заведений в Сибири в условиях капиталистической России, как ни стремилось царское правительство преградить доступ к образованию широким массам русского и иерусского населения, глубоко прогрессивное значение появления целой сети различных учебных заведений в Сибири несомненно.

С ростом городов появляется и получает свое развитие научная медицина. Оспопрививание появилось в Сибири в XVIII в. В 1771 г.

подлекарь Андреев прививая осину в Змеиногорске. В 1799 г. в Иркутске была открыта первая аптека, а в 1858 г. в Иркутске основано первое научное медицинское общество под названием Общество врачей Восточной Сибири. Позднее медицинские общества появились и в других городах Сибири, например в Омске (1883 г.), Красноярске (1886 г.), в Томске и т. д. С учреждением Томского университета было положено начало высшего медицинского образования в Сибири.

Медицинский факультет Томского университета с его прекрасными клиниками вскоре становится общепризнанным крупным научным центром русской медицины. Кроме университета, в Сибири насчитывалось 8 фельдшерских школ, где велась подготовка кадров среднего медицинского персонала.

Возникновение лечебного дела в Сибири имело большое культурное значение не только для русского населения, но и для различных местных племен и народностей. Однако масштаб лечебной работы был крайне узок. По данным 1910 г., одна больница здесь находилась на территории около 25 тыс. км² (в европейской части примерно на 700 км²), а на одного врача по пространству приходилось по 15 тыс. км² и свыше 11 тыс. человек. На всей территории Сибири насчитывалось менее 600 больниц, которые сосредоточивались преимущественно в бывших Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях. Количество врачей в Сибири не достигало и одной тысячи человек.

В XVIII в. в Сибири появляется художественная литература. С 1779 по 1791 г. в Тобольске выходил первый ежемесячный журнал под названием «Иртыш, превращающийся в Иллюстрируемый». Этот журнал издавался Тобольским главным народным училищем и был одним из первых провинциальных журналов в России. Он печатался в местной частной типографии, издавался на средства Тобольского приказа общественного призрения, а редактировался учителями народного училища. Большую роль в работе журнала играл ссыльный литератор П. Сумароков, родственник известного драматурга. Тобольск был в то время важным культурным центром Сибири. Несмотря на то, что на первых порах в культурной жизни Тобольска стремилось играть большую роль духовенство, привнесшее церковный характер образованию и просвещению, именно в Тобольске стал выходить первый в Сибири литературный журнал. Здесь же была поставлена в 70-х годах XVIII в. и первая светская драма «Ермо» местного автора. Местные учителя, мелкие чиновники, ссыльные сумели отстоять светский характер культуры.

Тобольские журналы, особенно «Иртыш», не ограничивались узко местными интересами. Они знакомили сибирское общество с идеями Вольтера и Кондорсе, с крупными достижениями науки того времени. Среди местных тобольских образованных людей особенно выделялся П. Словцов, выступления или «проповеди» которого были проникнуты революционными идеями французских просветителей XVIII в. и привлекали к нему слушателей и последователей. Ко второй половине XVIII столетия относится зарождение сибирской публицистики, первым представителем которой был Ф. Соймонов, создатель павликанской школы в Нерчинске. Его перу принадлежат такие работы, как «Известия о торгах сибирских», «Сибирь — золотое дно» и др.

Более крупным и ведущим центром зарождающейся русской литературы в Сибири был Иркутск. Главную роль в его культурной жизни играло местное купечество, мелкое чиновничество и рядовые горожане, именовавшиеся мещанами. Здесь издавалось несколько журналов. Недостаток типографий тормозил печатание сибирской литературы. Большая часть журналов выходила в рукописном виде. Рукописи

ная литература издавалась до 60-х годов XIX в. (сатирические листки «Шаман» и др., издававшиеся в Минусинском округе).¹ Здесь находила широкое отражение в острой сатирической форме борьба местного русского общества с представителями царской администрации.

Художественная литература, непосредственно созданная в Сибири или отражавшая сибирский быт, сложилась в дореформенный период, в 30-х годах XIX в. Она создавалась писателями-сибиряками как в самой Сибири, так и за ее пределами. Одним из первых сибирских поэтов был Ф. И. Бальдауф, современник и восторженный поклонник А. С. Пушкина. Он познакомился с Пушкиным в юности, когда учился в Горном кадетском корпусе в Петербурге и бывал на заседаниях «Вольного Общества любителей словесности, наук и художеств», где встречался с декабристами². Из Иркутска вышли известные братья Полевые, создатели прогрессивного для своего времени журнала «Московский телеграф». В 1830 г. Н. Полевой напечатал одну из повестей о Сибири под названием «Сохатый». Наиболее выдающимися представителями сибирской литературы этого времени были, кроме семьи Полевых, всемирно известный П. П. Ершов — автор «Коинька-Горбунка», уже упомянутый П. А. Словцов («Письма о Сибири», «Прогулка вокруг Тобольска»), известный также и своим научным трудом «Историческое обозрение Сибири». Получил известность и писатель-романист И. Г. Калашников («Дочь купца Жолобова», «Камчадалка», «Изгнаник»). С повестями выступал Н. Щукин («Ангарские пороги», «Посельщик» и т. д.), Н. Бобылев, который обратил на себя внимание сюжетами из жизни бурят, и др. Из поэтов того времени следует назвать, например, Нагибина, Черкасова, Беттера. Сибирские писатели сотрудничали в лучших русских столичных журналах («Московском телеграфе», «Вестнике Европы» и т. д.). Возникшая литература о Сибири отражала и пропагандировала взгляд на Сибирь как выдающуюся по своим природным богатствам и прочим качествам часть Русского государства, пробуждала интерес как к русскому населению, так и к различным сибирским племенам и народностям, воспитывала гуманное отношение к ним. В создание сибирской литературы внесли вклад и ссылочные декабристы, для творчества которых был характерен мотив изгнаничества. Большой силой идеального содержания и общественной значимости отличаются произведения следующего поколения сибирских писателей, воспитанного на демократических прогрессивных идеях русской общественной мысли 60-х годов. Такие писатели, как Омулевский (роман «Шаг за шагом»), И. А. Кущевский (роман «Николай Негорев»), И. И. Наумов (сборники рассказов «Сила солому ломит», «В тихом омуте», «Паутина», «Еж» и др.), выросшие под влиянием Белинского, Добролюбова и Чернышевского, отражали взгляды и интересы трудового народа, с которым они были тесно связаны. Они ввели в художественную литературу типы и образы сибирских крестьян, горнорабочих, образы профессиональных революционеров — борцов за социальную справедливость. В таких произведениях впервые рисовались картины революционной борьбы трудового народа Сибири с угнетателями. Большинство этих писателей принадлежало к народникам.

Большой вклад в сибирскую литературу внес крүшный писатель-демократ В. Г. Короленко. Под его идеальным и художественным

¹ М. Азадовский. Очерки литературы и культуры Сибири, вып. I, стр. 106—137.

² См. Е. Д. Петриев. Исследователи и литераторы Старого Забайкалья, стр. 117—146.

влиянием возникла так называемая сибирская школа писателей из политических ссыльных — народников (В. Г. Таи, В. Серошевский, А. Шиманский, С. Елиньевский, Л. Мельшин-Якубович). Одновременно в русле народничества возникло областническое направление в сибирской литературе, возглавлявшееся Н. Ядринцевым. К Великой Октябрьской социалистической революции сибирская литература пришла почти с вековой традицией. Она отражала различные общественно-политические взгляды русского общества. Некоторые писатели близки к зерам (И. Гольдберг, Г. Гребенщиков, А. Новоселов), другие служат делу рабочего класса (И. Тачалов, В. Бахметьев, Ф. Березовский).

К моменту империалистической войны 1914 г. в Сибири (Томск, Иркутск, Омск, Владивосток, Благовещенск, Чита и др.) издавалось одновременно свыше 50 журналов, преимущественно научных и специальных (различные Ученые записки, Известия, Труды, Ежегодники, Протоколы и т. п.). За период с 1789 по 1916 г. в Сибири издавалось в разное время более 40 литературных журналов, половина которых представляла собой журналы сатиры и юмора («Оса», «Ерш», «Бич» и др.).

Художественная литература и публицистика печатались не только в журналах и сборниках («Литературный сборник» и др.), но и в большей степени в газетах.

Зарождение сибирской периодической печати датируется 1857 г., когда в различных городах начинают выходить «Губернские ведомости» (Тобольские, Томские и др.). Из сибирских газет некоторые получили широкую популярность в кругах русского общества и в европейской части России, например «Сибирь», «Сибирская газета» и «Восточное обозрение», печатавшиеся в Петербурге под ред. Н. М. Ядринцева. В них участвовали литераторы Москвы, Петербурга и других городов. Большую роль в прогрессивном направлении ряда сибирских газет играли политические ссыльные, особенно большевики. По данным 1908 г., в Сибири выходило 76 газет.

Довольно высокий для своего времени уровень русской культуры в Сибири находил отражение и в развитии библиотек и музеев. Сибирское купечество собирало большие частные библиотеки. Н. Шуккин писал в 1828 г. про Иркутск: «...здесь купцы имеют богатые библиотеки, выписывают все журналы, все вновь выходящие книги. Дочери их и жены занимаются чтением и играют на фортепьяно. В этой дикой и хладной стране удивляются стихам Пушкина и читают Гомера. Ты, может быть, скажешь, что это приезжие чиновники. Нет, тамошние старожилы, купцы и даже мещане». ¹ В литературе имеются упоминания и частичные описания для одного только Иркутска (первой половины XIX в.) свыше 20 частных библиотек, преимущественно купеческих. Большие библиотеки были у ссыльных декабристов (С. Волковского, С. Трубецкого, М. Луниной и др.). Книжные собрания сибирских библиофилов славились и позднее. Из них лучшей была библиотека красноярского купца Г. В. Юдина, насчитывавшая около 80 тыс. томов, в которой с особенной полнотой были представлены книги по сибиреведению. Эту библиотеку знал и ценил В. И. Ленин. К сожалению, библиотека Юдина перед империалистической войной была продана в значительной части в Америку.

Наряду с частными в сибирских городах были и публичные библиотеки. В Иркутске такая библиотека открылась в 1782 г.; в комплектовании ее приняла участие Академия Наук. В ней было много книг не только на русском, но и на французском и немецком языках. В 1838 г. в Иркут-

¹ Северная пчела, 1828, № 3; «Письмо из Иркутска».

ске была открыта вторая публичная библиотека. В Тобольске первая библиотека появилась в 1748 г., с открытием духовной семинарии. В Томске публичная библиотека основана в 1830 г. Кроме того, здесь были две народные библиотеки, затем большая частная платная (купца Макушина), ряд библиотек ведомственных, в том числе библиотека Технологического института. В Барнауле со второй половины XIX в. открылись две частные школьные и с 1888 г.— публичная; здесь же была большая казенная библиотека при Управлении алтайскими горными заводами. В Минусинске сложилась публичная библиотека, основанная Н. М. Мартыновым. Публичные библиотеки были в Омске, Тобольске, Тюмени, Якутске, Семипалатинске, Ново-Николаевске, Бийске и других городах. Даже в таких маленьких городах, как Камень, Колыванск, Кайск, Ачинск, Канская Тара, Балаганск и др., существовали народные и общественные библиотеки. Существовали народные библиотеки и в некоторых селах. Сельских библиотек было мало, но и те, которые были, конечно, играли важную просветительскую роль. По данным 1914 г., в Томской губернии, например, насчитывалось 250 народных библиотек, а в Тобольской — 172.

Уже к концу XVII в. в Сибири начали создаваться научные краеведческие музеи (Иркутск). Во второй половине XIX в., когда развили свою деятельность различные отделения Русского Географического общества, в Сибири насчитывалось довольно много музеев. Одним из старейших музеев Сибири, заслуживших положительные отзывы посещавших его путешественников и ученых первой половины XIX в., является Барнаульский. Он был открыт в 1823 г. при Управлении алтайскими горными заводами. Большой популярностью пользовался не только в России, но и в научных кругах за границей Минусинский музей, основанный Н. М. Мартыновым. Музеи имелись во многих городах Сибири. В их работе значительное участие принимали политические ссылочные. Сибирские музеи имели большое культурно-просветительское значение и пользовались популярностью у населения. Некоторые из них издавали научные труды («Ежегодник Тобольского музея» и др.).

Русские сибиряки сделали вклад в развитие русского национального искусства.

В Сибири родился и долгое время работал знаменитый русский художник Суриков. Уроженцем Сибири был также Врубель. В сибирских городах имелись картические галереи, театры, музыкальные общества (отделения Русского музыкального общества в Омске, Томске и других городах, Сибирское хоровое певческое общество в Томске, Филармоническое общество в Омске, Общество любителей музыки в Красноярске и т. д.), музыкальные кружки («Мелодия» в Иркутске и др.), музыкальные училища.

Из среды русского населения Сибири происходили и некоторые русские композиторы и музыканты. Композитор А. А. Алябьев родился в г. Тобольске. Он писал свои некоторые романсы в Сибири и на слова сибирских поэтов. Алябьев был создателем и руководителем большого весеннего оркестра в г. Омске. Сибиряком был русский скрипач и композитор Н. Я. Афанасьев, известный не только в России, но и за границей, где он выступал с гастрольными концертами. Из местных сибирских композиторов следует назвать В. И. Ребикова (Красноярск) и М. П. Речкурова (Барнаул).

Большой вклад внесли русские сибиряки в общее развитие русской в мировой науки. Среди крупнейших деятелей науки с мировым именем встречаются выходцы из русского населения Сибири. Таковы, например, Менделеев и Боткин. С первых шагов по открытию и освоению огромной

территории Сибири формируется и развивается научная мысль среди сибирского населения. В разделе об освоении Сибири указывалось на большую роль описаний природы и населения Сибири. На основе этих описаний возникает сибирское летописание, до сих пор представляющее важный источник и богатый материал для исследования. Первым видом сибирской летописи считают Синодик тобольского архиепископа Киприана, использовавшего записи участников похода Ермака, называвшейся «Написание, како придоша в Сибирь». Уже в первой половине XVII в., подьячий Савва Есипов на основе материалов, собранных землепроходцами, пишет сочинение «О Сибири», вошедшее в историческую науку под названием «Есиповской летописи». В конце XVII в. в Тобольске жил и работал один из первых крупных русских географов, историков и этнографов — сибиреведов Семен Ремезов, труды которого («История Сибирская», «Чертежная книга Сибири» и др.) получили всемирную известность и свидетельствовали о высоком уровне развития русской науки того времени. В следующем веке тобольский ямщик И. Черепапов как бы заканчивает цикл сибирского летописания своим сочинением «Новая Сибирская история». Знаменитый механик и теплотехник И. И. Ползунов изобретает в Барнауле «огнедействующую» машину, опередив на десятилетия мировую техническую мысль, а великий строитель и новатор К. Д. Фролов создал на базе алтайских заводов целую систему рабочих машин, приводимых в действие центральным мотором, явившуюся прообразом завода-автомата. Его сын, П. К. Фролов, построил (на Алтае) первую чугунную дорогу в 1806—1809 гг.

В XVIII в. в Сибири работают знаменитые академические экспедиции, поднявшие изучение Сибири на новую ступень, а «российский Колумб» Г. Шелухов в конце этого столетия продолжает географические открытия на северо-востоке Сибири, организует экспедицию на Аляску; Кадык исследует Курильские и Алеутские острова.

Работы крупнейших для своего времени академических экспедиций по всестороннему изучению Сибири в значительной степени опирались как на результаты трудов русских землепроходцев XVII и XVIII вв., так и на широкую помощь местного русского населения. В результате работ академических экспедиций в XVIII в. появляется ряд широко известных (Гмелин, Паллас, Миллер, Крашенинников и др.) печатных обобщающих трудов по природе и населению Сибири. В первой половине XIX в. адмирал Невельской проводит широкое исследование Амура, а П. А. Словцов выпускает труд «Историческое обозрение Сибири». В 1854 г. выходит четырехтомное статистическое обозрение Сибири Ю. Гагемейстера, обобщившее изучение экономики Сибири за первую половину XIX в. В Забайкалье в 30-х годах XIX в. выделяются своими исследованиями естествоиспытатель Н. С. Турчанинов. Его гербарий, состоящий из 52 тысяч видов, считался одним из обширнейших в Европе. Между прочим в Забайкалье же в конце XVIII в. была составлена первая в мире геогностическая карта этого обширного района методом глазомерной съемки (в масштабе 1 : 120 000).

В 1851 г. в Иркутске организуется Сибирский отдел Русского Географического общества, который становится научно-исследовательским центром по изучению природы и населения Сибири. Комплексное физико-географическое изучение и описание отдельных районов Сибири, картографирование, изучение экономики и путей сообщения, этнография сибирских племен и народностей и другие вопросы входит в сферу деятельности этого научного учреждения. При нем возникают вскоре специальные учреждения с более узким научным профилем (метеорологические и биологические станции, обсерватории и т. п.). Неуклонно расширяющаяся

научная деятельность Русского Географического общества в Сибири приводит к тому, что вскоре Сибирский отдел Общества распадается на ряд крупных отделов и подотделов, каждый из которых становится местным центром научно-исследовательской работы: Восточносибирский в Иркутске, Западносибирский в Омске, Забайкальский в Чите, Приамурский в Хабаровске, Троицко-Савеко-Кяхтинский в Кяхте, Якутский, Красноярский, Алтайский в Барнауле, Семипалатинский, Владивостокский и др. Сибирские отделы Русского Географического общества развернули оживленную и плодотворную научно-исследовательскую и издательскую деятельность, сумели выявить и объединить местные наиболее прогрессивные и культурные слои из среды русского заселения, привлекая к научной деятельности и отдельных представителей местных народностей (буряты, якуты и др.).

Большую роль в исследовательской работе Русского Географического общества в Сибири сыграли политические ссылочные (например геологические исследования Чекановского, Черского и др., экономические, этнографические и исторические исследования Щапова, Серошевского, Майнова, Пекарского, Штернберга, Богораза и др.).

Сибирские отделения Русского Географического общества устраивали научные экспедиции, обогащавшие русскую науку ценных результатами. Восточносибирский отдел Общества организовал (1854—1859 гг.) Видуйскую, Амурскую и Уссурийскую экспедиции Р. Маака; Витимскую, Турухансскую и другие экспедиции И. А. Лонатина, в которых принимал участие ссылочный, последователь русских революционных демократов А. П. Щапов; ряд экспедиций (Сунтарийскую, Олекмо-Витимскую, Тункинскую) П. А. Кропоткина; знаменитую Уссурийскую экспедицию Н. М. Пржевальского (1867 г.); Чукотскую — Майдели и много других. Большие научные результаты были получены Якутской экспедицией, предпринятой на средства И. М. Сибирикова в 1894—1896 гг., в составе которой работали преимущественно политические ссылочные (Э. Пекарский, В. Богораз, В. Нохельсон и др.). Приамурский, или Дальневосточный, отдел организовал ряд экспедиций известного исследователя и путешественника В. К. Арсеньева и др.. Западносибирский отдел осуществил свыше 100 экспедиций на Алтай, в Казахстан, на север Сибири и т. д. Ряд экспедиций этого отдела работал в Китае. В экспедициях принимали участие известные русские ученые-путешественники Ядринцев, Невцов, Клемени и др. Забайкальский отдел осуществил крупную Агинскую экспедицию по изучению Бурятии. Труды этой экспедиции опубликованы в 5 томах.

Работа сибирских отделов Русского Географического общества явилась важным вкладом в развитие мировой науки и весьма содействовала росту авторитета русской науки в целом.

Научная работа в Сибири велась и в отделениях Русского Технического общества и в ряде других специальных научных обществ (Медицинском, Естествоиспытателей и т. д.), а также в местных музеях (Тобольском, Минусинском и др.), издававших научные труды, в статистических комитетах, военно-топографических отделах (Сибирском — в Иркутске, Омском, Приамурском — в Хабаровске). Интенсивная научная работа шла при Томском университете. Труды ботаников П. Крылова и В. Сапожникова, зоолога Н. Кащенко, геолога В. Обручева, антрополога Чугунова, медиков И. Грамматики, В. Мыши, М. Курлова и многих других ученых приобрели широкую известность. Университет вел большую издательскую деятельность, публикую свои «Известия». Большая научно-исследовательская работа велась при Томском технологическом институте (труды физика Б. Вейнберга и др.), при Восточном институте во-

Владивостоке (труды востоковедов Н. Кюнера, А. Гребенщикова и др.). Работы русских ученых Сибири внесли большой вклад в развитие русской и мировой науки. Их исследования выходили далеко из рамок чисто сибирской тематики. Что касается разностороннего изучения самой Сибири до революции, то в этом отношении было бы неправильно приписывать достижения русских ученых только сибирякам. Огромную роль в этом сыграли Академия Наук и другие центральные учреждения России. Кроме упомянутых экспедиций в XVIII в., Академия Наук организовала ряд крупных и важных экспедиций по изучению Сибири в XIX в. (А. Миддендорф, Л. Шренк и многие другие), из которых всемирную известность получила Орхонская экспедиция В. Радлова и Н. М. Ядринцева, открывшая древнетюркские надписи на камнях в Моголии. Русское Географическое общество, кроме своих сибирских отдельлов, снаряжало экспедиции в Сибирь из Петербурга; Докучаевский почвенный комитет провел в различных районах Сибири свыше 80 экспедиций. Экспедиции организовывались и Главным управлением землеустройства и земледелия, Переселенческим управлением, Министерством торговли и другими правительственными учреждениями. Из них большие материалы были собраны Амурской экспедицией, организованной в 1919 г. и опубликовавшей труды в 40 томах.

В кратком очерке нет возможности даже просто перечислить наиболее выдающиеся культурные достижения, накопленные более чем за трехсотлетний период освоения русским народом Сибири, являющейся естественным географическим продолжением древней территории Русского государства. Но и тот фактический материал, который мы привлекли сюда, дает основание заключить, что культура русского народа в Сибири, являясь частью общерусской национальной культуры, находилась на достаточно высоком уровне, и опровергнуть противоположное мнение, ошибочность которого была ясна для передовых представителей русского общества и в дореволюционное время. Еще Радищев обратил на это внимание. Он, побывав в Сибири, например, высоко оценил постановку народного образования в Тобольской губернии и отметил положительную роль политических ссыльных в местной культурной жизни.¹ Известный русский историк Карамзин заметил это на факте подписки на его книгу «История государства Российского». Карамзин обратил внимание на то, что среди подписчиков были крестьяне и отставные солдаты из Сибири.² Это показывает, что среди простого русского народа не только была распространена грамотность, но и свидетельствует о более широких интересах русского населения в Сибири. На распространение грамотности среди русских крестьян в Сибири в дореволюционный период указывал такой знаток Енисейской губернии, как А. Степанов.³ Н. Г. Чернышевский не только подчеркивал высокий культурный уровень русского населения Сибири, но обяснял это особенностями исторического развития Сибири, не знавшей крепостного права и получавшей из России, по его словам, «постоянный прилив самого энергичного и часто самого развитого населения». Великий русский демократ также обратил внимание на подписчиков из Сибири на журнал «Современник». Публикую и анализируя статистические сведения о подписке на журнал, Н. Г. Чернышевский отметил, что подписчики из Сибири заняли одно из первых мест, а жители Иркутска в этом

¹ А. И. Радищев, Поли. собр. соч., т. 2, М., 1907 (письмо из Иркутска в французском языке).

² Русская старина, 1900, III, стр. 684.

³ А. А. Степанов, Енисейская губерния, т. II, СПб., 1835, стр. 28.

⁴ Н. Г. Чернышевский, Поли. собр. соч., т. VIII, СПб., 1906, стр. 77.

отношении опередили жителей таких крупных русских городов, как Ярославль, Нижний Новгород и др.¹

* * *

При всех бесспорных достижениях культуры русского народа в Сибири в дореволюционный период полное развитие она получила только в результате коренного изменения политических условий, вызванного Великой Октябрьской социалистической революцией. Уничтожение царизма и свержение власти капиталистов и помещиков создали исключительно благоприятные условия для неограниченного развития экономики и культуры населения Сибири. Только в период социализма началось подлинное освоение обширной Сибири в интересах всего советского народа. Только советская наука сумела по-настоящему определить и оценить неподиспособимые природные богатства Сибири. Коммунистическая партия и правительство Советского Союза проявляют большое внимание и заботу об интенсивном экономическом освоении и культурном развитии социалистической Сибири на благо трудящихся. Ведущую роль в этом активном творческом процессе играет русский народ. Русское население Сибири увеличилось теперь десятками миллионов. Заселены и хозяйственны освоены большие районы Сибири, в частности Севера, ранее пустынны. За период существования советской власти Сибирь быстро превратилась из отсталой в промышленном отношении аграрной окраины царской России в передовую индустриально-аграрную часть Советского государства. За короткий срок в Сибири создана мощная индустрия, первым очагом которой явился Кузбасс — этот знаменитый комплекс угольно-металлургической промышленности. Бурное развитие тяжелого машиностроения, горнорудной и химической промышленности, строительство большой сети железных дорог, рост и развитие морского, речного и воздушного транспорта, широкое строительство электростанций превратили Сибирь в крупнейший промышленный район страны. Введен в действие ряд крупных электростанций и строится крупнейшая в мире Братская электростанция на р. Ангаре. В Сибири сформировался многочисленный отряд русского рабочего класса, который играет ведущую роль в развитии экономики и культуры. Из его среды выросла многочисленная производственно-техническая интеллигенция.

Весьма продвинулось по пути прогресса и сельское хозяйство Сибири. Известно, что уже теперь продукция социалистического сельского хозяйства Сибири играет серьезную роль в удовлетворении непрерывно растущих потребностей населения нашего государства. Тем не менее перспективы развития сельского хозяйства в Сибири огромны. Происходит дальнейшая интенсификация хозяйства, осваиваются новые целинные земли. Сибирское коллективное социалистическое земледелие — самое крупное механизированное земледелие в мире. Оно основано на достижениях передовой агротехники и социалистических методов труда. Машинотракторные станции, обладающие большим тракторным и комбайновым парком, буквально покрыли густой сетью просторы Сибири. Сибирь превратилась в крупнейшую базу зернового земледелия Советского государства. Основной культурой осталась пшеница. Посевы ее увеличились во много раз, и весьма расширились районы ее распространения. Значительно расширено земледелие на Камчатке, Сахалине. Граница земледелия заметно продвинулась на север. Так, например, в Туруханском крае колхозники выгнали озимую пшеницу и ячмень, собирая неплохие урожаи.

¹ Там же, стр. 72—73.

С переходом к многоополью новое развитие получили и другие культуры: овес, рожь, просо, зерно-бобовые, травы и пр. Новым в хозяйстве колхозов является возделывание риса, которое производится в Приморском крае, посевы сахарной свеклы, осуществляемые колхозниками Приморского и Алтайского краев, разведение сои на Дальнем Востоке.

В Западной Сибири дальнейшее развитие получило выращивание льна-долгунца, конопли; стали практиковаться посевы подсолнуха. Возникло садоводство, развилось огородничество и бахчеводство. В районах крупной промышленности и вблизи городов созданы крупные базы огородничества. Больших успехов в бахчеводстве и садоводстве добились колхозники Хабаровской и Приморской областей, Алтайского края, Новосибирской области и др. Применяя мичуринский метод гибридизации, садоводы выращивают в питомниках новые сорта груш, яблок. Выращивается даже такая культура, как виноград. Колхозное пчеловодство наиболее развито в Алтайском, Приморском и Красноярском краях, встречается и в других местах. Многие колхозные пасеки получают рекордные сборы меда.

Животноводство Сибири идет не только по пути количественного роста стада, но в большей степени по пути улучшения пород скота и увеличения его продуктивности. На колхозных животноводческих фермах начинает широко внедряться электротехника (электродойка, электрострижка щерсти и т. п.). Большие свиноводческие фермы имеются в областях Западной Сибири, образцовые овцеводческие фермы, где разводятся тонкорунные овцы, созданы в Алтайском крае. Читинская область стала крупной животноводческой базой (здесь развиты коневодство и разведение крупного рогатого скота). Пантовое мараловодство, изюбреводство развиваются в общественном хозяйстве колхозов Алтайского края и Дальнего Востока.

С общей задачей развития животноводства связано развитие луговодства, травосеяния, улучшения пастбищ. В Восточной Сибири (Бурят-Монгольская АССР), например, по инициативе колхозников возникло движение за высокую урожайность лугов. Путем очистки лугов, систематического внесения удобрений и дальнейшего развития системы орошений колхозники получают два укоса трав в одно лето.

Такие в прошлом плохо оснащенные промыслы, как охота и рыболовство, подверглись коренному преобразованию и развиваются в высокодоходные отрасли народного хозяйства. В колхозах организованы охотничьи бригады; отдельные охотники заключают договоры с государственной охотничьей организацией. Партия и правительство уделяют огромное внимание вопросам рационализации охоты, охране и восстановлению промысловой фауны, хищнически истреблявшейся в прошлом. В Сибири созданы заповедники, государственные охотничьи хозяйства. Возникла новая отрасль — клеточное звероводство. В зверосовхозах и колхозных зверофермах содержат в клетках, разводят и выращивают серебристо-черных лисиц, уссурийских енотов и других ценных пушных зверей. Практикуется так называемое островное звероводство: разводят котиков, морскую выдру (камчатского бобра), голубого песца и других животных. В результате мероприятий по охране и воспроизведству промысловой фауны в настоящее время восстановлены многие почти исчезнувшие пушные породы (куница, соболь и др.). Разнообразие промысловой фауны пополняется новыми видами пушного зверя: так, например, водяная крыса ондатра акклиматизировалась и стала промысловым животным.

Большая роль в организации промысла, правильного сбыта и спабжения колхозников и отдельных охотников нужными припасами

принадлежит промысловым охотничим станциям. Эти станции осваивают новые промысловые районы, внедряют улучшенные орудия охоты, более усовершенствованные типы охотничьих ружей, железные капканы и т. д. Изменилась обстановка охотничьего быта на промысле. Колхозы устраивают в охотничьих угодьях благоустроенные жилища — промысловые избы.

С победой колхозного строя выросли крупные промысловые рыболовецкие колхозы, в которых организованы рыболовецкие бригады. Моторно-рыболовные станции, созданные в промысловых районах, имеют огромное значение в распространении более высокой техники на промыслах. Приморские колхозы стали применять такие снасти, как дрифтерные сети и кошельковый невод (более усовершенствованный, чем обычный, поддевающий косик рыбы и замыкающийся при помощи троса). За годы советской власти создана крупная рыбная промышленность. Освоены новые промыслы сардин, крабов (на Дальнем Востоке), а также китобойный. Суда-краболовы представляют собойловучие консервные заводы, на борту которых для ловли крабов имеется до 10—14 ботов. На севере работает китобойная флотилия «Алсуг». Бьют китов из китобойных пушек со специальных китобойных судов. Большое развитие получила рыбообрабатывающая социалистическая промышленность.

Русский народ создал в Сибири новую социалистическую культуру. За советское время там выросли десятки новых городов и сотни рабочих поселков, в некоторых из них население исчисляется сотнями тысяч человек. Таганрог, например, Новосибирск, Томск, Кемерово, Комсомольск-на-Амуре и др. Разрослись и коренным образом изменили свой облик старые культурные центры Сибири: Омск, Томск, Барнаул, Иркутск, Красноярск, Чита, Хабаровск. Более сотни высших учебных заведений находятся в городах Сибири, в их числе Томский, Иркутский и Владивостокский государственные университеты. Выходят сотни краевых, областных и районных газет. Несколько крупных местных издательств (Новосибирское, Иркутское и др.) издают большое количество художественной, политической, научной и учебной литературы. Выпускаются художественные альманахи и журналы. Многие из них пользуются большой известностью по всей нашей стране (журнал «Сибирские огни»). Ряд книг сибирских писателей удостоен Сталинских премий. Писатели и поэты Сибири объединены в местные отделения Союза советских писателей. В Сибири много различных театров, большая сеть кино, музеев и различных политико-просветительных учреждений. Ряд филиалов Академии Наук СССР и большое количество различных научно-исследовательских учреждений, опытных станций Сибири вносит большой вклад в дело развития промышленности, сельского хозяйства, культуры и науки Советского государства. В Сибири живут и работают художники, композиторы, музыканты и другие представители советского искусства.

Расцвет экономики и культуры русского населения Сибири оказывает решающее влияние на переустройство домашнего быта не только городских, но и сельских жителей. Влияние социалистического города на быт крестьян-колхозников весьма велико и сказывается во всем, начиная от одежды и пищи, кончая жилищем и домашней утварью. Покупные изделия местной и центральной легкой промышленности и промышленности различных союзных республик заняли господствующее место в домашнем быту сибирского колхозника, который покупает готовую одежду, мебель, различную домашнюю и хозяйственную утварь и многие изделия пищевой промышленности. Это обстоятельство вызвало известную нивелировку материальной культуры сибирского русского колхозника, привело к исчезновению большинства местных старинных

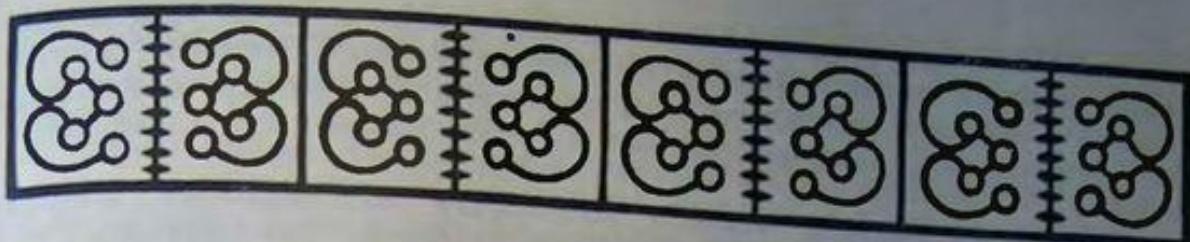
этнографических особенностей (например в одежде, жилище и его обстановке, в средствах передвижения и связи и т. д.), отмеченных выше и представляющих ныне уже только исторический и музейный интерес.

Социалистическое преобразование всей жизни русского населения Сибири оказало решающее положительное влияние на экономику, культуру и быт отсталых в прошлом местных племен и народностей. Культурно-экономические связи русского народа с различными племенами и народностями Сибири, существовавшие до революции и оказавшие еще тогда благотворное влияние на их экономическое и культурное развитие, в настоящее время стали не только теснее и прочнее, но привнесли форму дружеской и постоянной помощи со стороны русских в создании новой социалистической культуры среди отсталых племен и народностей. Русские рабочие и инженерно-техническая интеллигенция помогли и продолжают помогать создавать очаги крупной промышленности у многих сибирских народностей (якуты, буряты, тувинцы и др.), что в свою очередь способствовало появлению своего рабочего класса у этих народностей, помогали и помогают местным рабочим овладевать техникой производства и социалистическими методами труда. Русские сибиряки-колхозники помогали и продолжают помогать многим народностям Сибири создавать и развивать крупное механизированное земледелие (хакасам, тувинцам, бурятам и др.). Русские трактористы и комбайнеры, агрономы и зоеводы помогают национальным кадрам осваивать технику, совершенствовать сельское хозяйство, готовят новые местные кадры. Русские зоотехники и ветеринарные врачи работают по развитию животноводства у многих сибирских народностей, улучшают и выявляют новые породы скота, разрабатывают меры по увеличению его продуктивности. Русские работники культуры, науки и искусства внесли неоценимый вклад в дело поднятия культурного уровня сибирских народов и продолжают помогать в развитии их национальной культуры, в выращивании национальных кадров работников культуры. При помощи русских ученых создана для многих малых народностей и даже этнографических групп на основе русского алфавита своя письменность, которая является важнейшим средством приобщения их к социалистической культуре. Под руководством русских ученых созданы зважительные кадры научных работников среди отдельных народностей. Русские партийные и советские работники приложили и продолжают прилагать большие усилия в организации партийной, советской и профсоюзной работы у народов Сибири. Вся эта огромная бескорыстная братская помощь со стороны русского народа, и прежде всего русского населения Сибири, хорошо сознается трудящимися всех иерусских народов Сибири и служит укреплению дружбы народов Сибири с русским народом.

НАРОДЫ
СЕВЕРНОЙ СИБИРИ
И ДАЛЬНЕГО
ВОСТОКА

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО У НАРОДНОСТЕЙ СЕВЕРНОЙ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Великая Октябрьская социалистическая революция изменила судьбы многочисленных народов Российской империи. Национальная политика Коммунистической партии обусловила построение социалистического общества у всех народов Союза ССР, находившихся в разные времена революции на весьма различных ступенях общественного развития.

Многие отсталые народности и этнографические группы получили в условиях Советского государства возможность непосредственного перехода от первобытных форм хозяйства к социалистическим, минуя промежуточные стадии развития.

Революция сделала эти народы равноправными членами великой советской семьи, открыла им возможность неограниченного развития.

Дореволюционная Россия отличалась исключительной пестротой хозяйственно-экономических укладов и соответствующих им общественных форм.

Многонациональный состав населения Российского государства, среди которого находились десятки чрезвычайно отсталых народностей (европейского Севера, Кавказа, Средней Азии, Сибири, Дальнего Востока — всех, в сущности, окраин страны), делал поставленную историей задачу особенно значительной и актуальной. Разрешение ее началось с первых дней образования советской власти.

«Декларация прав народов России» 2(15) ноября 1917 г. возвестила равенство всех народов, отмену всех национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений и «свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России».

Провозглашенное «Декларацией» национальное освобождение уничтожало национальное угнетение, деление населения на господствующие и угнетаемые народности. Но это правовое равенство народов, входящих в состав Советского Союза, само по себе не ликвидировало, конечно, исторически сложившегося и унаследованного Советским государством фактического неравенства. Уничтожение этого неравенства требовало помимо законодательной отмены привилегий и ограничений, усиленного

развития отсталых народностей, скорейшего подъема их до уровня передовых народов страны. Понятно поэтому то огромное внимание, которое уделяло Советское государство этой сложной и трудной задаче, нахождению наиболее эффективных, быстрых и безболезненных путей к ее разрешению.

Важнейшей задачей явилось разрешение национального вопроса в его конкретно-исторической обстановке. Национальная политика Коммунистической партии требует особенного подхода к отдельным районам, к разным народностям, соответственно конкретному историческому состоянию, уровню развития и всей жизненной обстановке, в которой застала их революция.

Необходимость считаться в социалистическом строительстве со всеми особенностями каждой народности: хозяйственными, политическими, бытовыми и культурными неоднократно подчеркивалась В. И. Лениным.

Другим существеннейшим требованием национальной политики Коммунистической партии является оказание отсталым народам помощи со стороны Советского государства в ликвидации их фактического неравенства.

Решения XII Съезда РКП(б) прямо указывали, что такие народности «не в состоянии подняться на высшую ступень развития и залечь, таким образом, ушедшие вперед национальности без действительной и длительной помощи извне».¹

История социалистического строительства в Союзе ССР является собой наглядное осуществление этих основных принципов политики партии в национальном вопросе. Первая Конституция РСФСР 1918 г., исходившая из начал национально-территориальной автономии, обеспечила широчайшие возможности для национально-государственного строительства.

Различные формы и степени автономии (от автономной республики до национального совета) обусловливались уровнем развития отдельных национальных меньшинств, отличиями их по этнической принадлежности, языку, экономическому состоянию и пр. и отражали, таким образом, своеобразие, присущее разным народам и этнографическим группам. Автономии эти открывали широкий простор для самоуправления во всех областях местной жизни, в пределах территории расселения тех или иных групп, привлекали их к участию в общегосударственном управлении, обеспечивали защиту особых национальных интересов. Строительство автономий содействовало организации и активизации отсталых народностей, мобилизовало их на разрешение важнейших политических, хозяйственных и культурных задач, развивало дружбу между ними и русским народом, способствовало укреплению Советского государства.

Советская Конституция 1936 г., отразившая опыт построения многонационального государства на основе полного равноправия всех народов, окончательно приобщила самые отсталые этнографические группы к общегосударственной жизни и к социалистическому строительству в стране.

Замечательные успехи социалистического строительства у запоздалых в развитии народов достигнуты благодаря громадной помощи русского народа.

Наиболее сложным участком национального строительства являлись исключительно отсталые окраины северной Сибири и Дальнего Востока. Именно у населения этих районов, сохранившего наиболее примитивные

¹ КНСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т. 1, 1953, стр. 713—714.

формы производства и быта, хозяйственного уклада, общественных отношений и идеологии, были весьма своеобразны и особенности их исторического состояния. Особенности эти сходились в общих чертах к следующему.

Малые народы Севера вели комплексное, неспециализированное хозяйство, состоявшее из нескольких отраслей. Основными источниками существования были у них добывающие промыслы: рыболовство, сухо-зимняя и морская охота и начаточное, первобытное, социофатическое скотоводство — оленеводство.

Промысловая техника была примитивна. Зверей и птиц добывали преимущественно различными ловушками, копьем, луком со стрелами, рыбу промышляли самодовами, удой, острогой, мелкими сетями. Морские охотники пользовались кожаной зодкой (байдарой) и металлическим гарпуном.

Значительно меньше было привозных, более совершенных орудий лова — огнестрельного оружия, неводов и других уловистых снастей. В условиях недостаточно надежным источником существования, так как ставили людей в сильнейшую зависимость от стихийных сил природы. Несожданные изменения погоды (направления ветра и пр.) также отражались на добыче. Отсутствие наиболее важных промысловых животных приводило к губительным последствиям.

Таким же отсталым было и оленеводство. До самой революции оно велось деревенскими приемами, для улучшения которых люди не обладали необходимыми средствами и знаниями.

Грандиозные по протяженности перекочевки сопровождались громадной непроизводительной потерей времени, труда и изнурением животных. Многие пастбища были стравлены или служили очагами эпидемий, губивших целые стада. При всем изнурении сил пастухи не могли уберечь полуудицких оленей от хищных зверей. Все это вызывало громадные потери животных.

У народов Севера был натуральный уклад хозяйства; почти все необходимые для жизни средства производства, продукты потребления, домашнюю утварь они делали собственными силами из доступного им растительного и животного сырья.

Работали только вручную, главным образом самодельным инструментом, имеющим универсальное назначение. И все же, несмотря на такую технику, изделия отличались большой добротностью, чистотой, а часто и изяществом работы.

Материальная культура малых народностей характерна замечательной приспособленностью к суровым условиям жизни на Севере. Разнообразные ловушки на животных строго отвечали своему назначению, таковы же были и легкие, упругие и прочные средства сообщения (лыжи, нарты, челны и байдары). Практическая сметливость, знание природной среды и материала сказывались и в устройстве жилища, в типах одежды и обуви и в разных предметах домашнего обихода. Однако, несмотря на ценность многих культурных завоеваний отсталых народов, жизненный уклад их был убог, примитивен и опасен для здоровья.

Отсталые, неразвитые формы были присущи и социальным отношениям малых народов. Имущественное неравенство складывалось у них на основе частной собственности на средства производства. Наиболее резкая дифференциация наблюдалась, конечно, у скотоводов из почве владения оленями.

У рыболовецкого и охотничье населения расслоение было несравненно слабее и носило менее контрастные формы. Низкие техника и

производительность труда, сильная неустойчивость хозяйства ограничивали возможность накопления в сфере производства. Почти вся машина оседлых рыбаков и охотников принадлежала повсюду, за редкими исключениями, к необеспеченным, бедным, но самостоятельным производителям. Имущественное неравенство складывалось здесь преимущественно на почве торгового посредничества.

Общественный строй малых народностей явил собой сложное смещение разнообразных по своему содержанию элементов, один из которых уходили вглубь веков к древнейшим этапам человеческого общества, другие были результатом влияния более поздних классовых отношений. К первым относятся различные, у некоторых народностей очень сильные, у других слабые, остатки первобытно-общинных отношений; сущность их состояла в сохранении начал первобытной общности, в тех или иных ограничениях частной собственности и индивидуального начала вообще, а бытование их поддерживалось отсталым производством и хозяйством. Вторые выражались в усилении индивидуального начала; обособление самостоятельного производителя, развитие частной собственности, частного присвоения и различных форм классовых отношений. Взаимоотношениям отдельных общественных групп были присущи поэтому формы, свойственные докапиталистическому обществу.

Архаические примитивные формы, характерные для отсталых охотничьих племен, были свойственны и идеологии малых народностей. Круг реальных представлений относился главным образом к трудовой деятельности (предмету труда, технике и соответственным действиям человека) и к той природной среде, где она протекала. Именно в этой сфере народности Севера накопили много чисто практических знаний, передававших из поколения в поколение и позволивших им создать уваженные хорошо приспособленные формы материальной культуры. За пределами этого ограниченного круга реальных знаний господствовали иррациональные анимистические-шаманистские представления.

Большая одаренность северных народностей, оказавшаяся так ярко выражена в формах материальной культуры, проявилась и в разнообразном и своеобразном художественном творчестве — фольклоре и изобразительном искусстве, которые создали эти народности, несмотря на свой тяжелый исторический путь.

Указанные выше условия требовали особых форм во всех областях национального строительства: в административном устройстве, хозяйственной деятельности, культурно-просветительной работе. В соответствии с этим народности и этнографические группы Севера были выделены в особую группу, получившую официальное наименование «малые народности Севера».

Осуществление национальной политики среди них было возложено на специальный правительственный орган и выражалось в особой системе мер, направленных к всестороннему их развитию.

Всесторонняя и планомерная деятельность Советского правительства по устроению жизни малых народностей началась после окончания гражданской войны, дольше всего затянувшейся на северных окраинах. Окончательное освобождение Сибири от белогвардейцев датируется 15 января 1920 г., а ликвидация интервенции на Дальнем Востоке — 15 октября 1922 г.

На краине же севере Сибири и Дальнего Востока события эти наступили в 1922—1923 гг. (на Сахалине — в 1925 г.). Советское строительство у народностей Севера развернулось, таким образом, на 5—8 лет позже, чем в центральной России. Между тем за продолжительный период империалистической и гражданской войн положение населения Севера

катастрофически ухудшилось. Прекращение торговых связей с южными районами, падение промыслов и оленеводства, грабежи белогвардейцев и интервентов совершенно разорили население. Свыше 60% охотников остались к 1924 г. без огнестрельного оружия, громадный ущерб испытывало олешеводство, особенно в Якутии и на Дальнем Востоке, где десятки тысяч оленей были истреблены и угнаны белобандитами.

По мере восстановления советской власти в отдельных местах делались попытки улучшить положение населения: создавались советские органы управления и кооперативные организации, оказывалась медицинская помощь, проявлялась забота о снабжении, но, за отсутствием необходимых средств и сил, все эти отдельные, частные меры были мало эффективны.

Поступавшие в центральные органы из освобожденных районов Сибири сведения гласили, что «туземцы Севера живут за пределами Конституции РСФСР», нуждаются в «экстренных мерах по спасению», скорейшем включении их в сферу влияния советской власти.¹

Правительство нашло необходимым создать особый орган по устройству малых народностей.

Невозможность для малых народностей в силу их исключительной отсталости осуществить права, предоставленные им конституцией и преодолеть собственными силами эту отсталость вызвала необходимость в особой государственной помощи и защите. Постановлением Президиума ВЦИК от 20 июня 1924 г. был создан при ВЦИК Комитет содействия народностям северных окраин (Комитет Севера) для «содействия планомерному устроению малых народностей Севера в хозяйствено-экономическом, административно-судебном и культурно-санитарном отношении». Комитет призван был помочь осуществлению того равноправия, которое было провозглашено «Декларацией» 1917 г. и Конституцией 1918 г. Ему надлежало сплотить, организовать малые народности, пробудить в них сознание своего равноправия с другими народами, поднять их на высший уровень развития.

Основная задача состояла в том, чтобы путем всестороннего развития вовлечь само местное население в строительство нового социалистического общества.

В первые годы отсутствовали сведения даже о численности и расселении малых народов. Первый по времени советский закон о туземцах северных окраин приводил, паряду с обычными названиями существовавших этнографических групп, много наименований мелких, локальных и родовых подразделений (юраки, ороочоны, самагиры, машегры, машчуктузы, карагинцы, олюторы, кереки) или такие неопределенные указания, как «орды затундрийских обществ». В дальнейшем, по мере выяснения этнической принадлежности и расселения отдельных групп, перечень их постепенно уточнялся и в начале 30-х годов определился окончательно.

В группу «малых народов Севера» вошло 27 народностей и этнографических групп, в том числе 26 сибирских.² Две из них (ненцы и манси) живут частично и на европейском Севере и одна (лопари-саамы), обитает исключительно на европейском Севере.

¹ Доклад Енисейского губернского исполнительного комитета ВЦИК о положении в Туруханском крае, 1923 г. Журн. «Советский Север», 1934, № 2.

² Ханты, манси, пашы, энцы, шансасаны, селькупы, кеты, эвенки, долганы, эвены, ногайцы, напайцы, ульчи, удэгейцы, орохи, ороки, инхи, чукчи, коряки и ительмены, юкагиры, чувашцы, рекмысы, аллеуты, тофалары и сойоты.

Десятилетияя деятельность Комитета явилась реализацией программы по национальному строительству, намеченою Коммунистической партией применительно к отсталым народностям.

Одной из первоочередных задач было «собирание необходимых сведений о жизни и нуждах малых народностей, изучение истории, культуры и быта» (Положение о Комитете, п. 2). В 1925 г. начались поэтому экспедиции Комитета для исследования малоизвестных групп населения. Работы этих экспедиций и местные материалы позволили уточнить перечень групп, причисляемых к «малым народностям», и послужили основой для важнейших шагов по их устроению (организация низовых советов, национальное районирование, землеустройство, реконструкция хозяйства и т. д.).

Ценным историческим памятником первых этапов строительства служит обширное и разнообразное законодательство, относящееся к малым народностям, «переустройству их быта на социалистических началах, «социалистической перестройке сельского и промышленного хозяйства и т. д.

Многочисленные постановления, касающиеся административного и земельного устройства, революционной законности, снабжения, кооперирования, школьного строительства и пр., свидетельствуют об особой заботе Советского государства о малых народах, об особых формах помощи им, о громадных материальных затратах на подъем их хозяйства и культуры.

В народных комиссариатах и центральных кооперативных организациях учреждаются северные секторы, или «специальные группы для обслуживания районов Крайнего Севера». Создаются органы надзора за осуществлением национальной политики — местные комитеты содействия народностям северных окраин, с участием представителей малых народностей, — назначаются уполномоченные Центрального Комитета Севера при областных и краевых исполнительных комитетах и ЦИК Якутской и Бурят-Монгольской АССР.

Сметно-бюджетное финансирование национальных районов происходит в специальном порядке, обеспечивающем интересы населения. Устанавливается особый порядок для планирования и снабжения этих районов. Текущая работа во всех отраслях строительства пользуется постоянным вниманием правительства.

Президиум ВЦИК и Совет Народных Комиссаров систематически заслушивают отчеты Комитета Севера, краевых и областных исполнительных комитетов и автономных республик «о руководстве и помощи с их стороны хозяйственно-культурному подъему и советскому строительству у малых народностей Севера».

Первоначальная советизация Севера осуществлялась на основе родового деления населения. Построение низовых советов требовало организации населения, стягивания его отдельных разрозненных частей. Применение нормального территориального принципа было в то время затруднено в силу большой распыленности населения и отсутствия сведений о расселении и взаимосвязях отдельных групп, даже о связи из с определенными территориями.

Принятое в 1926 г. ВЦИК и СНК РСФСР «Временное положение об управлении туземных народностей и племен Северных окраин РСФСР» положило начало административно-судебному устройству. Законодательные мотивы его были следующие: «В целях защиты прав и интересов тружеников туземцев северных окраин, а также в целях вовлечения их в дело управления, наиболее полного и правильного проведения среди них законов Советского правительства, для поднятия их хозяйства и культурных

условий жизни, организуются органы туземного управления среди народностей и племен северных окраин РСФСР, ведущих бродячий, кочевой, рыболовством и оленеводством, а также ведущих оседлый образ жизни и занимающихся морским зверодовством, поскольку, однако, эти народности и племена не выделены в особые республики и области» (ст. 1). Органами управления были: родовые собрания, родовые советы, районные туземные съезда и районные туземные исполнительные комитеты. Низовой коллективной единицей был род «или другое туземное объединение (пастухи, наслег, улус и т. п.), имеющее определенную территорию хозяйственно-промышленной деятельности. На общем родовом собрании выбирался родовой совет.

Следующей ступенью была совокупность нескольких родов или других объединений, принадлежащих к одной этнической группе и тоже занимающих известную территорию. Территория эта управлялась районным туземным исполнительным комитетом («тузрик»), избиравшимся на районном туземном съезде нескольких родов или других объединений.

«Временное положение» во всех своих деталях исходило из особенностей быта и состояния малых народов. Так, время созыва родовых собраний приурочивалось к бытовым и хозяйственным условиям данного туземного объединения; решения их, при отсутствии грамотных, могли иметь словесную форму; малочисленные объединения не избирали советов, а управлялись непосредственно общим собранием членов рода, во главе с его председателем и т. д. Судебные функции в пределах, указанных во «Временном положении», были возложены временно на те же туземные органы.

Самые принципы, положенные в основу «Временного положения», и весь порядок его применения были направлены и осуществлению важнейшей задачи национальной политики — помочь отсталым народам «развить и укрепить у себя советскую государственность и форму», соответствующих национально-бытовым условиям этих народов» (из резолюции X съезда РКП(б) «Об очередных задачах партии в национальном вопросе»). «Временное положение» было рассчитано на постепенный переход к нормальной территориальной системе советов. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР предоставляло правовым, областным и губернским исполнительным комитетам «право, в соответствии с местными особенностями, делать необходимые отступления от «Временного положения». Так, у тех групп, у которых сильное разложение родовых связей делало нецелесообразным строительство советов по родовому признаку (у некоторых групп шайтанов, ульев, ингушей, ногайцев, башкиров), они были образованы уже в то время по территориально-национальному принципу. Так же были они созданы и у западных племен (кашпо-тыманских и малоземельских), и у чукчей и эскимосов, у которых были организованы так называемые лагерные комитеты.

Деятельность первых родовых советов протекала в сложной обстановке. Население было не в состоянии организоваться собственными силами. Ему были непонятны самые принципы новой власти: выборность, колLECTивность, самоуправляемость. У северных народностей были крепки традиции подчинения единоличеству родовых князьев, старшин и т. п. Суглахи, как общеродовые полномочные собрания, превратились в факцию: на них первыми дела то же князья.

С трудом усилило напряжение равновесие между советом и судом. Раньше в административные и судебные функции осуществлялись одним лицом (тем же князем), причем «управление» сводилось в сущности лишь

к одному — взиманию ясака. В советских условиях суд, как таковой, был еще понятие населению, но не так обстояло с советами: взимание ясака отпало, а основная деятельность советов (административная и особенно хозяйственная и культурная) была вначале совершенно нова и неизвестна. Отсюда, очевидно, родилось оригинальное сопоставление суда и совета. Суд считался более высокой властью, чем совет. Немало преступлений встретило привлечение в советы молодежи и особенно женщин; их первоначально отстраивали даже от обсуждения общественных дел.

Велики были организационные трудности. В глухих местах, отрезанных в те годы даже от ближайших русских пунктов, первоначальную связь с населением устанавливали случайно попавшие туда работники. Собрания и съезды приходилось назначать чуть ли не за год: иначе не удавалось собрать даже членов одного рода.

Если упомянуть еще о большом влиянии, а иногда и непосредственном участии в первых советах враждебных элементов, о пассивности бедноты, о сплошной неграмотности, то общая картина условий, в которых нужно было приступить к социалистическому переустройству жизни, станет ясной.

В этих тяжелых условиях была предпринята прежде всего огромная разъяснительная работа, направленная к тому, чтобы сделать советскую власть «прежде всего понятной» для населения. Нужно было помочь ему осмыслять необходимость полной перестройки старой жизни, осознать идеи и задачи советской власти, принципы управления, значение здравоохранения, просвещения и пр.

Деятельность советов распространялась постепенно на всю местную жизнь и стала наглядно полезной, понятной населению. Советы боролись с нарушением правил охоты, заботились о сибирякении, об открытии торговых и медицинских пунктов, оказывали материальную помощь бедноте. При большинстве советов были созданы для этого комитеты взаимопомощи, выдававшие ссуды оленями, огнеприпасами, продуктами питания. Устраивались, на случай голодовок, общественные запасы питания — мясные ямы на Чукотке, склады юколя у коряков и т. д.

Присвоение советам права административного взмекания (а районным исполнительным комитетам — издания обязательных постановлений) и самостоятельного распоряжения общественными средствами способствовало укреплению авторитета советов. Даже наличие у них печати импонировало местному населению, и акт ее передачи принимал часто торжественный характер.

Население осознавало постепенно, что ему принадлежит власть, чувствовало себя хозяином тайги и тундры. Вокруг советов появился актив, охотно помогавший им в работе. Из этого актива вышли первые комсомольцы и коммунисты Крайнего Севера.

Сеть советов стала расширяться. Жители отдаленных мест, где советов еще не было, узнавали о новой власти, заботящейся о трудящихся, и не умея образовать советы, обращались за помощью к посещавшим их торговым работникам, врачам. Несколько селения Ныйво и окрестных поселков потребовали открытия нового совета, так как ближайший к ним — Лунский — был удален от них. «Плохо наши люди на Оинголе и в Джекене живут — у них нет своего туземного совета», — жаловались торгонские напайцы. Собравшиеся на суглан (собрание) таймурские, чупиские и другие эвенки сами решили организовать не один, а два родовых совета. К 1930 г. у малых народностей действовали уже 381 родовой совет и 61 туземный районный исполнительный комитет.

Наиболее наглядной и убедительной для населения явилась советская экономическая политика, состоявшая в конкретной помощи, в постоян-

ных заботах об его нуждах. Это выражалось в различных льготах, предоставленных северным народностям, в особой защите их от эксплуатации, в целой, наконец, системе разнообразных мер, направленных на восстановление и развитие промыслов и оленеводства.

Постановлениями Правительства РСФСР и СССР от 1927 г. и следующих лет малые народности Севера были освобождены от уплаты всех налогов, сборов и пошлин. Особенности бытового, хозяйственного и культурного состояния вызвали освобождение их от воинской обязанности, а равно от разных трудовых повинностей (лесозаготовок, грузоперевозок и пр.).

Сильно улучшило положение населения уже в эти первые годы борьба с эксплуатацией его частным торговым капиталом, происходившей в форме неэквивалентного обмена пушнины, спиртами, наследственного долгового закабаления. Постановления Правительства РСФСР ограничили, а затем совершенно прекратили деятельность частного капитала на окраинах Крайнего Севера, находящихся в особых бытовых и хозяйственных условиях.¹ В 1927—1930 гг. запрещены были ввоз и продажа спиртных напитков на северных окраинах.² Нарушителям грозили штраф, принудительные работы, конфискация предмета сделки, высылка и запрет проживания в северных районах. Сделки с местными жителями, связанные с торговлей алкогольными напитками, считались недействительными.

Много внимания было уделено восстановлению промыслового хозяйства малых народов.

Основные промыслы, особенно пушная охота, находились в сильном упадке. Разнообразные меры были направлены на восстановление и охрану сырьевой базы (естественных запасов промысловой фауны) и на регулирование самого процесса добычи.³

Среди мер по укреплению местного хозяйства надо упомянуть о начатом в те годы землеустройстве малых народов. Землеустройство и водоустройство преследовали цель обеспечить действительную охрану экономических интересов этих народов, особенно в отношении закрепления за ними в трудовое пользование необходимых для ведения хозяйства угодий. Оно разрешало важные политические и хозяйственные задачи, защищало население от возможных утеснений при отводе земель предприятиям и пополиселенцам, лишало пользования угодьями отдельных лиц и их групп, если они эксплуатируют население или ведут хищническое использование угодий.

В результате малые народности получили много отторгнутых у них до революции угодий, а места их расселения были очищены от самовольных поселенцев, скуншиков пушнины, торговцев спиртом и опиумом. В это же время было ликвидировано иностранное хищничество (английское, норвежское, шведское — на западе, американское и японское — на востоке), губительно отражавшееся на положении населения окраин.

Все эти меры имели громадное значение для уничтожения тяжкого дореволюционного наследия. Они явились сильным фактором перелома в отношении населения к новой власти.

Мощным средством восстановления хозяйства малых народов была на этом этапе торгово-кооперативная политика. Базу всей торговой

¹ Собр. узакон. и распор. 1924 г., № 18, ст. 180; 1925 г., № 61, ст. 698 и др.

² Там же, 1930 г., № 31, ст. 406 и др.

³ «Положение об охотниччьем хозяйстве» (Собр. узакон. и распор. 1923 г., № 17, ст. 216 и 1930 г., № 9, ст. 109) и «Положение о рыбном хозяйстве» (там же, 1927 г., № 102, ст. 684). Были образованы заповедники и заказники, обызвестны запуски, запрещены вредоносные орудия добычи и пр.

работы положены были интересы населения. Плановость, регулярность и полнота снабжения составляли предмет большого внимания Советского правительства. Свидетельством этого является образование в районах обитания малых народностей особых товарных запасов и устройство хлебозапасных магазинов для местного населения Севера в целях поддержания его экономического благосостояния и хозяйственного развития.

Коренные изменения претерпел ассортимент снабжения. Ичезли спиртные напитки и разная колониальная «завал», появились «тяжеловесы» (мука, крупа, соль, сахар), почти отсутствовавшие в прошлом вследствие невыгодности их транспортировки. Промысловое и хозяйственное бытовое снабжение, сводившееся раньше лишь к ружьям с боеприпасами и металлической посуде, значительно расширилось и состояло уже из разнообразных инструментов, оружия, материалов и сырья в зависимости от местных особенностей.

Большие изменения произошли и в области сбыта местной продукции. Орудовавший в прошлом частный капитал скупал, за редкими исключениями (европейская тундра, Обь, Амур), лишь пушину. Советские заготовки распространялись на самую разнообразную промыслово-оленеводческую и кустарную продукцию (рыба, шкуры, сало и другие продукты морской охоты, оленье сырье, мясо диких зверей и птиц, орехи, ягоды, изделия домашнего производства). Это расширение сбыта сильно повысило товарность хозяйства и улучшило материальное положение населения.

Благотворную роль сыграла политика цен, исходившая из интересов населения: твердые отпускные цены на привозные товары и такие же заготовительные на местную продукцию, в том числе и на пушину. Население почувствовало реальные блага, принесенные новой властью.

Тогда же началась ликвидация «торговых пустынь» Крайнего Севера. Торговая сеть увеличилась с 677 точек (факторий, кооперативы, госторгов, агентур) в 1926 г. до 1865 в 1933 г. Глубинные, особенно кочевые, районы обслуживались развозным торгом и возродившимися, но совершенно изменившими свое лицо ярмарками и (впоследствии) колхозными базарами.

Важнейшим проводником экономической политики была в те годы интегральная кооперация. Своебразие обстановки (чрезвычайная разнотипность населения на громадных пространствах, комплексный характер хозяйства и т. д.) вызвало организацию единой кооперации смешанного (интегрального) типа, которая могла охватить все население, все стороны его деятельности. Интегральные формы кооперации соответствовали хозяйственному укладу малых народностей. В задачи кооперации входили не только торгово-заготовительные, но и производственные и кредитные функции.

Кооперативы оказывали разнообразную помощь населению: снабжали его средствами производства и материалами, обслуживали ремонтными мастерскими и т. д. В первые годы охотники получили (частью бесплатно) свыше 10 тыс. ружей с патронами, много капканов, сетей и пр. В дальнейшем кооперация проникла еще глубже в местное хозяйство и стала охватывать различные производственные объединения народов Севера.¹ Организация кооперированного труда в ряде случаев облегчалась тем обстоятельством, что многие способы промысла по самой природе своей

¹ Речь идет о так называемых бытовых или внеуставных объединениях, некогда существовавших у народностей Севера и представлявших собой в большинстве случаев простейшую сезонную кооперацию труда. В литературе они назывались обычно артелями.

требовали коллективных усилий (запоры и заездки в рыболовстве, загоны и облавы в сухонутной охоте, добыча моржей и китов в морской охоте, промысел линной птицы). В 1925—1927 гг. действовали повсюду, при интегральных кооперативах, различные промысловые артели. Наиболее широко они были распространены в рыболовстве, требованием больших трудовых затрат в массовой добыче рыбы. Кооперация предоставила таким объединениям крупные и дорогие орудия добычи, недоступные для индивидуального хозяйства. У населения низовьев Амура было учтено в 1927 г. до 70 таких артелей, много их было на Оби и на Енисее. В тайге, у охотских и камчатских эвенков, звеников и др., было много объединений охотников, которые кооперация обеспечивала оружием и снаряжением. У звеников образовались «товарищества» по грузоперевозкам. У морских охотников (чукчей и эскимосов, певзкинских коряков) такие объединения при кооперативах назывались промысловыми группами. Производственно-экономической базой их служили вельботы с необходимым оборудованием, предоставленные им кооперацией. У чанайцев появились артели даже в таких новых отраслях, как огородничество и лесозаготовки. Возникли и женские объединения — бригады по обработке шкур и пошивке одежды и обуви (у эвенков, звеников, чанайцев, чукчей, коряков, эскимосов и др.), по выделке мешков из наливьей кожи и берестяных тисок — полое выделанной бересты (у хантов и др.), по вышивке художественных изделий (у коряков, хантов, ченчиков, чанайцев и др.). Эти первые «прикооперативные» объединения послужили ячейками колхозов, строительство которых и началось через несколько лет. Советская власть осуществила на Севере ленинский кооперативный план переустройства крестьянского хозяйства, план, включавший все формы кооперации — от низшей, сплабженческо-сбытовой, до высшей, производственно-колхозной.

Отношение малых народностей к кооперации — одна из интересных страниц истории национального строительства. Кооперация была наиболее доступной пониманию населения формой советской общественной организации. Большим преимуществом, сравнительно с прошлым, было значительное приближение товара к населению, которому уже не нужно было отправляться лично на далекие фактории или поручать свои торговые дела посреднику-эксплуататору. Очень удобно было сосредоточение в одном месте продажи товаров, покупки местного сырья, кредитных операций и пр. Торговая работа кооперации завоевала ей полное доверие населения. Учет в натуральной форме всех отпущенных населению товаров и всей принятой от него продукции (так называемая талонная система) убеждал жителей в невозможности бледого обмана, «торговлиания». Каждый из них мог легко вспомнить и проверить свои «натуральные расчеты» с лавкой. Особенно это сказалось в вайчейских, чунских, операциях. Полезную работу кооперации населениечувствовало не только в области торговли, но и во всей своей жизни. Кредитование бедноты на покупку оленей, предоставление объединениям более совершенных орудий добычи, содействие развитию новых отраслей производства, активное участие в строительстве школ и медицинских пунктов не могли не поднять авторитета кооперации. Отсюда понятна ее огромная популярность, способствовавшая исключительно быстрому кооперированию населения.

Кооперативы стали первыми очагами общественной жизни малых народностей. Они шли туда со всеми своими делами. Там они находили впервые в своей жизни такие культурные развлечения, как кино и радиовещание, получали медицинскую помощь, посещали «заезжую» избушику с излюбленным горячим чаем. Вокруг кооперации создался актив, насчитывающий немало женщин; многие кооперативы даже в таких глухих

местах, как Чукотка, обслуживались самим населением. Кооперация выполнила на первом этапе советского строительства громадную воспитательную работу. Она явилась проводником политики партии, приучив население к сознательному ведению своих хозяйственных дел, была первой школой общественной работы.

Уничтожение главной формы эксплуатации — торгово-ростовщического капитала — достигнуто было сравнительно легко. Эта внешняя эксплуатация имела явные формы, и носителями ее были чуждые и недавние населению торговцы. Аналогично обстояло дело и с другими пришлыми эксплуататорами — бывшей царской администрацией, самовольными засельщиками — захватчиками угодий и др. Борьба с ними была завершена в первые годы административно-судебным и экономическим путем (запрет частной торговли, анулирование прежней задолженности, выселение). В 1931 г. СНК РСФСР уже констатировал «освобождение туземцев и трудового населения Крайнего Севера от вековой эксплуатации частного капитала путем ликвидации в основном в районах расселения малых народов частного торгово-посреднического и прочего предпринимательства, замененного кооперацией и государственными ходорганизами».¹

Сложнее протекала борьба с эксплуататорами из среды северных народностей, сохранившими в значительной степени свои позиции и в родовых советах и в экономической сфере. Хотя «Временное положение о советах и лишало избирательных прав лиц, предусмотренных ст. 69 Конституции РСФСР, но родовой принцип построения советов не обеспечивал полного устрачения «старших», «лучших» сородичей, являвшихся зачастую эксплуататорами. Во многие советы проникли поэтому бывшие князья, старшины и богачи, эксплуататоры чужого труда. Но даже не проникнув в советы, они пользовались, по традиции, большим влиянием на собраниях, где решались важнейшие дела. Сохранилось и экономическое господство крупных оленеводов как лежателей основного источника существования тундровой бедноты.

Советская политика по отношению к различным социальным группам исходила из общих принципов национального строительства у отсталых народностей, прежде всего из конкретно-исторической обстановки их бытия. Именно с учетом этой обстановки велась непрестанная разъяснительная работа и осуществлялась советская экономическая политика, которая дала возможность почувствовать преимущества новой власти и привлекла население на ее сторону. Это позволило уже в первые годы начать наступление на эксплуататорские группы путем их ограничения, изоляции и вытеснения.

Группы эти ожесточенно боролись с новой властью, активно противодействовали всем начинаниям: организации советов, кооперированию населения, строительству совхозов. На родовых собраниях и в советах эксплуататоры добивались передко враждебных советской политике решений: прикрепления бедняков «на еду» (скрытый вид эксплуатации) к богачам, выгодной для богатых разверстки угодий или подушной раскладки местных сборов.

Ожесточенное сопротивление встретило вовлечение в социалистическое строительство женщин, борьба за их равноправие, за участие в общественной жизни, за отмену калмыма и других норм старого семейного права.

¹ Постановление СНК РСФСР «О хозяйственном развитии районов Крайнего Севера» от 8 сентября 1931 г., № 957.

Стремясь сохранить влияние на бедноту и восстановить против сово-
тов всю массу населения в целом, враждебные элементы пользовались
пережитками старой патриархальной идеологии.

Покорность зависимой бедноты усилию поддерживалась экономиче-
ским воздействием — «кормлением», раздачей скота, подарками и т. п.

Однако беднота даже самых глухих тундр начинала сознавать необхо-
димость борьбы с эксплуататорами. В начале 30-х годов «кулачеством»¹
в олешеводческом хозяйстве было значительно ослаблено во многих мес-
тах: в ненецких тундрах, от Кашино-Тиманской до Ямала, на севере
современных округов Ханты-Мансийского и Эвенкийского, на Таймыре
и в Якутии. В других же, глухих районах, на Сосве и Казанме, на Югане
и Бахе, среди коряков и особенно на Чукотке, богачи олешеводы были
еще сильны.

Важнейшей предпосылкой успехов на этом этапе было социально-
культурное строительство, направленное к ликвидации общекультурной
отсталости малых народностей. Именно в эти годы началось проникновение
их к просвещению и образованию, внесены в быт зачатки культурных
навыков. Большим своеобразием отличалась и эта работа. Обычные формы
ее — школьное обучение и ликвидация нетграмотности, политко-просве-
тительная деятельность, лечебная помощь и пр. — были приспособлены
к местным условиям. Так возникли, паряду со стационарными, передвиж-
ные учреждения, осуществлявшие комплексное обслуживание населения.

Оригинальным учреждением явились культурные базы Комитета Севера,
в которые входили: школа-интернат, больница с амбулаторией и яслими,
«дом туземца», клуб, радио- и киноустановки, ветеринарно-зоотехнический
пункт, показательные ремесленные мастерские, исследовательская краев-
едческая ячейка. Устраивали их в наиболее глухих изолированных райо-
нах, куда тяготели оседлые и кочевые жители.²

«Положение о культурных базах» подчинило их работу «основной
цели — вовлечению всех туземцев в социалистическое строительство и
превращению баз в центры хозяйственно-культурной жизни каждой на-
родности»; при этом подчеркивалось, что «достижение этой цели невоз-
можно без глубокого всестороннего изучения людей и природы северных
районов». Помимо просветительной и лечебной работы, культуры создали
много показательных, хозяйственных и бытовых предприятий, сообщав-
ших населению новые практические знания. Таковы были питомники пле-
менных собак, оленей и пушных зверей, опытные агрономические и жи-
вотноводческие пункты, столярные, слесарные, сетевязальные мастерские,
показательные хлебопекарии, даже жилища. Действовали различные
курсы для подготовки работников из среды местного национального насе-
ления.

Население скоро оценило деятельность баз. И мужчины и женщины
приняли участие в их повседневной работе в качестве пастухов, каюров,
санитарок. Женщины учились уходу за детьми, стирке белья, хлебопе-
чению. Мужчины становились слесарями, механиками, инструкторами по

¹ Этот термин, относящийся к деревне капиталистической эпохи, применен в дан-
ном случае лишь условно.

² Комитетом Севера были открыты следующие базы: Хаседа-Хард, Ирсале и Халь-
мер-Сээ (для большеземельских и яхальских пеев и селькупов), Сосвинская (для
маяси), Казымская (для хантов), Туринская, Усть-Калаканская, Усть-Майская
и Чумиканская (для никстунгусских, витимо-олекминских, алдано-майских и чуми-
канских эвенков), Хатавгская (для долганов и иглансанов), Нагаевская (эвенская)
и Охотском побережье, Сахалинская (для айнов, ороков, эвеков), Пензинская
(корякская), Чаунская и Вилюйская (для обслуживания чукчей). Чукотская —
в бухте Лаврентия (для чукчей и эскимосов).

промышленностью, работниками советских и кооперативных учреждений. Популярная работа баз расширялась далеко по тайге и тундре.

В ближайшие годы базы стали настоящими городками, подлинными центрами хозяйственно-культурной жизни северных народностей. Там обычно находились советы и районные исполнительные комитеты, кооперативы, учреждения связи и т. д. Около баз возникали первые поселки и колхозы (Хоседа-Хард, бухта Лаврентия, Тура и др.). Современем они стали центрами национальных округов и районов.

Культурным базам Комитета Севера принадлежит почетное место в истории национального строительства на Крайнем Севере. Их деятельность заслуженно привлекала широкое внимание как советской общественности, так и иностранных ученых и общественных деятелей.

Аналогичным комплексом были широко распространенные на Севере передвижные «красные чумы», которые вели политico-воспитательную, культурно-бытовую и санитарно-просветительную работу среди населения, не охваченного стационарными учреждениями (культурными базами и «домами туземца»). Красные чумы передвигались на олених, собаках и лодках («красные лодки»), сопутствуя кочевникам, останавливаясь в местах массового скопления населения на суглазах, ярмарках, фабриках. Работа их охватывала все стороны жизни населения — от ухода за детьми до борьбы со злачнством.

Привлечение детей в школы встретило вначале сильное противодействие населения. От открытия школ до появления первых учеников проходило иногда много времени в уговорах и разъяснениях. Учителя ездили по району, обходили юрты и чумы, долго увещевали родителей отдать детей в школу. Население не могло сначала понять необходимость образования. Родители боялись, что дети, узная в школе что-то новое, неизвестное, отбоятся от старой жизни, разучатся охотиться и рыбачить, пронадут в тундре и тайге.

Работа педагогов на Севере была нелегкой. Дети поступали в интернаты привычными к совершенно иному быту. Все им в школе было в диковину; они долго и с трудом воспринимали элементарные культурные навыки. Много недель проходило, пока они привыкали носить белье и раздеваться на ночь, спать на кроватях, мыться, пользоваться мебелью и посудой. Постепенно они привыкали к новому быту.

Вся работа школы исходила из особенностей быта северных народностей, была приспособлена к их нуждам. Учебные программы строились на краеведческом материале (более понятном и нужном для школьников), применительно к главным типам хозяйства — оленеводческому, охотничьему и рыболовецкому. Распределение учебного года соответствовало хозяйственному календарю населения. Родители внимательно следили за жизнью и учением детей в школах-интернатах и убеждались, что им живется там лучше, чем дома. В дальнейшем население уже само требовало открытия новых школ, снабжало их юколяй, олениной, само потянулось в школы.

Трудно переоценить культурное значение северной школы. Пионершикольники были активными проводниками советского влияния в массы местного населения. Они приносили в семью материалистическое объяснение явлений природы, новые представления об общественной жизни и советской власти, русскую речь, культурные навыки (мыло, гребенка, нательное белье). А следом появился букварь, правда еще недоступный в те годы взрослым. Окончившие школу продолжали образование на курсах и в национальных отделениях техникумов, рабочих факультетах, школ советско-партийных и школ промышленовой молодежи. Позднее возникли самостоятельные национальные техникумы и училища (в Коли-

шеве, Енисейске, Хабаровске, Николаевске на Амуре и др.). Видное место в подготовке кадров занял Институт народов Севера ЦИК СССР им. П. Г. Смирновича. Зародышем его была северная группа рабочего факультета (впоследствии Северный факультет) Ленинградского университета; там появились в 1925 г. первые 26 студентов из народностей Крайнего Севера.

Развернулась массовая политico-просветительная работа. Широко использовались для этого все возможности общения с населением на съездах советов, кооперативных собраниях, на культурных базах и ярмарках, в заезжих домах («дома туземца»), в избах-читальнях.

Уже в это время родилось среди взрослого населения стремление к просвещению. Представители малых народностей, работавшие в советах и кооперативах, самостоятельно или с помощью русских соседей усваивали грамоту, счетоводство.

Проникновение медицинской помощи сопровождалось едва ли не большими трудностями, чем образование. Шаманы, осуществлявшие функции лекаря-знахаря, всячески противодействовали врачам. И тут косность и предубеждение были сломлены наглядной работой советских медиков. С 1924—1925 гг. на Севере действовали врачебно-обследовательские отряды Российского общества Красного Креста. Кроме оказания медицинской помощи, они вели большую санитарно-просветительную работу. Чрезвычайно восприимчивые к инфекционным заболеваниям («мягкие к смерти», по выражению чукчей), страдавшие профессиональными и бытовыми болезнями люди оценили пользу медицины.

Этот первый этап национального строительства у малых народов (1925—1930 гг.) показал во всем ее величии глубокую, подлинно демократическую и гуманистическую политику первого в истории социалистического государства. Молодое Советское государство, еще материально неокрепшее, нуждавшееся в самых необходимых ресурсах, терпевшее много лишений и трудностей, пришло на помощь, не отложило до более благоприятных условий заботы о населении далеких северных окраин. Напротив, оно предоставило большие материальные средства и человеческие силы, чтобы спасти и возродить отсталые народы.

Важнейшим результатом первого пятилетия национального строительства было окончательное укрепление советского строя у малых народностей. Население осознало сущность новой власти, неизменно заботившейся о трудащихся. Оно поняло, что все появившееся у них новое и хорошее принесла советская власть. Отсюда родилось прочное доверие ко всему, от нее исходящему.

Громадный авторитет завоевала Коммунистическая партия. В эти годы положено было начало разрешению важнейшей задачи для практического осуществления национальной политики, состоявшей в создании на окраинах связанных с массами коммунистических организаций. В самых отдаленных уголках Севера возникли партийные организации, появились первые коммунисты и комсомольцы из местных жителей, активисты из бедняков и батраков. Исчезло недоверие к русским как представителям господствовавшей в прошлом нации. Русские, пришедшие строить советы, оказались совершенно другими людьми, чем бывшие эксплуататоры и белогвардейцы. Постоянное общение с советскими учреждениями способствовало сближению населения с русским народом, усвоению русского языка, проникновению новой культуры.

Развивалось национальное самосознание отсталых северных народностей. После векового бесправия они проснулись к самостоятельной общественно-политической жизни. Протоколы местных собраний и съездов

показывают, как быстро они поняли сущность советской работы, научились видеть недостатки своих учреждений. Широкий отклик встречали все советские начинания: подишка на займы, заготовка пушнины и рыбы, самообложение и т. д.

Разъяснительная работа, борьба с насильственными браками, мвогоженством, калымом и другим архаическим наследием вызвали доверие женщин к советской власти. Они сделались самостоятельнее, стала участвовать в общественных делах и в советах. У енисейских звенков первыми добились совещательного голоса вдовы — главы семей. А в 1928 г. суглан тех самых таймурских и соседних родов, которые за несколько лет перед этим лишили женщин права голоса, постановил: «Восстановить женщин в одних правах с мужчинами решать вопросы из тунгусской жизни и, кроме того, допустить женщин быть избираемыми в родовые советы и в родовые суды».¹ Многие женщины стали обращаться в суд при семейно-имущественных и брачных недоразумениях, связанных чаще всего с калымом, левиратом, родовыми нормами наследования.

Важным событием в жизни женщин было состоявшееся в 1930 г. при ЦК ВКП(б) совещание по работе среди женщин северных народностей. Совещанием была принята обширная программа мер по раскрепощению трудящихся женщин-туземок и развертыванию массовой воспитательной работы среди них в целях широкого вовлечения тружениц Севера в социалистическое переустройство северных окраин Советского Союза. Деятельность местных организаций сильно оживилась. Побывавшие на совещании женщины стали пользоваться на родине исключительным авторитетом и сделались активными проводниками партийной политики.

Советская власть к этому времени прочно укрепилась среди трудового населения Крайнего Севера и стала для него своею властью. И на Крайнем Севере полностью оправдались слова Ленина, относящиеся к бывшим среднеазиатским колониям: «... можно пробудить в массах стремление к самостоятельному политическому мышлению и к самостоятельной политической деятельности и там, где нет почти пролетариата... крестьяне, находящиеся в полуфеодальной зависимости, отлично могут усвоить идею советской организации и осуществить ее на деле».²

Успехи национальной политики подготовили почву для следующего этапа — национально-территориального районирования Крайнего Севера. Новые задачи, поставленные в те годы перед страной, — завершение индустриализации и реконструкция сельского хозяйства — требовали коренного изменения старой системы управления на Севере, перехода от условного «Временного положения» к постоянной нормальной организации власти. В 1926—1930 гг. возникли первые национальные районы: Нанайский, Ульчский, Чукотский, Эскимосский, Алеутский, Тофаларский. В 1929 г. был образован первый национальный округ — Ненецкий.

Опыт организации национальных районов оказался удачен: повысилась активность населения, ускорилось хозяйственное и культурное развитие. Вскоре этот опыт был распространен на всю территорию обитания северных народностей. Постановлением Президиума ВЦИК от 10 декабря 1930 г. «Об организации национальных объединений в районах расселения малых народностей Севера» было учреждено 8 национальных

¹ Н. Никульшин. Первобытные производственные объединения в социалистическое строительство у эвенков. Л., 1939, стр. 88.

² В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 218.

округов (в составе 36 районов) и 8 национальных (эвенкийских) районов, не входящих в округа.¹

Организация новых национально-административных единиц была завершена в 1931 г. Издание в следующем году «Положение об окружных съездах советов и окружных исполнительных комитетах северных окраин РСФСР» определило порядок образования, структуру и компетенцию новых органов управления. Одновременно был решен вопрос о низовых советах. В национальных округах были созданы сельские (с большинством оседлого населения) и кочевые (с большинством кочевого и полукочевого населения) советы. Сельские советы действовали на основе общего о них Положения, кочевые — на основании особого Положения, утвержденного ВЦИК. Вслед за этим были образованы органы юстиции — окружные и народные, сельские и кочевые общественные суды. Все это завершало построение у народов Севера единой советской системы управления и суда, происходившей, однако, из их особого состояния.

«Положение» о низовых советах и окружных органах прямо ссылалось на «особые условия работы органов советской власти в национальных округах на Крайнем Севере РСФСР».² Эти особые условия оказались более всего в законах, относящихся к кочевому населению, его советам и судам.³

В перечне «предметов ведения кочевых советов» особо упоминались защита интересов батраков и охрана сирот от бытовой эксплуатации. Предусматривались специальные формы связи совета «с отдельными кочевыми группами, кочующими не по линии передвижения кочевого совета», через особых уполномоченных. Каждый совет должен был «иметь два временных местопребывания на летних и зимних стоянках основной массы населения, а остальное время передвигаться с основной массой кочевого населения». Работу советы вели на родном языке населения. Аналогичную специфику находим и в «Положении» о кочевых судах: «время суда устанавливается с учетом всех местных условий, причем всячески должны быть использованы общие собрания граждан, ярмарки, массовый приезд на фактории и т. п.». К проступкам, подведомственным судам, было отнесено, между прочим, «удаление роженицы из дома в опасное для жизни и здоровья матери и ребенка место» и пр.

«Положение» об окружных органах проникнуто особой заботой о северных народностях. Специальные нормы представительства на Всероссийском Съезде давали возможность каждому округу послать на этот съезд не менее одного представителя; на окружных съездах обеспечивалось представительство всех малых народностей, соответственно их численности. Большие отличия от общих норм в таких вопросах, как советско-административное устройство, планирование, финансы, предоставляли национальным округам широкую самостоятельность и инициативу, оберегали от шаблонного отношения к ним вышестоящих органов, увеличивали их ответственность и значение в общей системе Советского государства. В своей совокупности черты эти, свойственные положениям об автономных областях, придавали объединениям малых народностей характер первичной формы национально-территориальной автономии.

¹ Округа: Остико-Вогульский (ныне Ханты-Мансийский), Ямальский (Ненецкий), Таймырский (Долгано-Ненецкий), Эвенкийский, Витимо-Олекминский (Эвенкийский впоследствии упразднен), Чукотский, Корякский, Охотский (Эвейский, впоследствии упразднен). Районы: Катангский (Восточно-Сибирский край), Зейско-Учурский и Джелтулакский (Дальневосточный край), Анабарский, Булунский, Вильямско-Мархинский, Тулуканский и Жигашский (Якутская АССР).

² Собр. узакон. и распор. 1932 г., № 39, ст. 176.

³ Там же, 1933, № 49, ст. 209; № 54, ст. 241.

Национально-территориальное районирование Крайнего Севера ознаменовало новый этап развития советской власти на громадной территории, создание на самых отдаленных окраинах опорных пунктов Советского государства, осуществлявших социалистическое переустройство. Районирование открыло новую страницу в истории национального строительства у малых народов. Образование самостоятельных районов, объединивших распыленные ранее родовые советы, а для многочисленных народностей (ненцев, хантов и манси, эвенков, чукчей, коряков) — округов, охватывавших разрозненные «туземные районы», уничтожило административную чересполосицу.

Национальное районирование ликвидировало унаследованную от прошлого разобщенность малых народностей от остального, в массе русского, населения Севера, объединило северные народности со всеми другими жителями в общем деле социалистического строительства, усилило культурное влияние русского народа. С организацией национальных объединений увеличилась помощь Советского государства малым народностям. Высшие правительственные органы РСФСР и СССР уделяли неизменное внимание и громадные материальные средства национальным округам и районам.

Национальное районирование сопровождалось значительным общеполитическим подъемом малых народностей, выразившимся, в первую очередь, в росте партийных организаций. Уже при первых выборах в советы по новому «Положению» наблюдался прилив в партию лучших представителей северных народов. Известны характерные случаи, когда вновь избранные советы в своем полном составе заявляли о желании вступить в ВКП(б). А с образованием новых, окружных и районных, партийных органов повсюду забила ключом партийная жизнь. Вырабатывались новые формы и методы работы, особенно сложной среди кочевников, создавалась широкая сеть первичных организаций, усилилась партийно-просветительская и массовая политическая работа. Партийные ряды пополнялись как местными работниками-активистами, так и возвращавшейся после учения молодежью, получившей общее и политическое образование в техникумах, на рабочих факультетах и т. д. К XVII съезду ВКП(б) партийные организации национальных округов и районов (кроме Якутии) насчитывали около 3500 членов и кандидатов партии, в том числе около 1200 представителей малых народов. В самых глухих, недавно еще недоступных тундрах появились коммунисты из числа местных жителей, занявшие авангардную роль в социалистическом переустройстве своих родных мест (68 ямальских ненцев, 42 жителя Таймыра, 156 коряков, 80 чукчей и др.). Ряды ленинского комсомола возросли к этому времени за счет народов Севера на 4200 человек.

Наиболее важным событием в области просвещения в этот период было создание письменности на языках малых народностей. Этому предшествовала большая работа по изучению языков, выполненная главным образом научно-исследовательской ассоциацией Института народов Севера. В 1932 г. были утверждены алфавиты, и началось издание литературы (на языках малых народностей) — учебной, массово-политической, детской и художественной. В окружных и районных центрах стали выходить газеты, доступные местному населению.

Создание письменности явилось мощным фактором дальнейшего культурного развития малых народностей. К 1934 г. было уже более 300 национальных школ с 44 тыс. учащихся (выше 60% детей школьного возраста); в некоторых национальных районах (Алеутском, Нанайском и др.) школой было охвачено 100% детей. К началу того же года общая грамотность малых народов поднялась до 30%, появилась районная сплош-

вой грамотности (Нанайский, Ульчский, Катангский и др.). Усилилась в эти годы подготовка национальных кадров. И в этом важнейшем деле, как и во всех областях социалистического строительства, направляющей и руководящей силой была Коммунистическая партия, оказавшая громадную помощь в практическом осуществлении задачи создания у народов Севера собственных кадров. Организационно-инструкторский отдел ЦК ВКП(б) в 1933—1934 гг. выяснил положение с кадрами во всех районах Крайнего Севера и разработал общий план подготовки национальных кадров для всех отраслей советской и хозяйственной работы. Общее количество учащихся в техникумах и институтах народов Севера достигло около 900 чел. В Ленинградском институте народов Севера было 400 студентов. С 1931 г. по 1937 г. институт выпустил 206 специалистов из среды малых народностей Севера. Многие из них стали впоследствии государственными деятелями. Из его стен вышли первые писатели и ученые.

Конституция СССР открыла новую главу в истории малых народностей. Она завершила разрешение ранее поставленной важнейшей задачи о приближении новой власти к массам. Изменился состав Советов, в основном ставший национальным.

Отсталые в прошлом северные народности полностью приобщены к государственной жизни страны. Через Совет Национальностей они участвуют, наравне с другими, в законодательной деятельности, в образовании Президиума Верховного Совета, Правительства и Верховного Суда и т. д.

Неизменное внимание к малочисленным и отсталым народностям нашло яркое отражение в избирательном законе 1937 г., предусматривавшем представительство в Совете Национальностей каждого национального округа независимо от численности его населения. «Положение о выборах» стремится приспособить всю процедуру к специфическим особенностям этих народов, дать им реальную возможность осуществить свои права по Конституции.

Уже первые выборы 1937 г. показали активность, организованность и культурный рост малых народностей Севера. С тех пор дни выборов и открытия новых сессий Верховного Совета стали у народностей Севера популярными праздниками. Они знаменуются перевыполнением производственных планов, принятием новых социалистических обязательств. В эти дни происходят любимые населением спортивные состязания и олимпиады художественной самодеятельности, устраиваются оленьи и собачьи бега. Чукчи, коряки, эскимосы и эвенки Камчатской области в своем приветствии первой сессии Верховного Совета в январе 1938 г. писали: «Впервые в истории в верховном органе власти будут решать государственные вопросы бывшие пастухи северной тундры чукча Тывланто и коряк Обухов».

Успехи национального строительства у малых народов неразрывно связаны с общей политикой Советского государства в области размещения производительных сил страны. Национальное районирование Севера создало прочную основу для разрешения важнейшей национально-политической и народнохозяйственной задачи ликвидации отсталости бывших окраин, задачи, неоднократно подчеркнутой решениями партийных съездов (Х, XII, XV, XVI, XVII). Пятилетние планы уделяли много внимания подъему северных окраин, и годы их исполнения совершенно преобразили облик Крайнего Севера.

Большие изменения, произошедшие в состоянии Крайнего Севера и во всей жизни малых народностей, явились предпосылкой для коренной социально-технической реконструкции их хозяйства. Коллективизация

происходила с учетом особенностей хозяйства, быта, общекультурного состояния малых народностей. Господствующей формой колхоза в начальном периоде (1928—1932 гг.) было простейшее производственное объединение (ППО), равнозначающее по социальному содержанию ТОЗ (товариществу по совместной обработке земли) в русском крестьянском хозяйстве. Основой ППО являлось объединение промысловых угодий и коллективное их использование без обобществления средств производства. В оленеводческом хозяйстве ППО создавались для совместного пользования оленей. Временный характер объединения, отсутствие обобществленного имущества, распространение коллективного труда лишь на одну отрасль, а не на все комплексное хозяйство — таковы отличительные черты первых ППО.

ППО стали крепнуть, превращаться в постоянные и охватывать все отрасли труда. Появились так называемые смешанные ППО. Возникли новые источники дохода — второстепенные промыслы (дичь, ягоды, ореха и др.) и заработка (извоз, лесозаготовки). Бригадная организация труда и применение новых, более совершенных средств производства (неводов, пловучих средств, капканов и пр.) повысили производительность труда. Увеличивалось благодаря лучшему выпасу олениное поголовье. Возросла доходность и товарность. Создавались в результате обобществления части доходов неделимые фонды.

К 1932 г. относятся важнейшие директивы ЦК ВКП(б) (от 22 и 26 июня и 1 сентября 1932 г.) о коллективизации среди малых народностей и появление на их основе «примерных уставов» (литигрального кооперативного товарищества и других отраслевых товариществ, а также северной смешанной промысловой артели), окончательно определивших социально-экономическую природу и юридическое положение колхозов.

Дальнейшее строительство колхозов разыгрывалось в двух основных формах — товарищества и артели. Артели создавались в более освоенных, хозяйственном и политически окрепших районах, обычно южных (тасжевых) и приморских, в большинстве у оседлого промыслового населения. В северных, тундровых и внутренних районах, в соответствии с общим более низким уровнем развития, преимущественно у кочевых оленеводов, основной формой оставалось товарищество (ППО). Но по мере своего хозяйственного укрепления и развития района они переходили на устав артели.

Колхозный строй складывался в обстановке сопротивления эксплуататорских элементов, принявшего особенно острые формы у оленеводов тундры. Одним из сильнейших средств в борьбе была попрежнему экономическая политика. Сосредоточение товарооборота в социалистической секторе изменило социальное содержание товарных связей местного хозяйства, ликвидировало зависимость его от хищника — торгового посредника. Классовая линия в снабжении и землеустройстве, широкое применение твердых заданий и контрактаций окончательно вытеснили и изолировали былие эксплуататорские группы. Видное место в окончательном наступлении на них заняли кочевые общественные суды и кочевые советы, которые в лице местных активистов строго защищали интересы трудящихся. Практика печенецких, хантыйских, эвенкийских, корякских судов показывает, что они расторгали кабальные сделки богачей с беднотой, часто вскрывали бытовую эксплуатацию и т. д. Широко практиковалось лишение нетрудовых элементов избирательных прав и нагнание их из советов.

К 1939—1940 гг. было коллективизировано в среднем около 75% хозяйств малых народностей (от 98% в Эвенкийском национальном

округе до 42.1% в Чукотском). Социалистический уклад стал, таким образом, господствующим на Крайнем Севере.

Социалистическая реконструкция хозяйства сильно изменила технику старых, исконных промыслов народностей Севера: охоты, рыболовства и олениеводства. Преобладающие ранее устарелые ружья (шомпольные, кремневые, пистолетные) сменились усовершенствованным патронным оружием центрального боя и специально созданными для малых народов пирами типами ружей. Реконструирована арханская пасть — основное орудие песцового промысла: современная «корытная пасть» защищает добычу от хищников. Появились новые приборы — ящичные ловушки, повсюду распространены железные капканы. Особенно улучшилась техника рыбного лова. Широко применяются эффективные сетеснасти (в том числе крупные неводы), редко встречавшиеся в прошлом у малых народов. Механизирована неводная тяга, промыслы обслуживаются самоходным флотом. Морской зверобойный промысел оснащен китобоящими «пушками», гарпунными и нарезными ружьями, рульмоторами и вельботами. Заметную роль в основных отраслях играют уже не самодельные, а привозные, более совершенные средства производства. Почти исчезли архаические орудия, лук и стрелы, коньи, и различные экономически нецелесообразные или предоносные приборы, давящие и ущемляющие зверька ловушки, запоры и др. Хотя повсюду пользуются еще и старыми орудиями добычи, но решающее значение в промыслах приобретают уже новые. Особенно это относится к рыболовству.

Большое распространение получил механизированный водный транспорт: катера, моторные лодки; вместе с тем повсюду бытуют старые средства передвижения: лодки-долбленики, ветки и баты, берестиновые оморочки и др. Незаменимый в условиях Крайнего Севера олешний и собачий транспорт сохранил свое значение, но наряду с ним применяются современные виды транспорта — вездеходы, самолеты, тракторы. Развивается сравнительно широко и конный транспорт.

Коллективные способы ведения олениеводческого хозяйства позволили существенно улучшить приемы выпаса, охраны и ухода за стадом. В олениеводство широко проникли неизвестные ранее зоотехника и ветеринария. Это привело к росту колхозных стад, снизило гибель оленей от болезней, бескормицы. Очень повысилась степень сохранения молодняка. Рост основных промыслов (сухопутной и морской охоты и рыболовства) был связан с использованием новых объектов промысла, с удлинением охотниччьего сезона, переходом к круглогодичному рыболовству, освоением новых угодий и т. д.

Весь хозяйственный комплекс у народностей Сибири испытал заметный подъем. Восстановление хищнических истреблявшихся до революции естественных ресурсов, акклиматизация и реакклиматизация ценных промысловых видов, плановое нормирование добычи вызвали рост основных промыслов: рыболовства, сухопутной и морской охоты. Расширился рыбный промысел у тех народностей, у которых он ранее был случайным и малозначащим (у эвенков, чукчей, эскимосов); у других он стал из второстепенного основой хозяйства (у отдельных групп ненцев, кетов, долганов). Приобрела значение мало развитая в прошлом у некоторых народностей пушная охота (у чукчей, чувашцев, эскимосов). Во многих северных колхозах возникло пушное звероводство. Развились у всех обитателей тайги второстепенные добывающие промыслы — ягодный, ореховый, совершенно отсутствовавший раньше сбор грибов и лечебно-технического сырья. Появились и другие постоянные источники денежного дохода: работа на предприятиях и в учреждениях, грузоперевозки, различные ремесла.

Примечательно развитие сельского хозяйства, хотя и в очень ограниченных размерах. У большинства народностей эта отрасль возникла только после революции. Впервые узнали его чукчи, некоторые коряки, печенцы, селькузы, кеты, эвенки и эвены, орохи, удэгейцы и др. Изменились технический уровень и экономическое значение сельского хозяйства, которое местами механизировано и дает доход. У некоторых групп хантов, манси, эвенков, нацицев, ульчей и др. оно стало иметь существенное значение. В отдельных национальных и ульчских колхозах появились даже плодоводство и пчеловодство.

Изменилась и самая природа комплексности хозяйства. В прежних условиях недифференцированное комплексное хозяйство малых народов свидетельствовало о неразвитой ступени производства, о беспадежности источников существования, о примитивном натуральном укладе хозяйства. В новых советских условиях комплексное хозяйство отражает всестороннее развитие производительных сил в социалистическом хозяйстве: рост доходности и товарности свидетельствует о распаде натурального уклада.

Подъем хозяйства малых народностей Севера обусловлен изменениями не только в технике, но и в организации труда. Коллективизация сделала возможной правильную расстановку сил в комплексном хозяйстве в форме постоянных специализированных бригад. Новая техника и организация труда снизили громадную в прошлом трудоемкость производства. Крупные орудия лова и механизированные пловучие средства понизили затраты труда в рыболовном и зверобойном промысле.

Те же результаты дала реконструкция оленеводческого хозяйства.

Повысилась общая культура труда. Требующая четкости работа новыми орудиями труда, в частности механизированными, приобщила население к сложным трудовым процессам. Совместная с русскими рабочими и крестьянами деятельность на рыбных промыслах, лесозаготовках, в смешанных колхозах привила новые производственные навыки и оказала большое организующее и дисциплинирующее влияние.

Постоянным повсеместным явлением стали новые социалистические формы труда. Социалистическое соревнование возникло внутри бригад, затем распространилось на целые бригады, колхозы, сельские и кочевые советы, районы. Большую популярность завоевали ударничество и соревнование в пушном промысле.

Техническое перевооружение, рациональное распределение рабочей силы и новое отношение к труду вызвали значительный подъем производительности труда, а вместе с тем повысили и заработки колхозного населения. У малых народностей появились зажиточные колхозы.

Замкнутое в прошлом хозяйство народностей Севера связано теперь неразрывными узами с общесоветским народным хозяйством и его товарооборотом. Сильно возросла товарность рыболовства, которое было в прошлом, за редкими исключениями (у народов Оби, Амура, отчасти Енисея), чисто потребительским. Отличавшиеся в прошлом исключительно низкой товарностью оленеводство и морская охота дают в настоящее время товарную продукцию.

Одновременно возросло приобретение населением самых разнообразных привозных товаров, свидетельствующее о ломке всего сложившегося веками жизненного уклада.

Социально-экономические изменения в хозяйстве малых народов обусловили переход кочевого населения на оседлость. Уже в годы простейшего производственного кооперирования наблюдалось местами уменьшение так называемого бытового кочевания. Отвод при землеустройстве удобно расположенных угодий, усиление совместного выпаса мелких

стад, обслуживание передвигающихся охотников и настухов уменьшили и размеры кочевок и контингент их участников.

Важнейшей задачей было преобразование хозяйственной базы населения путем интегрирования новых оседлых и прежних кочевых занятий. Это выразилось в развитии отраслей, связанных с оседлостью (рыболовного, зверобойного промысла, сельского хозяйства), при одновременном сохранении старых, вызывавших кочевание (оленеводство, охота). Решающая роль принадлежала землеустройству, такой организации территории, которая сочетала все необходимые для комплексного колхозного производства угодья (охотничьи и оленно-пастбищные, с одной стороны, рыболовные, зверобойные, сельскохозяйственные — с другой).

Социальное содержание процессов оседания в дореволюционное время и в советскую эпоху совершило различно. В дореволюционное время переход на оседлость был обычно следствием разорения, потери оленей, возвратом к чисто промысловому производству. В условиях колхозного хозяйства это связано с более интенсивным и широким использованием природных ресурсов, с переходом к высшему уровню развития производительных сил, с общим подъемом хозяйства и культуры.

В середине 30-х годов началось, по инициативе колхозников, «тягивание» мелких поселков, укрупнение старых и образование новых селений. В результате этого движения оседлого и оседания кочевого населения появилось много новых, крупных (по северным масштабам) населенных пунктов.

Многие старые населенные пункты совершенно изменили свой облик. В них проложены улицы, правильными рядами стоят новые дома. В крупных колхозных центрах выстроено много общественных зданий: школы, больницы, клубы, пекарни, магазины, в результате чего эти поселки стали похожими на русские села.

Повсюду возникли колхозы, в состав которых вошли представители различных этнических групп. В колхозах Нижне-Колымского района объединены чукчи, эвенки, юкагиры, якуты; ненецкие колхозы включают хозяйства хантов, манси, коми, селькупов и др.; много смешанных по своему этническому составу колхозов возникло на Амуре и в других районах Сибири. Повсеместно в национальных колхозах Севера работают русские. Это свидетельствует о ликвидации былой племенной разобщенности, сопровождавшейся иногда недоверием и враждой, о возникшей дружбе между соседствующими народностями.

С оседанием и возникновением новых селений связано появление нового типа жилища. Наиболее распространена теперь русская рубленая изба в разных ее вариантах. На первых порах встречались разные переходные типы, связанные с изменениями старого жилья, с использованием нового материала или новым его устройством. Эти улучшения были вызваны стремлением населения приспособить старое жилище к новым требованиям. Так, в старой бревенчатой юрте хантов, манси и нарымских селькупов чувал сменился русской печью, появились деревянный настил на земляном полу, дощатый потолок и т. д.

На Амуре, паряду с новыми домами и сохранившимися старыми, встречалось причудливое сочетание старого и нового жилища: пристройка новой избы к старому жилью при одной входной двери. На новой половине жило молодое поколение, на старой доживали век старики. Так и эвенки ставят передко рядом с новым домом летний чум.

Любопытные формы наблюдаются у чукчей и эскимосов. Спальное меховое отделение яранги («полог») обтягивается матерней, устраиваются в нем окна и вытяжное отверстие для вентиляции.

У сохранивших кочевой быт малоземельских иенцев, иганасаев, яицев и некоторых эвенков распространились так называемые парчевые чумы с окнами, крашеным деревянным полом, железной печью и т. д.

Стремление улучшать бытовые условия сказывается в изменении всего устройства жилища, начиная от его отопления и освещения и кончая внутренней обстановкой. Характерно при этом, что, изменения условия своей жизни, население старается, особенно на первых порах, сохранить наиболее привычные и важные в быту части старой обстановки. Именно поэтому легче и скорее всего прививались те новые элементы, которые более близки к старому укладу. Так получили распространение повсюду матерчатая палатка и маленькая переносная печь из листового железа с выведенной наружу трубой, напоминавшие по своему устройству в простоте первая — обычный разборный чум, а вторая — приличный костер-очаг. Вместе с новым жилищем изменяется и внутренняя обстановка: появляются кровати, мебель, утварь, посуда, предметы культурного обихода (умывальники, стенные часы, зеркала, музыкальные инструменты, радиоприемники).

Что касается хозяйственных построек, то паряду с новыми, связанными в основном с развитием сельского хозяйства (кошоны, скотные дворы, овощехранилища), сохранились старые амбарушки, шайбы и прочие сооружения на столбах, весьма удобные в северных условиях и столь же распространенные среди русских старожилов.

Резко изменилось питание. Подобающее место в нем заняли, кроме мяса и рыбы, хлеб и мучные изделия, крупа, масло, соль, сахар, кондитерские изделия, собственные овощи и молоко. Население восприняло также новые способы приготовления пищи и консервирования продуктов питания. Ичезают и старые ограничения в пище, связанные с существовавшими ранее запретами.

Совершенно новое явление у малых народностей — общественное питание, развивающееся главным образом в сезонных рыболовецких, оленеводческих, охотничьих и полеводческих бригадах.

Внешние перемены в быту оказались и в одежде, получившей новые материалы и покрой. Широкое проинновение современной городской одежды вызывалось прежде всего ее большими преимуществами сравнительно с прежней: прочностью, удобствами в носке, дешевизной и т. д. Качества эти сильно сказались, между прочим, при переходе в новое жилище, где многие старые виды оказались неудобными и непрактичными. Именно этим объясняется большая популярность индюкака, брюк, особенно русской рубахи (косоворотки), кепи, головного платка. И, наоборот, новые вещи, почему-либо неудобные или резко несоответствующие требованиям и привычкам населения, прививаются меньше. Примером служат такие типы верхней одежды, как шубы, полушубки, длинные, ниже колен, пальто, неудобные и при ходьбе и при езде. В одежде особенно наглядно проявляется сочетание новых и старых форм. Повсюду паряду с большим распространением нового костюма сохраняется и старый, самобытный. Это относится в первую очередь к верхней зимней одежде населения тундры, по своему покрою (глухая, без продольного разреза, одевающаяся через голову) и материалу (меховая) прекрасно приспособленной к суровому климату Севера. Старые типы меховой и кожаной обуви, удобной, легкой и теплой, без каблуков, с мягкими голенищами и подошвой, приспособленные к местным условиям и промысловой деятельности, не только сохраняются у народностей Севера, но и широко бытуют среди русского населения.

Неправильно было бы считать, что переход к новому быту происходит легко. Столкновение старого с новым, исконных привычек с новыми

и часто непонятными] явлениями происходил порой очень болезненно. Изменения в технике, менее консервативной, чем был, совершились скорее. Нелегко, в частности, кочевникам было приспособиться к оседлой обстановке. Исконные охотники (такие, как, например, эвенки и энцы) не представляли себе, как можно постоянно жить на одном и том же месте. Вызывало недоумение, откуда возьмутся дрова, если изведешь весь сушник около дома и не будешь передвигаться дальше по тайге, как добудешь зимой воду, если в одном постоянном месте поселится много народа. Перейди в настоящие дома, кочевники нередко покидали их и возвращались в старое жилье. Смутили их и замкнутое степами пространство, и размеры нового жилья, и отсутствие привычного костра. Трудно было привыкнуть пользоваться столами, табуретами, кроватями или парами. Бывали в те годы случаи, когда в новых домах прорубали пол для устройства костра и над ним выходное отверстие для дыма.

Нелегко воспринимались на первых этапах навыки личной гигиены, пользование баней, ношение нижнего белья, его стирка, замена древесных стружек и мха полотенцами и т. п.

С повышением культурного уровня началось оздоровление жилища. Энергичную деятельность в этом направлении проявила местная общественность и молодежь. Особенно большую роль сыграли созданные повсюду женские советы, ставшие пропагандистами и проводниками нового быта. Трудно переоценить ту помощь, которую оказали местному населению русские люди, не только служившие примером, но и непосредственно принимавшие участие в переустройстве быта народностей Севера. Разъяснения о необходимости чистоты, периодические обходы населения, соревнование, конкурсы на лучшее жилище помогли навести порядок в доме и благоустроить поселки.

Социалистическая реконструкция хозяйства, коренные изменения в быту были неразрывно связаны с общим подъемом культуры народностей Севера. Уже в предвоенные годы школьная сеть широко охватила не только оселое, но и значительную часть кочевого населения самых отдаленных уголков Севера. Получившие общее и специальное образование национальные кадры стали активными проводниками новой, социалистической системы во всех областях хозяйственного и культурного строительства. Политическая активность трудовых масс народностей Севера неизмеримо выросла. Уже в годы, предшествующие Великой Отечественной войне, из среды народностей Севера выдвинулись талантливые общественные деятели, писатели и поэты. На многих языках народов Севера были переведены произведения классиков марксизма-ленинизма, художественные произведения русских классиков и советских писателей. Появилась значительная переводная, политico-просветительская и научно-популярная литература. Все это в корне подрывает основы старой идеологии, прежних религиозных представлений. Проникновение новых явлений и знаний расширяет умственный кругозор людей. В советских условиях постепенно исчезают родовая ограниченность и консерватизм, чуждые социалистическому обществу.

В сознании северных народностей твердо укрепилось понятие советского государства, социалистического отечества и своего гражданского долга перед ним. Это сказалось еще в период первых пятилетних планов и в начальные годы действия Конституции СССР и проявилось в полной мере в грозные годы Великой Отечественной войны.

Отдельные группы населения давно уже добивались у местных властей права исполнять почетную обязанность — служить в Красной Армии. При обсуждении проекта Конституции СССР это стремление стало масштабным. Так, третий чрезвычайный съезд советов Ямalo-Ненецкого наци-

нального округа постановил «просить правительство призывать в ряды Красной Армии ненцев и хантов, живущих на Крайнем Севере. Мы, ненцы и ханты, желаем вместе со всеми народами Советского Союза защищать с оружием в руках свою родину».

Великая Отечественная война явилась для народностей Севера, как и для всех народов нашего многонационального государства, временем испытаний и героического труда.

Многие представители народов Севера сражались в рядах Советской Армии на разных участках фронта. Тут они проявили замечательные качества охотников-следопытов: искусство ориентироваться в любой природной обстановке и незаметно подкрадываться, беспримерную выносливость, мужество, хладнокровие и находчивость, исключительную меткость и высокое мастерство стрельбы. Ударники пушного промысла стали на фронте прекрасными разведчиками, лыжниками, снайперами. Из глухой тайги и далеких тундр отправились защищать свою родину сотни представителей малых народностей Севера. Многие никогда не выходившие за пределы своего совета жители Севера дошли в рядах Советской Армии до самого Берлина. Они защищали Ленинград, участвовали в освобождении Украины, Румынии и Венгрии, сражались на Дунае и на Шарее. Летописи войны упоминают выдающиеся подвиги уроженцев далекого Севера, неоднократно отмеченные высокими наградами.

Велики были и трудовые подвиги народностей Севера в тылу. Производительность труда достигла в колхозах небывалых размеров, и национальные районы дали стране большое количество продуктов питания, промышленного сырья, экспортной пушнины. На промысел выходили в полном составе целые семьи. Во многих, в том числе и запретных для них ранее, отраслях труда появились впервые женщины. На Амуре они охотились парные с мужчинами, чукчанки и эскимоски промышляли моржа и кита; среди ненецких пастухов было большинство женщин, среди обских рыбаков их было до 70%. Вернулись на промыслы глубокие старушки. Дети участвовали в пушнине, в весенне-летней пушной охоте, работая на полях и в костерезных мастерских, собирали ягоды и грибы. Больших размеров достигла добровольная помощь фронту.

Послевоенные годы социалистического строительства ознаменовались в национальных округах и районах Севера дальнейшим развитием хозяйства и культуры. Это были годы дальнейшего укрепления колхозного строя, развития всех отраслей северного хозяйства, роста новой техники.

Дальнейшее техническое оснащение рыболовецкого промысла, создание новой сети моторно-рыболовецких станций, обслуживающих колхозы современной техникой, строительство различных предприятий рыбной промышленности — все это повысило товарное значение рыболовства, сделало эту отрасль хозяйства, еще недавно носявшую преимущественно потребительский характер, одним из важнейших источников колхозного дохода в ряде национальных колхозов Севера.

Одновременно с дальнейшим укреплением колхозного хозяйства в ростом колхозных доходов продолжают расти доходы колхозников. Годовой денежный заработок колхозника в 20—30 и более тысяч рублей в год — частое явление в колхозах различного направления.

Все шире разрастаются и благоустраиваются многочисленные северные населенные пункты — центры хозяйственной и культурной жизни колхозов. В послевоенные годы выросло много новых благоустроенных поселков в самых отдаленных районах. На Севере имеются сейчас целые районы, где колхозные поселки электрифицированы и радиофилированы.

Налицо новые успехи и в области культурного строительства. В центрах национальных округов действуют сейчас не только общеобразовательные средние школы, но и техникумы, различные курсы, где готовятся национальные кадры для различных областей хозяйства Севера. Создана широкая сеть школ колхозных кадров, готовящих квалифицированных работников сельского хозяйства, животноводов, оленеводов и др.

Значительно увеличилось число представителей народов Севера, получающих высшее образование в различных вузах страны. В Ленинграде на северном отделении Педагогического института им. А. И. Герцена учатся представители почти всех народов Севера. Талантливая молодежь обучается в художественных школах.

Успехи, достигнутые отсталыми в недавнем прошлом малочисленными народами Севера во всех областях хозяйства и культуры, наносят со-крушимый удар расистским теориям об обреченности таких народов самой историей на вымирание, разоблачают лживость «теории» буржуазной науки о том, что эти народы неспособны якобы подняться на более высокую ступень развития и догнать «цивилизованные» народы. Эти человеконенавистнические «теории», призванные оправдать империалистическую политику колониального угнетения и расовой дискриминации, глубоко проникают в современную реакционную буржуазную этнографию.

Национальное строительство у малых народов Севера занимает почетную страницу в истории Советского государства. Вместе с тем это замечательный пример торжества национальной политики Коммунистической партии. Исторический цуг народов Севера, переживших в условиях победы пролетарской революции грандиозный скачок от архаических форм хозяйства и общественной организации к социализму, знаменует собой торжество марксистского учения о судьбах отсталых народностей в условиях социалистической революции и победы пролетариата.

Само собой разумеется, что в практике социалистического строительства у малых народностей Севера были, есть и еще будут значительные трудности и недостатки, преодоление которых является постоянной и насущной задачей. Это наблюдается, например, в некоторых местах в таких важных областях переустройства, как ликвидация распыленности населения и укрупнение селений, как переход к оседлому образу жизни и развитие новых отраслей хозяйства и т. д. Мы не ставили себе цели описать все затруднения такого рода, поскольку они носят временный, преходящий характер и не являются типичными. Мы пытались сосредоточить внимание на главном — охарактеризовать в общих чертах тот замечательный путь социалистического переустройства жизни крайне отсталых в прошлом народностей, который они совершают, минуя капиталистическую стадию развития, и показать наиболее выдающиеся результаты этого процесса, имеющего важное историческое значение.

